

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция**

**УНАСЛЕДОВАННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
СТРУКТУРЫ И ПЕРЕХОД
К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ**

Москва – 2007

ББК У04
УДК 338:91

**Сборник издан при поддержке
РГНФ – грант 07-02-14006 и
Отделения наук о Земле РАН**

**Утвержден к печати
Ученым Советом Института географии РАН
30 октября 2007 г.**

ПАМЯТИ ЮЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ЛИПЕЦА (1931–2006)

В сборник вошли материалы XXIV ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества, проведенной в г. Иваново в мае 2007. Большая часть статей посвящена проблеме перехода территорий различного уровня к постиндустриальной стадии развития. Выявлено, что унаследованные территориальные структуры, их «набор» и интегрированность, определяют реальность перехода и скорость «движения».

Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. Москва, ИГ РАН, 2007 г. — стр. включая карты и рисунки

Научные руководители: *д.г.н. С.С. Артоболевский,
к.г.н. Л.М. Синцеров*

Редактор-составитель и подготовка оригинал-макета:
Корнилова Т.А., Палилов Д.Е.

Рецензенты: *доктор географических наук В.А. Колосов,
доктор географических наук А.И. Трейвиш*

© Институт географии, 2007
© Авторы статей, 2007

ISBN

Предисловие

Инерционность структур территориальных, по сравнению с отраслевыми, отмечалась многими географами. Именно унаследованные той или иной территорией «богатства» и определяют уровень ее развития, стабильность современного социально-экономического положения. Передовые районы, депрессивные и слабообразованные — все они обладают значительным накопленным «богатством», но сильно отличаются по уровню развития и качеству жизни населения. Критическое значение приобретает возраст накопленных территориальных структур и их востребованность. Специализация на угледобыче, некогда способствовавшей процветанию района (на этапе промышленной революции и какое-то время после ее завершения), во второй половине XX в. становится главным препятствием на пути его развития. Примеры такой ситуации можно найти и в Великобритании, и в СССР/РФ.

Циклы Н.Д.Кондратьева (с их двумя волнами — повышательной и понижательной) в целом соответствует смене основных исторических типов накопленных структур, которые чаще возникали на новых территориях, чем заменяли своих предшественников в ареалах их сосредоточения. Впрочем, вполне благоприятных для территории сюжетом была и интеграция «разновозрастных» структур.

Особую остроту проблема позитивного и негативного территориального воздействия унаследованных территориальных структур приобрела на нынешнем этапе перехода «передовых» территорий к постиндустриальной стадии развития. Последняя определяется не только количественными, но и качественными показателями. Сам по себе высокий удельный вес сферы услуг еще не гарантирует постиндустриальность территории. Принципиальное значение имеет внутренняя структура сферы услуг, ее экспортность, соответствующая квалификация рабочей силы и т.д.

Накопленный в прошлом «капитал» проверяется на востребованность, которая определяет состояние территории и ее перспективы и, прежде всего, ее социально-экономическую устойчивость. Так в РФ многие центры черной металлургии процветают, но перспективы их развития однозначно не определишь.

Предлагаемый читателям сборник состоит, преимущественно, из текстов докладов, сделанных на 21-сессии Географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества, прошедшей в мае-июне 2007 г. в г. Иванове. Представленные статьи весьма различны по изучаемым территориям, глубине, тематике исследований, использованным методам... Но суммарно они достаточно репрезентативно отражают основные проблемы перехода территорий различного уровня к постиндустриальной стадии развития. Точнее, они определяют саму возможность этого перехода и период необходимый для его осуществления. Именно унаследованные территориальные структуры (их «набор» и интегрированность) и определяют реальность перехода и скорость «движения».

Хочется надеяться, что данный сборник привлечет внимание не только географов, но и специалистов из смежных отраслей знаний (экономики, социологии, градостроительства и т.д.).

Этот сборник — первый из вышедших в свет после смерти Ю.Г. Липеца и посвящен его памяти, памяти известного учёного, нашего товарища и коллеги, энтузиаста и бессменного организатора ежегодных сессий экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества. Друзья и коллеги постараются не нарушать установленный им график — ежегодное проведение Сессии и выход в свет Тома.

Глава 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Логинова Н.Н.

Россия и ее регионы в постиндустриальном обществе

Теория постиндустриального общества является сегодня одной из наиболее распространенных социологических концепций. Она была предложена в конце 60-х — начале 70-х гг. американскими и европейскими исследователями.

Истоки понятия «постиндустриальное общество» вряд ли могут быть определены с достаточной точностью. Однако можно констатировать, что в 1959 г. профессор Гарвардского университета Д.Белл, выступая на международном социологическом семинаре в Зальцбурге (Австрия), впервые употребил понятие постиндустриального общества в широко признанном теперь значении — для обозначения социума, в котором основной производительной силой становится наука. Д.Белл дал следующее определение постиндустриального общества: «Постиндустриальное общество это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [1].

С середины 1970-х гг. появились более частные термины, подчеркивающие одну или несколько важнейших тенденций в социально-экономическом развитии. Наиболее широкое признание получили такие понятия, как «информационное общество», «организованное общество», «конвенциональное общество», «программируемое общество». На наш взгляд, понятие «постиндустриальное общество» оказывается удачным, прежде всего, с точки зрения приемственности, так

как оно формируется на индустриальной природе прежнего способа производства.

Основоположники теории искали новые характерные черты зарождающегося постиндустриального общества в развитых странах Запада. Подавляющее большинство исследователей называли в качестве его главных признаков — ускорение технического прогресса, снижение роли материального производства, развитие сектора услуг и информации, изменение мотивов и характера человеческой деятельности, появление новых ресурсов, модификацию всей социальной структуры. Проанализировав процесс индустриального развития стран, исследователи пришли к выводу, что становление нового общества пришлось на период с начала 1970-х до конца 1980-х гг., хотя отдельные тенденции (например, динамика занятости, обеспечивавшая доминирование сферы услуг над материальным производством) стали формироваться сразу после Второй мировой войны.

Каковы особенности становления постиндустриального общества в России?

На протяжении последнего столетия история отечественной экономики — это череда радикальных хозяйственных потрясений, хотя стремление руководства было одно — ускорить ее развитие. Важнейшим периодом в развитии советской экономики стала индустриализация 30-х гг., резко изменившая структуру валового национального продукта и занятости. Советский Союз стал крупнейшей индустриальной державой. Победа во Второй мировой войне, быстрое восстановление народного хозяйства, создание ядерного оружия, успехи в освоении космоса — все это давало возможность определить советскую экономику как находящуюся на стадии зрелого индустриализма, с научной организацией труда, инвестициями и хозяйственным ростом. С 1960 по 1985 гг. валовой общественный продукт и национальный доход в СССР выросли почти в 4 раза, объем произведенной промышленной продукции — почти в 5 раз, а совокупные производственные фонды — в 7 раз. СССР занимал первое место в мире по производству газа, стали, кокса, минеральных удобрений, тракторов, железобетонных конструкций и целого ряда других сырьевых и промышленных товаров [2].

Начиная с середины 1950-х, наблюдался быстрый рост всех показателей, характеризующих развитие науки и образования. Можно было сказать, что в стране были созданы необходимые предпосылки перехода к постиндустриальной фазе развития. Однако 1970-е и 1980-е гг., которые в западных странах ознаменовались быстрым развитием новых производственных технологий, стали в СССР эпохой

«застоя», периодом консервации. А перестройка и последовавшие за ней события продемонстрировали, что индустриальная модель, не опирающаяся на общество массового потребления, не может стать фундаментом для постиндустриальной трансформации.

Первый этап преобразований (1985–1995 гг.) привел к радикальным хозяйственным реформам. Основная цель — интеграция в мировое сообщество, диалог с Западом, демократизация общественной жизни и переход к социально ориентированной рыночной экономике. Важнейшими результатами стали отказ от государственнической хозяйственной модели, допущение свободной конкуренции, построение основ рыночной экономики. Но первые же годы реформ, обнаружили слабость советской экономики. Если стоимость машинотехнической продукции в экспорте Японии, Тайваня, Южной Кореи и Гонконга превышала 90% то, в России она к 1995 г. составляла не более 7,5% и по данному показателю в экспорте, Россия заняла 50–55 место в мире [3].

Россия и другие постсоветские государства стали увеличивать экспорт энергоносителей и сырья, что прямо противоречит всем постиндустриальным тенденциям. К началу 90-х годов Россия обеспечивала 12% мирового производства нефти, 13 — редких и цветных металлов, 16 — калийных солей, 28 — природного газа, 55 — апатитов. Экспорт на 80% состоял из продукции добывающих отраслей или первично переработанных полезных ископаемых. В то время как постиндустриальный мир вывозил информационные продукты и услуги. Россия поставляла на экспорт 90% алюминия, 80% меди, 72% минеральных удобрений, 43% сырой нефти и 36 газа [4]. Произошла очевидная деиндустриализация российской экономики.

Экономический кризис первой половины 1990-х гг. был усугублен финансовыми потрясениями. Обесценение национальной валюты приняло катастрофические масштабы. Государство фактически отказалось от погашения своих денежных обязательств перед работниками бюджетной сферы и целым рядом промышленных предприятий, что привело к ограничению спроса, падению промышленного производства и катастрофическому снижению уровня жизни населения на фоне роста социального неравенства. Обнищание значительной части населения сопровождалось кризисом системы социального обеспечения и здравоохранения. В 1992 г. в России началась естественная депопуляция и к середине 1990-х гг. средняя продолжительность жизни мужского населения снизилась до 58 лет.

С 1992 г. по 2007 г. естественная убыль населения в России составила почти 10 млн. чел. Россия входит в число 18 стран мира, в ко-

торых население убывает. К 2016 г. россиян станет меньше на 20 млн., а к 2050 г. — на 40 млн. чел. По прогнозу ООН численность населения страны не превысит 104 млн. чел. Согласно прогнозу, численность 81 из 89 субъектов федерации к 2016 г. уменьшится. Исключения — Москва, Республика Калмыкия, Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкарская республики, Республика Алтай, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятский АО. В среднем на одну женщину в РФ приходится 1,3 рождения при уровне, необходимом для простого воспроизводства населения в 2,15. В 2006 г. коэффициент рождаемости составил 10,4 ‰, коэффициент смертности — 15,2 ‰, коэффициент естественного оттока — -4,8 ‰. Характер рождаемости определяется массовым распространением малодетности, сближением показателей городского и сельского населения, откладыванием рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости, высоким уровнем разводимости. На 1000 браков в среднем регистрируется 700 разводов. Например, а 2004 г. было заключено 979,7 тыс. браков и 635,8 тыс. разводов.

Продолжительность предстоящей жизни в России — 65 лет. Женщины живут в среднем 72 года, а мужчины — 59 лет. Показатели продолжительности жизни в России хуже, чем в республиках Закавказья и Прибалтики. В Азербайджане в среднем живут 74 года, в Грузии, Эстонии и Литве — 72. Хуже, чем в России, лишь в Средней Азии.

«Шоковая терапия» привела к резкому падению денежных доходов населения, а надежды на их восстановление невелики. Разрыв в доходах стал огромным, а по значению коэффициента Джини впереди России находятся только страны Африки и Латинской Америки. Более 70% располагаемых доходов населения используются на приобретение продуктов питания и платежи за коммунальные услуги, что составляет наиболее высокий показатель среди всех европейских стран. Главный фактор резкого снижения жизненного уровня россиян — неадекватная оплата труда. Она перестала выполнять свои основные функции: воспроизводственную, экономическую и социальную. А граница бедности соответствует лишь уровню развивающихся стран. Почти половина граждан страны имеет доходы лишь 5-6 долл. в день, а 17,8% населения имеет денежные доходы ниже величины прожиточного минимума.

Уровень жизни населения существенно снизился во многих регионах России, в том числе и в Республике Мордовии. Табл. 1 показывает динамику величины коэффициента Джини в РМ. Разрыв между наиболее и наименее обеспеченным населением практически не сокращается. Перераспределение денежных средств складывается в пользу высокодоходных групп населения. В РМ очень низкая заработ-

ная плата и медленные темпы ее роста. В 2006 г. средняя заработная плата составляла всего 5 061 руб., тогда как средняя российская — 10 900 руб. В Мордовии сохраняется высокая дифференциация заработной платы, например, в финансировании, кредитовании, страховании — 8–10 тыс. руб., а в сельском хозяйстве — около 3 тыс. руб. [5]. Порядка 30% населения все еще находится ниже официально определенной черты бедности.

Таким образом, население в регионах, как и в целом в России, имеет различные ориентации и сильно поляризовано. Поляризация доходов влечет за собой дезинтеграцию общества, вызывает агрессию со стороны определенных социальных групп населения, особенно молодежи, приводит к массовому девиантному поведению. Усиливается криминализация общества, наблюдается рост потребления наркотиков и алкоголя. Из-за постоянных стрессовых нагрузок 60–70% здорового населения находится на грани психического срыва.

Численность экономически активного населения РФ в 2004 г. составляла 73,4 млн. чел. (51,0%), занятые в экономике — 67,4, безработные — 6,0 млн. чел. Уровень безработицы — 8,2%. [6]. Уровень экономической активности населения в трудоспособном возрасте в 2004 г. составлял 76,6%, занятости — 70,4%, безработицы — 8,1%, зарегистрированной безработицы — 2,6%, в то время как в 1992 г. соответственно: 84,2; 79,9; 5,1 и 0,8% [6]. То есть, уменьшилась численность экономически активного и занятого населения, и резко увеличилась безработица.

Безработица населения в трудоспособном возрасте устойчиво увеличивается с 1992 г., составив в 1998 г. 13,4%, затем в 2004 г. снижается до 8,1%. Уровень зарегистрированной безработицы растет и в 1996 г. составляет 3,6%, затем, в 2000 г. снижается до 1,5% и вновь увеличивается в 2004 г. до 2,6%. Уровень безработицы резко различается по регионам страны, например, в Центральном ФО — 4,6%, в Северо-Западном ФО — 6,0%, в Южном ФО — 15,4%, в Приволжском ФО — 7,8%, в Уральском — 7,5%, в Сибирском ФО — 10,0% и в Дальневосточном ФО — 8,8%.

В РМ происходило снижение уровня безработицы с 10,1% в 2001 г. до 7,0% в 2005 г., а зарегистрированной безработицы соответственно: с 2,0% до 1,5%.

Таким образом, итогом первого десятилетия реформ стал резкий спад базовых экономических показателей во всех регионах России, деиндустриализация экономики и падение жизненного уровня населения. К середине 90-х годов Россия опустилась до 23-го места в мировой классификации стран по размеру ВВП. Занимая 11,47%

Таблица 1

**Основные показатели дифференциации доходов населения
в РМ, %**

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Денежные доходы – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе по 20 процент- ным группам населения:					
первая (с наименьшими доходами)	7,0	7,2	7,1	7,2	7,2
вторая	11,9	12,1	12,0	12,0	12,0
третья	16,5	16,7	16,7	16,7	16,7
четвертая	23,1	23,1	23,1	23,1	23,1
пятая (с наибольшими до- ходами)	41,5	40,9	41,1	41,0	41,0
Коэффициент фондов	9,5	9,1	9,2	9,1	9,1
Коэффициент Джини (ин- декс концентрации дохо- дов)	0,343	0,336	0,338	0,336	0,337
Справочно:					
Величина прожиточного минимума, в среднем на душу населения, рублей в месяц	1263,0	1602,0	1811,0	2034,0	2455,0
Среднедушевой доход всего населения, рублей в месяц	1570,2	2124,1	2719,9	3266,3	4067,9 ²⁾
Численность населения с доходами ниже прожиточ- ного минимума (% от об- щей численности)	48,5	43,7	36,1	31,9	30,6

Источник: Мордовия: стат. ежегодник/ Мордовиястат. Саранск, 2006. С. 144.

мировой территории, РФ обладала лишь 1,63% мирового ВВП и обеспе-
чивала 1,37% мирового экспорта [7].

Вторая половина 1990-х гг. характеризуется относительной фи-
нансовой стабилизацией, сокращением темпов промышленного спа-
да и ростом интереса к России на мировых рынках капитала. В начале
XXI в. Российская Федерация подошла к рубежу экономического оз-
доровления, но, видимо, не сможет осуществить быстрый выход из
сложившейся ситуации. На протяжении ближайших десятилетий Рос-
сия, скорее всего, не станет страной постиндустриального развития.
Причин для этого более чем достаточно. Основная причина — сло-

жившаяся отраслевая, или компонентная структура, отражающая связи и пропорции между крупными группами отраслей.

Согласно общегосударственным стандартам, экономику образуют отрасли сферы материального производства и нематериальной сферы. Кроме того, выделяется 4 сектора экономики — группа отраслей, объединенных по функциональному принципу. Согласно этой классификации, экономика включает:

- 1) первичные — добывающая промышленность и сельское хозяйство; природоэксплуатирующие отрасли;
- 2) вторичные — обрабатывающая промышленность. В эту группу входят обрабатывающие производства;
- 3) транспорт, торговля, жилищное строительство, здравоохранение, отрасли, обслуживающие производство и население;
- 4) управление, наука и научное обслуживание.

Таблица 2

Среднегодовая численность занятых в экономике России, %

Показатели	1970 г.	2004 г.
Всего в экономике	100	100
Промышленность	33,1	21,5
Сельское хозяйство	19,1	10,4
Лесное хозяйство	0,4	0,4
Строительство	8,7	7,9
Транспорт	7,5	6,6
Связь	1,3	1,4
Торговля и общественное питание	7,5	17,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	3,1	4,8
Здравоохранение и социальное обеспечение, физическая культура	4,7	7,1
Образование	6,6	9,0
Культура и искусство	1,1	1,9
Наука и научное обслуживание	3,3	1,8
Финансы, кредит, страхование	1,7	4,8
Другие отрасли	1,5	3,8

От первой к четвертой группе идет, постепенно уменьшаясь, природно-ресурсный поток, а от четвертой к первой — наоборот — уменьшается научно-информационный поток. В экономике России до настоящего времени (как во всех индустриальных странах) расширено использование природных ресурсов и резко увеличено значение отраслей первой группы, т.е. ресурсный сектор. В соответствии с тем, какой из секторов играет ведущую роль в национальной экономике,

выделяют тип общества — аграрное, индустриальное и сервисное (постиндустриальное). В структуре экономики отрасли материального производства составляют свыше 70%, отрасли непродовольственной сферы — менее 30%. Среднегодовая численность занятых в экономике России и Мордовии показана в табл. 2, 3, 4.

Таблица 3

**Среднегодовая численность занятых
в экономике Республики Мордовия, %**

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	19,5	19,6	19,9	19,7	19,6
Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Добыча полезных ископаемых	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Обрабатывающие производства	22,9	22,9	22,6	22,3	21,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,6	2,5	2,4	2,5	2,4
Строительство	5,9	6,0	6,2	6,3	6,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,0	11,0	11,5	11,8	12,2
Гостиницы и рестораны	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8
Транспорт и связь	5,9	5,9	5,9	5,7	5,7
Финансовая деятельность	0,9	0,9	1,0	1,3	1,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4,0	3,9	3,4	3,1	2,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	5,5	5,9	5,9	6,3	6,8
Образование	10,1	10,1	10,1	10,0	9,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,0	7,7	7,7	7,6	7,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,8	2,8	2,6	2,6	2,6

Таблица 4

**Среднегодовая численность работников обрабатывающих
производств в Республике Мордовия, %**

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Обрабатывающие производ-ства	92,2	91,7	90,1	89,9	87,1
Производство пищевых про-дуктов, включая напитки и та-бак	12,2	12,5	12,7	12,1	11,6
Текстильное и швейное про-изводство	12,2	12,6	12,5	11,6	10,5
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,2	0,4	0,2	0,1	0,1
Обработка древесины и про-изводство изделий из дерева	1,2	1,1	1,2	1,5	1,9
Целлюлозно-бумажное произ-водство; издательская и поли-графическая деятельность	2,4	2,0	1,5	1,4	1,2
Химическое производство	3,7	3,3	2,9	2,8	2,7
Производство резиновых и пластмассовых изделий	4,5	4,6	4,6	4,5	4,3
Производство прочих неме-таллических минеральных продуктов	7,1	6,9	6,2	6,2	6,2
Металлургическое производ-ство и производство готовых металлических изделий	2,9	2,8	2,7	2,7	2,7
Производство машин и обору-дования	10,6	10,7	12,0	9,1	8,3
Производство электрообору-дования, электронного и опти-ческого оборудования	31,6	30,8	29,2	26,3	24,9
Производство транспортных средств и оборудования	2,5	2,6	2,8	7,8	8,6
Прочие производства	1,1	1,4	1,6	1,8	2,3

Россия представляет собой страну с достаточно универсальным, но безнадежно устаревшим производственным потенциалом, гигантскими природными богатствами, широким внутренним рынком и достаточно квалифицированной рабочей силой. Поэтому в данной ситуации Россия должна в ближайшей перспективе стать, развитой индустриальной страной, поскольку возможности быстрого вхождения в круг постиндустриальных держав у нее отсутствуют.

Возможен ли выход из кризисной ситуации? Скорее всего, да! В XXI в. Россия должна осуществить мощный индустриальный прорыв, и инструментами такого прорыва станут хозяйственная открытость и активное привлечение в страну иностранных капиталов. Важнейшей функцией государства должно стать максимальное поощрение предпринимательской активности в производственной и непроизводственной сфере. Необходима естественная интеграция страны в систему мирового хозяйства. Этот путь лежит через сокращение доли добывающих и ресурсных отраслей и повышения доли отраслей промышленности, производящих конечные потребительские товары.

Хочется надеяться, что эти меры могли бы превратить РФ в развитую промышленную страну, а в более отдаленной перспективе хозяйственный комплекс России, как и большинства стран Восточной Европы, смог бы трансформироваться в постиндустриальный.

Литература

1. *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // *The Public Interest.* 1967. №7. P. 102.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1987. С. 49, 13, 12.
3. *Андрианов В.Д.* Россия в мировой экономике. М., 1999. С. 23.
4. *Андрианов В.Д.* Россия: экономический и инвестиционный потенциал. М., 1999. С. 194.
5. Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006. 408 с.
6. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат.сб./ Росстат. — М., 2006. С. 139–140.
7. *Илларионов А.* Как Россия потеряла XX столетие // *Вопросы экономики.* 2000. №1. С. 6.

Роль экономической географии в повышении конкурентоспособности российской экономики

В чем новизна излагаемого подхода к рассматриваемой проблеме. Во-первых в том, что весь анализ базируется не на системном подходе, ведущем к системной дезорганизации России, ибо, согласно этому подходу, система — это то, что я исследую; не на связанном с ним проблемном подходе, при котором поиск решения данной проблемы является самоцелью, а на комплексном кибернетическом экономико-социо-эколого-географо-демографо-градостроительном подходе. При таком подходе то, что я исследую — всегда подсистема; решаемая задача является не самоцелью, а лишь одним из средств достижения конечной цели управления, и нельзя решать ни какую проблему, а необходимо находить оптимальный уровень нерешенности всех проблем.

Во-вторых, все выводы базируются на стремлении всемерно реализовывать два главных принципа кибернетики — оценка общесистемной реакции на частное возмущение и оценка соответствия локального критерия оптимальности глобальному критерию эффективности в рамках единой вычислительной технологии согласования хода социальных, экологических и экономических процессов на локальном, муниципальном, региональном, государственном и глобальном уровнях.

В-третьих, соблюдается принцип оптимизации взаимодействия отраслевой, территориальной и институциональной структуры на всех уровнях управления страной для оптимального сочетания текущих и долгосрочных интересов страны и мирового сообщества и, вытекающий из него, принцип сочетания экономического, экономико-географического, градостроительного и кибернетического видения пространства.

В-четвертых, Россия рассматривается как особый тип экономико-географо-градостроительных систем с наивысшей в мире полиструктурностью, территориальной иерархичностью и внутренней разбалансированностью соотношений между ее ключевыми параметрами.

Цель данной статьи в том, чтобы, с одной стороны, обратить внимание на антицивилизационную сущность понятия «конкуренция»; с

другой — раскрыть экономико-географические основы конкурентоспособности национальных экономик и роли регионов и городов в ее повышении; с третьей — показать, что только при переходе от экономического принципа конкуренции к экономико-географическому принципу солидаризма Россия сможет «выжить» в современной конкурентной борьбе и обеспечить достойный уровень жизни россиян.

А. Об антицивилизационной сущности конкуренции

Конкуренция относится к наиболее искаженным категориям экономической теории. Достаточно вспомнить теорию оптимального использования ресурсов и такие понятия кибернетики, как системы с положительной и отрицательной обратной связью; зависимость темпов экономического роста от взаимодействия альтернативных и синергетических связей и т.п., чтобы стал очевидным следующий вывод: конкуренция — это предел победы алчности бизнеса, коммерциализации науки и коррумпированности власти над разумом, совестью и честью, превратившая всю историю человечества в тупиковый этап эволюции и вогнавшая мировую цивилизацию во всеобщий цивилизационный кризис.

Именно конкуренция, в конечном счете, виновата в том, что на земле не действуют нравственные религиозные принципы. И, если современная официозная наука и богословие не образумятся и не образуют бизнес и власть, то весь мир превратится в неизлечимый остроконфликтный сумасшедший дом с морем слез и крови от религиозных и территориальных конфликтов — ведь нравственные ценности реализуемы лишь в условиях малоконфликтного единого дома.

Не может существовать конкуренция в экономике без конкуренции в политике, идеологии и, что особенно опасно — в сфере религии. Если прежде демографические процессы в разных конфессиях были однонаправленными, подчинялись законам развития популяции и соответствовали ресурсному потенциалу планеты Земля, то сегодня ситуация прямо противоположная.

И если человечество не выкинет из своего лексикона слова «конкуренция» (за ограниченные ресурсы системы) и не перейдет на принцип «взаимная поддержка с целью раскрытия возможностей каждого для повышения своего вклада в увеличение ресурсов системы», то человечество окончательно превратится в сборище экономизированных, безнравственных, жестоких монстров и их жертв.

Ситуация усугубляется еще и переносом конкуренции из сферы международных отношений в сферу внутригосударственных отношений, что особенно разрушительно для России. Ведь не надо быть

большим кибернетиком, чтобы понять — чем больше конкуренция внутри системы (внутри страны), тем ниже конкурентоспособность системы (этой страны) в целом.

Одой из важнейших причин «увлечения» конкуренцией является всеобщее непонимание роли экономической географии, как фундаментальной науки в управлении социально-экономическим развитием, и экономико-географического аспекта эффективности практически любых управленческих решений, в т.ч. и конкуренции, и конкурентоспособности.

Ведь очевидно, что в основе так называемых конкурентных преимуществ отдельных стран лежит использование выгод международного географического разделения труда; в основе рассуждений о конкурентных преимуществах регионов и городов — использование выгод межрайонного, внутрирайонного, внутриокружного и внутримуниципального разделения труда.

Но это во времена Д. Риккардо, раскрывшего способ мышления при оценке эффективности географического разделения труда, закономерности географического разделения труда (ЗГРТ) были адекватны закономерностям размещения производительных сил (ЗРПС) и диктовали закономерности развития городов и систем расселения (ЗРГСР). Сегодня такое недопустимо в силу качественной разнородности этих трех типов закономерностей: ЗГРТ — категория экономическая; ЗРПС — социально-экономическая с элементами экологии; ЗРГСР — категория социо-эколого-экономическая.

Именно игнорирование проблемы оптимального взаимодействия этих трех типов закономерностей в системе исследований самой экономической географии является объективной причиной игнорирования этих закономерностей общественным сознанием в целом, политическим руководством государств и руководством транснациональными корпорациями (ТНК). А из этого вытекают два разрушительных для современного мира последствия: а) эгоизм ТНК (ориентированы на ЗГРТ) при обязанности ответственных лидеров развивающихся государств учитывать и ЗРПС и ЗРГСР; б) разрушительные для всего мира уставы международных экономических организаций, особенно Устава ВТО.

Весь парадокс ситуации в том, что устойчивость и размер прибыли ТНК тем больше, чем оптимальнее взаимодействие трех названных типов экономико-географических закономерностей. И при ориентации на такую оптимизацию стремление ТНК к максимальной прибыли (при нормальной финансово-ценовой политике) совпадает с общемировыми и национальными интересами, а противоречие меж-

ду интересами ТНК и отдельных государств выступает основным двигателем прогресса в технике и в международных отношениях.

Не менее очевидно и другое — без указанного экономико-географического анализа проблем конкурентоспособности невозможно обеспечить оптимизацию взаимодействия отраслевой, территориальной и институциональной структуры общества на глобальном, общегосударственном, региональном и муниципальном уровнях; невозможно устранить ту путаницу, которая царит в современном экономическом и общественном сознании, по проблемам эффективности, устойчивого развития, глобализации, ВТО, таможенной, тарифной, налоговой, бюджетной, кредитной, валютной, инвестиционной политики; сравнительной эффективности мировоззрений, разных форм собственности, разных типов земельного рынка и т.п. А эта путаница неизбежно ведет к неэффективному законодательству, все более дезорганизующему все стороны общественной жизни на всех уровнях территориальной организации стран и мирового сообщества в целом и лишь обостряющему все глобальные проблемы современности.

Такова общая неприглядность современной ситуации с проблемой конкуренции, позволяющая перейти к более систематическому ее рассмотрению

Б. Экономико-географические основы конкуренции и конкурентоспособности (основные понятия и термины.

Конкуренция — это постоянная борьба за ограниченные ресурсы системы, чтобы опережать (обманывая, скупая, разоряя, поджигая, убивая, раскрывая коммерческую тайну и т.п.) конкурента в борьбе за рынки сбыта, источники сырья, оборудования и инвестиций для своего выживания; побочными продуктами конкуренции являются повышение экономической активности людей, ведущее к их нравственному разложению, и расширение социальной базы коррупции. Добросовестной конкуренции не может быть по определению, ибо добросовестным может быть только сотрудничество для повышения общего вклада в системную организацию страны для снижения социальной агрессивности населения и суммарной ресурсоемкости национальной экономики. Вместе с тем, экономическая мотивация конкуренции может имитироваться властью с помощью хозяйственного механизма

Конкурентоспособность — возможность обеспечивать устойчивый процесс воспроизводства своей материально-технической и кадровой базы на основе самоокупаемости (возможность реализации товара на рынке это условие конкурентоспособности).

Необходимо различать конкурентоспособность товаров, предприятий (фирм), отраслей, национальной экономики в целом, ее отдельных территорий и цели управления:

- на уровне товара целью управления является поддержка минимально необходимого соотношения цены и качества своего товара в сравнении с другими поставщиками данного товара;
- на уровне предприятия (фирмы) — опережать любыми доступными средствами конкурента в борьбе за рынки сбыта, источники сырья, оборудования и инвестиций для своего выживания;
- на уровне отрасли — поддерживать национальную безопасность страны в части потребления своей продукции и обеспечения занятости трудовых ресурсов с наименьшими затратами государства на поддержку малорентабельных и нерентабельных предприятий, но имеющих стратегическое значение (для независимости страны, или по социальным соображениям).
- на уровне страны — способствовать устойчивый темп экономического роста в условиях непрерывной борьбы всех стран всеми доступными средствами за рынки сырья, инвестиций и сбыта готовой продукции. Если страна не может обеспечить устойчивый темп роста, значит ее население обречено на снижение уровня жизни, а сама власть — на неуважение со стороны своего населения, что еще больше снижает конкурентоспособность такой страны.

Следует различать либерально-экономический и экономико-географический подходы к проблеме конкурентоспособности страны.

В либерально-экономическом плане конкурентоспособность страны обеспечивается конкурентоспособностью товаров, валютная выручка за которые позволяет пополнять бюджет для решения стоящих перед страной задач. Чем больше каждая отрасль поставяет товаров на экспорт, тем лучше; тем выше эффективность управления такой страной.

В экономико-географическом плане конкурентоспособность страны определяется способностью власти обеспечивать объективно необходимый уровень занятости населения с минимальным нарушением главной закономерности географического разделения труда — товары, производимые в стране с издержками ниже мировых цен экспортируются, а продукция, производимая с издержками выше мировых цен, на вырученную валюту импортируется.

У высоко конкурентоспособной страны экспортная выручка равна или выше потребности в валюте для удовлетворения внутренних потребностей в тех товарах и услугах, которые производятся здесь с

издержками выше мировых цен и обеспечивается объективно-необходимая занятость населения.

У страны со средней конкурентоспособностью экспортной выручки хватает на удовлетворение за счет импорта внутренних потребностей в тех товарах и услугах, которые превышают мировые цены в пределах допустимых по мировым меркам импортных пошлин, и поддерживается уровень безработицы на нравственно-допустимом уровне (в течение нескольких месяцев человек может найти себе работу).

У конкурентоспособной страны экспортной выручки хватает на удовлетворение за счет импорта внутренних потребностей в тех товарах и услугах, которые превышают мировые цены сверх допустимых по мировым меркам импортных пошлин, и поддерживается уровень безработицы на социально-допустимом уровне (3–5% от экономически активного населения). У неконкурентоспособной страны суммарная экспортная выручка может превышать суммарные затраты по импорту, но в целом импорт «душит» отечественную экономику, обрекая значительную часть населения на безработицу и основную массу населения на низкую рыночную цену рабочей силы, бедность и нищету (душевой доход меньше трех потребительских корзин).

Особо следует выделять страны с абсолютно неконкурентоспособной экономикой по отношению к импорту — индивидуальные издержки отечественных товаропроизводителей в такой стране в силу суровости климата и дальности перевозок сырья, топлива и готовой продукции будут существенно превышать мировые цены даже при одинаковом уровне техники, технологии и организации производства.

В странах со средней и высокой конкурентоспособностью допустим либерально-экономический критерий эффективности экспорта — чем больше отрасль вывозит, тем лучше. В странах трех последних типов либерально-экономический критерий эффективности экспорта должен быть заменен на экономико-географический — максимум сальдо внешнеторгового баланса на 1 млн. руб. затрат в экспортоориентированных производствах. Иными словами, поддержка экспортоориентированных отраслей для увеличения своего экспорта допустима до тех пор, пока в каждой отрасли поддерживается оптимум по Парето — нельзя вкладывать средства в расширение экспорта, если валютная выручка на 1 рубль, направляемый для развития экспортоориентированного производства, меньше, чем возможность сократить потребность страны в валюте при направлении этого же рубля в импортозамещающее производство. Так, в России экспорт сырья и топлива превышает целесообразный уровень минимум на 15–20%.

Вот почему высокая конкурентоспособность страны не тождественная высокой эффективности экономики и управления страной. Высокая конкурентоспособность и высокая эффективность управления совпадают лишь в том случае, если власть обеспечивает максимально возможный для данного этапа эволюции страны уровень использования выгод международного и внутригосударственного разделения труда при формировании отраслевых и территориальных пропорций национальной экономики.

Почему-то до сих пор игнорируется тот очевидный факт, что отраслевая структура экономики страны отражает ее участие в системе международного разделения труда; отраслевая структура федерального округа и субъекта РФ — их участие в международном, межзоновом и межрегиональном разделении труда; отраслевая структура агломерации (системы расселения на территории субъекта РФ) — еще и ее участием во внутрирегиональном разделении труда; отраслевая структура хозяйства административного района — еще и его участием во внутриагломерационном разделении труда; отраслевая структура полипоселенных и однопоселенных муниципальных образований на территории административного района — еще и во внутрирайонном разделении труда; отраслевая структура хозяйства отдельного населенного пункта в полипоселенном муниципальном образовании определяется еще и участием во внутримunicipальном разделении труда.

И страна тем конкурентоспособнее, чем больше власть обеспечивает такое взаимодействие отраслевой и территориальной структуры на всех уровнях принятия решений, которое позволяет при имеющихся ресурсах получить максимально возможный прирост производства товаров и услуг, реализуемых на рынке, при максимально возможном снижении социальной агрессивности населения. Иными словами, конкуренция в стране допустима там и до тех пор, пока она не препятствует снижению суммарной ресурсоемкости российской экономики и суммарной социальной агрессивности населения.

Но сопоставление суммарной ресурсоемкости и социальной агрессивности практически может быть реализовано только в рамках многоуровневой системы моделей экономико-географического и градостроительного прогнозирования. А так как в современной России подобное прогнозирование, к сожалению, считается излишним, то приходится ограничиваться более простым критерием эффективности управленческих решений — максимум экономического роста на территории при поддержании хода социальных и экологических процессов в каждой местности в принятом диапазоне.

Применительно к городам и районам страны термин «конкуренция» недопустим, термин «конкурентоспособность» не имеет области применения, а речь должна идти о вкладе местности в повышение конкурентоспособности страны.

Модный ныне термин «конкурентные преимущества» тоже разрушителен, ибо за ним стоят либо отдельные предпосылки развития отдельных производств, либо наиболее эффективные направления специализации данной территории в системе международного и внутрироссийского разделения труда. Но чем больше территория хочет использовать свои конкурентные преимущества, тем с большей неэффективностью она будет использовать дефицитные в стране ресурсы и повышать суммарную ресурсоемкость российской экономики, все более снижая ее конкурентоспособность.

На самом деле, следует ли использовать эти предпосылки; в каких масштабах развивать те или иные направления специализации данной местности в тот или иной период времени, и какую направленность должна иметь миграция населения — все это вопросы, относящиеся к проблеме оптимизации отраслевой и территориальной структуры государства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Поэтому вместо повышения конкурентоспособности городов и районов речь должна идти о повышении их вклада в конкурентоспособность страны за счет обеспечения максимального соответствия в них экономико-географических типов производств (общность производств по расходу ресурсов на 1 работающего за год) типу экономико-географической ситуации (общность территорий по оценкам замыкающих затрат на прирост потребления единицы ресурсов межрайонного значения) при заданной экономико-демографической емкости каждого города (число жителей, которому можно успеть создать желаемый старт проживания концу рассматриваемого периода при ожидаемых ресурсах). Ведь только при таких условиях обеспечивается максимально возможный прирост производства товаров и услуг, реализуемых на рынке, при имеющихся ресурсах, и при максимально возможном снижении социальной агрессивности населения.

Понятно, что чем больше превышение фактической численности населения над расчетной, тем выше неудовлетворенность населения условиями своего проживания и больше его социальная агрессивность, при которой бесполезно говорить о толерантности, а следует готовиться к дальнейшему росту ксенофобии о всеми вытекающими последствиями.

Недопустимость конкуренции городов и районов (за инвестора, ресурсы, рынки сбыта) внутри России обусловлена ее и тем, что порождает три разрушительных тенденции. Во-первых, инвесторы будут концентрироваться максимум в 20% муниципалитетов, а остальные обречены на экономическое опустынивание. Во-вторых, мэры этих обреченных муниципалитетов и губернаторы соответствующих регионов в погоне за инвесторами оказываются вынужденными искать оптимальные планы предательства интересов своего населения и национальных интересов России (иначе инвестора соблазнят более привлекательные муниципалитеты). В-третьих, местные власти будут вынуждены идти на прямой подлог, чтобы заполучить хотя бы какие-то бюджетные средства для спасения опустошаемых городов — заключать договора о намерениях с отечественными и иностранными компаниями (ничем эти компании не обязывающие) и под них просить бюджетные деньги. Ведь если они не начнут продлевать подобные «фокусы», то их обвинят в неумении работать с инвесторами и т.п.

В. Экономико-географические причины абсолютной неконкурентоспособности российской экономики

Как уже отмечалось выше, абсолютная экономическая неконкурентоспособность экономики имеет место в тех странах, регионах и городах, где индивидуальные издержки местного товаропроизводителя в большинстве производств обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства под влиянием географических условий будут выше мировых даже при одинаковом уровне техники, технологии, подготовленности кадров и организации производства. Именно это присуще Российской Федерации с ее суровостью климата и с гигантской протяженностью сухопутных перевозок, которые намного дороже морских.

Абсолютная экономическая неконкурентоспособность российской экономики усиливается еще и тем, что повсеместный в мире процесс удорожания факторов жизнедеятельности (сырья, воды, топлива; лечения, обучения и переобучения населения; поддержания качества природной и градостроительной среды) идет у нас наивысшими темпами по сравнению с другими странами мира из-за особенностей отраслевой структуры хозяйства (повышенная доля ресурсоемких и эколого-опасных производств, низкая обеспеченность системами инженерно-транспортного и социального обслуживания) и введения частной собственности на землю и другие природные ресурсы с всеобщим повышением цен на все товары и услуги (иначе землевладельцу не вернуть средства, затраченные на приобретение земли и т.д.).

Это означает, что валютная эффективность экспорта в России имеет тенденцию к снижению, а превышение индивидуальных издержек над мировыми в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства — к возрастанию. В условиях практической недоступности коммерческого кредита (процентная ставка за кредит выше уровня рентабельности большинства предприятий, не ориентированных на экспорт), эти предприятия обречены на снижение качества и рост издержек на производство своей продукции.

Вот почему наивны рассуждения о том, что вступление России в ВТО будет стимулировать повышение конкурентоспособности российской экономики. В условиях, скачкообразного (и неизбежного при либеральной идеологии) роста тарифов и при практической недоступности коммерческого кредита для большинства субъектов рынка, импорт «удушит» национальную экономику и «вытянует» на запад квалифицированную рабочую силу, лишит Российскую Федерацию какой бы то ни было позитивной исторической перспективы, сделав «лишними» на этом свете больше половины населения страны.

Россия может выжить в глобализованном мире и, по крайней мере, не увеличить разрыв в уровне жизни среднего россиянина от среднего европейца, если ежегодно будет снижаться суммарная ресурсоемкость российской экономики в расчете на 1 жителя (и с учетом выполнения своей роли в системе международного разделения труда), и темпы такого снижения будут, не меньше темпов опережения указанного выше удорожания факторов жизнедеятельности в России по сравнению с развитыми странами.

Если мы хотим ликвидировать абсолютную неконкурентоспособность российской экономики перед импортом, обеспечить достойный уровень занятости трудовых ресурсов и достойный уровень жизни россиян, то мы должны снизить суммарную ресурсоемкость национальной экономики на столько, чтобы перекрыть удорожание под влиянием физико-географического положения страны.

Есть три пути снижения суммарной ресурсоемкости национальной экономики: 1) снижение доли ресурсоемких производств в экономике страны до среднемирового уровня, но для России это недопустимо, ибо противоречит закономерностям международного разделения труда, и приведет к снижению конкурентоспособности российской экономики; 2) широкое внедрение ресурсосберегающих технологий, но этому препятствует низкая инвестиционная привлекательность России и недостаток квалифицированных кадров; 3) использование выгод от территориальной организации общества на основе сочетания взаимоувязанной концепции географического разделения

труда на международном, межзональном, межрегиональном, внутрирегиональном, внутриагломерационном и внутримunicipальном уровнях с социальным заказом в области архитектуры градостроительства развитию производства и построению хозяйственного механизма на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Именно экономико-географический и географо-градостроительный подход, требующий не дополнительных инвестиций, а интеллекта для эффективного привлечения и территориального перераспределения инвестиций, сегодня является практически единственным реальным фактором повышения конкурентоспособности российской экономики и укрепления экономических и психологических основ российского федерализма, которые сегодня в России ежедневно ослабляются.

Из сказанного понятно, что сегодня судьба России во многом зависит от уровня развития в стране экономической географии и сокращения экономико-географической безграмотности современного общества.

Г. Экономико-географические основы превращения России в самую конкурентоспособную страну мира

Итак, при ориентации на рыночные механизмы, на конкуренцию фирм, городов и районов России, особенно после вступления в ВТО обречена на экономическое прозябание, а основная масса населения на нищету, ибо на уровне индивидуальных издержек большие размеры территории представляют собой национальную трагедию — надо тратить средства на преодоление «трения пространства». А это один из факторов «разрыхления» Российской Федерации.

Зато при ориентации управления на соблюдение фундаментальных понятий кибернетики, экономической географии и градостроительства, Россия обречена на то, что бы стать самой инвестиционно-привлекательной страной, а затем и одной из наиболее процветающих стран мира.

В экономико-географическом плане Россия может стать конкурентоспособной страной только при трех условиях:

- 1) всемерное использование выгод от пространственно-временного разделения труда и максимального использования возможностей маневрирования ресурсами в каждой отрасли, благодаря:
 - а) расположению страны в 11 часовых поясах, в 9 природных зонах и в асинхронных по увлажнению климатических районах;
 - б) наличию устойчивых потоков порожних вагонов общего пользования, а затраты на перемещение груза в порожнем направле-

нии примерно в 4 раза ниже, чем в загруженном (но для этого необходимо скорейшее создание условий для ликвидации во всех перегруженных городах тех рабочих мест, экономико-географический тип которых противоречит типу экономико-географической ситуации в данном городе, и создание условий для выезда требуемой части квалифицированной рабочей силы и одиноких неработающих социально-пассивных пенсионеров из крупных и крупнейших городов);

- 2) ликвидация миграции иностранной неквалифицированной рабочей силы (иначе неизбежно снижение рыночной цены рабочей силы, делающее невыгодным внедрение новой техники) и рационализации использования отечественных трудовых ресурсов;
- 3) создания хозяйственного механизма нравственного развития России (и практически нулевой инфляции) за счет поддержания следующих соотношений между ключевыми параметрами России как кибернетической системы:
 - прожиточный минимум равен 3-м потребительским корзинам, минимальная пенсия — 3,5 потребительским корзинам; минимальная заработная работника 1 разряда — 5 потребительских корзин; материнский капитал — не менее 100 потребительских корзин в данной местности (это сразу рационализирует размещение рабочих мест и населения);
 - процентная ставка за банковский кредит — не выше 4–5% годовых (не более 50% от среднего уровня рентабельности основной массы субъектов рынка, что может быть обеспечено либо многократным снижением ставки рефинансирования ЦБ России, либо другими способами);
 - многоуровневая шкала подоходного налога на доходы физических лиц (НДФЛ), при этом наивысшая ставка НДФЛ должна превышать ставку налога на прибыль в 2–2,5 раза;
 - введение частично-регрессивного налогообложения прибыли (насколько процентов увеличил налогооблагаемую базу, настолько процентов снижаются ставки всех налогов и обязательных платежей на этот прирост налогооблагаемой базы) с соответствующим изменением всей системы частно-государственного партнерства за счет:
 - введение в целом по стране, по каждому субъекту РФ и муниципалитету расчетов предельно допустимой фискальной нагрузки на бизнес по критерию максимум превышения общесистемного эффекта от оживления экономики, благодаря снижению этой нагрузки, над прямым недополучением средств

вследствие принимаемого уровня снижения нагрузки на бизнес; при таком подходе сразу становится понятной абсурдность всеобщего взимания в России НДС (его следует взимать лишь в сфере производства и обращения элитных товаров и услуг, и импортируемых товаров, душащих отечественное производство); абсурдность существующей практики установления тарифов и таможенных платежей; ежегодного повышения платежей за землю и арендной платы за помещения и т.д.; если не будет снят НДС; если платежи за жилищно-коммунальные услуги с населения не будут снижены до 5% от доходов семьи (с распространением низких тарифов на предприятия с объективно пониженной рентабельностью); если не будет прекращен рост тарифов на транспорте (они должны быть снижены в 3–4 раза), платежей за землю и за аренду помещений, то российская экономика обречена на удушение импортом.

Нарушение хотя бы одного из этих параметров сделает невозможным ликвидацию главного внутрисистемного противоречия России — невиданный в мире разрыв между высочайшей стоимостью воспроизводства семьи и крайне низкой рыночной ценой рабочей силы при развитых потребностях основной массы населения и недоступности коммерческого кредита.

А если это противоречие остается, то указанные соотношения между остальными ключевыми параметрами не могут быть обеспечены, и придется смириться с тем, что и в дальнейшем разрыв в доходах самых богатых и самых бедных семей будет на недопустимо высоком пятнадцатикратном уровне; среднестатистический рост денежных доходов населения будет идти за счет 20% наиболее богатых слоев населения, а среднегодовой показатель инфляции в процентах у наименее обеспеченных слоев населения будет в 6–7 раз выше, чем у наиболее богатых. Понятно, что такая страна не может иметь конкурентоспособную экономику.

Но весь парадокс заключается в том, что в России нельзя ликвидировать этот ее внутрисистемный дисбаланс без внедрения экономико-географического способа мышления в профессиональное и общественное сознание и ориентации всех прогнозных разработок на изыскание всех реально имеющихся возможностей для использования эффекта от оптимальной территориальной организации производства и расселения в стране. А только за счет этого эффекта можно соблюдать принцип предельно допустимой фискальной нагрузки и «держать» тарифы на пониженном уровне.

Если нет этого эффекта, то власть будет вынуждена перейти от оптимального сочетания индивидуального и общественного принципа воспроизводства отраслей инфраструктуры к индивидуальному принципу такого воспроизводства с ежегодным ростом тарифов, что через несколько лет приведет к отрицательным темпам экономического роста и к повторению в России ситуации 1992–1994 гг.

И нет у российского общества другой альтернативы, как вспомнить про экономическую географию и закономерности территориальной организации производительных сил, территориальной организации хозяйства и территориальной организации общества. Но соответственно и сама экономическая география, наконец, должна заняться тем, что является ее цивилизационной миссией — выявление в каждой отрасли и в каждом субъекте РФ способов использования выгод от географического разделения труда, от оптимальной концентрации рабочих мест и населения и их взаимного расположения в каждой местности с целью оптимизации взаимодействия отраслевой и территориальной структуры экономики на федеральном, региональном и муниципальных уровнях.

При ориентации на оптимизацию взаимодействия отраслевой и территориальной структуры на всех уровнях управления гигантские размеры России из национальной трагедии превращаются в величайшее благо, обеспечивающую процветание всей страны. Ведь Россия единственная страна мира, которая благодаря своему экономико— и физико-географическому положению, может получать такой эффект от системной организации, которые перекроет удорожание факторов жизнедеятельности (у остальных государств для этого недостаточно территориального ресурса). Это означает, что Россия может обеспечить стабильные цены и тарифы, а стало быть, и стабильность остальных правил игры. В сочетании с созданием соответствующего хозяйственного механизма расширяющейся экономики это сделает Россию самой инвестиционно-привлекательной страной мира, что позволит иметь наивысший уровень автоматизации производства, наивысший уровень производительности труда и перекрыть перерасход индивидуальных издержек над мировыми. Тем самым, Россия из абсолютно неконкурентоспособной экономики превратится в страну с самой высокой конкурентоспособностью. Вот тогда и надо вступать в ВТО.

Когда наши управленцы (и во всем мире) поймут, что при игнорировании проблемы взаимодействия закономерностей географического разделения труда, закономерностей размещения производительных сил и закономерностей развития городов и систем расселения, каждое их решение, обеспечивая получение эффекта здесь, обязательно сопровождается ущербом там, там, и там. И чем больше

производственный потенциал страны, тем на 1 руб. эффекта «здесь» приходится больше суммарного ущерба «там, там и там». (Вот почему повсеместен эффект Черномырдина — хотели, как лучше, получили, как всегда, означающий, что в стране происходит частичное замещение синергетических связей на альтернативные. А такая страна превращается в систему с положительной обратной связью, подлежащей дестабилизации и снижению темпов экономического роста со всеми вытекающими негативными последствиями.

При сохранении существующего либерального способа мышления темпы реального экономического роста (а не статистического ВВП с его двойным счетом) к 2010–2011 гг. будут меньше 3%.

При ориентации на оптимизацию взаимодействия указанных закономерностей (т.е. при ориентации на оптимальную территориальную организацию экономики) каждое решение принимается так, чтобы на 1 руб. эффекта «здесь» получать эффект и «там, и там, и там». И этот дополнительный общесистемный эффект на 1 руб. прямых вложений тем больше, чем больше производственный потенциал. В такой стране идет противоположный процесс — замещение альтернативных связей на синергетические, что превращает эту страну в систему с отрицательной обратной связью, а такая система обречена на ускорение темпов экономического роста и процветание.

При внедрении комплексного социо-эколого-экономико-демографо-географо-градо-кибернетического подхода темпы реального экономического роста в России к 2010–2011 гг. не могут быть ниже 15%. Но для этого необходимо изменить весь способ мышления в общественных науках и хозяйственной практике, и, особенно, самих экономико-географов.

Что необходимо понять самим экономико-географам и внедрить в общественное сознание?

1. Россия может развиваться только в том случае, если власть организует разработку концепции оптимального развития всех видов и уровней географического разделения труда для оптимизации взаимодействия отраслевой и территориальной структуры. И на поддержание такого взаимодействия должна быть ориентирована институциональная структура России (весь хозяйственный механизм на федеральном, региональном и муниципальном уровнях). Бесполезно устанавливать таможенные пошлины, не определившись с общей концепцией участия России в международном разделении труда. Одно дело, когда товар в стране не производится; другое дело, когда товар производится, но в недостаточных количествах и важно чтобы импорт не задушил име-

ящееся производство; третье — когда речь идет о пошлинах на товар с аналогичными свойствами отечественного товара.

2. В основе технологии мышления при управлении Россией с целью повышения ее эффективности и конкурентоспособности должно лежать понимание следующих экономико-географических истин:
 - а) для бизнеса территория страны является совокупностью имеющих и потенциально возможных единых объектов недвижимости, которые скорее следует ввести в рыночный оборот, и на полученные средства решать социальные задачи; деле, территория страны — это всеобщее условие для осуществления всех видов деятельности, от сочетания и интенсивности которых в каждом месте зависит суммарная ресурсоемкость экономики, ее эффективность и конкурентоспособность; поэтому сначала следует определить эти сочетания, установить рычаги настройки интересов бизнеса на соблюдение таких сочетаний, а уже после этого следует «запускать» в рыночный оборот в виде земельно-имущественных комплексов
 - б) практически нет хозяйственных решений, которые бы не влияли на географию перевозок и их распределение между грузовым и порожним направлениями (а через них на отраслевые и территориальные пропорции производства в стране); на состояние среды проживания в соответствующем пункте и на разность потенциалов по условиям жизни в целом по стране, но все эти последствия сегодня абсолютно не учитываются (равно как не учитывается и такая проблема, как территориальная направленность разности потенциалов по условиям жизни и по условиям инвестирования); сегодня эти направленности совпадают, и мы имеем то, что имеем — концентрация экономической активности в 15% субъектов РФ и по 2–3 муниципалитета в большинстве субъектов РФ с опустошением остальных; отсюда низкие и постоянно снижающиеся темпы реального (а не роста ВВП с его двойным счетом экономических потоков) экономического роста страны, неэффективное размещение производительных сил с повсеместным созданием античеловеческих условий проживания (в одних городах из-за чрезмерной скученности, а в других — из-за опустошения) с уничтожением психологических и экономических основ российского федерализма
 - в) любая территория может развиваться либо по принципу соответствия своей отраслевой структуры производству структуре

местных потребностей; либо по принципу глубокой специализации экономики в соответствии с экономико-географической и градостроительной ситуацией; понятно, что во втором случае больше и устойчивее налогооблагаемая база и политический имидж местной власти; и чем выше тарифы на перевозки, тем глубже должна быть специализация городов и районов, но с учетом экологических и социальных ограничений (не надо бояться транспортных расходов вообще, а надо не допускать увеличения крупнотоннажных перевозок топлива и металла в грузовом направлении); и экономическим безумием следует считать имеющиеся предложения о размещении нефтепереработки и нефтехимии в европейской части России, производства ферросплавов в Ленинградской области; очень сомнительны предложения по производству целлюлозы, алюминия на Дальнем Востоке, по размещению атомных электростанций южнее Вологды и Кирова; абсолютно неэкономична современная практика наращивания поголовья коров в районах, где кормовые культуры требуют орошения, и по наращиванию поголовья птицы и свиней в районах, где зерновые требуют осушения;

- г) любой крупный город может развиваться либо по принципу подтягивания отстающего звена (не хватает жилья, увеличиваю масштабы его ввода; не хватает тепла и воды — строю водоводы, котельные; «забиты» автотранспортом улицы — строю «развязки», прокладываю улицы дублеры, снося при этом жилье, и т.д.), все более усиливая удавку на своей шее; либо по принципу обрубания тех звеньев в городской экономике, из-за которых не хватает жилья, тепла и воды, «забиты» автомагистрали и т.п., освобождаясь от указанной удавки на шее;
- д) вследствие погони местных властей за текущим пополнением своего бюджета, все инвестиционно-привлекательные крупные города заполнены малым бизнесом (а он в стране с абсолютно неконкурентоспособной экономикой по отношению к импорту за определенным уровнем превращается в национальную трагедию) и иностранными мигрантами, с ростом нагрузки на природную среду и на без того дефицитную инфраструктуру; в этих городах экономико-демографическая емкость превышена на 20 и более процентов и не менее 1/3 рабочих мест в них приходится на экономико-географические типы производств, противоречащие местному типу экономической географической ситуации; вот почему все затраты местных

властей на транспортные развязки, на наращивание систем водо- и энергоснабжения и т.п. уже сегодня являются бросовыми затратами общественного труда; вот почему все крупные и крупнейшие города России превратились в угрозу здоровью населения, конкурентоспособности и политической целостности Российской Федерации; вот почему стремление к текущему пополнению местного бюджета ведет к росту бюджетного дефицита в последующие годы; и чем больше в рамках частно-государственного партнерства будет выведено из этих городов не эффективных рабочих мест (как это произошло в развитых странах в 1965–1980 гг., тем эффективнее и конкурентоспособнее будет российская экономика;

- е) главным технологическим условием повышения вклада каждой местности в конкурентоспособность российской экономики является переход от точечного комбинирования производств (от сырья до готовой продукции) к территориальному комплексированию на основе пространственного расчленения единого технологического процесса — сырьёмкая стадия — у источника сырья; более энергоёмкая стадия производства полуфабрикатов в районах более дешевого топлива; производство квалифицированной готовой продукции — в районах и городах, где проще решается проблем формирования такой рабочей силы; при этом уровень концентрации производства на специализированном предприятия должен быть в 3–4 раза выше, чем у соответствующего цеха в ерарчененном щего ть иой удавки на шееей; либо по пинципу имущесаьных оразованийнерасчлененном комбинате;
- ж) каждые 3–5 лет всякое производство нуждается в техническом обновлении, которое может сопровождаться или изменением профиля предприятия, или его сохранением, а при сохранении — разными масштабами реконструкции; но выбор определяются характером хозяйственного механизма — или он делает (как сегодня) выгодным комбинирование, или (как должно быть) территориальное комплексирование, ибо только в этом случае возникает количество рабочих мест, достаточное для пропорционального развития всех муниципалитетов страны, при оптимальном использовании выгод от глубочайшего разделения труда при соблюдении социальных, экологических и геополитических ограничений;
- з) рассуждения о том, что указанный подход противоречит принципам постфордизма (этой разновидности постмодернизма в экономике) вообще не должны приниматься во внимание, ибо

формы организации производства определяются не модой, а объемами спроса, обусловленным им масштабом производства (единичное, серийное, крупносерийное, массовое) и числом экономико-географических типов производств при переходе от сырья до готовой продукции;

- и) важнейшими условиями повышения эффективности и конкурентоспособности национальной экономики является строгое соблюдение экономико-географического критерия жилищного строительства (можно строить новое жилье в городе, сверх его потребности в маневренном фонде для временного отселения жильцов при капитальном ремонте, или при реконструкции кварталов в том случае, если нет другого города, в котором суммарные затраты на строительство, эксплуатацию и поддержание зданий на каждые новые 10 тыс. кв. жилой площади и на обслуживаемые ими 250 рабочих мест соответствующего производственного профиля меньше, чем в данном городе) и градостроительного критерия эффективности (ввод нового жилья в данном городе допустим до тех пор, пока он не ведет к ухудшению качества градостроительной среды, к превышению допустимой загрузки городских магистралей, потребления воды, тепла и электроэнергии, образования выбросов, стоков, твердых бытовых отходов и т.п.).

В заключение этого раздела важно отметить недопустимость рассуждения о возможности дальнейшего сокращения сельских населенных мест и стимулировании миграции населения в крупные и крупнейшие города, ибо это противоречит текущим экономическим и долгосрочным геополитическим интересам России.

Текущий экономический интерес в сохранении таких поселений обусловлен острейшим дефицитом систем социального, коммунального и транспортного жизнеобеспечения во всех инвестиционно-привлекательных городах и необходимостью предотвращения миграции из-за отсутствия рабочих мест и уверенности в завтрашнем дне по месту рождения. А без уверенности в завтрашнем дне не может быть ни жилищного строительства, ни повышения рождаемости — только все нарастающие стрессы, повышенная смертность, социальная агрессивность и пониженная рождаемость со всеми негативными последствиями для будущего страны.

Долговременный геополитический интерес в сохранении мелких городских и сельских поселений обусловлен тем, что среди факторов регионального развития следует учитывать не только ресурсные, определяющие текущую динамичность развития экономики, но и струк-

турные факторы, обеспечивающие устойчивость всей системы расселения. А от сочетания динамичности и устойчивости зависит будущее страны, уважение к ней со стороны остального мира и т.д. При этом важно учитывать, что в условиях кризиса вероятность сохранения сложной системы пропорциональна накопленному в ней разнообразию, причем решающее значение приобретают те ее элементы, которые на прежнем этапе существования системы оставались функционально бесполезными.

Как показал комплексный анализ проблем расселения населения и размещения рабочих мест, оставшаяся сеть сельских населенных пунктов и малых городов должна быть сохранена, а численность сельского населения (не смешивать с сельскохозяйственным) в России в обозримой перспективе должна быть на уровне 40 млн. чел., независимо от демографической ситуации; чем она хуже, тем больше должен быть отток из городов-миллионеров и центров субъектов РФ. При сохранении современного курса на отток сельского населения неизбежен рост суммарной ресурсоемкости национальной экономики и социальной агрессивности населения со всеми вытекающими последствиями.

Полагаю, что Русскому Географическому Обществу и Отделению общественных наук РАН необходимо к 75-летию Постановления ЦК ВКП(б) и СНК о 1934 г. о преподавании географии в средней школе подготовить аналогичный Указ Президента РФ (или Постановление Правительства РФ) о преподавании географии в средней школе и в ВУЗ-ах Российской Федерации. Ведь к этому времени наши географически необразованные реформаторы образования от психологии, физики, математики, истории и им подобных с помощью иностранцев и отечественных экономистов «угробят» географию в школе также, как их предшественники из Министерства высшего образования 30 лет назад уничтожили экономическую географию в экономических вузах, и обрекли Россию на усиление тотальной некомпетентности управления страной и ее городами, а все современное обществознание — на превращение в непосредственно разрушительную силу, что предопределило тупиковый путь цивилизации на планете Земля.

Иначе и быть не могло, ибо игнорирование взаимодействия отраслевой и территориальной структуры неизбежно превращает управление такой страной как Россия, во всеобщий театр абсурда. Как можно иметь конкурентоспособную экономику в России, если по содержанию наших законов нельзя понять о какой стране идет речь — крохотном Люксембурге, однородной Дании или о гигантской России. Особенно восхитителен закон о материнском капитале — по всей стране 250 тыс. руб. Но на юге России это более 100 потреби-

тельских корзин, а на Северо-Востоке России — это 30–40 потребительских корзин.

И таких чудес в нашем законодательстве не пересчитать, однако для этого федеральный центр и его консультанты должны быть экономико-географически (а, следовательно, градостроительно и кибернетически) образованы. Не случайно со времен Ленина экономическая география входила в перечень базовых дисциплин в ВУЗах СССР, и не случайно территориальный разрез первого пятилетнего плана считается наилучшим за всю историю СССР. И не повысить уровень жизни основной массы населения России и конкурентоспособность российской экономики без обеспечения указанной образованности кадров, особенно преподавателей по государственному и муниципальному управлению. А для этого необходимо решение высшего руководства страны.

Одновременно, подготовка такого не простого документа будет способствовать консолидации всего географического сообщества и развитию самой теории и практики экономической географии.

Вот какой клубок вопросов и противоречий возникает при рассмотрении для многих не существующей проблемы «роль экономической географии в повышении конкурентоспособности российской экономики».

Итак, до тех пор, пока интеллектуальная элита российского общества не образумится и экономико-географически, градостроительно и кибернетически не образуется и не создаст финансово-организационные условия для развития экономической географии (равно как теории градостроительства и кибернетики) в качестве интегративной фундаментальной науки — России не выйти из стадии прозябания. А это будет общецивилизационная трагедия, ибо только современное советско-российско-украинско-белорусское поколение ученых может показать всему миру, как следует управлять страной, чтобы она превращалась в малоконфликтный единый дом, а не в неизлечимый остроконфликтный сумасшедший дом с морем крови и слез, который сегодня, благодаря коммерциализированной науке, руководству стран золотого миллиарда и международных организаций, ускоренными темпами формируется на планете Земля в целом и в России, в частности.

Если российская политическая элита упустит время с созданием условий для функционирования экономической географии, теории градостроительства и кибернетики в качестве фундаментальных наук, то научная методология решения глобальных проблем человечества будет потеряна также, как в свое время был потерян секрет дамасской стали. Только ущерб от потери научной методологии будет в миллионы раз больше.

Родман Б.Б.

Экологическая специализация России в постиндустриальном мире

Для сохранения биосферы и выживания человечества необходимо, чтобы от четверти до трети всей земной суши занимали естественные леса, степи, прерии, луга, тундры, высокогорья с ледниками и снежниками и другие природные ландшафты с присущим им диким животным миром. Желательно, чтобы природные земельные угодья пронизывали даже высоко урбанизированную среду, но если во многих регионах мира это трудно осуществимо, то должны быть и разнообразные формы *территориальной экологической компенсации*, например, страны, где природный ландшафт отсутствует в избытке и имеет, тем самым, международное, «экспортное» значение. Россия — одна из немногих крупных стран (наряду с Канадой и Бразилией), которая могла бы стать «профессиональным» экологическим донором для мирового сообщества, поэтому желательна экологическая специализация нашей страны в мировом масштабе — превращение большей её части в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы. Рассмотрим доводы в пользу такого решения.

Сжатие обитаемого пространства. Россия захватила больше земель, чем могла освоить и заселить. После краха советской командно-административной системы территориальная структура нашей страны стала приходить в соответствие с реалиями рыночной экономики. *Обитаемое пространство* внутри Российской Федерации сокращается и фрагментируется (Каганский, 2001). Более или менее «цивилизованная» жизнь (по западноевропейским стандартам) в современной России оказалась возможной только в больших городах и отчасти в их пригородах, а также кое-где вдоль крупнейших транспортных магистралей. Остальное пространство используется незначительно и слабее, чем до революции 1917 г. Это замечание относится и к сельскому хозяйству Нечерноземья (Нефёдова, 2003). Для разностороннего экономического и социального развития перспективны урбанизированные ареалы вокруг столицы и центров «субъектов Федерации», а что делать с остальной территорией, занимающей миллионы квадратных километров? Ареалы экономического затишья и

упадка можно превратить в места *процветающего природного ландшафта*, который ведь всё равно должен где-то размещаться.

Одичание земли, ренатурализация ландшафта. В России после 1991 г. усиливается *социально-экономическая поляризация* как в разрезе социальных страт, так и в территориальном аспекте. Нарастают контрасты между центрами и периферией на всех таксономических уровнях. Относительный подъём центров сопровождается упадком окраин. Так появляются новые «пустыри» для восстановления природных биогеоценозов. Поляризация общества повлекла экологическую поляризацию ландшафта, растительного покрова, животного мира. В Нечерноземье пашня зарастает кустарником и деревьями, исчезают сенокосы и пастбища. Поляризация в животном мире идет «с обратным знаком»: погибают, истребляются требовательные к среде «аристократы» (леопард, тигр, медведь), выживают более всеядные «плебеи». Периодически увеличиваясь или уменьшаясь в численности, возвращаются в прежние места обитания и облюбовывают себе новые экологические ниши дикий кабан, лисица, заяц, лось, а временами и волк, отношение к которому по-прежнему неоднозначно. Целесообразно было бы путем простого невмешательства поддерживать это *самовосстановление природы* вместо того, чтобы закачивать деньги в бесперспективные программы «подъёма» депрессивных регионов.

Экологический потенциал административных границ. Географическое пространство России во многом подобно её бюрократической структуре. Сформировался уникальный *централизованный ландшафт*, в котором «вертикальные» (на местности и карте — радиальные) связи усилены, а «горизонтальные» (прочие) ослаблены. В лесной природной зоне на границах регионов в стороне от межобластных дорог образовались малолюдные «мёртвые» полосы, где традиционные сельские поселения исчезли ещё в советское время. Здесь в наибольшей степени происходит вышеописанное одичание культурного и возрождение природного ландшафта. Аналогична ситуация и в сети внутриобластных административных районов, но их приграничные полосы гораздо уже. Для поддержания жизнеспособности и целостности биосферы природные угодья должны не только занимать достаточную площадь, но и составлять сплошной массив, хотя бы в виде *зелёных коридоров*. Существующие в России административные границы — почти готовый каркас для *эконета*, т.е. для сплошной трансконтинентальной сети «особо охраняемых» природных территорий (Шварц, 1998). Для сохранения благоприятного экологического потенциала нужна *стабильность административно-территориального деления* (АТД), а оно у нас практически не изменялось

с середины XX в. Наши регионы овеществились и окостенели, превратились в своего рода усадьбы, а их границы стали «живыми изгородями», уже используемыми для модных ныне национальных парков. К сожалению, эти национальные парки обычно располагаются по одну сторону межобластной границы, а по другую её сторону такой же лес нещадно эксплуатируется, что лишний раз свидетельствует об изоляции и несогласованности развития соседних регионов.

Экологическая конверсия военных территорий. За колючей проволокой запретных зон может скрываться до десятой части нашей страны, если судить по Подмосквовью. Военные захватили в десятки и сотни раз больше площади, чем требовалось для выполнения их прямых функций. Они упрятали свои объекты, хорошо видимые с воздуха, в дремучие леса якобы для маскировки, согнали и выселили тысячи деревень. Но нет худа без добра. Сегодня на обветшавших военных полигонах сохраняются великолепные леса и богатый животный мир. Расположение и очертания спецтерриторий напрямую не связаны с АТД, а природопользование в них не зависит от региональных властей, но это и требуется для эффективной охраны природы. Военные земли в России и по своему ландшафтному наполнению, и по географическому положению — *потенциальные природные заповедники*. Их продолжающееся сохранение за военным ведомством есть меньшее зло по сравнению с возможной массовой распродажей, приватизацией, застройкой (Каганский, Родоман, 2004).

Менталитет охранника, сторожа, инспектора. Мечтая о достойном будущем для России, нельзя не считаться с менталитетом и обычаями её «титульного этноса». У нас, как и прежде, высок и прочен статус чиновника, а не бизнесмена. Типичный россиянин — не предприниматель, а служащий, его всегда кормит государство: более или менее прямо, делясь с ним в виде жалованья доходами от невозобновляемых природных ресурсов, или косвенно, позволяя ему самому грабить природу и обирать других людей. Экономическая деятельность осуществляется под крышей и при долевым участии «правоохранительных» (карательных) органов. Менталитет охранника, сторожа, инспектора; разнообразная, в том числе экономическая, народная ксенофобия, препятствующая «чужим» работать и торговать, а также другие подобные качества, очевидно, укоренённые в национальном характере россиян, пригодятся для всякого рода охраны территории. «Собака на сене» станет положительным персонажем, если Россия изберет «профессию» *экологического сторожа*. Сидеть у входа, стоять на посту, ловить и штрафовать чужих, но милостиво пропускать своих — излюбленные занятия и способы самоутверждения у малообразованной части мужского населения, выросшего в военно-

полицейском государстве. Поддержание природоохранного режима на огромных малонаселённых территориях — не бизнес, а *полицейская работа*. К такого рода занятиям россияне подготовлены тысячеклетным ходом своей истории.

Малолюдность и перенаселённость России. Россияне рассредоточились по площади более чем в полторы Европы, но на двух третях этой территории плотность населения меньше 1 чел./км². Призывы остановить депопуляцию России не вяжутся с выводами исследователей, что до 80% её жителей — *экономически лишние*, они не причастны к нефтегазовой трубе, не нужны высшим чиновникам, мало перспективны в качестве производителей и потребителей, обречены на деградацию и вымирание; целые социально-профессиональные слои погружаются на социальное дно (Римашевская, 2003). Лишь по инерции, вследствие известной косности государственного аппарата, наша «элита» ещё как-то терпит и подкармливает совершенно чуждое ей население. По отношению к нынешней экспортно-сырьевой ориентации и к сложившимся в стране порядкам можно говорить об *экономической перенаселённости*. Резкое увеличение людности страны путём массовой иммиграции (главным образом из Средней Азии и Китая), кажется, ни для кого в России не приемлемо. Государственные пособия могут стимулировать деторождение разве что у люмпенов (алкоголиков, наркоманов); не порадует нас бэби-бум у олигофренов и несовершеннолетних. «Хорошего» роста населения и «правильной» рождаемости социологи и демографы не обещают. Значит, надо приспосабливаться к существующей ситуации и, более того, использовать её как козырь. Малолюдность России в сравнении с её площадью для экологической специализации явный плюс. Национальный парк, а тем более заповедник, не должен быть густо населён людьми. Для поддержания ландшафта и экофильного, неинтенсивного землеприродопользования требуется гораздо меньше работников, чем при сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых. Альтернатива кажется простой: уступить Сибирь и Дальний Восток соседям или удерживать эти земли в качестве природного резервата под патронатом ООН, в союзе с Европой и США; нести ответственность за Алтай, Саяны, Байкал перед мировым сообществом.

Лесопарковая периферия ойкумены. Представим себе большой город, в котором по планам градостроителей или стихийно формируются *функциональные зоны* — селитебные, промышленные, торговые, рекреационные. В некоторых отношениях вся земная суша превращается во Всемирный город (Эйкуменополис) (Doxiadis, 1968), а в большом городе и функциональные зоны велики; при интеграции

в мировое хозяйство в них помещаются целые страны. Нет ничего трагического или позорного, если Россия своей большей частью (северо-восток Европы, Сибирь, Дальний Восток, Субарктика, все горы) попадёт в рекреационно-экологическую зону планеты, станет *экологическим дополнением*, лесопарковой периферией континентов Старого Света. В современном мире есть три *геоэкономических центра*; один из них — Северо-Американский; Россия — природноресурсное дополнение двух других — Европейско-Средиземноморского и Юго-восточно-Азиатского. Периферийное положение в глобальном экономическом пространстве благоприятно для экологической специализации: обширный лесопарк и должен располагаться на окраине города. Россия может «покорить» человечество не оружием, а уникальным вкладом в дело сохранения биосферы, стать *экологическим полюсом* всего Восточного полушария.

Нео-неолитическая контрреволюция. Как известно от археологов, в новом каменном веке появились животноводство и земледелие, произошёл медленный переход от присваивающего хозяйства (собирательство, рыболовство, охота) к производящему — так называемая *неолитическая революция*, позволившая человечеству расти и развиваться быстрее. Но присваивающее хозяйство не исчезло, оно сохранялось у «отсталых» народов как основное занятие, а у «передовых» — как сопутствующее, оживая в эпохи кризисов и откатов. После 1991 г. в России и других странах СНГ случилась «нео-неолитическая контрреволюция» — обвальный, массовый переход от производства новых вещей к присвоению имеющихся. Захватывается, потребляется, расточается, распродаётся, вывозится природное и культурное достояние; повсеместны грабёж, рэкет, постоянное перераспределение имущества. Традиционные виды индустрии сохранились, сосредоточились и процветают в немногих отраслях, обслуживающих экспроприаторов (например, строительство зданий и автодорог). В большинстве прочих сфер товарное производство и законный наёмный труд невыгодны. Россия в качестве страны, производящей движимые вещи, имеет мало перспектив на мировом рынке не только по экономическим, но и по моральным причинам. В «развитых» странах покупатель всё чаще отказывается от продуктов, произведённых с нарушением экологических норм, с пренебрежением к правам человека и животных (вспомним бойкот шуб из натурального меха и паштета из гусиной печени). Но какая продукция выпускается в России без подобных нарушений? У нас даже реальных профсоюзов нет, значительная часть экономики — теневая, не предполагающая соблюдения норм трудового кодекса. Добычей нефти и газа уничтожается родовое хозяйство аборигенов Сибири, а для ежегодного вывоза из Якутии одного-двух чемоданов с алмазами

испорчена территория не меньше Швейцарии. Это постепенно доходит до сознания экологически ориентированного потребителя. Возродить «промышленное» производство в России значит реанимировать ВПК; продавать устаревшее оружие «второстепенным» странам, стимулируя конфликты между ними, в конце концов оборачивающиеся против нас. Отказавшись от «тяжёлой промышленности» и «среднего машиностроения», наша страна могла бы решительно шагнуть в постиндустриальное общество — пусть не в его деловой центр, но и не на грязные задворки, а в периферийную природоохранную зону.

Экофильное природопользование. Если России суждено оставаться природноресурсным придатком «развитых» стран, то её экспортные ресурсы, в отличие от нефти и газа, должны быть легко возобновляемыми или вовсе не расходуемыми. Экологическая специализация предполагает *экофильное хозяйство* на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбо— и дичеразведение — потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); *экологический туризм* — потребление природных богатств без присвоения и уничтожения; но главная и первоочерёдная задача — *простое сохранение* природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата. Не «что делать?», а «чего не делать?» — вот роковой вопрос для России: воздерживаться от вредной, экофобной деятельности, вроде советского обслуживания ВПК и постсоветского грабежа природы, и получать отступные от богатых, «развитых» стран. Есть мнение, что Западная Европа и так уже должна России как экологическому донору за кислород, вырабатываемый нашими лесами и болотами (Гольц, 2002), за отказ обедневшего и разгосударственного сельского хозяйства от химикатов, загрязнявших моря через речной сток. Отсюда лишь шаг до мысли, что основной доход Россия должна иметь не от действий, а от бездействия. Средством достижения цели может быть не только деятельность, но и *благодное недеяние*.

Особый путь России или общий со всем человечеством — такая примитивная, грубая дилемма вызывает досаду, ибо оставлен без внимания третий, промежуточный вариант — учёт и использование нашей *географической специфики*, приоритетное развитие собственно природного и культурного наследия. Географическая специфика как ресурс развития есть даже у карликов вроде Андорры и Монако (и они её великолепно используют), но в силу огромности нашей страны её особенности имеют глобальное значение. И можно не мучиться в поисках государственной идеологии. У проекта экологической специализации — блистательные идеологические перспективы. Мифам о величии, уникальности, особой духовности России и об её мессианской

роли экологическая программа не противоречит. Либералы-западники, национал-патриоты, неоимперцы-евразийцы, экологи-неоязычники могли бы найти в данной концепции свои ниши. Церковь могла бы внушить своей пастве, что Бог хранил и готовил Россию для экологической миссии. Но и не впадая в мистику, можно предположить, «что, сохраняя, оберегая своё, Россия на самом деле, может быть лучше других стран, работает на сохранение всей Земли в будущем» (Гольц, 2002, с. 78). И публично кичащиеся своим патриотизмом должны бы только радоваться, если Россия встанет на путь *великой экологической державы* (Клюев, 2001). Для нашей страны открывается шанс прекратить сизифов труд, выйти из изнурительной гонки, вырваться из порочного круга догоняюще-отстающего, подражательно-имитационного *псевдоразвития* и обрести тем самым более достойное, устойчивое, уникальное место в мировом сообществе.

Заключение. Сегодня Россия, как и СССР, — всё та же военнокolonиальная империя, живущая за счёт безудержного расточения невозобновляемых природных и антропогенных ресурсов. У хозяев страны экологическая тема не в фаворе, им не нужны программы, «мешающие экономическому развитию». Наметилась тенденция считать подрывными организации, финансируемые из-за рубежа. Некоторые судебные процессы сигнализируют об участии, ожидающей чересчур активных экологов. Экология загоняется в безгласное подполье при нынешнем однобоком «экономическом росте», а в случае нового большого кризиса и обострения социальных конфликтов она отодвинется ещё дальше. Так стоит ли выдвигать проекты, казалось бы, заведомо безнадежные? Высказывать «неуместные» и «несвоевременные» мысли — досадная привычка некоторых членов научного сообщества. Пытаясь понять и предвидеть происходящее, обеспокоенный учёный проводит рациональные касательные к абсурдным извилинам реальности. Предложение отказаться от догоняющего развития и превратить большую часть нашей страны в природный заповедник — не изолированный экспромт, а завершение целой пирамиды аргументов и фактов. Весьма вероятно, что экологическая специализация России станет одной из *великих упущенных возможностей*, как искусственный международный язык и всеобщее и полное разоружение в XX в. Однако заметим, что ни того, ни другого, равно как и задачи сохранения биосферы, история с повестки окончательно не сняла. Легко и, кажется, вполне логично было бы предположить, что *природный резерват* или *мусорная свалка* — умозрительные, теоретические крайности возможного будущего России, а реальность расположится между ними. Увы! не всякие противоположности допускают золотую середину; смесь чистого с грязным — это всё-таки грязь.

Литература

- Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки, 2004, №1.
- Клюев Н.Н. (ред.). Россия и её регионы. Внешние и внутренние экологические угрозы. М., 2001.
- Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
- Римашевская Н.М. Богатые и «социальное дно» // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., 2003.
- Шварц Е.А. Экологические сети в Северной Евразии // Изв. РАН, сер. геогр, 1998, № 4.
- Doxiadis C.A. Ekistiks: An Introduction to the Science of Human Settlements. N.Y., 1968.

Нагирная А.В.

Глобальное информационное общество: концепция, социально-экономические и географические особенности развития

Наступивший XXI век уже в конце прошлого столетия стал называться «эпохой информации» и, более того — «веком глобального информационного общества». В таком обществе образование, знания, информация и коммуникация составляют основу развития и благополучия человеческой личности и общества в целом. Сегодня многие развитые страны мира провозгласили целью своего развития становление информационного общества.

Существует много определений современного общества, и каждое из них отражает процесс его трансформации и смещение приоритетов экономического развития в сторону сферы услуг, информации, коммуникации и высоких технологий. Возрастающая на наших

глазах роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приводит к появлению концепций, которые связывают общественный прогресс со сферой информации и коммуникаций, с информационной индустрией и производством знаний. Одни исследователи называют современное общество постиндустриальным (Д. Белл и др.), другие — информационным (Э. Тоффлер, М. Кастельс, А. Турен и др.), третьи — постмодернистским (А. Тойнби, Ж. Бодрийяр, Д. Иванов и др.). Очевидно одно — человеческое общество переходит на новый этап своего развития — информационный.

Тема информационного общества, путей и проблем его формирования является чрезвычайно актуальной и вызывает научный интерес, в том числе и в социально-экономической географии. Концепция информационного общества и различные аспекты его формирования исследуются многими зарубежными и отечественными авторами. Однако мало кто проводит комплексное социально-экономико-географический анализ развития глобального информационного общества в мире, что представляет особый научный интерес. Различные аспекты формирования информационного общества могут исследоваться как на глобальном, так и на региональном, а также национальном уровнях.

Отметим, что автор не ставил перед собой задачу представить в статье обзор всех концепций информационного общества. Рассмотрим коротко **понятие информационного общества** (ИО). В данной работе будем понимать под информационным обществом *новый этап социально-экономического развития человечества, характеризующийся увеличением роли информации и знаний во всех сферах жизни общества, возрастанием доли инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг в ВВП, возникновением «новой экономики» — экономики знаний, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, предприятий, организаций, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.*

Данный термин обрел статус официального, так как широко используется не только в средствах массовой информации, но и в официальных документах правительств и международных организаций. Во многих странах (США, Япония, Германия, Финляндия и др.) и на международном уровне в последние десятилетия XX века появились государственные и межгосударственные программы и стратегии развития ИО, вовлечения в этот процесс развивающихся стран, нацеленные на становление глобального информационного общества.

Социально-экономические особенности формирующегося информационного общества

Информация и информационные технологии не только играют огромную роль в жизни общества, но и являются причиной его трансформации. Рассмотрим, в чем это проявляется и выделим основные черты формирующегося ИО.

1. *В современном мире лидерами в области развития ИО являются страны, обладающие наиболее эффективной и мощной экономикой, лидирующие по всем показателям благосостояния граждан (уровню жизни населения, ее средней продолжительности, социальной защищенности и т.п.) и развития гражданского общества (соблюдение прав человека и основ демократии): Северная и Западная Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия и другие.*

2. *В структуре производительных сил ИО ведущую роль играет научно-технический потенциал.* Такие традиционные факторы, как размеры территории, климат, запасы полезных ископаемых, численность населения, отступают на второй план. Для оценки научно-технического потенциала используется показатель расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в процентах от ВВП. Критической точкой, за которой следует разрушение научной сферы страны, ЮНЕСКО считает 0,33%. В передовых странах, лидирующих в мире по уровню информатизации, расходы на НИОКР в среднем составляют 2–3% ВВП, при этом государство в большинстве стран обеспечивает примерно половину этих затрат. В США на НИОКР выделяется около 2,6% федерального бюджета. В РФ этот показатель в 2003 г. был равен 1,28%. Максимальные расходы на НИОКР — в Израиле (4,93 %) [7].

3. В экономике ведущую роль играют обеспечивающие интенсивный рост *наукоемкие отрасли, в том числе информационные.* Эти отрасли отличаются большой добавленной стоимостью продукции и высокими темпами роста. За период с 1980 по 1997 г. средний годовой прирост объемов наукоемкого промышленного производства в мире составлял 6,2% (с поправкой на инфляцию), тогда как в прочих обрабатывающих отраслях он был равен 2,7% [1]. Аналогичная ситуация характерна и для наукоемких отраслей сферы услуг. На мировом рынке наукоемкой продукции господствуют страны, наиболее продвинутые в области построения ИО, — США, страны Западной Европы Япония. Вклад информационного сектора в ВВП у стран-лидеров составляет до 65% [1].

4. Ключевую роль в развитии ИО приобретают инновации, которые обретают форму каскадов, и диффузия которых неизменно ускоряется¹. При этом особое внимание в ИО уделяется поддержке инновационного потенциала *малого и среднего бизнеса*² (через использование налоговых, кредитных, административных и др. механизмов государственной поддержки).

5. Экономической основой ИО является экономика знаний. С развитием ИО способность производить, приобретать и использовать знания становится важнейшим *фактором международной конкурентоспособности*. Для каждой страны возникает необходимость разработки стратегии повышения эффективности использования знаний для того, чтобы повышать производительность традиционных отраслей производства, развивать новые отрасли и не упустить возможность догнать тех, кто сейчас находится на передовых позициях.

6. Существенные изменения претерпевает в ИО система управления экономикой, происходит замена жестких иерархических структур прошлого *гибкими сетевыми горизонтальными* структурами, способными быстро реагировать на изменения внешних условий. Это создает условия для все большей транснационализации и глобализации мировой экономики.

7. Качественно *меняется структура занятости* в сторону роста числа занятых в третичном секторе экономики: в первичном секторе занято 2–3% населения, в промышленности — около 15–20%, остальные — в сфере обслуживания, значительная часть которой входит в информационный сектор.

8. Особое значение в ИО приобретает *качество труда, его квалификация*. Работники рассматриваются не как рабочая сила, а как человеческий капитал предприятия.

9. В ИО *возрастают роль и ответственность системы образования*, которая должна обеспечивать как подготовку необходимого количества специалистов, так и достаточно высокий общий уровень грамотности населения. В систему образования внедряются ИКТ: по-

¹ Например, четверть населения США владела автомобилем через 35, а телефоном — через 39 лет после их изобретения; компьютером такая же доля населения обзавелась за 18 лет, мобильным телефоном — за 13 лет, а к сети Интернет подключилась всего за 7 лет [1].

² В США малый и средний бизнес обеспечивает 50% занятости в частном секторе и половину ВВП страны. Число ученых и инженеров на 1 тыс. работающих у больших и малых фирм одинаково а стоимость НИОКР на 1 долл. объема продаж на больших фирмах примерно вдвое выше [1].

лучают широкое распространение дистанционное, двойное высшее образование, формируется потребность в пожизненном образовании.

10. ИО обладает *высокоразвитой информационной инфраструктурой*. Это выражается в высокой степени распространения как различных средств коммуникации и информации, так и разнообразных информационных сетей (внутрифирменных, национальных, региональных и глобальных и др.). Сети порождают качественно новые связи в бизнесе и науке, новые виды экономической деятельности (например, электронная коммерция), новые средства общения и т.п. [1].

География ИО тесно связана с географией мировой информационной индустрии, так как для реализации ИО необходимо широкое распространение средств приема/передачи информации, которые составляют инфраструктуру ИО. Информационная индустрия — новейшая отрасль хозяйства — состоит из двух принципиально разных составляющих: производство информационной техники и производство непосредственно информации. До сих пор нет единого подхода к определению состава этой отрасли, что во многом является следствием ее пограничного положения на стыке вторичного и третичного секторов экономики.

Мировая информационная сеть непрерывно расширяется, усложняется и совершенствуется. Тем не менее, если традиционные средства передачи информации распространены практически повсеместно, то доступ к новым технологическим средствам (компьютерам и сети Интернет) имеет совсем небольшое количество населения земного шара (15,7%), причем в основном это жители развитых стран. Именно эти страны и можно назвать наиболее готовыми к жизни в информационном обществе.

11. По мнению многих исследователей, важной характеристикой ИО является его *глобальный* характер, обусловленный возможностями интенсивно распространяющихся информационных технологий. Однако не стоит воспринимать слово «глобальный» буквально. В каждой стране в зависимости от уровня ее экономического и социального развития, а также от многих других экономико-географических, социально-исторических и природных факторов под влиянием процессов глобализации, модернизации, информатизации и других идет формирование ИО со своими характерными особенностями и по своему собственному пути. То, что понимается под ИО в передовых странах мира не соответствует тому, к чему стремятся бедные государства, развивая у себя ИО.

12. Во многих странах развитием ИО руководит государство. Среди них есть и развитые (например, большинство стран Европы), и развивающиеся страны (например, Малайзия). В других же государствах формирование ИО пока происходит стихийно (то есть правительство не участвует в его развитии, нет государственной стратегии развития ИО).

13. При исследовании теоретических подходов к концепции ИО становится очевидным его *противоречивость*. К примеру, многие ученые склонны к идеализации нового общества, считая, что в нем каждый человек в любом месте и в любое время сможет получить всю необходимую информацию (А.И. Ракитов, Н. Моисеев и др.). Однако ряд исследователей отмечает в качестве одной из характерных черт ИО появление нового типа социальной поляризации, который основывается на информационном неравенстве (М. Кастельс, Д. Иванов и др.). На самом деле информационную эпоху следует рассматривать не как высшую точку человеческого развития, а как очередной этап, на котором происходит трансформация структуры мирового хозяйства, человеческой деятельности и общества в целом, но общество переходит на этот этап вместе со всеми глобальными проблемами современного мира, в том числе социальным неравенством.

Пожалуй, *главным географическим противоречием формирующегося ИО является его глобальный, но с другой стороны дискретный характер*. Как говорится в Окинавской хартии глобального ИО, «все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального ИО». На сегодняшний день такого поистине глобального ИО в мире нет. Мир поляризован, и ИО (на современном уровне его развития) дискретно вследствие различных экономических, политических, географических и других факторов. Даже там, где оно есть, ИО проявляется не одинаково. Развивая ИО, разные страны стремятся к разному: развивающиеся — к обеспечению всеобщего доступа населения к средствам массовой информации и коммуникации, развитые — к устойчивому развитию, повышению общественного благосостояния, трансформации образа жизни людей и взаимодействия между правительством и гражданским обществом.

Основные факторы развития информационного общества

Движущей силой социально-экономического развития в информационном обществе является производство, приобретение, распространение и практическое применение информации и знаний. Следовательно, главной задачей для перехода к ИО является рост эф-

фективности использования информации и знаний во всех областях общественной деятельности. Для достижения роста эффективности использования знаний в стране необходимы долгосрочные инвестиции в образование, развитие национального инновационного потенциала, модернизация информационной инфраструктуры, а также обеспечение благоприятной для развития ИО и, в частности, экономики знаний, среды. Таким образом, ИО включает в себя следующие четыре основных компонента [8]:

1. *благоприятный экономический и институциональный режим* (благоприятная экономическая политика и система институтов), способствующий эффективному использованию ресурсов и стимулирующий всё более ускоренное и эффективное создание, распространение и использование информации и знаний;
2. *высокообразованная и высококвалифицированная рабочая сила*, способная эффективно создавать и использовать информацию и знания;
3. *эффективная национальная инновационная система*, состоящая из фирм, исследовательских центров, университетов, консалтинговых и других организаций, идущих в ногу с информационной революцией и обеспечивающих доступ национальной экономики и общества к растущим мировым запасам знаний, их сбор и адаптацию к местным условиям.
4. современная и/или динамично развивающаяся *информационная инфраструктура*, являющаяся основой для эффективной коммуникации, передачи и обработки информации и знаний.

Практически все страны уже сейчас оказываются в большей или в меньшей степени вовлеченными в процесс развития глобального ИО. В одних странах его можно назвать уже почти сформировавшимся, в других — интенсивно развивающимся, в третьих — только зарождающимся.

На пути развития ИО каждая страна проходит несколько стадий (начальную, роста и зрелости), на каждой из которых развитие ИО определяется действием определенных факторов (см. таблицу 1). Значение того или иного фактора меняется при переходе общества от одной стадии к другой. В этой связи особая роль в развитии ИО принадлежит государству. Его задача заключается не только в содействии развитию ИО, но и в своевременном выявлении насущных потребностей и верном выборе тех или иных механизмов государственной политики для реализации экономических, социальных и культурных преимуществ ИО.

На *начальной стадии* ключевую роль в развитии ИО играют усилия (в первую очередь, государства) по развитию ИКТ-инфраструктуры и обеспечению населения (особенно отдаленных труднодоступных территорий) универсальным доступом к ИКТ. Как показывает опыт, например, африканских стран, в подобных условиях эффективными мерами государства могут быть создание центров общественного доступа (ЦОД), реализация национальных проектов по развитию ИКТ-инфраструктуры, а также привлечение частного сектора к осуществлению проектов по информатизации страны и созданию фонда универсальной службы. При этом главной преградой, стоящей на пути развития ИО в наименее развитых странах, является бедность и незаинтересованность населения в использовании ИКТ. В этой связи также немалое значение имеет реализация образовательных программ.

На *стадии роста* ключевыми факторами развития ИО становится развитие человеческого потенциала и образование, а также наличие благоприятных экономических, правовых и институциональных условий для развития ИО. Для развития ИО в некоторых странах решающее значение сыграли инвестиции в образование (например, в Болгарии). «Стратегия развития ИО должна сопровождаться развитием людских ресурсов, возможности которых соответствовали бы требованиям информационного века» [8]. Для большинства же стран сильнейший толчок развитию ИО дает либерализация рынка ИКТ (например, в Алжире), и это подтверждают многие наблюдения [11]. В результате, иностранные компании приходят на рынок (развивается аутсорсинг), а в дальнейшем параллельно развиваются и национальные производства ИКТ. Таким образом, в условиях глобализации важнейшим условием всестороннего развития, в том числе развития ИО, становится уровень открытости экономики страны в системе МРТ. Открытость экономики — одно из ведущих правил интеграции хозяйства страны в мировое [3]. Задача создания предсказуемой, транспарентной и недискриминационной политики и нормативной базы, необходимой для ИО, лежит на правительствах [8].

На *стадии зрелости*, когда ИКТ-инфраструктура и человеческий капитал развиты на высоком уровне, ключевым фактором развития ИО становится производство знаний, то есть разработка и внедрение инноваций. Развитые страны соревнуются также в области внедрения ИКТ-инфраструктуры последнего поколения, например, в начале XXI века — беспроводной широкополосной связи. Также большое значение для дальнейшего развития ИО имеет решение таких вопросов, как обеспечение информационной безопасности и усовершенствование законодательной базы по защите прав интеллектуальной собственности. Повышения эффективности функционирования государств

венной системы развитые страны ждут от внедрения системы электронного правительства (в том числе для электронного взаимодействия государства с бизнесом).

Отметим, что разделение на стадии и черты эффективной государственной стратегии, выделение основных вызовов и ключевых факторов развития ИО являются весьма условными (что подразумевает возможность наличия исключений) и имеют целью лишь отражение основных тенденций.

Обилие различных факторов (инфраструктурных и неинфраструктурных), влияющих на развитие информационного общества в каждой отдельно взятой стране, означает, что подход к развитию ИО должен быть как можно более комплексным. Оно также подтверждает тот факт, что существуют различные пути перехода к информационному обществу.

Влияние развития ИО на международное разделение труда

Развитие ИО, вызванное революционным воздействием ИКТ на все сферы жизни общества, наряду с другими факторами/процессами оказывает влияние на пространственную организацию общественного разделения труда — на территориальное разделение труда и, в частности, международное разделение труда (МРТ). Это проявляется в том, что «естественно-географические условия и выгодное географическое положение все больше отходят в своем значении на задний план, а на первые места выходят многочисленные факторы информационно-технологического и гуманистического содержания» [3].

Можно выделить следующие аспекты влияния развития ИО на МРТ:

1. Так как в экономике знаний ИО ведущую роль играют наукоемкие отрасли, в том числе информационные, в МРТ происходит *сдвиг в сторону наукоемких и высоко-технологичных производств*, что приводит к увеличению масштабов международных обменов и кооперации. В кооперированных поставках происходит сдвиг в сторону узкоспециализированной и мелкосерийной продукции. Повышается роль малого и среднего бизнеса³.

³ По данным ОЭСР, вклад малого бизнеса в производство ВВП развитых стран достиг почти 70% (США — 52, Япония — около 50, ЕС — около 60) [6].

Таблица 1.

Ключевые факторы развития информационного общества.

Составлено автором

Стадии Ключевые факторы развития ИО	Начальная стадия	Стадия роста	Стадия зрелости
Развитие ИКТ-инфраструктуры	III	II	I
Развитие человеческого потенциала и образование	II	III	I
Наличие благоприятных экономических, правовых и институциональных условий для развития ИО	I	III	II
Разработка и внедрение инноваций	I	II	III

Основные вызовы	- Инфраструктурная и ценовая недоступность ИКТ; - Отсутствие компьютерной грамотности у большей части населения (в т.ч. трудоспособного); - Незаинтересованность населения в использовании ИКТ.	- Высокая стоимость доступа к новейшим ИКТ (из-за отсутствия конкуренции на рынке); - Неконкурентоспособность национальной ИКТ-продукции и услуг; - Недостаточное число специалистов в области ИКТ.	- Необходимость обеспечения безопасности информации; - Необходимость защиты прав интеллектуальной собственности; - Преодоление психологического цифрового разрыва; - Излишняя конкуренция на рынке ИКТ (пока только в США).
Эффективная государственная стратегия	- Принятие национальной Программы / Стратегии развития ИО; - Создание центров общественного доступа (ЦОД); - Национальные проекты по созданию ИКТ-инфраструктуры; - Привлечение частного сектора к обеспечению ИКТ-инфраструктурой отдаленных территорий; - Создание фонда универсальной службы.	- Приватизация и либерализация сектора ИКТ; - Широкое использование ПО с открытым кодом; - Инвестиции государства в образование; - Привлечение иностранных компаний и инвестиций; - Развитие национального сектора ИКТ.	- Разработка и реализация мер по обеспечению информационной безопасности; - Усовершенствование законодательной базы по защите прав интеллектуальной собственности; - Развитие системы электронного правительства (в т.ч. кооперации государства с частным сектором с помощью ИКТ); - Развитие ИКТ-инфраструктуры последнего поколения (в начале XXI века это – беспроводная широкополосная связь).
Примеры	большинство африканских стран	Болгария, Алжир, Коста-Рика, Россия	Страны Западной Европы, США, Канада, Япония
Условные обозначения: III – ключевое значение, II – большое значение, I – несущественное значение.			

2. Стремительное распространение ИКТ сделало возможным коммуникацию высокого качества в режиме реального времени между людьми, расположенными в различных странах и регионах мира. Так развитие ИО создало условия для *транснационализации и глобализации* мирового хозяйства. Под влиянием этих процессов внешняя торговля становится примерно на 2/3 зависимой от деятельности транснациональных корпораций (ТНК) и на 1/3 превратившейся в «квизиторговлю» между подразделениями одной и той же ТНК [3]. Как отмечает Н.С. Мироненко, в настоящее время мирохозяйственные взаимодействия осуществляются в двух различных «мировых полях» [3]: международном, отражающем торговые связи между государствами, и транснациональном, отражающем связи в транснациональных структурах и сетях. Таким образом, современное МРТ включает в себя международное и транснациональное разделение труда.

Здесь же важно упомянуть теорию М. Кастельса, который структурировал современное МРТ в соответствии с четырьмя выделенными им *типами труда*, которые занимают различные позиции в «*информационной*» глобальной экономике: 1) *информационный труд* в области высокотехнологичных производств, приносящий значительную стоимость; 2) *низкооплачиваемый труд*, производящий большие объемы товаров; 3) *труд по производству сырья*, базирующийся на природных ресурсах; 4) *обесцененный труд лишних производителей*. «Географически они концентрируются в некоторых областях планеты так, что глобальная экономика является географически дифференцированной. Однако новейшее международное разделение труда происходит не между странами, а между экономическими агентами, размещенными по четырем указанным выше типам труда в глобальной структуре сетей и потоков. Эти четыре указанные позиции присутствуют во всех странах. Даже маргинализированные экономики имеют небольшой управляющий сегмент функций, связанный с сетью производителей высокой стоимости, для того, чтобы, по крайней мере, обеспечивать передачу любого капитала или информации, накапливающихся в стране. И, разумеется, в самых могущественных экономиках имеются маргинальные сегменты населения с позиции обесцененного труда» [2].

3. В результате развития ИО возникает *новая модель МРТ, основанная на информационных технологиях и коммуникациях*. ИКТ преобразуют принципы предпринимательства, политики и международного разделения труда. Интернет становится мощным инструментом ведения бизнеса и накопления капитала. Активно

развивается электронная коммерция⁴. По мнению Г. Минс и Д. Шнайдер, в ближайшее время произойдет переход к декапитализированной модели электронного бизнеса, при которой огромные объемы капитала направляются на разработку брендов⁵.

4. Одним из проявлений развития ИО является процесс *виртуализации или дематериализации* мирохозяйственных отношений — замещение материальных вещественных продуктов их образами (нематериальными аналогами). В рамках процесса виртуализации происходит не только рост третичного сектора экономики и информации, но и, например, замена при международных обменах овеществленных предметов информацией о способах (технологии) их производства (лицензии, патенты) и т.п. [3].
5. Под влиянием развития ИО происходит *трансформация пространственной структуры мирового хозяйства*. Страны Центра (Ядра) мирового хозяйства постепенно переориентируют свою экономику с материального производства на производство информационного продукта. Материальное же производство сосредоточено в основном в странах Полупериферии и Периферии. При этом Центр, Полупериферия и Периферия неоднородны по своей структуре. Таким образом, *каждый новый тип общества* (аграрный, индустриальный и постиндустриальный) *не замещает целиком предшествующие формы, а сосуществует с ними*. Так, в системе современного мирового хозяйства продолжают сосуществовать постиндустриальное общество (страны Центра мирового хозяйства), индустриальное общество (страны Полупериферии) и аграрное общество (наименее развитые страны мира (по классификации ООН), во многих из которых доля сельского хозяйства в ВВП и структуре занятых составляет 50–80%).

Современное мировое хозяйство представляет собой информационно-иерархическую пирамиду богатства и власти, вершина которой на макроуровне занята странами развитого мира, достигшими наибольших успехов в формировании информационного общества, а

⁴ Электронная коммерция (электронный бизнес) — понятие, более широкое, чем электронная торговля, включающее наличие своего сайта в Интернете, виртуального магазина, системы управления компанией, использование электронной рекламы, маркетинга, модели «бизнес для бизнеса» (B2B) или «бизнес для потребителя» (B2C) [10].

⁵ Бренд — интеллектуальная часть товара, выраженная в только ему свойственных названиях и дизайне, обладающая устойчивой и сильной коммуникацией с потребителем.

на микротерриториальном уровне — городами — полюсами формирования глобального информационного общества.

Далеко не все страны могут считаться готовыми к новой ступени эволюции человеческого общества. Тем не менее, процессы глобализации экономических отношений и научно-технический прогресс позволяют свести к минимуму временные затраты государств на подготовку к этому этапу развития. Применение новых ИКТ приобретает решающее значение для повышения конкурентоспособности экономики, расширения возможностей ее интеграции в систему мирового хозяйства. В реализации потенциала развития, который несет в себе ИО, самую важную роль играет государство. Именно государственная политика во многом обуславливает благоприятность экономических и институциональных условий, от которых зависит развитие ИО и место страны в глобальной экономике знаний.

В заключение хотелось бы отметить, что главной задачей автора при написании данной статьи было привлечение внимания исследователей-географов к проблеме развития информационного общества в мире и важности ее изучения. Возможно, читателю показалось, что автору свойственен своего рода «информационный детерминизм» (то есть склонность объяснять явления развитием информационно общества). Между тем, автор полностью признает комплексность происходящих в современном мире перемен, будучи при этом уверенным в ключевой роли информации и информационно-коммуникационных технологий на современном этапе развития. Изменения, произошедшие за несколько последних десятилетий в социально-экономической жизни общества, обусловили формирование таких принципиально новых явлений и понятий, как информационная экономика, информационное общество, информационные технологии, информационные потребности, информационные ресурсы, факторы, продукты, товары, капитал. Важнейшим фактором, определяющим уровень социально-экономического развития стран мира, а также их конкурентоспособности, становится прогрессивное развитие сферы информации, проявляющееся в увеличении затрат на новые научные открытия, развитие знаний и информационно-коммуникационных технологий, электронной коммерции, средств мобильной связи и пр. Информация превращается в один из важнейших факторов производства.

Процесс информационных преобразований в мире необратим. Игнорирование этого процесса наукой становится невозможным. Различные области науки уже проявили интерес к разным аспектам формирования информационного общества. Не должна оставаться в стороне и социально-экономическая география. Только она с помо-

щью своих методов и подходов может дать ответы на вопросы о том, как оценить расположение и связи объектов (регионов, государств, корпораций и т.д.) внутри информационного пространства, как оценить влияние информационных технологий на общественные территориальные системы, являющиеся, во-первых, носителями самой информации, во-вторых, ее потребителями, а в третьих — ее производителями, как соотнести друг с другом все характеристики территории: социальную, природную, экономическую, а теперь еще и информационную. В ответ на требования времени появляются совершенно новые направления социально-экономической географии: информационная география, география развития информационного общества в мире, география информационной индустрии и т.п.

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Контуры информационного общества / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. Исслед. По науке, образованию и технологиям. — М., 2005.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: Международное разделение труда: Учеб. Пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2006.
4. Национальные модели информационного общества / Отв. ред. и сост. Е.Л. Вартанова, науч. Ред. Н.В. Ткачева. — М.: Издательство ИКАР, 2004.
5. Русско-английский глоссарий по информационному обществу (совместный проект Британского Совета в России, Института развития информационного общества и проекта «Российский портал развития», 2001).
6. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. — М.: «Логос», 2002.
7. An International Perspective for a Global Information Society. IS Activity: International Aspects. European Commission, 2004.
8. Derek H.C. Chen and Carl J. Dahlman. The Knowledge Economy, the Knowledge Assessment Methodology and World Bank Operations // The World Bank. — Washington DC 20433. October 2005.
9. Digital Opportunity Initiative report 2001.
10. Global Information Technology Report 2005–2006.
11. The Economist Intelligence Unit. The 2006 e-readiness rankings.
12. World Development Indicators 2006.

13. Latest statistics on the Internet: <http://www.WorldInternetStats.com>
14. Central Intelligence Agency: <http://www.cia.gov>
15. The Knowledge assessment Methodology (KAM) website (www.worldbank.org/kam)

Левинтов А.Е.

Ре-миры постиндустриального общества

Одним из тяжелейших наследий большевистской эпохи является кардинальный разлом понятий, железным занавесом взаимонепонимания отделивший нас от западной цивилизации. Понятию «буржуазный» например, был придан классовый характер, но исключен изначальный смысл — городской (мещанский). То же произошло и с нравственным понятием *industria* — мирской аскезой трудолюбия, введенным М. Лютером, заместившей собой для протестантов процедуру индульгирования, отпущения грехов за плату. В русском советском языке индустрия стала синонимом промышленности, всего лишь.

В связи с этим мы до сих пор не совсем адекватно понимаем такие современные термины как постиндустриальное общество, считая, по преимуществу, что это общество более высокой формации, чем промышленное.

Одна из целей данной работы — рассмотрение постиндустриализма как общественной формации, придающей значение времени отдыха, покоя и восстановления человеческого капитала, послерабочего времени, гораздо более значимого для каждого человека, чем время, затраченное на работе, производстве, в сфере индустрии и приложения своего трудолюбия.

В более узком смысле, здесь будет предпринята попытка выявления географических аспектов постиндустриальности.

Введение понятия рекреации

Любая активность имеет свою реактивность, реверс, обратную сторону, находящуюся не во вне, а слитную с этой активностью настолько, что без этой обратной стороны невозможна, не имея компенсации, и сама активность.

Творческая, креативная деятельность сопровождается рекреативной, рекреацией.

Так как само творчество имеет два основных типа (творчество как самоутешение и как процесс, несущий удовлетворение в самом себе, а не в результате, и творчество как преступный акт, как преступление имеющихся и достигнутых культурных норм и пределов), то и рекреация имеет, относительно творчества, два выражения.

Для первого типа творчества она, в контраст творчеству, носит интимный, келейный, ноктюрн-характер. Для этой рекреации характерны уединение с самим собой или в паре, долгие беседы-разговоры, прерываемые глубоким молчанием и медитативными паузами.

Второй тип рекреации — шумный, публичный, пестрый, искрометный — от карнавала до скандала, по-есенински дебоширный, по-балзаковски бахвальский, в любом случае — расточительный и для кармана и для душевных и физических сил.

Рекреация часто выступает в качестве автопародии творчества: И. Смоктуновский дважды сыграл в кино Гамлета — в трагедии Г. Козинцева и, затем, в комедии Э. Рязанова. Второй Гамлет был явной рекреацией от первого.

Рекреация необходима, однако, не только для творчества и креативной деятельности. Она не менее необходима и для совершенно нетворческого занятия, того, что называется «маханием кайлом».

И эта рекреация заключается либо в смене цели деятельности, либо в смене средства, либо среды.

Если уж говорить непременно о «махании кайлом» при добыче угля, то в рекреационном режиме это махание может быть направлено не на максимальную вырубку угля, а на вырубку идеальных форм, например, вырубку угольных кубов или шаров. В советское, дефицитное на мясо, время московские мясники, развлекаясь, на спор крестообразно рубили червонцы, а потом сличали, кто точнее совершил разруб купюры. Это, конечно, баловство — но только в таком баловстве и озорстве оттачивается мастерство и гасится так свойственное тогда в мясных закусках и кулуарах корыстолюбие.

Продолжая обсуждение «махания кайлом», можно привести примеры смены орудия как рекреационного действия: боксеры начинают боксировать не кулаками, а большими пальцами или вообще ногами, поэт из озорства пишет прозой, художник вместо красок использует воду, игрок в настольный теннис берет в руки вместо ракетки лопату, футболист играет тяжеленным и огромным мячом, набитым опилками, и так далее.

Наконец, рекреативной может оказаться смена обычной среды активности: патологоанатом вскрывает не труп, а старый диван и начинает диагностировать причины «смерти» дивана, писатель начина-

ет придумывать новую письменность, садовник — выращивать кристаллы, космонавт — спускаться в пещеры и тому подобное.

Рекреация часто — ироническая гримаса основной деятельности, наш способ ставить себя вне и выше нашей деятельности, уход от рутины и с проторенных путей.

Рекреация — не единственная форма проявления ре-миров. Из их множества (рефлексия, реанимация, реабилитация, реконструкция, релаксация, ремиссия, ресторация, религия, регенерация, репродукция, репрезентация, реализация, ревизия, резервация, реформация, реминисценция, реставрация, ретрансляция и еще не менее полусотни других «ре-»,) можно выделить всего несколько связанных с постиндустриальным времяпрепровождением в массовых, а, следовательно доступных для географического исследования, масштабах, а именно:

- реанимация
- реабилитация
- релаксация
- реставрация
- рекреация
- рефлексия
- ремиссия

Многие из ре-деятельностей так срослись со своими «аверсами», что вошли в корневую часть слов и теперь неотделимы от корней, а сами «аверсы» прекратили свое самостоятельное существование. Сюда относятся, в частности, рецепция, репортерство, реверанс, ре-нессанс и т.д.

В иных случаях ре-деятельность так видоизменила «аверсную» деятельность, что теперь они неузнаваемы как парные (например, репетиция и петиция).

В третьем случае мы уже почти полностью утратили изначальный смысл ре-деятельности (ресторация — освежение, революция — смена воли, ремонт — «перемонтаж»).

И только в редких случаях еще явно слышится связь акции с реакцией: реконструкция, ремиссия, реанимация.

Это все свидетельствует о том, что многочисленные и разнообразные ре-миры уже давно живут достаточно самостоятельной жизнью, они составляют коллаж изнанки нашей жизни, порой вылезающей наружу изнанки.

Важно также отметить, что практически любая ре-деятельность значительно сложнее и разнообразнее своего двойника, полифунк-

циональна и потому играет более важную и более сложную роль в нашей жизни, как это было показано на примере творчества и рекреации.

Формы нравственного рельефа

Если мы, каждый из нас, и боремся со злом, то, прежде всего, со злом внутри себя — со внешним злом не то, что бесполезно бороться, а даже и опасно, так как ничего, кроме зла такая борьба не порождает, даже если мы и вступаем в нее с самыми добрыми и чистыми намерениями.

Деятельность, любая деятельность индифферентна к Добру и злу, это в лучшем случае. Врач ли, палач ли, учитель ли — как ни странно, но эти полярные, на первый взгляд, профессии, не являются носителями Добра и зла, не склоняются к одной или другой чаше весов. Это очень правильно и справедливо. Нельзя требовать от врача или педагога быть непременно носителем Добра, как нельзя определять палача принадлежащим злу только на том основании, что он — палач.

Разумеется, в силу прежде всего культурно-исторических обстоятельств и национальных традиций, профессионально оформленные деятельности могут иметь более или менее выраженную нравственно-этическую окраску. Так, например, в России врач и учитель имеют априорно позитивную коннотацию, а предприниматель и проститутка — негативную. В Америке, однако, практически все виды профессиональной деятельности лишены нравственных характеристик, что подчеркивает рационалистический характер всего американского общества. В СССР были попытки сформировать такое же нравственно индифферентное отношение ко всем профессиям («Книгу переворачивай, намотай себе на ус: все работы хороши, выбирай на вкус» В. Маяковский, «Кем быть?»), однако следует признать эти попытки неудачными, о чем свидетельствует, в частности, трафарет «уважай труд уборщицы», а не ученого, инженера или крестьянина, уважение к труду которых не требует призыва.

А ведь профессия — наиболее четко очерченная, историей и культурой отшлифованная, отнюдь не случайно сложившаяся деятельность.

Где ж искать пространство, в котором мы можем биться с собой и злом в себе?

Это пространство — ре-миры, миры, переворачивающие нас, водоворотящие наши сущности, предъявляющие нам нас самих — в зеркалах рефлексий, в гримасах и пародиях рекреаций, в муках ремиссий, в религиозных восторгах, в медитативных релаксациях, в глу-

бинах и безднах ретроспекций — мы, выпадая из деятельности (гораздо чаще, чем нам самим кажется), впадаем в ре-миры и там, только там вступаем в поединок с собой, преодолеваем себя либо — безнадёжно гаснем, погружаясь в мерзость охватившего и поработившего нас зла.

Это означает, что не всякое отдохновение от производства и работы относится к ре-мирам: проституция и пользование платными сексуальными услугами, азартные игры, чревоугодие, пьянство и все прочие смертные грехи вряд ли служат средствами борьбы со злом внутри себя.

Таким образом, в нравственном рельефе социо-культурного пейзажа можно выделить три основных формы:

- индустриальная, индифферентная к Добру и злу (равнинный рельеф)
- постиндустриальная ре— форма борьбы со злом в себе («горный рельеф»)
- постиндустриальная форма потакания и следования злу или форма соблазна («дольный рельеф»)

Технические решения

На индустриальных плато и равнинах «горный рельеф» проектируем и отдельными вершинами, и хребтами и массивами. Относительно «дольного рельефа», то тут требуются либо поощрительные меры (легализации, невмешательства, разрешения, допуска) либо запретительные (ограничения, табу, прямые запреты, лимитирование и квотирование).

В любом случае и независимо от предлагаемых и предполагаемых технических решений необходимы исследования (желательно комплексные гуманитарные, включающие географические, этнографические, социологические, культурологические и другие аспекты), а также эксперименты (имитации), моделирующие возможные последствия технических решений.

Исследования, технические и проектные решения составляют основу городской или территориальной (региональной) программы развития и преобразований, призванной:

- мобилизовать местные интеллектуальные ресурсы
- стать мотивом, привлекающим инвестиции
- обеспечить благоприятную социальную среду для инноваций и преобразований и максимально возможную вовлечённость местного населения.

Проектируемые и формирующиеся комплексы и системы Крыма

Прежде всего, следует сделать принципиальное различие между комплексом и системой.

Комплекс — естественно-искусственная конструкция, формируемая как стихийно, исторически складывающийся организм, включающий в себя как естественные и случайные компоненты, так и спроектированные, которые, по мере своего существования, «оестествляются», вплетаются в канву естественно сложившегося; примером комплекса может служить рекреационно-познавательная и развлекательная буферная зона национального парка. .

Система — искусственно-технический механизм, использующий естественные компоненты и материалы сугубо либо даже игнорирующий все природное и естественное: Лас Вегас, Диснейленд и тому подобное.

Идеальным объектом проектируемого ре-комплекса может служить Крым, где развернуты и могут быть значительно усилены природно-исторические условия для всех видов ре-деятельности в уникальном их сочетании в различных узлах и на различных территориях Крыма. Отчасти этот потенциал был вскрыт в «Программе регионального развития Крыма» (Лаборатория региональных исследований и муниципальных программ, 1992).

В качестве примера рассмотрим Бахчисарайский ре-комплекс, куда входят как значимые и очевидные:

- **религиозный узел** (мечети Бахчисарая, Успенский монастырь, синагоги Чуфут-Кале)
- **реабилитационный центр** (учебная база Геологического факультета МГУ и Крымская обсерватория)
- **резервационные территории** (нетронутые хозяйственной и туристической деятельностью обширные участки куэст)
- **рекреационные места** (многочисленные точки развлечений)
- **релаксационные очаги** (прежде всего, доступные для посещений и пребывания пещеры)
- **реминисцентная обстановка** (весь регион)
- **репродуктивный очаг** (комплекс Чуфут-Кале, старого караимского кладбища и другие места)
- **реанимационная зона** (вершины и террасы куэст над Бахчисараем)
- **пятна регенерации** (уединенные пещеры и колодцы)

- **выходы ремиссии** (сакральные места, «места силы» и выходы геомансии на дневную поверхность)
- **реставрационные очаги** (бальнеологическая и санаторно-курортная зона)
- **ресторационная инфраструктура** (многочисленные ресторанчики, кафе и чайханы в Бахчисарае)
- **рефлексивное пространство** (вся территория)

Другими ре-объектами Крыма являются:

- религиозный и ремиссионный центр Козьмо-Дамиановского монастыря и духовные мусульманские центры и святыни в Гурзуфе, Партените и других местах
- детский реабилитационный ареал Евпатория-Саки
- релаксационно-рекреационные зоны и центры Южного берега Крыма, Судака, Балаклавы, Севастополя, Коктебеля, Керчи, Феодосии

Принципиальное задание на исследования и проектирование ре-рельефа Ивановской области

Прежде всего, необходимо констатировать полную аморальность размещения в Ивановской области и других обжитых и староосвоенных местах игорного бизнеса как безусловно отрицательной формы морального рельефа. Гангстеры США, размещая в начале 20-х годов, гемблинг и игорный бизнес в Лас-Вегасе, понимали, что локализация производится ими в незаселенной пустыне, на ровном месте. Мы же сознательно обрекаем свои культурно-исторические территории на откровенное служение злу.

С сельскохозяйственной точки зрения Ивановская область традиционно пустопорожня: местное сельское население исторические тяготеет не столько к отхожим промыслам, сколько к ремеслам и кустарному производству, которые, с одной стороны, требуют индустриальности (трудолюбия), а с другой по своей художественной ценности и выразительности близки к креативной деятельности. Это делает данную территорию рекреационноемкой.

Промышленное развитие Ивановской области оказалось эфемерным и практически просуществовало чуть более ста лет. Распад СССР, сильнейшая конкуренция со стороны Китая, технологическое отставание, спровоцированное советской плановой экономикой, ориентированной на тяжелую промышленность и ВПК — все это привело к современному захирению «русского Манчестера». Вряд ли

можно говорить о серьезных перспективах Ивановской области как текстильного края.

Это обстоятельство также является благоприятным для формирования позитивных форм ре-рельефа, так как освобождается мощный потенциал не только трудовых, но и индустриально ориентированных женских рабочих рук.

Размещение в Ивановской области многочисленных гарнизонов и воинских частей имело и имеет не столько стратегическое значение, сколько призвано балансировать гендерную демографическую ситуацию.

Наряду с игорным бизнесом присутствие на данной (и любой другой) территории большого количества военнослужащих не может рассматриваться как позитивный фактор развития ре-деятельностей, более того именно территории, отданные в жертву игорному бизнесу, перенасыщены войсками), следует признать наиболее перспективными для размещения казино и игорных домов, а также тесно связанной с этим бизнесом проституцией: кадровые военнослужащие (офицеры, старшины и прапорщики) — наиболее подходящий для азартных игр социальный слой, имеющий исторические корни и традиции азарта, а контингент срочной службы — для публичных домов и борделей.

Проектная идея заключается в «всхолмлении» всей равнины промышленной Ивановской области или значительной части этой равнины, при этом наиболее «гористой» должно стать правобережье Волги от Плеса до Юрьевца (включая, конечно, Кинешму), где имеются наиболее мощные и непогребенные под индустриальным пейзажем ресурсы ре-деятельности.

Проектом предполагается также, что основными инвесторами и потребителями ре-ландшафта должны стать мелкие частные предприниматели и инициаторы из Москвы и Петербурга, патронируемые местными властями, чтобы исключить вторжение олигархического капитала, склонного к монополизации любой, в том числе и ре-деятельности, а также стремящегося к квазиэлитному депопуляризованному пользованию.

Проектирование ре-миров Ивановской области должно предвзято и сопровождаться комплексными венчурными исследованиями, участие в которых представляется честью для автора данной статьи.

Пространства проектирования

Если различным видам деятельности свойственно формирование различных сочетаний и комбинации, то для ре-деятельностей это является неременным условием: монотонное существование того

или иного вида ре-деятельности — явление крайне редкое и экстремальное.

В связи с этим, проектированию подлежат не отдельные виды ре-деятельности, а их совокупности и сочетания.

Все разнообразие ре-миров может быть сведено к следующей матрице:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1																			
2																			
3																			
4																			
5																			
6																			
7																			
8																			
9																			
10																			
11																			
12																			
13																			
14																			
15																			
16																			
17																			
18																			
19																			

Цифрами обозначены:

- 1 — реанимация (воодушевление)
- 2 — реабилитация (переоспособление, освоение новых умений)
- 3 — реализация (переопределение)
- 4 — ревизия (переявление)
- 5 — регенерация (перерождение)
- 6 — резервация (пережидание)
- 7 — реконструкция (переустройство)
- 8 — рекреация (восстановление творческого потенциала)
- 9 — релаксация (отдых, отдохновение, расслабление)
- 10 — религия (воссоединение)
- 11 — реминисценция (воспоминание)

- 12 — ремиссия (восстановление предназначения, духовного пути)
- 13 — репрезентация (смена представлений о себе)
- 14 — репродукция (воспроизводство)
- 15 — реставрация (восстановление)
- 16 — ресторация (освежение)
- 17 — ретрансляция (диспетчеризация связей)
- 18 — реформация (переоформление)
- 19 — рефлексия (переосмысление)

Данная матрица позволяет создавать $19! = 121\,645\,100\,408\,832\,000$ комбинаций, что в состоянии удовлетворить любую, самую буйную прожектирующую фантазию. К этому количеству квадриллионов также следует добавить, что каждая форма ре-деятельности имеет внутреннее разнообразие (как, например, две принципиально разных формы рекреации), что должно успокоить сомневающихся в скоротечном исчерпании возможностей проектирования уникальных сочетаний ре-миров.

Принципиально другим конструктивным подходом построения пространства проектирования ре-миров и ре-рельефа является матрица в которой ре-деятельности (отобраны семь наиболее развитых видов) соотнесены с обобщенными видами интеллектуальной деятельности постиндустриального общества:

	реани- мация	реаби- лита- ция	релак- сация	рес- тавра- ция	рек- реация	реф- лексия	ре- миссия
Исследова- ния и анали- тика							
проектиро- вание и др. работы с будущим							
экспери- ментирова- ние и твор- чество							
обслужива- ние							
коммерция							
управление							
преподава- ние							
бюрократия							

Проскуряков В.И.

Осевые структуры в территориальной организации промышленности *

Роль экономических линий в развитии современной промышленности

Переход ведущих стран мира на постиндустриальный этап развития экономики и ускоренное развитие промышленности в развивающихся странах приводят к кардинальной трансформации системообразующих процессов производства и воспроизводства мировой промышленности. Эти изменения находят свое отражение в развитии новых форм пространственной организации промышленности и определяют основные закономерности развития локальных и региональных промышленных структур.

В настоящее время наблюдается усиление процесса вертикальной дезинтеграции промышленного производства, как в организационном, так и в территориальном плане. Постоянное усовершенствование средств связи позволяет размещать последовательные этапы производственного процесса на территории разных стран и регионов в целях повышения его прибыльности. В мировой промышленности параллельно развиваются процессы концентрации и децентрализации производства, направленные на «стягивание» промышленности в мощные сгустки и повышение роли соединяющих их линейных элементов.

Развитие промышленности в развивающихся странах, постепенная либерализация международной торговли и формирование глобальных рынков промышленной продукции приводят к резкому усилению конкуренции между промышленными фирмами разных стран мира. В этих условиях происходит концентрация производства в самых выгодных с экономической точки зрения точках, формирование ряда крупных центров промышленного производства, занимающих доминирующее положение на мировом уровне. В то же время, быстрая индустриализация экономики развивающихся стран приводит к увеличению числа центров промышленного производства. Следстви-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398)

ем этих процессов становится усиление межгосударственных и межрегиональных промышленных связей, повышающее значение транспортной инфраструктуры и логистических факторов производства, усиление географического разделения труда.

Рост объемов торговли промышленной продукцией и усиление международных производственных связей (как правило, в форме внутрифирменной торговли ТНК) приводит к формированию мощных полимагистральных транспортных коридоров, соединяющих основные промышленные центры. В свою очередь, эти коридоры нередко становятся основой для формирования линейных промышленных образований.

Промышленные линии (промышленные оси) приурочены, как правило, к важнейшим объектам транспортной инфраструктуры: автомагистралям, железным дорогам, трубопроводам, внутренним водным путям и морскому побережью. Это объясняется тем, что развитие международной торговли и конкуренции значительно усиливает значение выгодного транспортно-географического положения промышленных предприятий. Можно выделить следующие основные типы промышленных линий (по Г.М. Лаппо, [6]): а) линии на стыке горных и равнинных районов; б) линии вдоль морского побережья; в) линии вдоль крупных рек; г) линии между двумя крупными центрами; д) линии-лучи в районах пионерного освоения.

Тенденция к формированию промышленных осей наиболее ярко проявляется в случае крупнотоннажных промышленных производств, таких как металлургия, машиностроение, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность, которые наиболее сильно зависят от оптимизации системы поставок сырья и продукции. Для них характерна сильная концентрация производства и ориентация на использование выгоды от эффекта масштаба производства.

Одним из наиболее ярких примеров промышленных осей, сформировавшихся всего несколько десятилетий назад, является так называемый «трансплантный коридор», протягивающийся с севера на юг по территории США вдоль федерального шоссе № 75 [9, с. 93]. Основу данного коридора формируют сборочные предприятия японских и немецких автомобильных корпораций.

Предприятия, входящие в состав промышленных осей, в настоящее время концентрируют в себе подавляющую часть обрабатывающей промышленности мира, формируя своеобразный остов, каркас мировой промышленности. Особенности строения и функционирования этих образований, играющих ключевую роль в функционировании

промышленных систем, в настоящее время изучены недостаточно хорошо.

Концепция опорного каркаса промышленности

Термин «каркас» был введен в географию Н.Н. Баранским: «с экономико-географической точки зрения, города плюс дорожная сеть — это каркас, это остов, на котором все остальное держится, остов, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию» [2, с. 22]. Баранский представлял каркас как некое статическое, омертвелое образование и уподоблял его «скелету, костяку территориальной структуры». В такой трактовке опорный каркас (ОК) территории — макромасштабный образ, результат генерализации территориальной структуры, который выражает ее главные, основные черты при абстрагировании от ее второстепенных характеристик.

Концепция ОК получила развитие в 1970–1980-х гг., в первую очередь благодаря работам Г.М. Лаппо, П.М. Поляна и И.М. Маергойза, и логически трансформировалась в представления об опорном каркасе расселения (понятие введено Б.С. Хоревым), который представляет собой «сочетание главных фокусов экономической, политической и культурной жизни общества и связывающих их магистралей и является наиболее существенной частью структуры расселения» [3, с. 113]. Г.М. Лаппо расширил представления об ОК, придав ему не только статические («костяк» территории), но и динамические функции («кровеносная система» территории), открыв дорогу для исследования процессов функционирования этих структур и изменений, происходящих в ОК расселения.

На протяжении последних трех десятилетий существовал явный «крен» экономико-географов в сторону преимущественного изучения ОК расселения за счет опорного каркаса хозяйства в целом и промышленности в частности. Изучение ОК хозяйства до сих пор практически не ведется, дело все еще не идет дальше первоначальной постановки проблемы. В работах Г.М. Лаппо, посвященных ОК хозяйства [4–6], основное внимание уделяется ОК расселения, а ОК хозяйства и промышленности почти не рассматриваются, причем эти два понятия фактически приравниваются друг к другу. В то же время, нарастающий процесс переноса промышленности из крупнейших городских центров в малые и средние города и сельскую местность делает изучение ОК хозяйства особенно актуальным.

Сейчас на смену представлениям об ОК территориальной структуры хозяйства приходит концепция ОК его территориальной органи-

зации¹. Это происходит во многом благодаря распространению структурно-функционального и структурно-динамического подходов к изучению ОК. По своему содержанию понятия «территориальная организация» и ОК очень близки друг к другу, ОК хозяйства можно охарактеризовать как концентрированное выражение территориальной организации хозяйства. «В опорном каркасе и формирующих его процессах сочетаются и переплетаются: инерционность и динамизм, концентрация и рассредоточение, дифференциация (специализация) и интеграция, отраслевое и районное начало, узлы и линии, саморазвитие и отклик на внешнее воздействие» [4, с. 25].

В этом свете опорный каркас промышленности (ОКП) можно определить как сочетание важнейших узлов и связывающих их питательно-распределительных линий, которые играют главную роль в территориальной организации промышленности.

Важно отметить, что не все элементы ОКП имеют материальное выражение. Таковы, например, линии беспроводной связи и морские торговые пути.

Отказ от рассмотрения ОКП как статичного образования, «скелета» промышленной системы, переход к изучению процессов его функционирования и изменения во времени невозможны без признания системной сущности ОКП. Традиционная трактовка ОК как сети представляется неверной, она делает невозможным изучение закономерностей его формирования. Системный характер ОКП проявляется в постоянном взаимодействии его узловых и линейных элементов в процессе промышленного производства. Как отмечает П.Я. Бакланов, «процесс воспроизводства в сфере промышленного производства распадается одновременно на ряд составляющих, реализующься при этом в определенных линейно-узловых структурах» [1, с.41].

Критерии отнесения отдельных промышленных узлов и линий к ОКП различны и меняются в зависимости от размеров территории (чем она больше, тем выше степень генерализации ОКП) и степени ее хозяйственной освоенности — если в слабоосвоенных районах к каркасу промышленности относятся даже небольшие объекты, то в высо-

1 Концепция территориальной организации хозяйства занимает одно из центральных мест в социально-экономической географии. В приложении к промышленности территориальную организацию можно определить, в рамках системного подхода, как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих в пространстве элементов промышленных систем разного иерархического уровня, а также процессов и действий, направленных на поддержание, воспроизводство и развитие этих элементов и систем в целом [7].

коразвитых районах в ОКП включаются только важнейшие промышленные центры.

Узловые элементы ОКП — крупнейшие объекты, от функционирования которых зависит работа всей промышленности (или шире — всего хозяйства в целом). Линейные элементы ОКП — важнейшие объекты промышленной инфраструктуры (в первую очередь транспортной), соединяющие узлы ОКП, обслуживающие их и окружающую территорию и обеспечивающие их взаимодействие между собой. К линейным элементам ОКП относятся в числе прочего также функционирующие транспортные средства.

К узловым элементам ОКП в общем случае относятся (рис. 1): а) промышленные предприятия б) штаб-квартиры корпораций; в) научно-исследовательские центры; г) промышленные парки; д) ключевые элементы логистической цепочки: транспортные терминалы, служащие для ввоза либо вывоза сырья и продукции, склады и резервуары, насосные станции и др. В свою очередь, к линейным элементам ОКП относятся: а) транспортные пути общего пользования — железнодорожные линии, автодороги, внутренние водные и морские пути; б) специализированные транспортные пути, например трубопроводы, служащие для транспортировки сырья и промышленной продукции; в) линии связи, служащие для передачи информации — телефонные и радиорелейные линии, сеть Интернет и др.; г) линии электропередачи высокого напряжения; д) водные объекты, служащие источниками воды для технологических целей; е) специализированные транспортные средства, предназначенные для перевозки промышленной продукции — суда, грузовые автомобили, железнодорожные вагоны.

Таким образом, ОКП включает в себя не только промышленные, но и инфраструктурные объекты, а также элементы непроизводственной сферы экономики, сближаясь тем самым с ОК хозяйства. В настоящее время происходит усиление транспортной, логистической функции опорного каркаса, которая по своему значению уже сравнялась с производственной функцией. Это сопровождается повышением значения информационных связей, а также усилением роли транспортных средств, используемых для перевозки сырья и продукции. В сложившихся условиях оправданно говорить не об опорном каркасе, а, шире, о **логистическом каркасе** промышленности. Данное понятие акцентирует внимание на изменении состава и роли каркасных элементов промышленных комплексов и точнее отражает сущность современной промышленности.

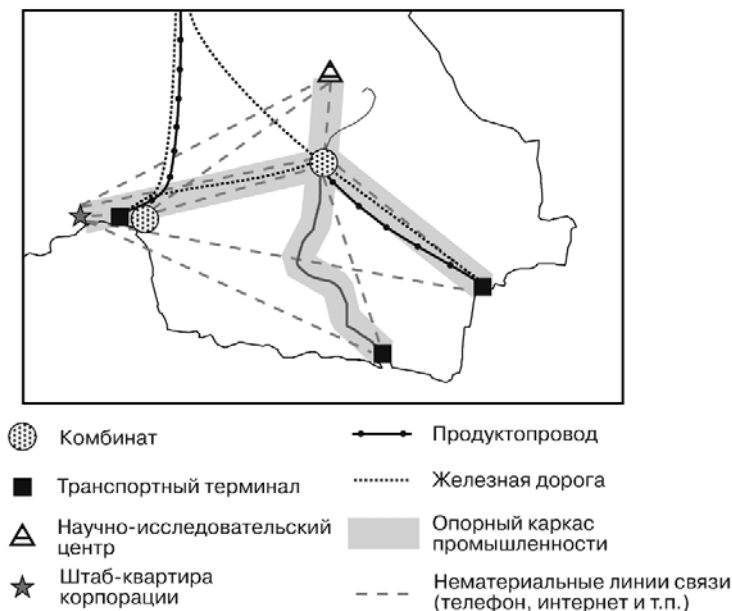

Рис. 1. Опорный каркас промышленности (модель)

Трансформация логистического каркаса промышленности под влиянием процесса постиндустриализации

До последнего времени ТНК переносили в развивающиеся страны только свои производственные операции, главным образом выпуск массовой, низкотехнологичной продукции. Однако в настоящее время нарастает тенденция переноса в развивающиеся страны научно-исследовательских лабораторий и региональных штаб-квартир ТНК, организации в них производства сложной и наукоемкой продукции. Компании развитых стран получили возможность более свободно размещать все элементы производственного процесса, гибко реагируя на изменения макроэкономической ситуации и рыночной конъюнктуры.

Перенос промышленных производств в развивающиеся страны приводит к децентрации обрабатывающей промышленности на глобальном уровне. Старые районы промышленного производства, расположенные в Европе, США и Японии, начинают испытывать все более жесткую конкуренцию со стороны развивающихся стран. Необходимо признать, что переход промышленно развитых стран к постиндустриальной модели развития и процесс глобализации мировой

экономики приводят к усилению роли развивающихся стран не только в производстве промышленной продукции, но и в области НИОКР и управления промышленным производством.

Если раньше центры НИОКР, как правило, располагались в непосредственной близости от штаб-квартир ТНК в промышленно развитых странах, то в настоящее время начинает преобладать транснациональная модель организации НИОКР [9, с. 89-91], при которой научно-исследовательские центры располагаются на территории разных стран и регионов и проводят совместные исследования. Эта модель организации НИОКР базируется на обмене данными с помощью сети Интернет и других средств высокоскоростной связи. Европейские и американские ТНК все чаще создают научно-исследовательские центры в развивающихся странах. В результате, например, в Пекине и его окрестностях уже располагаются научно-исследовательские центры 293 из 500 крупнейших компаний мира [13].

Индустриализация экономики развивающихся стран сопровождается концентрацией обрабатывающей промышленности в сравнительно небольшом числе крупных центров, связанных друг с другом разветвленной сетью материальных и информационных потоков. Крупнотоннажные промышленные производства тяготеют друг к другу ради извлечения выгод от совместного использования производственной инфраструктуры и центров НИОКР, что приводит к усилению их концентрации на микроуровне, развитию агломерационных процессов, в частности к созданию промышленных парков. Этот процесс характерен как для развивающихся, так и для развитых стран.

Одним из результатов постиндустриализации и быстрого развития транспортной системы мира становится снижение роли отдельных условий развития промышленности, в первую очередь таких традиционных как близость к источникам сырья и энергии. Роль трудовых ресурсов в размещении промышленных предприятий также понижается вследствие растущей мобильности рабочей силы, в первую очередь высококвалифицированных работников [10, с. 211], и активной автоматизации производственных процессов. Повышению степени свободы размещения предприятий способствует также значительное снижение стоимости транспортировки грузов, произошедшее во второй половине XX в., которое позволяет организовывать перевозку сырья и готовой продукции на большие расстояния и уменьшает значимость транспортно-географического положения предприятий. Резкий рост объемов межрегиональных перевозок сырья и продукции способствует быстрому формированию единого мирового рынка многих видов промышленной продукции и ускорению процесса глобализации экономики.

В то же время, нельзя согласиться с рядом исследователей, считающих, что местоположение предприятий и органов управления корпораций в настоящее время полностью утратило свое значение, и ТНК не учитывают в своей деятельности локальных условий [11; 12]. Как показывает Диккен [10, с. 219-227], ТНК по-прежнему в значительной степени привязаны к стране своего происхождения и придают большое значение локальным условиям при размещении своих предприятий и формировании стратегий развития. Можно говорить о том, что ТНК и другие субъекты промышленной политики получили в последнее время большую свободу в выборе точек размещения производства, центров НИОКР и органов управления на глобальном уровне, на уровне отдельных стран и регионов. При этом на локальном уровне роль условий производства зачастую не только не сокращается, а, напротив, усиливается: производство концентрируется в небольшом числе точек с наиболее выгодными условиями — удачным ТГП, близостью к источникам дешевого сырья и энергии, рынкам сбыта продукции, источникам квалифицированной рабочей силы. Менее выгодно расположенные предприятия не выдерживают усиливающейся глобальной конкуренции, что нередко влечет за собой их закрытие. Результатом действия этих процессов является формирование динамично изменяющейся системы взаимосвязанных и взаимозависимых центров разного иерархического ранга, образующих основу обрабатывающей промышленности мира. Здесь, как и во многих других сферах человеческой деятельности, наблюдается иерархическая концентрация объектов [8].

Важнейшие центры управления, НИОКР и производства являются ключевыми узловыми элементами логистического каркаса современной промышленности, они связаны между собой разветвленной системой объектов транспортной инфраструктуры. Это предопределяет важность изучения текущего состояния и процессов развития логистического каркаса, играющих ключевую роль в территориальной организации промышленности.

В современных условиях для формирования мощного комплекса промышленных производств вполне достаточно очень небольшого отрезка времени порядка 5-10 лет. За этот период «в чистом поле» может появиться (разумеется, при наличии соответствующих условий развития) высокоразвитая промышленная система, обладающая четко выраженной внутренней структурой. Это становится возможным, с одной стороны, благодаря нарастающей глобализации экономики и росту активности ТНК, способных обеспечить быстрое развитие промышленности в районах с благоприятным инвестиционным климатом, с другой — за счет повсеместного внедрения в обрабатывающую

промышленность информационных технологий и «стандартизации» процесса строительства новых предприятий, позволяющего значительно сокращать этап проектирования и ускорять строительство промышленных объектов.

Организационные и информационные связи между предприятиями разных стран зачастую оказываются более важными, чем их связи на национальном уровне. Главную роль в поддержании этих связей играет ограниченное число крупных производственных и организационных центров — промышленные парки, центры сосредоточения штаб-квартир корпораций и консультационных фирм. Более того, организационные и информационные связи между узловыми элементами оказываются более важными, чем связывающие их материальные потоки сырья и полупродуктов.

Основные изменения в территориальной организации современной обрабатывающей промышленности направлены на дальнейшую концентрацию производства в ограниченном числе крупных узлов и усиление связей между ними, следствием чего становится активное формирование осевых промышленных структур. К промышленным осям, сформировавшимся на индустриальном этапе развития экономики, добавляются динамично развивающиеся «постиндустриальные» промышленные оси. Они возникают и в развивающихся странах (в первую очередь в азиатском регионе), где они формируют логистический каркас промышленности, и в развитых государствах, где они быстро встраиваются в существующий каркас.

Литература

1. Бакланов П.Я. Динамические пространственные системы промышленности (теоретический анализ). М.: Наука, 1978. — 132 с.
2. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. сб. 2. М., 1946. — с. 18–62.
3. Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. — 480 с.
4. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия геогр. 1983. № 5, с. 16–28.
5. Лаппо Г.М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства / Территориальная организация производительных сил СССР. М.: МФ ГО СССР, 1978. — с. 3–24.
6. Лаппо Г.М. Экономические линии в территориальной структуре хозяйства // Вопросы географии. сб. 112. «Размещение хозяйства и научно-техническая революция». М.: Мысль, 1979. с. 60–75.

7. *Проскуряков В.И.* Концепция территориальной организации промышленности в отечественной социально-экономической географии // Известия РАН. Серия геогр. 2005. № 6, с. 50–57.
8. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. — 256 с.
9. *Федорченко А.В.* Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. М.: Пресс-Соло, 2003. — 176 с.
10. *Dicken P.* Global Shift. Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century. 4th edition, L.: Sage Publications, 2004. — 632 с.
11. *Ohmae K.* (ed.). The Evolving Global Economy: Making Sense of the New World Order. Boston: Harvard Business Review Press, 1995. — 300 с.
12. *Reich R.B.* The World of Nations: Preparing Ourselves for the 21st Century. New York: Alfred A. Knopf. 1991. — 352 с.
13. 293 of World Top 500 Companies Established R&D Centres in China Beijing So Far // China News Digest. Beijing. 10.12.2003.

Вешнинский Ю.Г.

Поляризованность имиджей российских городов¹

(Имиджелогия — 2007: имидж как феномен современной цивилизации. Материалы Пятого Международного симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е. А. Петровой. М.: РИЦ АИМ, 2007, с. 50–53)

В настоящем тексте автор представляет на рассмотрение результаты обработки данных социологических опросов, проведенных им за период с 1978 г. по 2001 г. в той их части, которая представляет собой ответы респондентов, преимущественно москвичей, (все-го за этот период их было опрошено 1553 человека) на вопросы, сформулированные в их окончательном виде так: «Назовите, пожа-

¹ Статья написана при поддержке проекта по гранту № 06 — 04 — 00600а «Образ России в национальном самосознании: исторический и современный контекст».

луйста, города на территории бывшего СССР, которые Вы считаете самыми красивыми» и «Назовите, пожалуйста, города на территории бывшего СССР, которые Вы считаете самыми некрасивыми», а также: «Назовите, пожалуйста, здания и архитектурные ансамбли на территории бывшего СССР, которые Вы считаете самыми красивыми» и «Назовите, пожалуйста, здания и архитектурные ансамбли на территории бывшего СССР, которые Вы считаете самыми некрасивыми».

Теперь несколько слов о процедуре обработки данных. Каждому упоминанию того или иного города (здания, архитектурного ансамбля) в позитивном контексте (т. е. в качестве красивого) присваивался коэффициент +1. Каждому упоминанию того или иного города (здания, архитектурного ансамбля) в негативном контексте (т. е. в качестве некрасивого) присваивался коэффициент -1. Затем выводились среднеарифметические баллы сначала по каждому городу, а затем и по каждому региону, путем суммирования среднеарифметических баллов расположенных на их территориях городов, а также расположенных вне городов зданий и архитектурных ансамблей, результатом чего и являются рейтинговые таблицы городов и регионов бывшего СССР, из которых сделана российская «вырезкаа российская «нов бывшего СССРдовиицент — 1.53 человек». На основе этих рейтинговых таблиц, в свою очередь, составлены оценочные карты регионов России или других постсоветских государств.

В настоящее время результаты работы включают в себя, в частности, рейтинговые таблицы-шкалы городов и регионов бывшего СССР и России за период с 1978 г. по 2001 г., а также рейтинговые таблицы — шкалы регионов России, являющиеся как бы «вырезками» из «постсоюзных» таблиц, а также карты сравнительной привлекательности (или непривлекательности) регионов России, сделанные на основании таблиц, и, наконец, «белые» и «черные» двадцатки городов России (см. Таблицы 1 и 2) и Украины.

Как видно из таблиц, Санкт-Петербург лидирует в «белой» двадцатке с более, чем двукратным отрывом от Москвы. К высоким оценкам эстетической привлекательности Санкт-Петербурга примыкают оценки ансамблей его пригородного дворцово-паркового «ожерелья»: Петергофа (Петродворца), Царского Села (Пушкина) и Павловска. Кроме того, неизменно особой эстетической привлекательностью обладают города европейской России, сохранившие черты своего древнерусского облика, а также сохранившие (или недавно вернувшие себе) «овечные веками» имена: Владимир, Суздаль, Великий Новгород, Ярославль, Сергиев Посад, Кострома, Ростов Великий, Псков, Нижний Новгород, Переславль-Залесский, Печоры и Вологда.

Совсем не случайно в «белой» двадцатке оказались и такие малые поселения, как Кижы и Соловки, ансамбли которых как бы символизируют красоту архитектуры почти сакрализованного в общественном мнении Русского Севера. Вообще складывается впечатление, что самые красивые, по мнению респондентов, города России (кроме Сочи) находятся в границах еще домонгольской Руси. Что касается оценок эстетической привлекательности городов Урала и Сибири, то эти территории, по-видимому, до сих пор воспринимаются респондентами как не вполне культурно освоенные. То же самое относится и к большинству городов Юга России.

Совершенно особое место в «белой» двадцатке занимает город-курорт Сочи. В этой связи стоит отметить, что очень поляризованы оценки Черноморского побережья Краснодарского края: южная часть, возле Сочи, очень привлекательна, а северная, возле Новороссийска, — совсем наоборот. Вообще заметно, что города степного, «казачьего» Юга России нравятся респондентам-москвичам гораздо меньше, чем города Центра и Северо-Запада.

Переходя к «черной» двадцатке российских городов, следует отметить ее бросающийся в глаза «индустриально-советский» колорит. Она как пылесос «всасывает» оценки не столько архитектурно-художественные, сколько связанные с экстремальными климатическими условиями и с социальным негативом: плохой экологией, криминальностью, этническими фобиями и т. д. Поэтому так заметны среди городов, попавших в «негатив», города Заполярья, промышленного Урала, Сибири и некоторые автономии. Представляется уместным вспомнить слова А. С. Ахиезера о том, что в советский период многие города Урала и Сибири играли роль не центров развития культуры, а своеобразной «тары» для рабочей силы.

Особо следует выделить в «черном» списке (не только в первой двадцатке) города, на которых лежат как бы «тени ГУЛАГа»: Норильск, Магадан, Кемерово, Воркута, за пределами России — Караганда, и т. д. Единственное, пожалуй, исключение в «ГУЛАГовском» списке составляют Соловки, у которых «белая», архитектурно-художественная и монастырская аура если и не заставила забыть, то, по крайней мере, пересилила «черную», лагерную.

И в заключение, сопоставляя «белую» и «черную» двадцатки, и пользуясь известной формулировкой, можно сказать, что в «белой» двадцатке преобладают города, символизирующие «Россию, которую мы потеряли» в 1917 году, а в «черной» — города, символизирующие Россию, которую мы приобрели взамен.

Таблица 1

**Шкала 20-ти самых красивых городов и малых поселений
Российской Федерации (с учетом оценок жилых районов,
зданий и архитектурных ансамблей)**

(по мнению 1553-х респондентов в 1978–2001 гг.)

Ранг	Города и малые поселения	Средне- арифметиче- ский балл
1	Санкт-Петербург (304), Ленинград (273), «Питер» (52), Петербург (45), Петроград (1)	+ 844
2	Москва	+ 338
3	Владимир	+ 131
4	Суздаль (во Владимирской области)	+ 113
5	Великий Новгород	+ 104
6	Ярославль	+ 99
7	Сергиев Посад (64), Загорск (22) (в Московской области)	+ 83
8	Петергоф (44), Петродворец (16) (в Ленинградской области)	+ 75
9	Кострома	+ 54
10	Ростов Великий (в Ярославской области)	+ 49
11	Псков	+ 48
12	Сочи (в Краснодарском крае)	+ 40
13	Нижний Новгород (30), Горький (7)	+ 38
14	Кижы (в Карелии)	+ 36
15	Переславль-Залесский (в Ярославской области)	+ 35
16	Соловки (в Архангельской области)	+ 31
17	Печоры (в Псковской области)	+ 29
18	Царское Село (14), Пушкин (5) (в Ленинградской области)	+ 29
19	Вологда	+ 24
20	Павловск (в Ленинградской области)	+ 21

Таблица 2

Шкала 20-ти самых некрасивых городов Российской Федерации (с учетом оценок жилых районов, зданий и архитектурных ансамблей)

(по мнению 1553-х респондентов в 1978–2001 г.г.)

Ранг	Города	Средне- арифмети- ческий балл
1	Челябинск	–41
2	Норильск (в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края)	–40
3	Магадан	–39
4	Ногинск (в Московской области)	–38
5	Подольск (в Московской области)	–38
6	Комсомольск–на–Амуре (в Хабаровском крае)	–37
7	Кемерово	–36
8	Кировск (в Мурманской области)	–34
9	Ноябрьск (в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области)	–34
10	Воркута (в Республике Коми)	–33
11	Иваново	–32
12	Магнитогорск (в Челябинской области)	–32
13	Нижнекамск (в Татарстане)	–32
14	Никель (в Мурманской области)	–32
15	Когалым (в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области)	–31
16	Набережные Челны (в Татарстане)	–31
17	Новосибирск	–31
18	Электроугли (в Московской области)	–31
19	Богданович (в Свердловской области)	–30
20	Волгодонск (в Ростовской области)	–30

Фоменко Г.А., Фоменко М.А.

Развитие системы ООПТ в России: институциональный тупик или реформирование?

Россия обладает значительными запасами биологических ресурсов и объектов природно-культурного наследия, которые необходимо не только сохранить, но и эффективно использовать в интересах настоящих и будущих поколений, рассматривая как важный элемент национального богатства. Основную роль в сохранении биоразнообразия на территории Российской Федерации играет система особо охраняемых природных территорий (ООПТ), которая сложилась преимущественно во второй половине 20 века в условиях административно-плановой экономической системы. Она управлялась присущими ей методами с системой внеэкономических показателей эффективности. Формирование отечественной системы ООПТ в значительной степени основывалось на положении, что для сохранения биоразнообразия важно выделять по возможности более крупные участки девственной природы и принимать меры против их заселения и хозяйственного использования. Учитывались и иные государственные или ведомственные интересы того времени, связанные с ограничением хозяйственной деятельности или необходимостью расселения людей: например, ограничение доступа на радиационно-загрязненные территории, дополнительные меры по охране государственной границы, создание условий для получения качественных экосистемных услуг элитными социальными группами и т.п.. Содержались ООПТ за счет государственного бюджета.

Основу системы ООПТ России составляют: (1) *государственные природные заповедники* — ООПТ федерального значения с полным изъятием земельного участка из хозяйственной деятельности без права аренды и максимально возможным ограничением вмешательств в естественные процессы; (2) *национальные парки* — ООПТ федерального значения, где земельный участок полностью или частично (с правом аренды в целях рекреации) изъят из хозяйственной деятельности и где проводятся мероприятия по восстановлению природных комплексов и объектов культурного наследия; (3) *государственные природные заказники* — ООПТ федерального или регионального значения, где земельный участок, как правило, не изымается из

хозяйственной деятельности, но обязательно выполнение мер по поддержанию объектов охраны; (4) *природные парки* и другие ООПТ регионального значения.

Всего в России на настоящее время функционируют 204 ООПТ федерального уровня общей площадью около 580 тыс. кв. км в 84 из 89 субъектах федерации (нет ООПТ федерального уровня только в г. Санкт-Петербург, Волгоградской и Тульской областях, Ставропольском крае и Коми-Пермяцком АО). Их основу составляют 101 государственный природный заповедник общей площадью 34 млн. га и 35 национальных парков, общей площадью 7 млн. га; функционируют также 69 федеральных заказников общей площадью 13 млн. га. В субъектах федерации организованы 50 региональных природных парков общей площадью 14 млн га и 4276 государственных природных заказников регионального значения общей площадью 101,4 млн.га.

Доминирование заповедников в системе ООПТ России с жестким режимом охраны от местного населения и бизнеса является важнейшей отличительной чертой национальной системы охраны биоразнообразия и объектов природного и культурного наследия. Напротив, в большинстве стран мира в последнее десятилетие особое внимание уделяется интеграции ООПТ в социально-экономическое развитие¹. Наиболее активно развиваются биорезерваты² и национальные парки, которые позволяют эффективнее интегрировать ООПТ в социально-экономическое развитие стран и регионов, обеспечивая сохранение и даже увеличение потока экосистемных услуг для развития туризма и повышения общей привлекательности Мест. Национальные парки и биорезерваты с микро зонированием территорий, регламентацией природоохранного режима и допустимых хозяйственных функций позволяет значительно активнее привлекать, кроме

¹ Актуальная проблематика развития ООПТ, связанная, прежде всего, с их интеграцией в процессы социально-экономического развития, постоянно дискутируется на различных международных форумах и рабочих совещаниях. Не случайно пятый Всемирный Конгресс по особо охраняемым природным территориям (2003) — наиболее многочисленный и представительный в истории — получил название «Выгоды от ООПТ за пределами их границ». Конгресс 2003 WCP укрепил понимание потребности в новой парадигме для ООПТ, которая впервые была озвучена Адрианом Филипсом (Adrian Phillips), в то время председателем Всемирной Комиссии МСОП по ООПТ (Phillips, 2004).

² Биосферными резерватами являются зоны наземных и прибрежных/морских экосистем или сочетание таких экосистем, международно-признанные в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) в соответствии с Положением Севильской стратегии.

бюджетных, и частные средства к сохранению биоразнообразия, объектов природно-культурного наследия.

Потеряв возможность централизованного государственного финансирования в объемах, возможных для планово-командной экономики, российская система ООПТ с начала 90-х годов оказалась в глубоком системном кризисе. Острая нехватка финансовых средств на осуществление экологического контроля дополнилась усилением конфликтов интересов сохранения биоразнообразия с одной стороны и интересами получения доходов местным населением и бизнес-структурами с другой. Изменения отношений собственности привели к тому, что многие региональные ООПТ, находящиеся на землях бывших совхозов и колхозов фактически были разделены в 90-х годах на паи работникам этих организаций. Нехватка государственных ресурсов дополнилась невозможностью привлечения частных капиталов, чему препятствовала не только законодательная база, но и, во многом, стереотипы управления прошлых десятилетий, ориентирующие руководителей исключительно на выполнение надзорно-контрольных функций и лоббирование бюджетных ресурсов. Этих ресурсов бюджет уже не мог выделить: усилился бюджетный контроль за эффективностью использования финансовых средств... и оказалось, что старые внеэкономические показатели обоснования затрат на содержание ООПТ не способны обосновать экономической эффективности в рамках целевых программ с позиций комплексного развития территорий в новых рыночных условиях.

В настоящее время необходимость изменения подходов к развитию системы ООПТ признается в органах власти, а также многими российскими специалистами. В 2001 г. первый из российских национальных паков — «Водлозерский» получил статус биосферного резервата, а в 2002 г. биосферными резерватами стали также национальные парки «Смоленское поозерье» и «Угра», позже — еще 2 национальных парка. На начало 2006 г. в России действует 36 государственных биосферных ООПТ, основанных на базе 31 заповедника и 5 национальных парков³. Биосферные резерваты функционально ориентированы на сохранение ландшафтов, экосистем, видов и генетических разновидностей; содействие экономическому и социальному развитию, устойчивому в социально-культурном и экологическом отношении; поддержке демонстрационных проектов, экологического образования и подготовки кадров в области окружающей среды, научных исследований и мониторинга, которые связаны с местными регио-

³ <http://oopt.info>

нальными, национальными и глобальными вопросами сохранения среды и устойчивого развития. В то же время, говорить об эффективной интеграции всей системы ООПТ в социально-экономическое развитие страны преждевременно.

Существенным препятствием эффективному социально ориентированному реформированию системы ООПТ стали институциональные проблемы. Фактически страна задержалась на перепутье. Избыток в экономике нефте-долларов создает иллюзию возможности «жить как жили». Среди специалистов ведутся неспешные дискуссии относительно подходов к реформированию российской системы ООПТ — принципиально различающихся по определению задач развития, путей интеграции в социально-экономическое развитие регионов, методов управления; отношению к местному населению и бизнесу. Рассмотрим же основные концептуальные подходы.

Первый подход условно можно назвать «изоляционистским», объединяет взгляды на ООПТ как на территории, предназначенные исключительно для целей сохранения биоразнообразия. Институциональная система управления ООПТ остается в своей основе старой, сложившейся в 20 веке и только слегка модернизируется. Национальные парки и биорезерваты рассматриваются как несколько видоизмененные заповедники; их социальная и экономическая функции воспринимаются как вспомогательные, второстепенные, «навязываемые» «настоящей» заповедной системе охраны природы. Этот подход исходит из принципиальной важности увеличения площади ООПТ с полным изъятием земель из хозяйственного оборота и изоляции их от процессов экономического и социального развития регионов. Он предполагает (1) усиление роли государственных органов в управлении природными комплексами и объектами природного и культурного наследия при фактическом отрицании роли местного населения, бизнес-структур, (2) доминирование административных, внеэкономических, методов природоохранного регулирования, (3) ориентацию на значительное усиление федерального бюджетного финансирования. При этом права налогоплательщиков на использование (в пределах установленных ограничений) экосистемных услуг, оказываемых ООПТ, по сути игнорируются и их заинтересованность не воспринимается как условие сохранения объектов природного и культурного наследия (налоги привычно воспринимаются как дань государству — «не дело подданных спрашивать о государевых делах»).

Изоляционистский подход, как правило, поддерживается и аргументируется многими учеными в области фундаментальной экологии, представителями «глубинной» экологии, сторонниками движе-

ний в защиту дикой природы⁴. В значительной степени он соответствует однополюсной модели власти, имеющей свои корни еще в ордынской и византийской моделях государственного управления, синтезированных Московской Русью в форме абсолютного самодержавия. Только защита высших государевых ценностей, защита природных государственных объектов от «неразумных» подданных с помощью власти и силы приемлемы для такого подхода. Поэтому изоляционистский сценарий привычен и понятен как в традиционно консервативной политической логике, так и с позиции наиболее радикальных природоохранных движений, которые подспудно видят в реальном человеке врага природы.

Кажущийся наиболее приемлемым с позиций глубинной экологии, с точки зрения социального и экономического развития изоляционистский подход не столь безупречен, поскольку, в результате неучтенного, бесплатного использования экосистемных услуг ООПТ (фактически перекаладывая расходы по их поддержанию на бюджет), позволяет реальным распорядителям ресурсов⁵, элитным группам (лицам) получать дополнительные возможности. Иными словами, создаются условия для получения «теневых» доходов, а для «избранных» стейкхолдеров — бесплатное или по символическим ценам наслаждение природными благами (например, в форме хорошо описанных в литературе «царских» охот).

Весьма вероятно при реализации «изоляционистского» сценария частичная централизованная приватизация экономически наиболее выгодных ООПТ или отдельных природных комплексов путем их передачи (на условиях продажи или длительной аренды) директивно созданным вертикально-интегрированным, на первом этапе частно-государственным, компаниям (развитие хорошо известного из российской истории института кормления). При этом экономически непривлекательные и малопривлекательные ООПТ будут, как и сегодня, финансироваться из государственного бюджета, по-прежнему испытывая дефицит ресурсов развития.

Большинство местных жителей, малый и средний бизнес объективно становятся противниками такой системы сохранения биоразнообразия и объектов природного и культурного наследия. Финансирование со стороны частного капитала при этом сценарии мало веро-

⁴ Борейко В.Е Прорыв в экологическую этику, Киев, Киевский эколого-культурный центр. 1999.

⁵ Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда.: Пер. с англ.—М.: Прогресс, 1990.—544 с.

ятно; более того, потребуется увеличения затрат на охрану ООПТ. На-иболее слабыми местами в реализации изоляционистского подхода являются его абсолютная зависимость от возможностей государственного бюджета и низкая экономическая эффективность использования бюджетных средств.

Второй подход — «интеграционный» — базируется на принципиально иной парадигме сохранения природного и культурного наследия в контексте устойчивого развития регионов и страны в целом. ООПТ (в первую очередь биорезерваты и национальные парки) выступают в роли провайдеров различных природных благ и экосистемных услуг, в том числе и за пределами их собственных границ. Тем самым в общественном сознании они из изолированных от внешнего мира островков экологического благополучия — «вещей в себе» — трансформируются в «вещи для нас», как объективно выполняющие важнейшие и в принципе ничем не заменимые функции, связанные с обеспечением всё более дефицитных благ естественного происхождения. Основой его успешной реализацией в России является постепенный переход к двухполюсной модели государственного устройства, предполагающей повышение роли ответственного поведения граждан и их экономической и социальной самостоятельности.

Природоохранная политика при интеграционном подходе концентрируется на мерах по координации целей развития ООПТ и социально-экономического развития, обеспечению широкой поддержки ООПТ всеми заинтересованными сторонами и поощрению местных инициатив. Роль органов государственного управления заключается, прежде всего, в (1) реализации гарантий важности и ценности ООПТ, (2) законодательном обеспечении экономических и социальных санкций против действий, наносящих им ущерб, и (3) разработке и соблюдении единых правил совместной ответственности всех заинтересованных сторон в эффективном развитии системы ООПТ. Акцент делается на снижение зависимости от централизованного бюджетного финансирования. При этом государство, принуждая к сохранению природоохранных ограничений по использованию ООПТ, поддерживает стабильность потоков оказываемых ими экосистемных услуг и стимулирует развитие различных направлений бизнеса и создание новых рабочих мест. Постепенно ООПТ становятся важнейшей составляющей богатства отдельных регионов и страны в целом, обеспечивая доход от использования экосистемных услуг и, тем самым, способствуя диверсификации экономики. Для сохранения баланса экономических, социальных и экологических интересов настоящих и будущих поколений предполагается четкое разграничение ООПТ по целевой ориентации основной деятельности — какие из них (или их части) предназна-

чены для сохранения конкретных биологических видов, а какие доступны для использования (прежде всего, рекреации)⁶. Соответственно, принципиально различаются и основные аспекты управления ООПТ — приоритетные источники финансирования, доминирующие механизмы управления, методы оценки эффективности и т.п.

Этот подход ориентирован на привлечение к охране ООПТ местных жителей и их объединений, стимулирование поддержки малого и среднего бизнеса, создание новых рабочих мест. Интеграционный сценарий развития ООПТ исходит из приоритетности задач укрепления правового государства, укрепления прав частной собственности, признания прав налогоплательщиков на общественные блага, создаваемые особо ценными объектами природного и культурного наследия. В то же время, интеграционный подход вызывает естественное отторжение многих распорядителей ресурсов, поскольку реально препятствует получению уже ставших привычными доходов от бесплатного или по заниженным ценам использования природных благ и экосистемных услуг. Тем не менее, анализ развития ООПТ в различных странах мира показывает, что именно интегрированный подход в последние десятилетия получает все большее распространение⁷.

⁶ Если обратиться к зарубежному опыту (США и других стран), система ООПТ, как правило, включает в себя две основные категории земель, кардинально различающихся по целевому назначению, видам деятельности и, соответственно, инфраструктурному обеспечению и т.п. — это земли, предназначенные для предоставления рекреационных услуг, и заповедные земли, предназначенные исключительно для сохранения определенных биологических видов.

⁷ Адис-Абебские принципы и оперативные указания по устойчивому использованию биоразнообразия (2004 год); Доклад о ходе реализации и рассмотрение предложений относительно дальнейших действий в области охраняемых районов, мер стимулирования, чужеродных видов, которые угрожают экосистемам, местам обитания или видам, оценки воздействия, ответственности и исправления положения, биоразнообразия и изменения климата, подготовленных в ходе восьмой конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии (Куритиба, 20-31 марта 2006 года); Документы специального тематического совещания «Международный опыт и перспективы стратегической экологической оценки» (Прага, 26-30 сентября 2005 года); Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Киев, 21 марта 2003 года); Цель сохранения биоразнообразия, намеченная на 2010 год: структура осуществления. Решения седьмого совещания Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии (Куала-Лумпур, Малайзия, 9-20 и 27 февраля 2004 года); Общеввропейская стратегия в области биологического и ландшафтного разнообразия (Женева и Страсбург, 7 февраля 2006 года), Материалы Пятого всемирного конгресса по особо охраняемым природным территориям вставить (Дурбан, 2003 год).

Учитывая, что интеграционный подход реализуется в странах с различными социальными, экономическими и культурными условиями, при его реализации в России можно многому научиться не только у европейских и североамериканских, но и у ряда африканских или латиноамериканских стран — например, овладеть их опытом эффективной поддержки ООПТ, организации морских охраняемых акваторий, организации туризма, преодоления бедности на окружающих территориях и т.п. Весьма интересна практика реализации проектов, направленных на экономическое развитие при сохранении экологического благополучия — так называемых интегрированных проектов в области охраны природы и экономического развития (Integrated Conservation and Development Projects, ICDPs). Международный опыт показывает, что конструктивное участие местных сообществ, малого и среднего бизнеса, взаимоувязка разнонаправленных интересов в использовании ООПТ составляют важное условие повышения эффективности сохранения объектов природного и культурного наследия и биоразнообразия. Важно увязать усилия по охране видов с проектами в области территориального развития, проявляя особую осторожность при создании ООПТ на территориях, являющихся землями традиционного природопользования коренных народов. В условиях частной собственности на землю хорошие результаты дает поощрение землевладельцев и разграничение доступа к ресурсам. Поэтому можно утверждать, что выявление оптимальных моделей землепользования на основе стратегических экологических оценок и многопланового анализа является ключевым блоком в реформировании ООПТ.

Важнейшую роль в реализации «интегрированного» подхода играют экономические оценки природных ресурсов и экосистемных услуг, предоставляемых ООПТ различным пользователям (население, бизнес-структуры, внешние пользователи), выполненные на основе теории полной экономической ценности (включая расчет альтернативных издержек их существования). Результаты оценок позволяют реализовать ряд концептуальных положений, принципиально важных для определения роли ООПТ в региональном развитии и практических механизмов их сохранения: (1) каждый природный объект формирует потоки благ и экосистемных услуг, которые определяют его ценность, в том числе и экономическую (включая прямую, косвенную ценности, ценность отложенной альтернативы, ценность существования и др.); (2) экономическую ценность природных объектов и потоков экосистемных услуг целесообразно и возможно оценивать не только в физических, но и в денежных показателях; (3) именно потоки природных ресурсов и экосистемных услуг составляют основу эконо-

мической ценности ООПТ и предоставляют возможности получения средств на реализацию целей сохранения биоразнообразия.

Для проверки возможности реализации интеграционного подхода в условиях России были проведены исследования, нацеленные на изучение особенностей практического применения международных рекомендаций относительно интеграции ООПТ в социально-экономическое развитие территорий. В ходе крупномасштабных междисциплинарных крупномасштабных исследований были выполнены экономические оценки природных ресурсов и экосистемных услуг, предоставляемых ООПТ; на этой основе выявлены потоки природно-ресурсных доходов, их ценность и конкретные получатели; проведено сопоставление размеров потоков с затратами, осуществляемыми на их поддержание (то есть, на сохранение ООПТ); сделаны выводы относительно направлений интеграции ООПТ в процесс социально-экономического развития и конкретных механизмов сохранения ООПТ. Работы выполнялись с использованием методологии эколого-экономического учета⁸. Были исследованы более десяти ООПТ (в большинстве имеющие федеральный статус) с различающимися природными и социально-экономическими условиями, имеющие различный статус и, соответственно, цели и содержание основной деятельности. Наиболее интересные, в аспекте рассматриваемой тематики, результаты были получены в Сочинском национальном парке, национальном парке «Плещеево озеро» и в Костомукшском заповеднике. Они позволяют сделать ряд выводов, существенных для определения направлений реформирования отечественной системы ООПТ в рамках интеграционного сценария развития.

Прежде всего, в настоящее время отсутствуют препятствия научно-методического характера для реализации в Российской Федерации сценария реформирования системы ООПТ по пути интеграции в социально-экономическое развитие регионов и страны в целом. Вполне реализуемы на практике методы экономической оценки ООПТ в соответствии с теорией полной экономической ценности, позволяющие получать набор данных, актуальных как для анализа текущей деятельности, так и при планировании перспективных действий и определении конкретных механизмов (например, выявление угрозы истощимости, диверсификация использования при соблюдении экологических ограничений, перераспределение получаемых доходов, уве-

⁸ Integrated Environmental and Economic Accounting. 2003. United Nations European Commission. International Monetary Fund. Organisation for Economic Co-Operation and Development. World Bank.

личение экономической ценности природных ресурсов и комплексов и т.д.). Поэтому необходимо, наряду с действующим экологическим мониторингом ООПТ, организовать мониторинг их текущей экономической ценности. Такой интегральный мониторинг составит актуальную информационно-аналитическую базу для формирования и реализации эффективной в современных условиях политики по развитию системы ООПТ; получаемые показатели в их динамике позволят определять направления и конкретные механизмы совершенствования управления ООПТ и, одновременно с этим, повышать эффективность бюджетных расходов на содержание ООПТ.

Полученные показатели экономической ценности природных ресурсов и экосистемных услуг обследованных ООПТ, при ставке дисконтирования 3%, составили: Сочинского НП — 72470,9 млн. руб., НП «Плещеево озеро» — 27654 млн.руб, Костомукшского заповедника — 1886,4 млн. руб. (в ценах 2005 года). В целом это впечатляющие значения, и можно говорить о том, что российские ООПТ по объему и ценности выполняемых функций стоят в одном ряду с ведущими аналогичными объектами мира (таблица 1).

Даже укрупненные результаты таких оценок позволяют определить природно-ресурсную специфику ООПТ. Относительно низкая ценность Костомукшского заповедника, в сравнении с национальными парками (Сочинским и «Плещеево озеро»), обусловлена его статусом и действующей системой жестких экологических ограничений в доступе на территорию, а, значит, и в использовании природных ресурсов и экосистемных услуг. Логично, что наибольшую долю (78,6 %) в общей экономической ценности имеет функция лесов и болот по поглощению углерода, что показывает важнейшую роль территории в сохранении углеродного баланса. Обладая одинаковым статусом и имея близкие приоритетные направления использования территории (доминирование рекреационной составляющей), Сочинской НП и НП «Плещеево озеро» имеют существенные различия в конкретных показателях доходности. Если у Сочинского НП доля рекреации в общем объеме экономической ценности составляет 67,5%, то по НП «Плещеево озеро» — 93%. Очевидно, можно говорить не только о целесообразности диверсификации использования природных комплексов, но и, самое главное, о чрезвычайно интенсивном рекреационном использовании природных комплексов НП «Плещеево озеро», о крайне высоких антропогенных нагрузках.

Процедура экономической оценки, наряду с получением конкретных показателей экономического дохода (выгоды) от использования природных ресурсов и экосистемных услуг ООПТ, дает важные сведения об их получателях, среди которых местные жители, внешние

Таблица 1

**Сопоставление обследованных российских ООПТ
с аналогичными объектами за рубежом**

Наименование объекта	Пло- щадь, га	Бюд- жет, тыс.\$	Экономи- ческая оценка, тыс.\$	то же	
				на 1 \$ бюд- жетных вложе- ний, \$	на 1 га пло- щади, \$
Сочинский НП	193737	3606	74969,8	20,7	386,9
ГПЗ «Костомукшский»	47569	209	1951,5	9,3	41
НП «Плещеево озеро»	23573	375	27661,1	73,8	1173,4
Chincoteague National Wildlife Refuge (США)	5605,6	1075	42715,7	39,7	7620,2
Crad orchard National Wild- life Refuge (США)	43500	977	11933,2	12,2	274,3
Horicon National Wildlife Refuge (США)	12800	333	1840,2	5,5	143,8
Umatilla National Wildlife Refuge (США)	9200	735	1965,6	2,7	213,7
Donau-Auen National Park (Австрия)	9300	—	754	—	81
Borivli National Park (Индия)	10309	—	24800	—	2405,7
Bonaire Marine Park	2700	668	23200	34,7	8592,6
Montandia National Park (Мадагаскар)	15500	—	312,3	—	20,1
Monteverde Protected Area (Коста-Рика)	10000	600	2380	4	238
Prince Albert National Park (Канада)	387500	—	14025	—	36,2

Источник: Сочинский национальный парк..., 2006; Экономический меха-
низм..., 2006; Механизм сохранения биоразнообразия..., 2006; Banking on
Nature..., 1997

пользователи (в том числе приезжие туристы), мировое сообщество, бизнес-структуры, собственно администрация ООПТ и др., и, что на-
иболее важно в аспекте решаемых задач, показывает картину распре-
деления доходов между пользователями. Так, основную долю при-
родно-ресурсных доходов на территории Костомукшского заповед-
ника получает мировое сообщество (78,6%), прежде всего, как полу-
читель глобальных услуг поглощения углерода лесам и болотами, а

также бизнес-структуры⁹, (20,7%) за пользование водными ресурсами (на территории заповедника расположен водозабор). Эти факты подтверждают чрезвычайно важное значение экосистемных функций, которые оказывает Костомукшский заповедник. Распределение природно-ресурсных выгод на территориях Сочинского НП и НП «Плещеево озеро» отражает рекреационный характер использования природных комплексов и экосистемных услуг. Вместе с тем, если в Сочинском НП среди получателей дохода преобладают приезжие туристы (49,5%), то в НП «Плещеево озеро» — местные жители (87%). Существенно различаются и доходы бизнеса — соответственно 18,8% и 0,1%. Очевидно, речь идет о «недоосвоенности» территории НП «Плещеево озеро» с точки зрения предоставления услуг по рекреации.

Результаты сопоставительного анализа выгод от использования природных ресурсов и экосистемных услуг, предоставляемых ООПТ, и затрат, осуществляемых для предотвращения истощения запасов природных ресурсов и обеспечения сохранения потоков экосистемных услуг (таблица 2) составляют информационно-аналитическую основу планирования и реализации деятельности ООПТ. Эти дают возможность не только обосновывать и оценивать достаточность финансирования, а также выявлять потенциальные источники финансовых средств (например, компенсационного характера), но и принимать решения по применению административных, организационных, экономических и иных инструментов повышения эффективности деятельности ООПТ в контексте происходящих в регионе экономических и социальных процессов. Так, полученные результаты позволяют со значительной долей уверенности говорить о возможности более значимого участия бизнес-структур в содержании природных ресурсов и комплексов территории Сочинского НП, при одновременных контрольных и регулирующих мерах со стороны администрации НП с целью предотвращения деградации природных комплексов из-за превышения антропогенной нагрузки. Такой комплекс мер приобретает особую популярность по мере повышения рекреационного имиджа территории большого Сочи с приближением олимпийских игр 2004 года.

* * *

Таким образом, выполненный анализ показывает, что российская система ООПТ, благодаря современной благоприятной внешнеэконо-

⁹ Единственным пользователем является МП ЖКХ г.Костомукши, которое осуществляет коммунальное водоснабжение с получением экономического дохода

Таблица 2
Сопоставление основных экономических показателей деятельности обследованных ООПТ

Затраты на содержание ООПТ	В том числе по источникам				Всего, тыс. руб./год	Выгоды от потребления природных ресурсов и экосистемных услуг ООПТ	Соотношение затрат и выгод	
	Всего, тыс. руб./год	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Муниципальный бюджет				Внебюджетные источники
	В том числе по получателям							
Местные жители					87%	0,1%	0,9%	0,014
Приезжие туристы					9%	0,1%	0,9%	0,048
Мировое сообщество					3%	0,1%	0,9%	0,048
Бизнес					0,1%	0,1%	0,9%	0,048
ООПТ					0,1%	0,1%	0,9%	0,048
Всего, тыс. руб./год					829614	2174125,3	56592,2	0,11
Всего, тыс. руб./год					11248	104550,5	6270,5	0,11
Наименование ООПТ					НП «Плещеево озеро», 2004 год	Сочинский НП, 2004 год	ГПЗ «Костомукшский», 2004 год	

мической конъюнктуре и нефтедолларам получила экономическую передышку, позволяющую существовать в режиме стагнации. Осуществляемые минимальные институциональные изменения в направлении интеграции ООПТ в социально-экономическое развитие регионов не изменяют сути сложившейся в XX веке системы, так как многие применяемые принципы управления ею уходят корнями еще в историю Московской Руси. Повышенные затраты на охрану ООПТ от местных жителей и бизнеса вместо привлечения их к сотрудничеству делают Российскую систему ООПТ (если ее поддерживать на достаточном уровне) менее эффективной, чем аналоги в экономически развитых странах.

Литература

1. *Борейко В.Е.* Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999.
2. Механизм сохранения биоразнообразия в деятельности ГПЗ «Костомукшский» на основе экономической оценки природных ресурсов и экосистемных услуг/ Под научной ред. Фоменко Г.А. — Ярославль: НИПИ «Кадастр», 2006. — 100 с.
3. Повышение экономической эффективности государственного природного национального парка «Куршская коса»: Научный доклад. Авторский коллектив: Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Панов В.Д. и др. Ярославль: НПП «Кадастр», 2000. — 84 с.
4. Сочинский национальный парк: экономические основы сохранения биоразнообразия/ Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Михайлова А.В. — Ярославль: НИПИ «Кадастр», 2006. — 132 с.
5. *Уайт Г.* География, ресурсы и окружающая среда. Избранные статьи: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
6. *Фоменко Г.А.* Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии / Г.А.Фоменко. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
7. *Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Лошадкин К.А., Михайлова А.В.* Деятельная оценка природных ресурсов, объектов и экосистемных услуг в управлении сохранением биоразнообразия: опыт региональных работ. Пособие для специалистов-практиков. Ярославль: НПП «Кадастр», 2002. 80 с., 18 рис., 19 табл.
8. Экономический механизм сохранения биоразнообразия в деятельности национального парка «Плещеево озеро» / Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Михайлова А.В. — Ярославль: НПП «Кадастр», 2006. — 114 с.

9. *Fomenko G., Fomenko M., Markandya A. and Perelat R.* 1997. Natural Resource Accounting for the Oblast of Yaroslavl in the Russian Federation. EDP #35, IIID.
10. *Banking on Nature: The Economic Benefits to Local Communities of National Wildlife Refuge Visitation.* Division of Economics U.S. Fish and Wildlife Service. Washington, DC. 1997.
11. *Integrated Environmental and Economic Accounting.* 2003. United Nations European Commission. International Monetary Fund. Organisation for Economic Co-Operation and Development. World Bank.

Грицаенко А. И.

Регионализация внешнеторговых связей в мировой экономике

Одна из наиболее значительных тенденций в развитии международных отношений в последние десятилетия — является рост числа региональных торговых блоков. Практически каждая страна входит, по меньшей мере, в один из таких торговых блоков. В рамках подобных торговых блоков осуществляется около двух третей мировых торговых операций.

Территориальное соседство и близость добавляют весомые аргументы в пользу регионального сотрудничества. Степень и формы объединения сильно различаются в зависимости от уровня развития стран, их географического положения, исторических традиций, взаимодополняемости производственных структур.

Существуют разные виды регионального сотрудничества, но все они преследуют одну цель — сокращение ограничений на торговлю между странами-участницами, что подразумевает дискриминацию в отношении торговли с третьими странами. Такие соглашения в простейшем виде предусматривают лишь отмену таможенных тарифов в торговле между членами блока, однако во многих случаях идут дальше, охватывая нетарифные барьеры и распространяя либеральный подход на инвестирование и другие аспекты экономической политики. Наивысшего развития региональные соглашения достигают в форме экономического союза.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на различия в характере и глубине отношений между странами — торговыми партнерами, общей задачей такого рода соглашений является стремление к взаимной выгоде и совместному противостоянию конкуренции и торговой экспансии извне. Не только национальные, но и транснациональные компании тяготеют в своей внешнеэкономической деятельности, прежде всего, к соседним странам, и хотя многие из них торгуют практически со всеми регионами мира, но в своем и соседних регионах занимают ведущее место в их операциях.

Углубление экономических связей стран, расположенных в одном геополитическом регионе служит базой для региональной интеграции, которая означает процесс срастания экономик соседних стран в единый хозяйственный комплекс.

Наибольший опыт в этой области накоплен в Европе, где наиболее успешным примером региональной интеграции на протяжении четырех десятилетий служит Европейский Союз, объединяющий ныне 27 стран Европы. В последние десятилетия XX века возникли региональные объединения в Северной и Южной Америке, а также в Африке и Юго-Восточной Азии.

Общей закономерностью является поступательный характер, поэтапность и последовательность развития интеграционных процессов от низших ступеней к более высоким. Наибольшее распространение получила схема Б. Балассы, опубликованная в 1961 г. в его широко известной работе «Теория экономической интеграции».¹ Б. Баласса выделил пять форм международной экономической интеграции, одновременно выступающих и как последовательные стадии восхождения интеграции от низшего к высшему: зону свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз и «стадию тотальной экономической интеграции». Каждая последующая стадия международной экономической интеграции отличается от предыдущей более высокой степенью либерализации движения результатов и факторов производства в рамках интеграционного объединения.

Региональная интеграция составляет основу процесса регионализации международного сотрудничества, она не может быть ограничена только сферой экономической деятельности и самым тесным образом связана также с политическими, военными, культурологическими и цивилизационными аспектами. Интеграция не может не затрагивать жизненно важных интересов участвующих в ней стран, их

¹ Balassa B. Op. cit. P.2.

традиций и культурных ценностей, международных приоритетов и ориентиров. Именно поэтому завершающим этапом интеграции является превращение единого рыночного пространства в целостное экономическое и политическое образование (т.е. полная экономическая и политическая интеграция или политический союз).

Интеграционные процессы, протекающие в основном на региональной основе, набирают силу. При этом региональная интеграция находится в сложном и неоднозначном взаимодействии с глобализацией мировой экономики. Несмотря на определенное сходство предпосылок, объективных основ и движущих сил развития этих явлений, соотношение между регионализацией и глобализацией мирового хозяйства имеет характер диалектической взаимозависимости.

По определению Ю.В. Шишкова, «глобализация — это новое качество интернационализации на стадии предельно возможного развития ее вширь, а интеграция — наивысшая ступень ее развития вглубь».² Однако и тот, и другой процесс может идти в отдельном промежутке времени на разных скоростях, далеко не всегда прямолинейно, порой проявляя противоречивость.

По мнению Л.И. Глухарева, региональная интеграция развивается одновременно параллельно, и альтернативно глобализации.³

Как подчеркивает А.А. Сидоров, взаимосвязь между региональной интеграцией и глобализацией обеспечивается уже тем, что постоянно растет число государств, которые активно поддерживают оба процесса. Большинство участников интеграционных блоков также являются членами ВТО, МВФ, МБРР и других «глобальных институтов». Некоторые страны одновременно состоят в нескольких объединениях, причем в разных регионах мира (например, США, Канада, Мексика — в НАФТА и АТЭС).⁴

Альтернативность же развития данных явлений заключается в том, что, с одной стороны, движимая научно-техническим прогрессом и, прежде всего, информационной революцией, питаемая идеями неолиберального толка, глобализация устраняет препятствия на пути свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и миграци-

² Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «III тысячелетие», 2001. С. 17.

³ Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов/[Под ред. Л.И.Глухарева]; М.: Крафт +, 2006. . С. 117.

⁴ Интеграционные процессы в современном мире. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 360-361.

онных потоков, одним из которых является неоднородность пространственно-хозяйственных структур, порождаемая региональными объединениями, а с другой стороны, динамичное развитие и усложнение интеграционных образований как ответ на обострение межгосударственной конкурентной борьбы, вызванное глобализацией, является фактором, цементирующим региональные связи национальных экономик, ограничивая их обмен с так называемым «остальным миром».

Так, ускорение процесса глобализации в конце 1980-х годов явилось одной из главных причин бурного роста старых и формирования новых региональных интеграционных объединений, участники которых рассматривали интеграцию как средство усиления своих конкурентных позиций на мировом уровне. На рубеже XX-XXI вв. интеграционная мотивация усиливалась негативными последствиями глобализации, бороться с которыми легче сообща, чем в одиночку⁵. Можно сказать, что образование региональных объединений является выражением противоречия глобализации в ракурсе соотношения национальных и интернациональных, вернее, наднациональных интересов.

В данном аспекте, по мнению А.А.Сидорова, региональная интеграция по сравнению с глобализацией обладает рядом преимуществ. Во-первых, для заключения региональных соглашений требуется гораздо меньше времени, чем для глобальных. Ведь легче договориться с ограниченным числом соседей по региону, чем согласовать интересы 150 членов ВТО. Очевидно, что на региональном уровне возникает гораздо меньше препятствий на пути к достижению поставленных целей, чем на глобальном. Далее, в процессе интеграции ее участники создают друг другу более благоприятные условия во внутрирегиональной торговле и миграции факторов производства и тем самым стимулируют развитие экономических отношений в рамках всей группировки. Наконец, объединяя материальные и интеллектуальные ресурсы стран региона, интеграция формирует более благоприятную среду для их экономического развития и усиливает конкурентные преимущества на мировом рынке. Она способствует подтягиванию (а не увеличению разрыва, как в случае с глобализацией) технико-экономического уровня менее развитых стран к уровню более развитых⁶.

⁵ Интеграционные процессы в современном мире. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 361.

⁶ Интеграционные процессы в современном мире. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 360.

И.П. Фаминский утверждает: «Региональные группировки, с одной стороны, это углубление процесса глобализации, это подготовка стран, в том числе и развивающихся, к более высокому уровню глобализации, т.к. вначале открытие экономики в рамках реально функционирующих интеграционных группировок происходит по отношению к партнерам — странам примерно одинакового уровня развития. В дальнейшем подъем экономик стран-участниц группировок позволяет им идти по пути открытия экономик в глобальном масштабе. Но, с другой стороны, нельзя не видеть, что интеграционные группировки созданы в качестве коллективной защиты от таких элементов глобализации, которые могут нанести ущерб национальным интересам стран-участниц».⁷ Тенденции развития, присущие глобализации и региональной интеграции, могут приходить в столкновение друг с другом, создавая ситуации противодействия и противоборства. На определенном историческом этапе могут совпадать экономический и политический векторы развития, но в то же время они могут расходиться с цивилизационным сознанием и мировоззрением, что и создает проблему конфликта, идеологическое и религиозное противостояние⁸. Такой подход допускает предположение, что в XXI веке региональная интеграция может явиться альтернативой глобализации, определенной тенденцией неоиоляционизма региональных блоков, т.е. деглобализацией.

Встречаются также определения региональной экономической интеграции как составляющей и образующей глобализации. С этой точки зрения, как отмечает профессор Л.В. Сабельников, «региональные экономические объединения воспринимаются как более глубокая форма либерализации экономических связей, которую готова провести группа обычно соседних стран, но не готово еще провести мировое сообщество в целом»⁹, а регионализация — «как переходный этап на пути к глобализации. Определенным аргументом в пользу такого предположения является заключение соглашений о сотрудничестве между региональными интеграционными блоками. Подобные

⁷ Глобализация экономики и внешнеэкономические связи России/[Под ред. д. э. н., проф. И.П. Фаминского]; М.: Республика, 2004. С.73. — 448 с.

⁸ См. подробнее: Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов/[Под ред. Л.И.Глухарева]; М.: Крафт +, 2006; Общеввропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов/[Под ред. Л.И.Глухарева, В.Страды]; М.: Изд-во МГУ, 1995.

⁹ Международная экономическая интеграция . С. 104.

меры постепенно формируют глобальную инфраструктуру взаимодействия большинства стран».¹⁰

Однако все исследователи данного вопроса сходятся во мнении, что нельзя не отметить существование противоречий между глобализацией и регионализацией. Если последняя усиливает обособленность отдельных торгово-экономических групп, развивает «коллективный протекционизм», то она может тормозить общий процесс глобализации. Создание региональных хозяйственных организаций «снимает» возможное негативное воздействие на глобальную либерализацию в том случае, если преференциальные внутрирегиональные связи между членами группировки не ухудшают (по сравнению с доинтеграционным уровнем) условия для внешнеэкономических связей с третьими странами.¹¹

Представляется поэтому целесообразным различать, как это предлагает член-корреспондент РАН В.В.Михеев, открытый и закрытый регионализм. «Открытый регионализм находится в русле экономической глобализации, служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики. Регионализм закрытый, напротив, противодействует глобализации, нацелен на защиту исключительно данного конкретного региона от негативных последствий глобализации и представляет собой расширенную до региональных пределов автаркическую политику «опоры на собственные силы».¹²

Многое в настоящее время указывает на то, что в мировом хозяйстве существует тенденция к конвергенции регионализации и глобализации в долгосрочной перспективе. Доказательством тому, в частности, является тот факт, что открытый регионализм официально принят и применяется в азиатско-тихоокеанской и латиноамериканской моделях интеграции. Однако в ближайшем будущем мир, вероятно, будет свидетелем определенного противоборства этих сосуществующих и в то же время противоречивых явлений.

Современный этап развития региональной интеграции, так называемый «новый регионализм» (или «глокализация»), означает резкую интенсификацию и усложнение регионализации в международ-

¹⁰ Интеграционные процессы в современном мире. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 361.

¹¹ Международная экономическая интеграция. С. 61.

¹² Глобализация и крупные полупериферийные страны. Научные доклады. Вып. 1. — М.: Международные отношения, 2003. — С. 213.

ных экономических отношениях и имеет две основные формы проявления: количественную («поток» новых региональных соглашений, перезаключение ранее существовавших договоров на новых условиях и т.п.) и качественную (увеличение глубины регионального хозяйственного взаимодействия, использования комплексных, более развитых моделей интеграции и т.д.).

За последние пять лет число заключенных региональных торговых соглашений возросло более чем вдвое, превысив отметку 300¹³, из которых около половины в различных интеграционных формах действуют на практике. Сейчас уже большинство развитых и развивающихся стран являются участниками тех или иных региональных объединений, и на внутрирегиональную торговлю приходится 2/3 объема мировой торговли.¹⁴ В условиях активизации интеграционных процессов в современном мире на всех континентах происходит обновление старых и возникновение новых интеграционных группировок, диверсификация их организационных форм, переход от более простых к более сложным интеграционным моделям (разноскоростной, разноформатной, трансконтинентальной).

В последние годы интеграция в различных регионах активно развивается вширь, в том числе через укрупнение региональных интеграционных объединений. Более того, «новый регионализм» открывает возможность экономического интегрирования стран с большой дифференциацией уровней развития экономик. Менее развитые в экономическом отношении страны вовлекаются в интеграционные блоки высокоразвитых государств. Так, в ЕС в результате пятого по счету расширения числа государств-членов возросло практически вдвое, и если в прошлом в Европейский Союз вступали государства с более или менее одинаковым уровнем развития хозяйства и в принципе идентичным политическим и социально-экономическим устройством, то в 2004 г. к объединению присоединились 10 стран, находящихся в процессе трансформации (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Кипр и Мальта); вступление в январе 2007 г. в ЕС Болгарии и Румынии можно считать завершением пятого расширения Евросоюза. В результате последнего расширения Евросоюз получил достаточный прирост ресурсов, увеличил свою трансграничную зону и стал крупнейшим в мире единым рынком.

В то же время следует отметить, что экономический потенциал последних двух расширений ЕС — наименьший за всю его историю.

¹³ Российский внешнеэкономический вестник. — 2006. — № 6. — С. 9.

¹⁴ Международная экономическая интеграция. С. 13.

Расширение Евросоюза до 27 членов на треть увеличило его площадь, на 28% — население и только на 11% — ВВП. Увеличение количества стран-участниц приводит, как указывают эксперты, к усилению экономических диспропорций, удвоению разрывов в социально-экономических показателях, обострению проблемы занятости и сокращению среднего ВВП на душу населения на 12,5%. Разрыв между богатыми и бедными регионами возрос с 5 до 9 раз.¹⁵

Академик РАН И.Д.Иванов так раскрывает цели пятого раунда расширения ЕС и его последствия для Союза: «Ясно, что политически Брюссель таким путем стремился поскорее подобрать ставшие бесхозными остатки социалистического лагеря, пересмотреть «потсдамскую» модель устройства Европы; кстати, сюда, как показывают примеры Грузии и Украины, вполне могли бы устремиться и США. Известно и то, что при хозяйственной и иной несамодостаточности стран Центральной и Восточной Европы их правящие элиты всегда искали внешней опоры, а при смене этих элит на место СЭВ идеологически заступил ЕС. Однако для самих «ЕС-15» подобный выбор существенно «разводняет» потенциал их интеграции, выступая для нее, причем на долгие годы, не как поддержка, а как бремя».¹⁶

В случае возникновения неблагоприятных условий разрыв в уровнях развития и дифференциация национально-государственных интересов могут привести к тому, что центробежные тенденции возобладают над центростремительными, а в кризисной ситуации ЕС может расколоться на несколько региональных группировок или полностью «дезинтегрироваться».¹⁷

Некоторые видные эксперты и политики, например, бывшие председатели КЕС Ж. Делор и Р. Проди (в 2006 г. он сменил С. Берлускони на посту премьер-министра Италии), не исключают вероятности превращения ЕС-25/27 в результате растущего расслоения в нем из экономического и валютного союза в простую зону свободной торговли.¹⁸

Тем не менее не стоит недооценивать перспективы развития Евросоюза и адаптационные возможности механизма западноевропей-

¹⁵ Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 5. — С. 60.

¹⁶ Иванов И. Единый внутренний рынок ЕС: свет, тени, историческая перспектива/И. Иванов//Современная Европа. 2004. № 2. — С. 26-27.

¹⁷ Расширение Европейского Союза и Россия. — С. 38-39.

¹⁸ Подробнее см.: Современная Европа. — 2005. — №3. — С.44.

ской экономической интеграции, несмотря на сложности и противоречия ее развития. В долгосрочном периоде, как представляется, интеграционный процесс в рамках Евросоюза приобретет необходимую динамику, но будет все более разноскоростным.

Выход региональных торгово-экономических отношений на новый интеграционный уровень стал возможным в результате изменения роли развивающихся стран в мировой экономике благодаря их переходу к более открытой экономической политике. За последние годы во многих из них произошли существенные сдвиги в технико-экономическом развитии, структуре национального производства и экспорта, в уровне квалификации рабочей силы, т.е. значительно возросла интеграционная зрелость развивающихся стран, и в ближайшие годы эта тенденция сохранится, а, возможно, и усилится. Важную роль также сыграла демократизация общественной жизни во многих странах, разрядка напряженности во взаимных связях (например, в странах Латинской Америки), начало волны новой модернизации на основе неолиберальных реформ.

В новых интеграционных объединениях формируется плотное ядро из наиболее развитых стран, которые, являясь мотором интеграции, оказывают существенную помощь (финансовую, технологическую и др.) менее развитым странам в целях «экономической конвергенции» — «подтягивания» уровня их социально-экономического развития к уровню более развитых стран и ускорения их адаптации к условиям жесткой конкуренции внутри такого интеграционного блока. Немаловажной задачей регионализма в разных его проявлениях является создание благоприятных условий для трансформации технологически отсталых стран-членов, укрепления их конкурентоспособности и их интеграции в мировую экономику. В условиях растущей разнородности интеграционных объединений получила развитие так называемая модель «разноскоростной интеграции», предполагающая дифференциацию в осуществлении отдельных направлений экономической политики странами-членами блока и возможность отступления от некоторых важных принципов интеграции блока на переходный период.

Немаловажно, что современный регионализм представляет собой многоуровневое понятие и может реализовываться, как «сверху», так и «снизу». В современном мире экономическая интеграция является сочетанием процессов, происходящих на уровне государства, частных корпорационных общественных институтов и территориально-административных единиц. Разнообразный характер сочетания этих уровней определяет существование различных интеграционных форм с точки зрения используемых институциональных механизмов

интеграции. В этом аспекте, прежде всего, выделяются европейская модель, основанная на жесткой институциональной структуре и обязательности выполнения большинства решений всеми странами-участницами, и азиатская интеграционная схема, предоставляющая свободу маневра для каждой стороны-партнера. В начале нынешнего десятилетия обозначилась тенденция формирования так называемой (по определению Ю.В. Шишкова) «сетевой» модели интеграции, развивающейся пока в виде зон свободной торговли (ЗСТ) и охватывающей созревшие для интегрирования страны независимо от того, являются ли они соседями или расположены на разных континентах и отдалены друг от друга многими тысячами километров. Результатом данного процесса стало появление интеграционных объединений трансконтинентального масштаба. Так, трансатлантическое измерение имеет соглашение о ЗСТ Мексики с Евросоюзом (2000 г.); Чили с ЕС (2003 г.); Южной Африки с ЕС (2000 г.). На протяжении последних нескольких лет ведутся переговоры о заключении аналогичного договора между ЕС и МЕРКОСУР.¹⁹ Однако пока трудно оценить, какое развитие в ближайшем будущем получит сетевая модель интеграции и будет ли она альтернативой ее региональной модели.

Необходимо подчеркнуть, что в последние годы особый интерес к «новому регионализму» проявляют такие лидеры мировой экономики как США, Япония и Китай, ранее стоявшие несколько особняком и ориентировавшиеся исключительно на многостороннюю торговую либерализацию в рамках ВТО, что тоже является новым веянием в развитии региональной интеграции.

С точки зрения многих специалистов в области региональной интеграции развитие мирового хозяйства в XXI веке будет определяться характером взаимодействия трех формирующихся торгово-экономических суперблоков: европейского, американского и азиатско-тихоокеанского, возглавляемых, соответственно, высокоразвитыми постиндустриальными державами Западной Европы, Северной Америки и Юго-Восточной Азии. Такая модель вероятна, в том числе, с учетом того, что современная региональная интеграция далеко не в последнюю очередь опирается на цивилизационные ценности, «полюсы цивилизационного воздействия», исповедующие общие традиции, собственную идеологию и стиль жизни (в частности, европейский, азиатский, североамериканский — примерами которых являются ЕС, АСЕАН и НАФТА, соответственно).

¹⁹ Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 4. — С. 62-63.

Западноевропейский блок формируется под эгидой Евросоюза, который в условиях временно приостановленного расширения объединения, активно использует другие схемы для усиления влияния в регионе, в том числе формирование общего экономического пространства с рядом других европейских стран. Идеологом и катализатором американского блока выступают США, действующие в направлении формирования Панамериканской зоны свободной торговли (АФТА) с участием всех 34 (кроме Кубы) стран Западного полушария. Судьбу развития азиатского суперблока связывают либо с проектом создания Восточноазиатской зоны свободной торговли с участием АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея, либо с формированием ЗСТ на базе АТЭС.

Современные западные интеграционные теории представляют собой некий синтез неолиберализма (свободного рынка) и кейнсианского наследия (ограниченного национального регулирования при сохранении и даже расширении регулирования наднационального).²⁰

В современной отечественной экономической литературе отсутствуют принципиальные разногласия относительно определения понятия и сути межгосударственной региональной интеграции. Большинство из известных авторов, исследовавших эту тему, взаимодополняют друг друга.²¹ Один из главных теоретиков интеграции, профессор М.М. Максимова дает следующее определение: «международная экономическая интеграция — объективный и вместе с тем регулируемый процесс взаимного приспособления национальных хозяйств двух и более государств с однородной социально-экономической системой, оптимизации их экономических структур в соответствующих международных хозяйственных комплексах, приводящий в конечном счете к экономии времени, повышению общественной производительности труда»²². Правомерно подчеркивается, что международная экономическая интеграция — с одной стороны, процесс объективный, а с другой — регулируемый, и может происходить толь-

²⁰ См. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов. — 2006. — С.40.

²¹ См. Глухарев Л.И. Западноевропейская интеграция и международные монополии. — М., 1978; Максимова М.М. Основные проблемы империалистической интеграции. — М., 1971; Шишков Ю.В. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе. — М., 1979; и др.

²² Максимова М.М. Основные проблемы империалистической интеграции. — М., 1971. — С. 140.

ко между странами с однородной социально-экономической системой, что подтвердилось историческим опытом становления и развития интеграционных объединений в различных регионах мира. При этом в качестве регуляторов процессов регионализма выступают стихийно-рыночный механизм конкурентной борьбы, инструменты частно-корпоративного и государственного регулирования.²³

Таким образом, регионализация международных экономических отношений представляет собой объективный по своей природе, регулируемый процесс сближения, взаимодействия национальных хозяйств, ведущий к их сращиванию и формированию единых региональных хозяйственных комплексов в рамках тех групп государств, где для этого сложились благоприятные условия. При этом развитие данного процесса носит конфликтно-компромиссный характер, а сам он является необратимым.

Как подчеркивает Ю.В. Шишков, реальное интегрирование той или иной группы стран становится возможным лишь тогда, когда эти страны достигают необходимого уровня интеграционной зрелости.²⁴ В экономике это достаточно высокий уровень развития обрабатывающей промышленности, обеспечивающий широкую диверсификацию экспортно-импортных операций страны и глубокую вовлеченность ее в международное разделение производственного процесса, и хорошо развитая финансовая инфраструктура.

По степени взаимодействия стран-партнеров различают несколько типов торгово-экономических блоков.

Зона свободной торговли, в которой устраняются торговые барьеры между участниками, но каждый из них сохраняет собственный режим регулирования торговли с третьими странами. Таможенный досмотр на границах между странами внутри зоны не отменяется, так как каждая страна вправе запретить ввоз или взыскать пошлины с товаров, которые закуплены вне зоны другими ее участниками, имеющими более льготный режим импорта. Примером такого объединения может служить Европейская зона свободной торговли (ЕФТА), сформировавшаяся в 1960 г. и включавшая первоначально Скандинавские страны, Великобританию, Данию, Австрию, Швейцарию и Португалию. Впоследствии она постепенно размылась в результате

²³ Паньков В.С. Западная Европа в экономике современного капитализма. — М.: Знание, 1981. — С. 19.

²⁴ Подробнее см.: Шишков Ю.В. Интеграционная зрелость — неперемное условие сращивания национальных экономик/Россия и СНГ в новейших европейских интеграционных процессах. — М., 2003.

присоединения некоторых ее членов к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) и поэтапного устранения барьеров между ЕЭС и ЕФТА. Другим примером является Северо-Американская зона свободной торговли (НАФТА), в которую входят США, Канада и Мексика.

Таможенный союз отличается от зоны свободной торговли тем, что его участники не только отменяют таможенные барьеры во взаимной торговле, но и унифицируют режим торговли с третьими странами, т.е. проводят общую таможенную политику. Так, Бельгия, Нидерланды и Люксембург составляли таможенный союз до их вхождения в Общий рынок. ЕЭС с момента своего возникновения в 1957 г. вплоть до 1992 г. включало наряду с другими соглашениями таможенный союз.

Общий рынок в принципе уже не относится к категории торговых блоков, а является следующей стадией экономической интеграции, когда члены таможенного союза снимают взаимные ограничения на перелив капитала и рабочей силы.

Экономический союз предполагает формирование единого экономического пространства, как это присуще национальной экономике. В нем не только не существует никаких ограничений на переливы между странами товаров, капиталов, рабочей силы, но и унифицированы внешняя и внутренняя экономическая, фискальная и социальная политика, а также соответствующее законодательство. В конечном итоге становится возможным переход к единой валюте. С 1921 г. в таком союзе находятся Бельгия и Люксембург, а с 1993 г. после подписания Маастрихтского договора к нему поэтапно эволюционирует Европейский Союз.

С начала 1990-х годов в региональных интеграционных соглашениях (РИС) происходят качественные изменения, в которых можно выделить три главных тенденции.²⁵

1. Переход от «замкнутой» к более открытой модели региональной интеграции. Многие торговые блоки, в частности созданные развивающимися странами в 60–70-е годы XX века, были основаны на модели замещения импорта внутренним производством, а в качестве инструмента использовались региональные соглашения с широкими внешнеторговыми ограничениями. Новая волна РИС, в том числе возрождение некоторых ранее действовавших соглашений, как правило,

²⁵ Шифф Морис, Уинтерс Л. Алан Региональная интеграция и развитие/Морис Шифф, Л. Алан Уинтерс; Пер. с англ.; Всемирный банк. — М.: Весь мир, 2005. — 376 с.

демонстрируют приверженность идее стимулирования международной торговли, а не контроля над ней.

2. Переход от снижения тарифных барьеров в региональной торговле к более радикальным мерам, предусматривающим отмену ограничений нетарифного характера.

3. Возникновение и развитие торговых блоков «Север-Юг», в которых страны с высокими доходами и развивающиеся страны должны выступать равными партнерами.

Как правило, создание торгового блока ведет к увеличению торговли между его членами. При этом возможны два варианта развития: создание торговли, при котором более дешевые товары из стран-партнеров по блоку замещают дорогую отечественную продукцию, и отклонение торговли, когда импорт из страны-партнера замещается импортом из третьих стран, который при наличии одинаковых тарифов был бы дешевле. Баланс между созданием и отклонением торговли — основной фактор, определяющий суммарную выгоду РИС.

РИС оказывают влияние на международную торговлю путем усиления конкуренции в виде доступа к рынкам для новых поставщиков при одновременном укрупнении фирм (эффект масштаба). При слиянии нескольких национальных рынков число производителей в каждой стране может снизиться, однако число продавцов, имеющих доступ к каждому из рынков увеличивается за счет компаний из стран-партнеров. Например, в самом простом случае, если каждая страна — член двустороннего РИС начинает с трех фирм, то даже при потере одной из них в результате конкуренции в рамках РИС сохранятся четыре (более крупные) фирмы, производящие и продающие свою продукцию по всему блоку, т.е. возникает так называемый проконкурентный эффект, сыгравший, как принято считать, значительную роль в процессе экономической интеграции европейских стран.

Необходимо отметить, что важным следствием установления преференциального режима торговли внутри регионального торгового блока, затрудняющего доступ в него продукции и услуг извне, может быть стимулирование притока прямых и портфельных иностранных инвестиций. Нерезидентам становится выгоднее организовать или участвовать в производстве продукции на территории блока, чем туда ее экспортировать. В результате притока инвестиций ускоряется экономическое развитие региона.

Стремление использовать на практике преимущества региональной интеграции стало на современном этапе характерным не только для развитых в экономическом отношении стран, в частности европейских, но и для развивающихся стран на других континентах.

Так, в регионе Северной и Южной Америки с 1998г. действует соглашение о свободной торговле (ССТ) НАФТА, включающее США, Канаду и Мексику; в 1991 г. был основан Южный общий рынок (МЕРКОСУР), в 1991 г. и 1993 г. возродились соответственно Андский пакт и Центральноамериканский общий рынок (КАКМ). В 1992 г. страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) после 25 лет политического взаимодействия при ограниченном сотрудничестве в торговле образовали зону свободной торговли (АФТА); впоследствии к ним присоединились некоторые другие страны, ведутся переговоры между АФТА и Китаем. В Африке действует Общий рынок стран Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Южноафриканское сообщество развития (САДК), организация Восточноафриканское сотрудничество (ЕАС); в Северной Африке возобновили попытки интеграции страны Магриба и страны Машрикская группы государств.

Как уже отмечалось выше, возникновение торгово-экономических объединений сопровождается интенсификацией взаимных внешнеторговых и других связей стран-участниц. Из анализа географической структуры мировой торговли следует, что степень концентрации обмена товарами и услугами на региональной основе имеет значительные различия. Так, если на ЕС приходится около 60% внешней торговли его членов, то для НАФТА этот показатель исчисляется примерно в 50%, а для АСЕАН и МЕРКОСУР — 15–20%, причем экономические и валютные кризисы в странах последних двух организаций вызывали заметные колебания этой доли на протяжении ряда лет.²⁶

Поскольку процесс регионализации внешнеторговых и экономических связей продолжает активно развиваться, анализ некоторых итогов деятельности торговых блоков с учетом поставленных ими задач представляет, на наш взгляд, немаловажный интерес в целях извлечения уроков из имеющегося мирового опыта.

К собственно торговым блокам относятся, как уже отмечалось выше, зона свободной торговли и таможенный союз, поэтому анализ деятельности именно этих типов региональных интеграционных объединений и выявление их воздействия на внешнюю торговлю представляет, с нашей точки зрения, первоочередной интерес.

При выборе типа блока странами, намеревающимися объединить свою торговлю, следует учитывать сравнительные преимущества и недостатки этих РИС. В конце 90-х годов из 162 РИС, нотифици-

²⁶ Богомолов О.Т. Мировая экономика и век глобализма. — М.: Экономика, 2007; Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. — М.: Экономика, 2006. — С. 309.

рованных ГАТТ/ВТО, 143 представляли собой ЗСТ с нулевыми внутренними тарифами, но без гармонизации внешних таможенных тарифов, и лишь 19 — таможенные союзы (ТС) с единым внешним тарифом и общим режимом свободной торговли.²⁷ Принято считать, что в большинстве случаев ТС более эффективны, чем ЗСТ, и допускают более тесную интеграцию рынков, но в то же время требуют большей координации и налагают жесткие ограничения на политику и суверенитет каждой отдельно взятой страны.

Самая большая проблема для членов ЗСТ — это перенаправление импорта из третьих стран через страну-члена ЗСТ с самым низким таможенным тарифом. При отсутствии ограничений этот механизм приводит к снижению эффективного тарифа каждого члена соглашения до минимального уровня плюс транспортные издержки, обусловленные непрямым характером импорта, которые являются непроизводительными тратами. Обычно эта проблема решается путем введения правил происхождения товаров. Это требование, состоящее в том, чтобы товары, претендующие на беспошлинный ввоз, были произведены в стране-члене соглашения, а не просто переправлялись через страны-члены. На практике правила происхождения товаров часто становятся инструментом протекционизма.

Использование правил происхождения может привести к отклонению торговли, если товары, предназначенные для экспорта среди членов ЗСТ, не производятся полностью в стране-партнере, а включают некоторую долю ресурсов, импортируемых из третьих стран. В соответствии с правилами происхождения, для того чтобы товары пользовались беспошлинным режимом ввоза, определенная часть их стоимости должна быть создана с использованием местных компонентов, либо они должны быть подвергнуты обработке на территории ЗСТ. Отклонение торговли возникает, если правила происхождения стимулирует производителей одной из стран-партнеров покупать более дорогостоящие материалы или комплектующие у другого партнера, хотя их можно приобрести дешевле в третьих странах.

Несмотря на то, что доля региональной торговли в торговых отношениях между Канадой, Мексикой и США была высокой еще до создания НАФТА, действующие в этом блоке правила происхождения товаров оказывают значительное протекционистское воздействие в некоторых секторах, смещая структуру торговли и инвестиций от бо-

²⁷ Шифф Морис, Уинтерс Л. Алан Региональная интеграция и развитие/Морис Шифф, Л. Алан Уинтерс; Пер. с англ.; Всемирный банк. — М.: Весь мир, 2005. — С. 110.

лее дешевых к более дорогим источникам. Так, преобладающая часть одежды, производимой в Мексике, получает беспоплатный доступ на североамериканский рынок только при условии, что сырье для ее производства практически на 100% происходит из Северной Америки. Содержащееся в правилах происхождения для продукции автомобильной промышленности требование, чтобы доля местного компонента составляла 62,5%, вынудило японские автомобильные компании, имеющие заводы в Канаде, вкладывать средства в производство комплектующих деталей в США вместо того, чтобы ввозить более дешевые детали и узлы из Японии. Правила происхождения также выдвигают условие, чтобы кинескопы цветных телевизоров, подлежащих беспоплатному ввозу в США, были североамериканского происхождения. После создания торгового блока НАФТА японские и корейские фирмы построили в Северной Америке пять заводов по производству телевизионных кинескопов в ущерб расширению производства в Юго-Восточной Азии. Контроль продукции, пересекающей внутренние границы, с тем чтобы обеспечить соответствие товара правилам происхождения и уплату таможенных пошлин в случае несоответствия, влечет за собой значительные расходы. По оценке экспертов Всемирного банка, эти расходы составляют 3–5% цены FOB для торговли по линии ЕАСТ-ЕС.²⁸

В практике торговых блоков отмечен феномен косвенного отвлечения торговли, который заключается в том, что страна-партнер ЗСТ с низким таможенным тарифом может удовлетворять свои потребности за счет ввоза товара из третьих стран, а затем поставлять соответствующую часть своей собственной продукции (или весь ее объем) партнерам. Если такая страна будет в состоянии в полном объеме обеспечить потребности партнера в импорте по своей цене, включая тариф, и за счет товаров собственного производства, то она сделает неэффективными высокие тарифы партнера и одновременно получит дополнительные рентные поступления.

В таможенных союзах действуют общие внешние тарифы, что отменяет формальную необходимость в правилах происхождения. В то же время настоятельной необходимостью является гармонизация нетарифных барьеров. Таможенному союзу необходимо иметь не только общий внешний тариф, но и общую во всех отношениях торговую политику. Поэтому образование ТС сопряжено с гораздо большими

²⁸ Шифф Морис, Уинтерс Л. Алан Региональная интеграция и развитие/Морис Шифф, Л. Алан Уинтерс; Пер. с англ.; Всемирный банк. — М.: Весь мир, 2005. — С. 112.

трудностями, чем создание ЗСТ. Обеспечивая более высокую степень рыночной интеграции и меньшие издержки (в частности, за счет отказа от контроля правил происхождения) они в то же время нуждаются в постоянной координации. Установление общего внешнего тарифа требует согласования интересов всех стран-членов союза, а затем создания постоянных институциональных структур, которые занимались бы дальнейшими корректировками и уточнениями, например, вносили изменения, связанные с результатами международных переговоров, вводили ситуационные защитные меры, антидемпинговые и антисубсидиарные пошлины.

Одной из важнейших задач торговых блоков является расширение торговли между странами-членами, причем эта цель зачастую прямо сформулирована непосредственно в договорах о создании РИС, включающими развивающиеся страны.

Так, например, с начала реализации соглашения НАФТА торговые потоки между США, Канадой и Мексикой увеличились более чем в два раза, причем наиболее быстро развивалась торговля Мексики с партнерами по блоку. В настоящее время НАФТА представляет собой крупнейшую в мире региональную зону свободной торговли с населением более 430 млн. чел. и совокупным ВВП свыше 14 трлн. долл., при этом на ее долю приходится около 15% всего объема мирового экспорта.²⁹ В соглашение о создании НАФТА были изначально введены элементы «общего рынка», выразившиеся, в частности, в либерализации контроля инвестиций, сферы услуг, гармонизации политики в области охраны окружающей среды, однако, в этом договоре не предусматривалось перерастание трехсторонней ЗСТ в таможенный союз.

²⁹ Левит А. Североамериканская экономическая интеграция/А. Левит //Международная экономика. — 2005.— № 4. — С. 46; World Development Indicators, Washington, 2006. — P. 20, 22.

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Артоболевский С.С., Бородина Т.Л., Глезер О.Б.

Социально-экономические и географические факторы трансформации территориальных структур Республики Карелия

Республика Карелия — весьма интересный объект для изучения трансформации территориальных структур. Регион скорее уникальный, чем типичный. Его географическое положение, история и наследие, набор природных ресурсов, вместе взятые, не имеют аналогов в РФ. Но не по одному «направлению» у региона нет «контрольного пакета». Обе столицы и их области, а в перспективе также Калининградская и Мурманская области имеют лучшее географическое положение. В Финляндию все же удобнее (для большинства) проехать через Ленинградскую область. Особые отношения с Финляндией во многом выхолащиваются московской и брюссельской бюрократией, имеют более гуманитарный, чем экономический характер. Рекреационные ресурсы двух столиц и их «окружения» значимее и доступнее (несмотря на Валаам и «доступ» на Соловки). Лесные ресурсы и железная руда в значительной степени выбраны, их добыча дорожает, перспективы сбыта оцениваются неоднозначно.

Некоторые эксперты связывают проблемы Карелии с качеством управления, считая, что Республика упустила в последние 15 лет много возможностей ускорить процессы социально-экономического развития.

Географические факторы во многом определяют территориальную структуру общества и хозяйства региона. Форма региона обуславливает большую значимость градиента юг–север, а не запад–восток (при моноцентричной структуре региона — доминирование Петрозаводска). Огромное значение имеет географическое положение каждого ареала Карелии. Многие западные и северные территории «труднодоступны» даже из столицы региона, не говоря уже о столицах федеральных.

Данная статья не претендует на всестороннее освещение всех факторов и тенденций трансформации территориальных структур Республики. Авторы считают, что есть две группы факторов — естественные и связанные с вмешательством государства. Для более детального анализа выбраны «представители» каждой из групп. Очевидно, что именно «населенческий» и «государственный» блоки факторов будут определять трансформацию территориальных структур большинства российских регионов, в т.ч. и Карелии. При этом последствия воздействия могут быть и позитивными, и негативными. Так возвращение «толстых» советских приграничных поясов создало много проблем для Республики, власти которой преуспели в их сокращении на порядок.

Динамика населения, расселение и АТД

На 1 января 2007 г. в Республике насчитывалось 16 районов, 13 городов, 11 поселков городского типа, 87 сельских поселения (бывших сельских администраций), 818 сельских населенных пунктов (около 40 не имеют постоянного населения). В столице республики Петрозаводске проживает 266,3 тыс. жителей, т.е. 51% городского населения. Средняя плотность населения составляет 3,8 чел./кв.км. В 1994-2003 гг. из состава Прионежского района выделялась Вепсская национальная волость, с 2004 г. опять включена в этот район.

Численность населения Республики Карелия начала сокращаться с 1992 г., с этого же года уменьшается и городское население (табл. 1). Сельское население после 1959 г. сокращалось постоянно, за исключением 1992, 1995 и 1996 гг., когда оно формально увеличилось, но лишь за счет административных преобразований. В 1992 г. 31 поселок городского типа общей численностью 65,3 тыс. чел. был преобразован в сельские поселения, еще по одному поселку превратились в села в 1995 и 1996 гг. (численностью 2,7 и 4,3 тыс. чел). Эти административные преобразования затронули 14 районов из 15 существовавших в то время (кроме Медвежьегорского), в результате в 11 районах сейчас насчитывается лишь по одному городскому поселению, являющемуся райцентром, а в Прионежском районе вообще нет городских поселений.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. численность населения Карелии сократилась на 9,3 %, больше всего (более чем на 20%) — в Кемском, Беломорском и Пряжинском районах, чуть менее чем на 20 % — в Лоухском, Муезерском и Медвежьегорском районах. После 2002 г. сильнее всего население продолжало сокращаться в Лоухском, Беломорском, Муезерском, Суоярвском и Пудожском рай-

Таблица 1

Динамика численности населения Карелии, тыс. чел.

Годы	1950	1959	1970	1979	1989	1992	1993	2002	2007
Всего	445	651,1	713,4	735,9	791,3	800,5	799,6	716,7	693,1
городское	248	409,6	490,5	573,2	645,7	657,1	591,3	537,7	525,3
сельское	197	241,5	222,9	162,7	145,6	143,4	208,3	178,9	167,8

Примечание: на 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. — данные переписей населения, остальные годы — на 1 января.

онах. Наименьшее сокращение населения в период 1989-2002 гг. наблюдалось в Петрозаводске, Костомукше, Сортавале и Кондопожском районе, а после 2002 г. в Костомукше и Прионежском районе население увеличилось (в Костомукше — совсем незначительно, а в Прионежском районе — на 6%). Таким образом, процессы депопуляции сильнее всего затрагивают северные и частично центральные районы республики, а наиболее стабильны более крупные города и южные районы республики. Реальную динамику городского и сельского населения сильно искажают масштабные административные преобразования 1992 г. Если бы большинство поселков городского типа не было преобразовано в сельские населенные пункты, городское население Карелии сократилось бы на 6,5%, а не на 16,5%, а сельское сократилось бы на 22%.

Естественная убыль населения началась в Республике с 1992 г. (население в целом и городское), а в сельской местности смертность превысила рождаемость в 1991 г. Единственным муниципальным образованием, где вплоть до последнего времени сохраняется естественный прирост населения, является город Костомукша с более молодым населением. В большинстве районов с каждым годом величина естественной убыли населения увеличивается, достигая в последние годы 15–20 промилле, а в сельской местности некоторых районов превышая 20 промилле (Сегежский, Медвежьегорский, Кондопожский районы). Основной причиной столь высоких показателей естественной убыли является деформация возрастной структуры населения, в которой высока доля людей старших возрастов. Поэтому, даже если произойдет некоторый рост рождаемости, перелома динамики ждать не приходится.

Таким образом, единственным источником (в том числе потенциальным) роста численности населения в Республике может быть миграция. Между тем миграционный приток в Карелию невелик и к тому же по годам очень неравномерен как по величине, так и по направлениям. За период 1990-х гг. его годовая величина была макси-

мальной в 1994–1995 гг., тогда показатель нетто-миграции составлял 1,6–1,8 тыс. чел. Это совпадает с пиком миграционного притока в Россию из стран — бывших республик СССР. После 1995 г. величина нетто-миграции в Карелию резко сократилась (в 1998 и 1999 гг. количество уехавших даже превысило количество приехавших на 200–300 чел.), в 2000, 2001 и 2002 гг. опять наблюдался рост миграционного притока (до 1,9 тыс. чел в 2002 г.). В 2003–2005 гг. положительное сальдо миграции не превышало 200–300 человек в год, в 2006 г. составило 407 чел. Весь миграционный поток направляется в города, в сельской местности положительное сальдо миграции (до 900 чел.) было только в 1992 и 1995 гг.

Обмен населением с другими регионами России был стабильно не в пользу Карелии для всего периода 1990-х гг., но с 2000 г. приток превышает отток, сальдо миграции колеблется в широких пределах: от 150 до 800 чел. Незменно существует приток мигрантов из стран-республик бывшего СССР: максимальным он был в 1994 г. (сальдо миграции 2500 чел.), к концу десятилетия упал до 350–400 чел. в год, в 2000–2002 гг. вырос до 1470 чел., а с 2003 г. опять сократился до 340 чел в год. Больше всего едут из Украины, Казахстана, Узбекистана и Армении, отрицательное сальдо миграции, характерное и для большинства других российских регионов, — с Белоруссией. Особенностью Карелии, расположенной на северо-западной границе России, является стабильный поток эмиграции в страны дальнего зарубежья, составляющей 300–500 человек в год. Большинство эмигрантов выезжает в соседнюю Финляндию (миграционный отток от 214 чел. в 1995 г. до 454 чел. в 2000 г.), далее с большим отрывом идут Германия (до 70 чел. в год), США и Израиль. Таким образом, с 2003 г. отток населения Карелии за границу бывшего СССР (преимущественно в Финляндию) — 350–450 чел. в год — превышает приток мигрантов (200–350 чел.) из республик бывшего СССР.

Как территориально распределяется поток мигрантов? Основным центром притяжения является Петрозаводск. По величине сальдо миграции (кроме 1991 и 1992 гг.) его показатели намного превышают показатели Карелии в целом. Так, например, в 1994 г. сальдо миграции в Петрозаводске составило 2143 чел. против 648 в целом по республике, в 1999 г. — 1196 против 241, в 2005 г. — 1769 против 138 человек. Это происходит потому, что в Петрозаводск направляются две составляющие потока мигрантов: из других районов Республики и из других регионов России. За счет стран дальнего зарубежья въезд из-за пределов России меньше, чем выезд (табл. 2).

Таблица 2

**Сальдо миграции населения Петрозаводска
с территориями обмена, чел.**

Годы	Всего	С другими территориями республики	С другими территориями			
			Всего	в том числе:		
				Другие регионы России	Страны СНГ и Балтии	Государства дальнего зарубежья
2004	971	984	58	154	100	–196
2005	1769	1345	424	438	179	–193
2006	2273	1734	539	537	150	–148

Источник: данные Карелиястат.

Кроме Петрозаводска, ни один город или район республики не является стабильно привлекательным для мигрантов. Так, в Костомукше сальдо миграции было положительным в 1990, 1991, 1998–2000 и в 2004–2006 гг., в Сортавале — только 1990–1992 гг., в Кондопоге — во все годы, кроме 1993 и 2005–2006 гг., в Питкяранте — во все годы, кроме 1999, 2001 и 2006 гг. В 1990-е гг. большую часть периода положительное сальдо миграции наблюдалось в Медвежьегорском, Олонецком, и Пряжинском районах, а после 2000 г. — лишь в Прионежском. Из городов, кроме Петрозаводска, наиболее привлекательны для мигрантов Питкяранта и Кондопога, а стабильно отрицательно сальдо миграции в Сегеже. Сельская местность привлекала мигрантов в 1990-е гг. (большую часть периода сальдо миграции было положительным) в Кондопожском, Олонецком, Пряжинском и несколько менее в Прионежском районах, а в 2000-е гг. — вокруг Сортавалы, в Олонецком и Прионежском районах. Таким образом, привлекательными для мигрантов являются лишь столица Республики, города Кондопога и Питкяранта и некоторые районы в южной приозерной, наиболее благоприятной для жизни и обустроенной части Карелии.

Если рассматривать только внутрирегиональную миграцию, т.е. переезды жителей Карелии внутри Республики, то, по данным за 2004–2006 гг., положительное сальдо миграции наблюдалось только в Петрозаводске, городах Костомукше и Кондопоге, поселке Пиндуши Медвежьегорского района и в сельской местности южных районов Республики — Сортавальского, Лахденпохского, Олонецкого и Прионежского. В результате происходит относительная концентрация населения в региональном центре и вокруг него (Кондопожский район), в наиболее крупных городах — Костомукше и Сортавале и в южной части Республики.

Депопуляция значительной части территории Республики — важный ограничитель ее развития. Оно сосредоточится в столице региона, небольшом количестве центров и ареалов, в соответствии с моделью центр-периферия.

Пространственное развитие и его государственное регулирование

После длительного периода, когда в 1990-х — начале 2000-х гг. пространственное развитие регионов, как и их социально-экономическое развитие в целом, почти приостановилось или происходило спонтанно, не следуя, как правило, ранее разработанным планам и проектам, с конца 2006 г. субъекты федерации РФ один за другим начали принимать схемы территориального планирования. Они выполняются в соответствии с новым Градостроительным Кодексом и пришли на смену схемам и проектам районной планировки, которые были основными документами, регулирующими развитие территорий в советское время.

Схема территориального планирования (ТП) Республики Карелии составлена РосНИПИУрбанистики (Санкт-Петербург) в 2006 г. Она опирается на Стратегию социально-экономического развития Республики Карелии до 2020 года и определяет географические, социально-экономические и экологические условия размещения объектов. Схема ТП — инструмент государственного регулирования регионального развития. Среди задач Схемы — определение приоритетов пространственного развития региона на основе анализа его ресурсного потенциала, комплексной оценки территории, определения ее планировочной структуры и функционального зонирования, формирования поселенческого и природно-экологического каркаса, транспортной и инженерной инфраструктуры. В качестве главной цели пространственного развития Республики Карелии рассматривается переход к модели устойчивого развития (хотя это понятие однозначно не определено).

Как отмечается в Схеме, «внешней рамкой» территориального планирования в настоящее время служит принцип поляризованного развития. Необходимо построить новый опорный каркас пространственной организации страны и определить место региона в новой пространственной иерархии. Для Карелии выбран следующий путь: «встраивание в «волны» нововведений и избыточных функций, которые идут от центров роста», в качестве которых рассматривается мегалополис Москва — Санкт-Петербург (альтернативой этому пути является «сжатие» или «стабилизация», когда в населенных пунктах

необходимо проведение целенаправленной политики по снижению избыточной численности населения). Вторым мощным ресурсом развития Карелии после близости к мегалополису рассматривается приграничное положение с Финляндией.

Таким образом, на макроуровне, т.е. в пределах России Карелия представляется не как полюс роста, а как периферия, но периферия ближняя, находящаяся вблизи полюсов. Правда вызывает сомнения сам факт наличия указанного мегалополиса. Столицы как два пылесоса способствовали депопуляции и потере потенциала развития полосы между ними. Речь реально может идти о двух столичных агломерациях. При этом, говоря об усиленном влиянии, с нашей точки зрения, речь надо вести только о Санкт-Петербурге; влияние Москвы в Карелии такое же, как и в более удаленных регионах, и определяется не расстоянием, а столичным статусом. Что касается базирующихся в Москве инвесторов и потребителей, то, как показывает опыт развития ряда отраслей, в которых заинтересована Карелия (добыча природного камня, туризм), они чаще выбирают в качестве партнеров, хотя и более удаленные, но зато более качественные ресурсы. Заинтересованность Финляндии в ресурсах, которыми богата сама Карелия, а не только другие северные регионы европейской России, определяет, кроме транзитной функции, непосредственное взаимодействие с Финляндией и роль последней как второго полюса роста.

По европейским меркам Финляндия многие годы была далеко не самой развитой страной, но по всем экономическим показателям она всегда значительно превосходила Карелию. В последние годы стали говорить о финском экономическом чуде, что еще более увеличило отрыв. Правда, если сравнивать Карелию с пограничными территориями Финляндии, то отрыв несколько сокращается. Положение вблизи двух полюсов роста (российского и внешнего) сулит возможности использования разнообразного ресурсного потенциала региона. Вопрос в том, на какие именно из многочисленных ресурсов Карелии будет сделана ставка.

В Схеме ТП провозглашена генеральная идея превращения Карелии из «плацдарма для сырьевого освоения западным бизнесом» в «территорию взаимодействия культур для развития эффективного партнерства России и Северной Европы». На наш взгляд, пока это не более чем красивые слова, поскольку выполнение таких функций, кроме существенного наращивания экономического потенциала Республики требует трансформации всей среды жизни населения — городов и сельских населенных пунктов, инфраструктуры, рекреационных зон, ландшафтов и т.п. Реализация указанной идеи означает пе-

реход Карелии к постиндустриальной стадии развития. Пока такая трансформация относится к жанру фантастики.

Одним из важнейших инструментов социально-экономической трансформации Республики является разработка и реализация актуальной градостроительной политики, а если шире — территориального планирования. Проанализируем, отвечают ли положения Схемы масштабным задачам перехода Республики к модели устойчивого развития и коренное изменение среды жизни населения.

Как было показано выше, современная демографическая ситуация в Республике неблагоприятная, хотя и не самая плохая среди регионов европейской России и в частности северных. Поэтому оптимистический прогноз динамики численности, возрастной структуры и занятости населения до 2025 г., который предлагается в Схеме ТП, нельзя назвать обоснованным и реальным. Относительная стабилизация численности населения к 2025 г. на уровне 700 тыс. чел. выглядит не более чем благим пожеланием, поскольку указываемые источники роста (уменьшение естественной убыли с 6 чел. на 1000 жителей до 2,5 и увеличение миграционного прироста до 3,6 тыс. чел. в год) не соответствуют сложившимся в настоящее время тенденциям динамики населения и опираются на неубедительные механизмы формирования в будущем (предлагается, например, «ограничение доступа к методам контроля за рождаемостью», «проведение ускоренной кампании предоставления гражданства не посчитанным пока мигрантам», «продление трудовой деятельности»).

Демографический прогноз — основа всех разделов градостроительного проектирования, но его точность особенно важна для определения параметров рынка труда, объемов жилищного строительства, уровня развития сферы услуг. Неправильный прогноз приводит к ошибочным проектным решениям в этих сферах, а в случае их реализации — к несбалансированному социально-экономическому развитию. Именно так было в советское время, когда в схемах и проектах районной планировки численность населения в староосвоенных районах, как правило, завышалась, а в районах нового освоения — занижалась. В результате, во-первых, некоторые предприятия социальной сферы часто пустовали, а во-вторых, не хватало детских садов, школ, больниц, клубов и т.п. даже при условии нормального финансирования.

Сеть поселений в Карелии весьма консервативна за исключением масштабных преобразований более трех десятков поселков городского типа в сельские населенные пункты в 1992 г. Без изменений она видится и в обозримом будущем. В Схеме ТП предусматривается

рост численности городского населения лишь на 4%; он затронет 8 городов (из 13) и 7 поселков городского типа (из 11), расти они будут примерно одинаково низкими темпами (5–10% к 2025 г., что составит 0,5–3,5 тыс. чел. в каждом городе). Более заметный рост намечен только в городе Сортавала (20%), но в абсолютных цифрах это всего 4 тыс. чел. Такое мало динамичное в количественном отношении развитие поселений застраховано от негативного влияния завышенного демографического прогноза в отличие от тех случаев, когда проектная численность населения региона значительно отличается от современной или когда намечается резкий рост одних городских поселений на фоне стабилизации других.

Однако под угрозой окажется возможность выполнения городами и поселками намечаемых в Схеме ТП центральных функций, поскольку в небольших по людности населенных пунктах (20–30 тыс. чел.) трудно создать полноценные (как по размеру, так и по качеству) и предприятия третичной сферы для обслуживания своего населения и населения прилегающих территорий. Между тем градостроительные предложения Схемы ТП сосредоточены именно на формировании центров систем расселения разного профиля.

Градостроительные предложения внепоселенческого уровня включают: усовершенствование планировочной структуры; формирование «точек роста» — опорных территорий роста экономики и качества жизни населения; выделение территории агломерации, придание ей особого статуса; формирование групповых систем расселения с центрами в качестве узлов; совершенствование системы сельского расселения при условии сохранения всех сел и деревень (приводим формулировки, использованные в Схеме). Подчеркивается, что реализация приоритетов территориального развития призвана снизить территориальную неравномерность в уровне социально-экономического развития муниципальных образований.

В качестве «планировочных», межрайонных центров намечается развивать Петрозаводск, Сортавалу, Костомукшу и Беломорск; в качестве центров групповых, объединяющих несколько районов, систем населенных мест — Петрозаводск, Сортавалу, Сегежу. Анализ сложившегося расселения ставит много вопросов к этим планам. Остановимся на двух примерах.

Беломорску, в котором проживает всего 12 тыс. чел., будет трудно выполнять функции центра всей северо-восточной части республики с населением 110 тыс. чел., хотя он и занимает ключевое географическое положение в коридоре магистралей (автодорога и железная дорога Архангельск — Беломорск — Костомукша — международ-

ный переход — ОУЛУ). Не понятно, как в этом крошечном межрайонном центре, влияние которого должно распространяться на территорию в пределах 2,5–3-часовой транспортной доступности, смогут функционировать несколько учреждений и предприятий эпизодического пользования.

Второй пример касается сельского расселения. Невозможно сохранить все сельские населенные пункты: около 200 из них в настоящее время насчитывают не более 10 жителей, здесь не поможет ни развитие рекреации, ни развитие фермерства, хотя повсеместное распространение этих видов деятельности само по себе сомнительно. Реализация инвестиционных проектов, ориентированных на высокотехнологичное сельскохозяйственное производство (что тоже проблематично), и улучшение условий проживания на селе, как указывается в Схеме, могут стать сдерживающим фактором для оттока сельского населения, но они не могут сдержать старение населения.

Как показал анализ ситуации, проведенный нами в некоторых муниципальных образованиях Карелии (Сортавальский район, город Сортавала, другие городские и сельские поселения района; Лахденпохский район), несмотря на наличие большой численности незанятого населения, ощущается нехватка специалистов во многих отраслях производственной сферы и сферы услуг. Это связано с ухудшением качества местного населения (в результате многие жители не хотят или не могут работать), нехваткой жилья и низкими заработными платами (это ограничивает возможности привлечения квалифицированных мигрантов из других регионов). Дальнейшее сокращение численности населения почти всех городов Республики, кроме, может быть, Петрозаводска и Костомукши, (как уже говорилось, увеличение нереально), невысокие темпы их социально-экономического развития в ближайшей перспективе в силу инерционности хозяйственных комплексов и отсутствия масштабных инвестиций (иное не просматривается), необратимые (по крайней мере в перспективе десятилетия) процессы старения населения и ухудшения его качества ставят под вопрос создание полноценных центров.

В отношении районирования территории в Схеме все очень запутанно. Концептуально она строится одновременно на принципе поляризованного развития (формирование полюсов роста внутри региона) и принципе системности расселения (формирование центров систем расселения). Необходимо осмыслить, как сочетать два подхода, чем они отличаются. В части проектных предложений используется только системный подход, а «полюсный» остается на уровне деклараций. Схема содержит и еще одну двойственность, требующую разрешения. С одной стороны, указывается, что каркас системы рассе-

ления Карелии составляет ее административно-территориальное деление — муниципальные районы, городские округа, городские и сельские поселения — которое сохранится и на перспективу. С другой стороны, предлагается выделять расселенческие системы, основанные на социально-экономическом районировании и производственных, культурно-бытовых, миграционных и других видах связей. При этом первые и вторые не совпадают. Нам же представляется, что делимитация муниципальных образований как раз должна осуществляться с учетом социально-экономического районирования.

На основе анализа Схемы ТП Республики Карелия можно сделать следующие выводы. Хотя схема территориального планирования как вид проектирования разрабатывается в соответствии с новым Градостроительным Кодексом, она по сути мало отличается от схем и проектов районной планировки, выполнявшихся ранее (с их достоинствами и недостатками вроде групповых систем населенных мест, которые многие специалисты справедливо критиковали еще в советское время). Появление новых институтов рынка и демократии сильно изменило риторику проекта, но на деле почти не изменило его подходы и методику. Те же самые проектные предложения, которые сделаны в новых условиях, могли быть сделаны и прежде. Предложения по-прежнему опираются на ресурсы, на потенциал, а не на возможность и эффективность их использования. Системы расселения проектируются вне связи с организацией местного самоуправления.

Но главное сходство, к сожалению, заключается не в использовании положительного опыта и методики, которая отлаживалась десятилетиями, а в проектерском подходе, оторванном от реальности. Подтверждением этому может служить следующий оптимистический пассаж из Схемы ТП Республики Карелия: «При принятом «позитивном сценарии» предполагается, что кризисные явления последнего десятилетия удастся достаточно быстро нейтрализовать, произойдет мобилизация всех внутренних возможностей территории, форсирование развития всех сфер деятельности, основанных на использовании имеющегося ресурсного потенциала, что приведет к экономической стабильности, социальному благополучию, экологическому равновесию».

В результате оказывается, что пока в России так и не разработан актуальный инструментарий для проектно-планировочных работ по пространственному развитию регионов. Поэтому и утверждения о том, что предложения Схемы ТП обеспечат переход Карелии к модели устойчивого развития и существенную трансформацию среды жизни населения выглядят неубедительно. Для достижения поставленных целей надо ответить на вопрос «как?».

Литература

- Бакланов П.Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. — М.: Наука, 2007. — 239 с.
- Социально-экономическое положение городов и районов Республики Карелия в 2000г. — Петрозаводск, Карелиястат, 2001.
- Демографический ежегодник Республики Карелия 2006г. — Петрозаводск, Карелиястат, 2007.
- Муниципальные образования Республики Карелия 2005г.— Петрозаводск, Карелиястат, 2006.
- Стратегический план социально-экономического развития города Костомукша до 2015 г. — Костомукша, 2004. — 66 с.
- Стратегия социально-экономического развития Республики Карелии до 2020 года. — Петрозаводск, 2007. — 88 с.
- Схема территориального планирования Республики Карелии. — Санкт-Петербург, 2006. — 230 с.

Волкова И.Н.

Ресурсопользование и перспективы социально-экономического развития Республики Карелия

Исторически Карелии всегда была важным звеном в формировании российского «окна в Европу». Вместе с территорией современной Ленинградской области и Санкт-Петербургом на протяжении столетий она была относительно целостной промежуточной, контактной зоной между русскими землями и странами Скандинавии; на этой территории постоянного русско-шведско-финно-карельского контакта находились и первые столицы Древнерусского государства — города Старая Ладога и Новгород. В связи с этим характерна периодическая миграция русско-шведской (впоследствии — российско/советско-финляндской) границы. В этих условиях можно было бы ожидать, что Карелия (восточная часть этой исторически сложившейся контактной зоны) станет важным элементом динамического развития Европейской России.

Однако в настоящее время Карелия чаще всего считается сырьевой промышленной территорией (в частности, на фоне и по сравнению с другими субъектами Северо-Западного ФО). На долю республики приходится 10% добываемой в РФ железной руды, 23% — производимой в РФ бумаги, 9% — целлюлозы, 7,3% — деловой древесины, 4,0% — пиломатериалов, около 60% — бумажных мешков. При этом природно-ресурсный потенциал в современной социально-экономической обстановке пока мало способствует экономической актуализация прочих ресурсов этой территории. По мнению экономистов РК, сохранение в долгосрочной перспективе Карелией преимущественно сырьевого статуса может стать препятствием для концентрации и развития здесь разнообразных «ресурсов будущего», в том числе высококвалифицированной рабочей силы, инновационных технологий, а также сохранению существующих и созданию новых культурных ценностей. Это не позволит республике стать тем элементом каркаса пространственной организации и Северо-запада, и всей Европейской части России, каким она могла бы быть в случае реализации ресурсов экономико-географического и геополитического положения её территории, обеспечивающих её рядом существенных конкурентных преимуществ (12).

Среди этих преимуществ в первую очередь необходимо назвать приграничное положение Карелии, особенно выделившееся в последние десятилетия в силу того, что только здесь, наряду с Ленинградской и Мурманской областями, у России осталась сухопутная граница со странами «дальнего зарубежья» (странами Скандинавии, а не с бывшими республиками в составе СССР) и, в частности, с Финляндией, вошедшей в число стран Европейского союза. В силу такого актуального приграничного положения внешнеторговые связи республики в наибольшей степени ориентированы на рынки стран Европейского союза (удельный вес их в экспорте Карелии превышает 65%), и, в частности — Финляндии. Вероятно, последняя сохранит свою «лидирующую роль» в экспорте из Карелии и в дальнейшем, но в то же время ряд специалистов выделяет роль и перспективы стран Азии, на долю которых сейчас приходится около 20% карельского экспорта. Учитывая достаточно высокие темпы экономического роста и потребления, страны Азии представляет значительный интерес с точки зрения экспорта продукции карельских предприятий (прежде всего, это касается продукции отраслей лесопромышленного комплекса).

Основными регионами России, с которыми Карелия осуществляет торгово-экономические связи, являются г. Москва, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Главными товарами, поставляемыми

ми из Карелии, являются минеральные продукты, рыбная продукция, тракторы, бумагоделательное оборудование и запасные части к нему.

По мнению экспертов, весьма перспективным рынком для товаров, поставляемых из Карелии, может стать Республика Беларусь. Наибольший интерес представляет поставка машин и механизмов, минеральной продукции, бумаги и картона. Имеются хорошие перспективы для наращивания объемов экспорта оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности и нефтехимического комплекса.

Более 60% в товарной структуре экспорта занимает продукция целлюлозно-бумажной, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Значительную долю экспортной продукции лесного комплекса все еще составляют деловая древесина и пиломатериалы, т.е. продукция низкого передела с небольшой добавленной стоимостью. Более 40% экспорта приходится на древесину необработанную, железорудные окатыши и металлы. В структуре экспорта ЦБП преобладает доля бумаги, картона и изделий из них (более 90%, при этом газетная бумага — более 70%). Почти треть экспорта приходится на Финляндию, куда в основном поставляются древесина, железорудные окатыши, бумага и картон.

Валовой региональный продукт Карелии, являющийся важнейшим показателем экономического развития региона, начиная с 1999 года увеличивался как в действующих, так и в сопоставимых ценах и по оценкам за последние четыре года вырос на 23,8%, в том числе в 2005 году — на 9% к уровню 2004 года. В сравнении с другими субъектами РФ по уровню ВРП на душу населения Карелия занимает 26 место.

Основу экономики республики составляет промышленность. После кратковременного спада объемов промышленного производства в 2002–2004гг. благодаря модернизации производства и благоприятной конъюнктуре на основные виды выпускаемой в Карелии продукции, доля её в валовом региональном продукте в 2005 году составила 36%. Физический объем произведенной промышленной продукции за 2002–2005 годы увеличился на 35,9%, при этом в 2005 году достигнут самый высокий за последние пять лет рост промышленного производства — 118,7% к 2004 году (РФ — 104%).

В промышленности значительный удельный вес занимают лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли (41,2%), черная металлургия (18%) и электроэнергетика (14,8%). На уровне 5–9% вклад в промышленность обеспечили машиностроение и металлообработка, цветная металлургия, пищевая промышленность.

В 2005 г. в структуре оборота организаций по видам экономической деятельности республики определяющую роль играют обрабатывающие производства (24,3%), оптовая и розничная торговля (24,3%), добыча полезных ископаемых (19,2%), которые вместе обеспечивают 67% всего оборота организаций по видам экономической деятельности.

В течение последних четырех лет наиболее высокими темпами росла добыча полезных ископаемых (140,8% к уровню 2001 года); в обрабатывающих производствах: обработка древесины и изделий из дерева (117,7%), целлюлозно-бумажное производство (131%), издательская и полиграфическая деятельность (135%), металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (в 3,4 раза). В 2005 г. по сравнению с 2001 г. больше произведено железорудных окатышей (130%), фанеры (114%), бумаги (133,8%), мешков бумажных (159,8%) и других видов продукции.

Как уже было сказано, республика обладает большим **природно-ресурсным потенциалом**, в значительной мере востребованным мировой экономикой (лес и богатства недр), а также безусловной привлекательностью территории для отдыха и туризма. Особенно необходимо отметить наличие уникальных объектов историко-культурного наследия - о.Валаам, о. Киж, п.Калевала и др.. Однако вовлечение природно-ресурсного потенциала в хозяйственный оборот сдерживается труднодоступностью и, соответственно, сложностями его освоения и использования.

Наиболее значимые проекты на территории республики реализуются крупнейшими российскими компаниями, занимающимися добычей сырья, первичной переработкой или транспортировкой ресурсов (Северсталь, СУАЛ, Газпром, РАО ЕЭС, ОАО «Российские железные дороги», Мечел, Орими, Сегежский ЦБК, ОАО «Кондопога»).

Рассмотрим далее некоторые проблемы развития ресурсопользования в республике Карелия на примере земельных и лесных ресурсов, а также ресурсов недр.

Земельные ресурсы

Земельный фонд республики и его динамика представлены в Таблице 1.

Следует заметить, что динамика количества земель в составе земель отдельных категорий в республике за истекшее десятилетие была весьма значительной и разнонаправленной. Так, земли сельскохозяйственного назначения, как и в целом по России, заметно сократились — на 10,3%, в основном за счет перевода заброшенных и зарас-

тающих мелкоземлем ранее обрабатывавшихся земель в земли запаса. В данную категорию (земли с/х назначения) все еще входят невос требованные земельные доли ликвидированных коллективных хозяйств, которые в настоящее время не используются. В ближайшие годы их судьба будет решена скорее всего в пользу перевода их в земли запаса или в земли лесного фонда и регистрации в собственность федеральных или республиканских земель.

Таблица 1

Структура и динамика земельного фонда Республики Карелия *

№	Категория земель	1995 г., тыс.га	1995 г. % к итогу	2005 г. тыс. га	2005 г. % к итогу	2005 г. к 1995 г. тыс.га	2005 г. к 1995 г. %
1.	Земли сельскохозяйственного назначения	219,8	1,2	195,2	1,1	-22,7	-10,3
2.	Земли поселений	91,1	0,6	74,9	0,5	-16,2	-17,8
3.	Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения и информатики, космической деятельности, обороны, безопасности и земли иного специального назначения	106,9	0,6	154,3	0,8	47,4	44,3
4.	Земли особо охраняемых территорий и объектов	253,9	1,4	292,2	1,6	38,3	15,1
5.	Земли лесного фонда	14612,2	80,9	14537,7	80,5	-74,5	-0,5
6.	Земли водного фонда	2692,1	14,9	2658,9	14,7	-33,2	-1,2
7.	Земли запаса	76,0	0,4	138,8	0,8	62,8	82,6
8.	Всего	18052,0	100	18052,0	100	0,0	-

Как видно из таблицы, одновременно значительно увеличилось количество земель в категории земель особо охраняемых территорий и объектов (на 15,1%). Кроме того, земли природоохранного и природно-заповедного назначения входят также в состав земель других категорий. Поэтому в целом заповедный фонд Карелии на 1.01.2006 г.

* Рассчитано по данным Государственного доклада о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 1995г и в 2005г/ М-во рыбного хоз-ва и экологии Респ. Карелия. — Петрозаводск: Петропресс, 1995 и 2005 гг. соответственно.

составлял 969,2 тыс. га или 5,4% территории республики и включал в себя 168 особо охраняемых природных территорий. Крупнейшие из них — созданный еще в 1992 г. национальный парк «Водлозерский» площадью 404,7 тыс. га, хотя собственно на территории Карелии в Пудожском районе расположена меньшая его часть — 127,1 тыс.га.; остальная часть парка относится к территории Архангельской области. Площадь национального парка «Паанаярви» в Лоухском районе составляет 104,5 тыс. га.

Особо нужно отметить заповедник «Костомукшский» площадью 47,4 тыс. га, созданный в 1983 году для охраны природных комплексов Карелии, а также для изучения антропогенного воздействия на природу Костомукшского горно-обогатительного комбината, действующего с 1982 года. Он является частью международного (совместно с Финляндией) парка «Дружба». Здесь же, северо-западнее города Костомукша вдоль российско-финляндской границы, будет располагаться по уже разработанному проекту Калевальский национальный парк, включающий древнейшие рунопевческие земли и населенные пункты Карелии, связанные с родиной карело-финского эпоса «Калевала». До последних лет эти территории привлекали больше внимания и посетителей из Финляндии, а не из Карелии или России. Изменить эту ситуацию и призван вновь создаваемый национальный парк.

Среди земель поселений, которые уменьшились за исследуемый период на 17,8 (в основном за счет уточнений границ поселений) интересно отметить, сколько земель было приватизировано к 1.01.2006 г. (Таблица 2)

Таблица 2

**Доля приватизированных земель поселений
в населенных пунктах республики Карелия***

	Площадь земель поселений, тыс. га	Приватизировано земель поселений, тыс. га	Доля приватизированных земель, %
Земли поселений, в том числе:	74,9	3,2	4,3 %
Земли городов и поселков городского типа	35,9	0,7	1,9%
Земли сельских населенных пунктов	39,0	2,5	6,4 %

* Рассчитано по данным Государственного доклада о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 1995г и в 2005 г/ М-во рыбного хоз-ва и экологии Респ. Карелия. — Петрозаводск: Петропресс, 1995 и 2005гг. соответственно.

Как следует из приведенных в таблице расчетов, доля приватизированных земель даже в категории земель поселений очень невелика. По всем же категориям земель в республике Карелия в частной собственности граждан и их коллективов находится 36,2 тыс. га или 0,2% земель республики, плюс ещё 0,03% — в собственности юридических лиц. Из числа земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан приходилось в это время 17%, или 33,2 тыс. га, а в собственности юридических лиц — ещё 2,0% земель. При этом важно отметить, что государственная регистрация права собственности муниципальных образований на земельные участки в республике (по данным на конец 2005 г.) еще не осуществлялась. Раздел и регистрация прав собственности на земли Российской Федерации и земли Республики Карелия также идет с большим трудом. Все это свидетельствует о недостаточно весомом результате земельной реформы в Карелии и слабом развитии процесса перехода разрешенных категорий земель в частную и иные (негосударственные) виды собственности.

Лесные ресурсы

Республика Карелия располагает большими лесными ресурсами, представленными лесной площадью в 9,4 млн. га. Более 49% площади республики покрыто лесом. Однако для лесных ресурсов Карелии пока характерен низкий (малоэффективный) уровень использования, а также дефицит сырья для перерабатывающих производств лесопромышленного комплекса.

Объем лесозаготовки на сегодняшний день составляет около 7 млн. куб.м., что составляет примерно 70% расчетной лесосеки. Общий запас древесных ресурсов составляет 910 млн. куб. м. Запас спелых и перестойных насаждений составляет 435,8 млн. куб. м, в том числе хвойных 382,3 млн. куб. м (87,9%).

Запасы лесных ресурсов Республики Карелия меньше, чем в Финляндии в 2 раза, но в расчете на единицу площади они приблизительно одинаковы, а в расчете на душу населения запасы лесных ресурсов в Карелии превышают финские более чем в три раза. По породному составу лесной фонд Республики Карелия и Финляндии не имеют больших различий — более 80% занимают наиболее ценные в качественном отношении хвойные породы — сосна и ель. Эффективность же освоения и использования лесных ресурсов значительно различается.

Доля ежегодной заготовки древесины от общего запаса в Карелии составляет 0,65%, что в 4 раза ниже, чем в Финляндии (3,04%).

Съем древесины с 1 га в Финляндии в 3 раза превышает этот показатель в Карелии. На душу населения в Карелии заготавливается древесины на 35% меньше (8,6 куб. м), чем в Финляндии (10,7 куб. м).

Как известно, с 1 января 2007 г. вступил в силу новый Лесной Кодекс РФ.

В статье 82 Кодекса определены полномочия органов государственной власти субъекта РФ в области лесных отношений, а в статье 83 (ч. 1) определен перечень полномочий Российской Федерации в сфере лесных отношений, осуществление которых отныне передается органам государственной власти субъекта РФ. Лесной комплекс страны находится в состоянии реорганизации, одной из основных задач которой является разделение функций лесного хозяйства на управленческие, производственные и контрольно-надзорные. Он по-новому выстраивает отношения между федеральным Центром и регионами, происходит децентрализация управления лесами и лесным хозяйством. В связи с этим в конце 2006 г. в России проводилась работа по передаче в ведение субъектов Российской Федерации лесхозов. Кроме того, произойдут следующие существенные изменения в управлении лесопользованием. Вместо разрешительного принципа работы в лесу вводится декларативный. В ближайшем будущем выписка лесных билетов будет отменена. Это значит, что лесопользователь должен будет представить декларацию, по которой берет на себя не только обязательства по лесопользованию, но и всю ответственность за состояние дел в арендованных им участках лесного фонда. Однако до сих пор не ясно, как применять меры воздействия к лесопользователю в новых условиях. Порядок наложения штрафов, в случае необходимости их применения, до сих пор не отработан. Поэтому специалисты в области управления лесопользованием опасаются, что установленные сейчас меры воздействия на нерадивых арендаторов лесных участков не адекватны тем последствиям, которые могут наступить в результате «неправильного» лесопользования. Некоторые проблемы в лесопользовании не только остались, но даже обострились. В частности, из беседы с директором Лахденпохского лесхоза Иваном Ледником выяснилось, что в прошлом году у него было занято 92 сотрудника, сегодня работает 70 человек, а к концу 2008 г. должно остаться всего 40 человек. Остальных придется увольнять, так как лесхоз по новому Лесному Кодексу будет реорганизован, останутся лишь лесничества. Все функции лесхозов по воспроизводству, уходу за лесами перейдут к арендаторам лесных участков, а оставшиеся сотрудники лесничеств будут лишь контролировать состояние дел по этим направлениям лесопользования. Директор лесхоза обескуражен, так как в условиях Лахденпохского муниципального района,

отнюдь не самого периферийного и удаленного в Карелии (район расположен на юге Карелии, граничит на западе с государственной границей РФ с Финляндией, на востоке выходит к Ладоге, на юге граничит с Ленинградской областью) увольнение более чем половины штата лесхоза резко увеличит безработицу в и без того неблагоприятном по этому показателю районе. Кроме того, часть молодых сотрудников обучалась последние годы за счет лесхоза на основе целевых договоров с соответствующими средними специальными и высшими учебными заведениями (в ПетрГУ, КарНИИЛПК, Шуйско-Виданской лесотехнической школе). Одной из задач такого целевого обучения было повысить надежность закрепления молодежи в Лахденпохском районе, в противном случае большая её часть уезжала в поисках иных мест приложения труда, прежде всего в соседнюю Ленинградскую область или сразу в Санкт-Петербург. Теперь же он не может гарантировать им трудоустройство, а значит — управление лесным хозяйством потеряет молодых специалистов.

И все это притом, что, как считают карельские экономисты, на рынке труда в республике в настоящее время имеют место несбалансированность спроса и предложения рабочей силы, низкая территориальная и профессиональная мобильность рабочей силы, наличие большого количества неэффективных рабочих мест. В настоящее время коренное население республики не готово менять место жительства с целью получения работы в ином районе республики, и это провоцирует дисквалификацию кадров в одном районе при ликвидации предприятия, с одной стороны, и нехватку квалифицированных кадров для реализации крупных промышленных проектов в других районах республики с другой стороны. В перспективе возможна нехватка квалифицированной рабочей силы, что может стать серьезной проблемой при реализации крупных проектов. (Стратегия развития..., 2007). Таким образом, резкое изменение «условий игры» в ходе очередной отраслевой реформы будет иметь массу негативных последствий, как для лесопользования, так и для населения муниципального района. Постоянно меняющиеся условия управления, финансирования, неопределенность в долгосрочном плане сильно затрудняют, по мнению экспертов, осуществление эффективного и экологичного лесопользования.

К положительным переменам Иван Ледник относит тот факт, что по новому Лесному Кодексу и ряду Постановлений Правительства в лесничества вновь вернут полномочия по составлению протоколов о нарушении правил лесопользования, в том числе вновь разрешат штрафовать нарушителей без передачи протокола в Суд или в органы МВД. Лишение лесхозов этих прав в предыдущие несколько лет явля-

лось, по его мнению, большим недостатком очередной реформы в управлении природопользованием и нанесло государству существенный урон, прежде всего в материальном плане, в виде недополученных бюджетом сумм штрафов из-за чрезвычайной сложности и длительности процедуры их взимания. По нынешнему законодательству суммы штрафов за правонарушения в лесопользовании будут целиком поступать в Федеральный бюджет, хотя действовали и иные схемы — одно время все суммы поступали в распоряжение самих лесхозов, затем в республиканский и местный бюджеты (50:50).

Другая проблема в этой сфере ресурсопользования — развал системы мелиорирования и строительства сельских и лесных дорог. Лесная мелиорация существовала только до 1990 года. Имевшиеся ранее в районе соответствующие подразделения, обслуживавшие сельское и лесное хозяйства, развалились. Поэтому быстро приходят в негодное для дальнейшего использования состояние пастбища, заброшенные в результате развала пяти крупных племсовхозов района. На них невозможно самовосстановление или посадка лесов высокого породного качества. Растут лишь вторичные, мелколиственные малоценные леса.

В Карелии в целом и в Лахденпохском районе, в частности, большой проблемой являются лесные пожары. Вся охраняемая от пожаров территория лесного фонда РК относится к зоне авиационной охраны лесов. Она, в свою очередь, подразделена на район охраны наземными силами — это та её часть, куда можно добраться по существующим дорогам разного качества (51% охраняемой территории) и район охраны авиационными силами и средствами (49%) — территорию, которую можно охранять от пожаров только с помощью спецавиации. Официально охрана лесов от пожаров осуществляется лесхозами Агентства лесного хозяйства по РК (Кареллесхоз), авиаотделениями и авиагруппами Северо-Западной базы авиационной охраны лесов — филиала ФГУ «Авиалесоохрана». Однако, например, в 2006 году — не самом «пожароопасном» за последнее время, над территорией республики ежедневно с целью мониторинга лесных пожаров совершал ежедневно облет лишь один самолет, что, по мнению специалистов, крайне мало для такой территории. С другой стороны, если пожар уже выявлен, и с земли его невозможно локализовать, лесхозам предлагается вызывать специальный самолет МЧС, способный брать на борт и затем выливать в зоне пожара до 14 тонн воды. Самолет такой есть только в Ленинградской области, и оплачивать его работу нужно из средств лесхоза/лесничества (!) из расчета 150 тыс. руб./час. Для дотационного Лахденпохского муниципального района и его лесничеств это совершенно нереально, а в прибрежной охран-

ной зоне Ладogi и по берегам шхер пожары в лесах иным способом локализовать практически невозможно. Вот и горят ежегодно сотни пожаров в Карелии, причем по вине местного населения обычно происходит до 90% возгораний. Ущерб, причиненный пожарами лесному хозяйству и окружающей среде республики только за 2005 год оценен в 393 937 тыс. руб.

В Карелии Указом Главы Республики от 21.12.2006 г. №185 был образован Государственный комитет Республики Карелия по лесу. На него возложены функции предоставления в пределах земель лесного фонда лесных участков для разных видов лесопользования, осуществление государственного лесного контроля и надзора, установление перечня должностных лиц, осуществляющих этот контроль. На реализацию отдельных полномочий РФ в области лесного хозяйства Республике Карелия предусмотрено финансирование за счет субвенций из Федерального фонда компенсаций на 2007 год в сумме 134,49 млн руб.

Агентство лесного хозяйства по РК (территориальный орган МПР) подготовило документы, необходимые для принятия решений о передаче федеральных государственных учреждений (лесхозов) как имущественных комплексов в ведение Республики Карелия, а распоряжением Правительства Республики Карелия от 28.12.2006 г. №406р-П в государственную собственность Республики Карелия приняты 29 лесхозов.

За первое полугодие 2007 г. объемы вывозки древесины в республике составили 113%, производства деловой древесины — 112%, пиломатериалов — 99%, картона — 101%, целлюлозы — 105%. Увеличились инвестиции в основной капитал предприятий лесопромышленного комплекса: если в 2006 году было 3,7 млрд. рублей инвестиционных вложений, то в этом уже 5 млрд. рублей.

В целом в республике удалось передать в долгосрочную аренду по результатам лесных конкурсов участки лесного фонда с общим годовым объемом лесопользования 7,1 млн. куб. м., что составляет 80% расчетной лесосеки. При этом в южных районах республики, в частности в Лахденпохском районе, в аренду переданы практически все участки лесного фонда (90%), что составляет 95–98% расчетной лесосеки. Участки переданы под конкретные обязательства — для выполнения перспективных бизнес-планов и инвестиционных проектов, в том числе три участка лесного фонда — для рекреационного лесопользования.

По мнению упомянутого выше Ивана Ледника, основанному на богатом личном опыте, аренда, в том числе на 49 лет (долгосрочная),

к которой в перспективе в основном должно свестись лесопользование, — наилучший способ из возможных видов его организации. Это связано с тем, что, например, лесные дороги и обустройство участков не выгодны арендатору, если он берет участок не в долгосрочную аренду. А состояние лесных дорог и инфраструктуры в лесном комплексе Карелии весьма плачевно. В частности, аномально теплая зима 2006–2007 года практически сорвала вывозку леса из республики, так как не было зимних дорог.

В Договорах аренды прописаны условия, которые арендатор должен выполнять под ежегодным контролем со стороны представителей территориальных органов Росприроднадзора. В частности, прописано, сколько гектаров леса должно быть засажено вновь сеянцами деревьев, на скольких гектарах должны быть ежегодно проведены работы по уходу за прежде посаженными деревьями, и т.д. В лесах (или в лесничествах с 2008 года) теперь продают сеянцы деревьев арендаторам, хотя раньше это делалось бесплатно, за счет бюджетных средств. План рубок на арендуемом участке леса также выполняется в лесничестве по заказу арендатора. В лесничествах же останется функция (в лице инженеров по охране и защите леса) по контролю над ведением воспроизводства леса.

Считается, что в некоторых вопросах ведения лесного хозяйства Карелия опережает своих соседей по региону. Например, в Карелии почти 90 процентов лесов передано в долгосрочную аренду. К этому решению в республике подходили в строгом соответствии с разработанным еще в 2003 году планом. Главным условием при выделении леса в аренду было представление потенциальным арендатором бизнес-плана. По специально разработанной методике оценки определялся уровень претензий претендента на тот или иной участок леса. В итоге арендатор брал на себя обязательства по выполнению своего бизнес-плана, в дополнительных условиях договора аренды указывались по годам объемы инвестиций. По сути дела сегодня отдали лес в аренду не тому, кто лес только рубит, а тому, кто собирается его и перерабатывать. До последнего времени никто в России такой процедуры еще не делал. Теперь Центр рекомендует всем субъектам России перенять этот опыт, хотя «карельским» он пока не называется. Но именно о нем шла речь на совещании в Сыктывкаре в 2006 году по вопросам лесопромышленного комплекса, на котором выступал В.В.Путин.

Лесопромышленный комплекс республики объединяет 60 предприятий. В том числе 4 предприятия по производству целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них, 18 предприятий по обработке древесины и производству изделий из дерева и пробки

и 36 предприятий лесного хозяйства и по предоставлению услуг в этой области (по ОКВЭД). Все вместе они выбрасывают более 45 тыс. тонн загрязняющих веществ в атмосферу Карелии, занимая по этому показателю второе место после добычи металлических руд и металлургического производства (1, с. 209).

Сегодня превышение использования древесины в Республике Карелия над заготовкой составляет 2,2 млн. куб.м. Дефицит сырья компенсируется ввозом из-за пределов РК. Однако существует возможность в увеличении расчетной лесосеки за счет создания целевых хозяйств на базе крупнейших лесопользователей — ОАО «Сегежский ЦБК», ОАО «Кондопога», ЗАО «Запкареллес», АХК «Кареллеспром» и переориентации экспорта необработанных лесоматериалов на внутреннюю переработку. В этом случае внутренние потребности ведущих лесоперерабатывающих предприятий РК могут быть полностью обеспечены карельским сырьем.

В результате принятых мер по сокращению экспорта лесного сырья и увеличению Правительством РФ экспортных пошлин (с 4\$ до 10\$, а в перспективе до 50\$ за куб. м) на необработанные лесоматериалы за 2005 и 2006 гг. сократились поставки за рубеж круглого леса хвойных пород. Правительство Республики Карелия обращалось в Минэкономразвития России по вопросу отмены экспортных пошлин на пиломатериалы и импортных пошлин на технологическое оборудование. В результате Правительством РФ было принято решение об установлении нулевой ставки импортной таможенной пошлины почти на 800 видов импортного технологического оборудования, куда вошли и 14 позиций технологического оборудования для лесопромышленного комплекса. Данная мера показала свою эффективность. Карельские предприятия, активно используя предоставленную возможность, сумели нарастить объемы импорта товаров инвестиционного назначения. (4)

Рынками сбыта карельской целлюлозно-бумажной продукции (газетная бумага, крафт-бумага, сульфатная целлюлоза) являются как страны азиатского региона (Турция, Иран, Индия, Китай), так и некоторые европейские страны (Великобритания, Германия, Финляндия). Поставки лесопильной продукции ориентированы, главным образом, на рынки Европы, где основными потребителями являются Великобритания, Финляндия, Эстония и Германия. Главным и практически единственным потребителем круглого леса, поставляемого из Республики Карелия, является Финляндия, испытывающая серьезную потребность в поставках сырья из-за рубежа. Основная доля в экспорте лесопродукции из Республики Карелия также приходится на Финляндию.

По мнению экспертов, в перспективе на мировом рынке традиционным производителям лесопиломатериалов (Швеция, Финляндия) придется уступить часть своей ниши поставщикам более дешевой продукции из России, Балтии и Германии.

Для обеспечения конкурентоспособности системы лесовосстановления республики с таковой в соседней Финляндии требуется в перспективе увеличить прирост и съём древесины с 1 га приблизительно в 4 раза. Для повышения эффективности работы лесопромышленного комплекса республики необходимо увеличить уровень использования лесных ресурсов, создать условия для развития углубленной переработки древесины, заготавливаемой на предприятиях. На решение этих задач, в частности, направлена дорабатываемая в настоящее время программа действий Правительства Карелии по совершенствованию системы управления лесным хозяйством и лесной промышленностью на период до 2010 года.

Ресурсы недр

В недрах Карелии выявлено более 50 видов полезных ископаемых, расположенных более чем в 400 месторождениях и рудопроявлениях.

На государственном балансе находится 720 месторождений 27 видов твердых полезных ископаемых и 2 вида подземных вод (пресные и минеральные). Основные полезные ископаемые Карелии — железная руда, титан, ванадий, молибден, благородные металлы, алмазы, слюда, керамическое сырье (пегматиты, шпат), апатит-карбонатные руды, щелочной амфибол-асбест. Здесь расположены уникальные месторождения строительного и отделочного камня (граниты, диабазы, мраморы), в том числе основные запасы высококачественного щебня на европейской территории России.

В настоящее время разрабатываются 63 месторождения 25 видов твердых полезных ископаемых и 2 вида подземных вод. Выпускаются в крупных объемах железорудные окатыши и нерудные строительные материалы (щебень, блоки из природного камня, песок строительный), а также минеральное сырье для каменного литья, шунгит, порфирит и т.д. К перспективным объектам относятся месторождения золота, элементов платиновой группы, алмазов, а также неметаллические полезные ископаемые.

Географическое положение Карелии позволяет ей стать основным поставщиком многих полезных ископаемых, в первую очередь, стройматериалов на рынки Северо-Западного и Центрального федерального округа. Так, в 2006 году в республике было выпущено 7 521

тыс. куб. м щебня, что превысило максимальный уровень производства советских времен. При необходимом уровне поддержки производство щебня в республике может быть увеличено, но участию крупных строительных и горнодобывающих компаний в создании современных производств на территории Карелии препятствует введение в последнее время ограничений и запретов на развитие данной отрасли, в том числе по экологическим и транспортно — логистическим причинам

Как заявил в феврале 2007 г. министр промышленности и природных ресурсов республики Сергей Денисов (на тот момент — И.В.), власти Карелии намерены регулировать выдачу лицензий на добычу нерудных строительных материалов, поскольку число желающих осваивать местные карьеры превышает возможности транспортной инфраструктуры республики. Октябрьская железная дорога в состоянии вывезти в центральные районы 11–12 млн. тонн щебня в год. Возможности вывоза щебня водным транспортом 5–6 млн. тонн в год. Собственные потребности Карелии составляют 1–2 млн. тонн. То есть на данный момент предельный объем производства щебня ограничивается 19–20 млн. тонн в год. В тот момент в республике было выдано 128 лицензий на производство щебня, каждая из которых предполагает выпуск готовой продукции в объеме около 1 млн. куб. м в год, а справиться с таким грузопотоком железная дорога республики пока не в состоянии. Добыча камня в основном ведется в южных районах республики, откуда не так далеко до основных потребителей — Москвы и Санкт-Петербурга. Карьеры располагаются вблизи транспортных путей: либо по побережью Онежского озера, либо вдоль железной дороги. Так, в Лахденпохском районе запасы блочного камня не столь огромны (20 млн. долларов), как в Пудожье или Лоухах, но для камнедобытчиков он интереснее, поскольку находится значительно ближе к Санкт-Петербургу и имеет развитую транспортную инфраструктуру. (10)Особенно острая ситуация сложилась на юге Карелии, в примыкающих к Ленинградской области районах (Сортавальском и Лахденпохском), где сосредоточены самые крупные действующие карьеры по добыче камня и производству щебня.

Большим потенциалом ресурсов недр, который может быть востребован в ближайшем будущем, обладают северные Медвежьегорский, Сегежский и Пудожский районы. Правда, в последнем нет железнодорожного сообщения и энергетических резервов. Особо богаты щебнем Беломорский, Калевальский, Прионежский районы и Сортавала. Блочным камнем богаты Питкярантский и Пряжинский районы, Сортавала, Пудожский район и Вепсская волость, Лоухский район; шунгитом — Медвежьегорский район; камнесамоцветным сырьем

— Лоухский район; полевым шпатом — Пряжинский район.(10) Таким образом, для дальнейшего роста объемов добычи камня в Карелии требуются серьезные инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры.

Следует, однако, заметить, что в последнее время там, где нет необходимой инфраструктуры, все чаще применяются мобильные дробильные комплексы, модульные здания и автономные источники электроснабжения. По мнению председателя республиканского комитета по лесному и горнопромышленному комплексу Владимира Аминова, «...если раньше мы проектировали только крупные карьеры с запасом камня на 80–100 лет, то теперь с помощью передвижных дробильно-сортировочных комплексов можем осваивать и небольшие месторождения с запасом камня на 40–50 лет».(10) Поэтому есть надежда, что дело дойдет и до освоения удаленных карельских районов.

В качестве управленческого решения данной проблемы с конца первого квартала 2007 года в Карелии отказались от уведомительной системы подачи заявок на освоение карьеров. Планируется в первую очередь предлагать инвесторам для разработки отдаленные северные районы, чтобы освоение минерально-сырьевой базы республики шло равномерно, с учетом возможностей транспортной инфраструктуры (2).

С этой целью республике был разработан новый законопроект, предусматривающий переход к аукционному принципу предоставления карельских недр для геологоразведки и добычи полезных ископаемых, что позволит региональным властям регулировать размещение карьеров по добыче строительного камня с учетом возможностей транспортной инфраструктуры. Однако документ вызвал много претензий, в том числе представителей экологической общественности, регионального управления по недропользованию и Ассоциации горнопромышленников Карелии. В частности, в ходе обсуждения законопроекта было отмечено, что в нем не нашла отражения необходимость согласования разработки месторождений с общественностью и населением тех территорий, где предполагается открывать новые карьеры.(6)

Примером сложного конфликта интересов между представителями строительных компаний по разработке и добыче строительного камня в Карелии, с одной стороны, и местным населением вместе с экологами из Ленинградской области с другой, может служить широко освещенный в печати инцидент с планами строительства нескольких карьеров вокруг Ястребиного озера. Это озеро расположено в Ле-

нинградской области, возле границы с Карелией, в 13 км от поселка Кузнечное (Ленинградская обл.) и в 5 км от карельского поселка Куликово. На Больших скалах по берегам озера уже полвека тренируются скалолазы и альпинисты (в том числе чемпионы мира и страны). Сюда ежегодно приезжают десятки тысяч туристов. В 1964 году Ястребиному озеру присвоен статус особо охраняемой природной территории (ООПТ) с комплексным профилем. Охране подлежат сами скалы («уникальные отвесные выходы кристаллических пород»), а также редкие растения и животные, в том числе занесенные в Красную книгу. Вокруг озера в последние годы было разведано несколько гранитных месторождений, расположенных, однако, уже на территории республики Карелия. В итоге речь зашла о строительстве карьеров по добыче щебня и блочного камня на территории примыкающего к озеру, пограничного Лахденпохского района РК. На десять участков в непосредственной близости от Ястребиного озера к началу 2007 г. уже были выданы соответствующие лицензии на право недропользования.(3,5)

По словам питерского эколога Алексея Травина, юридически не подкапашься: карьеры в одном субъекте, озеро — в другом. Но фактически расстояние между ними будет местами менее 4 км. А это означает взрывы, рубку леса, пыль, которые погубят Ястребиное озеро, как место отдыха.

Карельские экологи тоже выступили категорически против карьеров в этом районе. Они потребовали создания природного парка «Ладожские шхеры». Туда, по их мнению, могло бы войти и озеро Ястребиное, несмотря на то, что оно находится в другом российском регионе.(5) В результате активных протестов общественности восемь приказов министерства промышленности и природных ресурсов от 8 и 14 июня 2007 г. прекращают действия лицензий пяти организаций на право пользования недрами для добычи гранодиоритов, строительного камня и производства щебня. Это означает, что восемь из десяти карьеров, в которых велись геологоразведочные работы, разрабатываться не будут. Более того, по словам Сергея Катанандова, главы республики Карелии, на все работы по добыче полезных ископаемых на расстоянии ближе чем 10 км к границе Ленинградской области наложен мораторий. Такую же «буферную», свободную от карьеров зону предполагается создать и со стороны Ленинградской области.

В свою очередь, губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков по поводу сложившейся конфликтной ситуации заявил, что «...у нас немного таких мест, как Ястребиное озеро, и никакая экономическая целесообразность не компенсирует их потерю. Мы готовы

участвовать в проектах по созданию в этом районе зон отдыха, что принесет большую прибыль, чем добыча камня» (5).

Однако создание в перспективе в Приладожье новых природных парков, и других особо охраняемых природных территорий — довольно спорная и неоднозначно воспринимаемая перспектива развития региона. Например, жители города Сортавала начали сбор подписей против планов разработки щебеночного карьера на полуострове Кулханими в Приладожье. Эта территория была отдана министерством промышленности Карелии в аренду петербургской фирме «Рос Онего». В свое время глава Карелии Сергей Катанандов заявлял, что полуостров будет включен в состав природного парка «Ладожские шхеры», однако сегодня имеется разрешение на разработку здесь карьера по добыче камня. Одновременно в поселке Куркиеки начался сбор подписей против строительства карьера и в этом районе (7). Руководство Элисенваарского и Хийтольского сельских поселений Лахденпохского района Карелии зарегистрировало заявления региональной общественной организации «Ассоциация зелёных Карелии» о проведении общественных экологических экспертиз материалов, обосновывающих создание производств по добыче щебня на участках «Удачное» и «Хийтола». Эти общественные экологические экспертизы проводятся в связи с обеспокоенностью жителей Северного Приладожья экологическими последствиями добычи нерудных ископаемых и создания производств по переработке их в щебень, а также возможным влиянием организуемого производства на создание новых особо охраняемых природных территорий в Северном Приладожье (природный парк «Ладожские шхеры»). Кроме того, открытие новых горных производств предполагается вблизи крупнейшего в Европе резервуара пресной воды — Ладожского озера, являющегося источником питьевого водоснабжения Санкт-Петербурга (11). И таких примеров в Карелии множество в последнее время.

Одновременно представитель муниципальной власти республики, начальник управления экономики администрации Лахденпохского района Роман Муллагалин считает: «Создание парка, возможно, даст толчок развитию турбизнеса, который у нас находится в зачаточном состоянии. С другой стороны, учитывая неразвитость инфраструктуры, можно предположить, что районная экономика, основанная на туризме, — дело нескорое. А налоги и рабочие места нужны сегодня. Поэтому трудно оценить, чего будет больше — плюсов или минусов».

Интересно заметить, что, по неофициальным данным, в ряде случаев в роли «псевдозеленых» местные жители заметили представителей ленинградского и питерского большого «рекреационного» бизнеса. Этот бизнес связан с использованием построенных или

строющихся дачных поселков, баз отдыха, туристских, рыболовно-охотничьих баз и домиков и т.д. — то есть объектов недвижимости на приобретенных в собственность участках земли или же взятых в долгосрочную аренду участках лесного или водного фонда. Им крайне невыгодно соседство карьеров и иных неэкологических объектов, и их представители всячески препятствуют такому ходу развития ближайших к Ленинградской области территорий Карелии.

По мнению же министра экономического развития Карелии Михаила Юринова, «...позиция правительства республики такова: мы хотим видеть цивилизованную хозяйственную деятельность в сочетании с отличной природой, рыбалкой в доступном режиме. Создание национальных парков — не самоцель. С экономической точки зрения они не окупаются. К тому же накладываются определенные ограничения, например на пользование лесными богатствами. А местное население не хочет рушить свой устоявшийся вековой уклад» (5). Большого энтузиазма у местных жителей, по словам другого карельского министра, Льва Шустова, создание заповедных территорий по месту жительства не вызывает. Если не зафиксировать право местного населения на рыбалку и сбор ягод-грибов, конфликтные ситуации неизбежны: такие инциденты происходили в других регионах Карелии, где создавались природные парки. В то, что создание природного парка может привлечь в регион туристов и прокормить хотя бы двадцать местных жителей, представитель исполнительной власти Карелии не верит (8).

А пока властям Карелии приходится нелегко. С одной стороны, на них давят защитники природы и настроенное против добычи камня местное население, с другой — законно получившие лицензии предприниматели. Так, Петербургский Союз строительных компаний написал открытое письмо министру промышленности и природных ресурсов Республики Карелия Льву Шустову с просьбой ограничить запреты на создание в Карелии добывающих производств. По мнению авторов письма, «...рядом общественных организаций развернута массированная спекуляция на тему нарушения экологического баланса при добыче камня. Хотя основной вред экологии региона приносят компании, работающие в сфере деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности» (3). И понять их можно. Каменный бизнес стабилен и выгоден. Доход от добываемой горной массы в щебеночной отрасли — порядка 5 долларов в расчете на 1 кубометр (на «Шокшинском карьере» — 5,7 доллара, на «Медвежьегорском щебзаводе» — 4,55 доллара, в «Питкярантском карьероуправлении» — 3,75). Доход при добыче шунгита — 18 долларов с тонны (ЗАО «Карбон-шунгит»), известковой муки и декоративного щебня — 9,5 долла-

ра (Рускеальский МИЗ). Добыча облицовочного и отделочного камня дает от 65 (ЗАО «Кашина гора») до 85 (ЗАО «Интеркамень») долларов с тонны. В то же время, несмотря на резко возросшую активность бизнеса в добыче блоков облицовочного камня, объем производства до сих пор неадекватен имеющимся ресурсам. Сегодня из 20 разведанных месторождений гранитов эксплуатируется пять, из 18 месторождений диабазов — три, из четырех кварцитов — два (10).

Однако, по мнению Льва Шустова, никакого значения для карельской экономики все эти карьеры не имеют — в местный бюджет поступает лишь подоходный налог и мизерные отчисления за пользование природными ресурсами, поэтому отзыв лицензий повредит в основном Москве и Петербургу — потребителям карельского камня. По бюджету республики может ударить только необходимость выплачивать компенсации фирмам, у которых отозваны лицензии, в случае если суд примет такое решение. Стремление разрабатывать карьеры на границе с Ленинградской областью министр объяснил близостью железной дороги, соединяющей Карелию с Петербургом — половину конечной цены на щебень составляют транспортные расходы. По его мнению, все лицензии на право пользования недрами были выданы совершенно законно, юридических препятствий для добычи нет. В качестве примера подобной деятельности министр правительства Карелии привел расположенный в четырех километрах от карельского заказчика, действующий карьер на территории Ленинградской области из-за работы которого значительно снизилась популяция лосося и сига (8).

С другой стороны, по данным статистики, прирост потребления нерудных материалов в целом по РФ в 2006 году составил 22,9%. Эксперты отмечают дефицит щебня в летний период и ежегодный рост цен, который сказывается на себестоимости строительства и возможности реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». Строительство комбината по добыче нерудных ископаемых мощностью 1 млн. куб. м в год может привлечь инвестиции в объеме 650-700 млн.руб. — это почти в 2 раза больше, чем было инвестировано в развитие туризма по всей Карелии за весь прошлый год. На современном предприятии получают работу 500–800 человек, причем с уровнем зарплаты в 2 раза выше средней зарплаты по Карелии. Строительство комбината увеличит поступление налогов в бюджет, поможет развитию инфраструктуры, позволит решить целый ряд социальных вопросов в Карелии (9).

Все эти противоречивые точки зрения и высказывания различных заинтересованных сторон еще раз доказывают, насколько усложнились в современных социально-экономических, в том числе — правовых условиях конфликты между экономикой и охраной окружающей

среды. Они требуют глубокой проработки и всесторонней оценки сложившейся ситуации, в том числе с учетом международного отклика на результаты российских реформ в сфере ресурсо— и природопользования.

Литература и интернет-ссылки

1. Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2005 году/ М-во сел., рыбного хоз-ва и экологии Респ. Карелия. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. — 344.
2. <http://myarh.ru>
3. www.chance.ru/news/?NID=rmyk8l
4. http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/2006/eco_resource06.html
5. <http://www.izvestia.ru/spb/article3106747/index.html>
6. <http://www.geonews.com.ua/index.cgi?a=21510>
7. REGIONS.RU
8. http://konkretno.ru/2007/06/28/pro_dva_karera_u_jastrebinogo_ozera_v_karelii_zabyli.html
9. <http://souz.conon.ru>
10. <http://www.nsp.su/useful/article/nerud/a164/>
11. <http://www.pomoyka.org/index.php?part=&id=855>
12. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года. Петрозаводск, 2007 г.

Воробьева В.В., Малов В.Ю.

Подход к обоснованию вариантов схем районной планировки¹ (на примере Красноярского края)

В настоящее время, в том числе и в связи с заявлениями правительства о возможности частичного использования стабилизационного фонда для инвестиций в российскую экономику, регионы все более активно выступают с предложениями о реализации на своей тер-

¹ Исследование выполнено в рамках работ по Комплексному проекту СО РАН №8.3.

ритории крупных проектов экономического развития, прежде всего инфраструктурных. Вместе с тем, в настоящее время не существует такого важного документа как Генеральная схема размещения страны, позволяющего определить направления реализации долгосрочных целей развития страны в пространственном аспекте. Это не позволяет в должной мере оценить и упорядочить предложения регионов, совместить их с интересами государства и бизнеса в области инвестиционной деятельности. Поэтому восстановление работ по разработке иерархической системы схем районных планировок, как первого инженерного документа для начала непосредственно строительных работ, представляется крайне необходимым и своевременным. Специфика составления таких схем, особенно на стадии разработки проекта, требует рассмотрения крайне ограниченного круга допустимых, желательно наилучших, вариантов планировочной организации территории. Но такие варианты должны быть предварительно выявлены и обоснованы как с учетом необходимого участия региона в решении общенациональных задач, так и целевой установки на устойчивый рост уровня жизни его населения.

Для повышения объективности обоснования предлагается использовать систему экономико-математических моделей, реализующих схему поэтапного перехода от общего к частному: от народнохозяйственного комплекса до отдельных территориальных составляющих региона, то есть до конкретных промышленных узлов и площадок (табл. 1). На каждом шаге расчетов определяются и уточняются контуры такого варианта развития региона, который, в конечном счете, будет отвечать интересам государства, крупного бизнеса, и целям социально-экономического развития в разрезе отдельных территориальных составляющих рассматриваемого региона. В предлагаемом модельном комплексе в целом сохранена преемственность с логикой подхода, выработанного еще в 70–80 гг. прошлого века в ИЗОПП СО АН СССР и используемого для решения прикладных задач, в том числе и планировочных. Смена форм собственности и появление интересов частных хозяйствующих субъектов не изменила сути разработки схем районной планировки — балансирование материально — вещественных пропорций хозяйства конкретной территории. Подтверждением тому являются разработки аналогичных документов в странах с рыночной экономикой, где для этого используется термин — «физическое» планирование, который, кстати, как нельзя лучше отражает именно «приземленность» таких проектов.

Дополнительным аргументом целесообразности разработки подобного аппарата, обеспечивающего увязку вариантов иерархических схем территориального планирования (районной планировки), яв-

Таблица

**Логическая схема последовательности решения задач
предпроектных исследований для разработки иерархической
системы схем районной планировки**

Уровень решаемой задачи	Территориальные единицы исследования	Содержание основных результатов решения	Инструментарий ¹
Народно-хозяйственный (шаг 1)	Федеральные округа и/или субъекты Федерации	Обосновывающие материалы для разработки Генеральной схемы размещения: Варианты темпов роста отраслей региона, объемы и направления его межрегиональных связей, отвечающие целям развития экономики страны.	ОМММ
Региональный (отдельного субъекта Федерации) (шаг 2)	Внутрирегиональные экономические районы и/или крупные промышленные узлы	Варианты изменения производственной и пространственной структуры хозяйства региона (планировочного каркаса территории), отвечающие целям компромиссного взаимодействия государства, крупного бизнеса и региона.	МППСР, ИМКИ, ПМГГР (сети Петри)
Локальный (отдельного внутрикраевого экономического района) (шаг 3)	Промузел и/или агломерации промузлов	Варианты схемы планирования территории: функциональное зонирование с учетом требований к развитию инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры	МППСУ
Уровень проектной подготовки территории (шаг 4)	Населенные пункты и площадки	Проект районной планировки территории, как итоговый документ для начала инвестирования и строительства	Специальные методы решения задач районной планировки

² ОМММ — оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель

МППСР — модель прогнозирования пространственной структуры хозяйства региона

ИМКИ — имитационная модель поиска компромисса интересов

ПМГГР — поведенческая модель генерирования гипотез развития региона в зависимости от изменения внешней среды

МППСУ — модель прогнозирования пространственно структуры промышленного узла (или агломерации узлов).

ляется необходимость разрешения и проблемы сокращения внутри-региональной асимметрии. Сегодня практически в любом субъекте РФ, особенно в сибирских и дальневосточных, наблюдается резкая дифференциация его территориальных составляющих по уровню уровней социально — экономического развития: большой разброс по показателям их производственного потенциала и, как следствие, по возможностям формирования базы для активного решения социальных задач. Такая ситуация четко прослеживается даже на примере Красноярского края, который устойчиво входит в число наиболее развитых экономически регионов России.

Анализ территориального разреза материалов крупных программных документов развития экономики страны на долгосрочную перспективу дает объективные основания для следующего утверждения: Красноярский край на период 2020–2030 гг. включается в решение широкого круга экономических и геополитических проблем национального уровня. Основой тому является ресурсный и производственный потенциал региона и потенциал его географического положения. Кроме того, к не менее важным аргументам повышенного интереса государства к Красноярскому краю на всех этапах развития хозяйственного комплекса СССР/России следует отнести высокий уровень инновационной активности и высокий уровень развития здесь науки, прежде всего отраслевой. В силу такого сочетания факторов край в 1990-х годах адаптировался к новым для России рыночным условиям хозяйствования с меньшими, по сравнению с другими субъектами РФ, потерями. Более того, все эти годы раскручивающегося в стране экономического кризиса он входил в число немногих регионов, выступавших донорами консолидированного бюджета страны.

Лидирующие позиции край сохранил и в 2000-е годы — начала стабилизации и заметного роста экономики в России. Сегодня в пределах его территории сосредоточено 2,9% промышленного производства страны. Объем экспорта с 2003 г. вырос более чем в 2 раза. Удельный вес региона в ВРП страны в 2005 г. составил 2,6%, что в пересчете на душу населения в 1,3 раза превышает соответствующий среднероссийский показатель (хотя предварительная оценка прироста ВРП в 2006 г. несколько ниже — на уровне 4,8%). Однако, такие абсолютные значения и положительная динамика макроэкономических показателей, опережающих средний по стране уровень, обеспечиваются ограниченным числом территориальных образований Красноярского края.

Об этом свидетельствуют результаты анализа территориальной структуры объемов производства по основным чистым видам эконо-

мической деятельности в крае: добыче полезных ископаемых, выпуску продукции обрабатывающих производств, производству и распределению электроэнергии, газа и воды. Именно за счет этих видов деятельности (как секторов экономики) формируется основная и относительно устойчивая во времени часть базы социально-экономического саморазвития отдельных территорий региона. В качестве территориальных единиц анализа нами выделено 8 внутрикраевых экономических районов (ВКЭР), полностью охватывающих административно-территориальное деление Красноярского края (табл. 1). В основу положены такие характеристики административных единиц, как выраженная направленность по специализации, общность тяготения по транспортному обслуживанию³, наличие общих проблем, сдерживающих их социально-экономическое развитие, и предпосылок к интеграции для решения этих проблем и другие факторы. Такое деление ни по исходным факторам, ни по количественным и структурным результатам не претендует на бесспорность. Но, методически оно, по наше-

Таблица 1

**Территориальный состав внутрикраевых экономических
районов Красноярского края**

Центральный	Красноярск, Дивногорск, Сосновоборск	Балахтинский, Березовский, Б-Муртинский, Емельяновский, Казачинский, Манский, Новоселовский, Сухобузимский
Западный КА- ТЭК	Назарово, Шары- пово	Шарыповский, Назаровский, Ужурский
Ачинский	Ачинск, Боготол	Ачинский, Бирилюсский, Боготоль- ский, Большеулуйский, Козуль- ский, Пировский, Тюхтетский
Восточн. КАТЭК	Бородино Заозерный	Партизанский, Рыбинский, Саянский, Уярский
Канский	Канск	Абанский, Дзержинский, Иланский, Ирбейский, Канский, Нижнеингашский, Тасеевский
Южный	Минусинск	Ермаковский, Идринский, Каратуз- ский, Краснотуранский, Курагин- ский, Минусинский, Шушенский

³ В соответствии с этим фактором ВКЭР пространственно может включать одну или несколько интегрированных производственно-транспортных зон (ИПТЗ), выступающих таксономическими единицами анализа и прогнозирования развития линейных и точечных элементов транспортного комплекса региона.

му убеждению, отвечает концептуальным принципам разработки долгосрочных региональных прогнозов, как исходной основы для построения вариантов иерархической схемы районной планировки края в целом и отдельных его территорий.

По названным выше видам деятельности хозяйственный комплекс края в целом имеет весьма прогрессивную структуру: более 82% их суммарного объема составляет продукция обрабатывающих производств. Но практически вся она сосредоточена в двух ВКЭР: Норильско-Туруханском — 59,6% и 29,2% — в Центральном (табл. 2). С учетом специфики рассматриваемой продукции в первом ВКЭР можно говорить о слабой и пространственной, и отраслевой диверсификации этого сектора экономики края.

Таблица 2

**Пространственная структура объема производства,
выполненных работ и услуг по чистым видам экономической
деятельности в Красноярском крае, в %**

*(2005 г., по крупным и средним организациям,
в действующих ценах организаций)*

Внутрикраевые Экономические Районы	Всего добыча обработка, распределение э-энергии, газа, воды	в т.ч. по видам экономической деятельности		
		Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	пр-во и распределение э-энергии, газа, воды
Нор.Туруханский	51,6	11,5	59,6	17,0
Н. Приангарье	5,3	46,6	1,7	2,8
Центральный	30,3	0,8	29,2	62,3
Западный КАТЭК	3,0	13,8	1,0	10,8
Ачинский	5,8	0,2	6,7	3,1
Восточн. КАТЭК	2,0	22,8	0,2	0,6
Канский	1,2	3,3	1,0	1,5
Южный	0,7	1,0	0,5	1,8
Всего по районам	100	100	100	100

Что касается добычи полезных ископаемых, то на перспективу край в программных документах сохраняет статус одной из ведущих ресурсных баз России. Сегодня же ее удельный вес в анализируемой

совокупности видов деятельности меньше 8%. Более трети объема — 36,6% (см. табл. 2) — связано с добычей канско-ачинских углей и территориально осуществляется в пределах двух ВКЭР: Западном КАТЭ-Ке — 13,8% и 22,8% — Восточном КАТЭКе. Доминирует же Нижнее Приангарье, где обеспечивается 46,6% стоимостной оценки добычи в крае. Но эта величина определяется сегодня пока исключительно добычей золота. Заметным является вклад Норильско-Туруханского ВКЭР — 11,5%. Но здесь добыча полезных ископаемых является звеном в технологической цепочке по выпуску продукции перерабатывающих производств. И, наконец, практически выключенным выступает сегодня Южный ВКЭР, хотя он обладает далеко не малым ресурсным потенциалом.

В территориальной структуре производства и распределения электроэнергии, газа и воды подавляющая часть стоимости формируется за счет генерации электроэнергии в Центральном ВКЭР (в основном за счет ГЭС) и в Западном КАТЭКе (за счет ГРЭС). При этом названные районы отличаются не только большим удельным весом в суммарном объеме указанных видов деятельности (62,3% и 10,8% соответственно), но и тем, что они, так или иначе, являются основными поставщиками для обеспечения баланса электроэнергии во всех других ВКЭР, за исключением Норильско-Туруханского. Заметная доля последнего на уровне 17% определилась необходимостью обеспечения своих потребителей собственными энергоресурсами, что диктуется спецификой географического положения этого района.

Высокий уровень асимметрии в пространственной структуре всей совокупности анализируемых видов деятельности края более чем наглядно подтверждается среднестатистическими показателями производства (табл. 3).

Вариация этих показателей описывается интервалом (585 тыс. руб. — 10 тыс. руб.) при среднем значении по краю на уровне 125 тыс. руб. Максимальное значение достигается в Норильско-Туруханском ВКЭР, для всех остальных они ниже среднего по краю минимум в 1,5 раза и максимум почти в 13 раз. А для большей части административно-территориальных образований (АТО), входящих в состав выделенных ВКЭР, аналогичные отклонения практически на порядок выше. Такая ситуация, естественно, порождает трудно разрешимые проблемы наполнения доходной части местных бюджетов за счет собственных источников, что ведет к усилению различий АТО по уровню и качеству жизни населения.

Сокращение асимметрии этого типа — одна из основных задач внутрирегиональной экономической политики. В Красноярском крае

Таблица 3

**Среднедушевые объемы производства, выполненных работ
и услуг по чистым видам экономической деятельности
в Красноярском крае (тыс. руб.)**

*(2005 г., по крупным и средним организациям,
в действующих ценах организаций)*

Внутрикрае- вые экономи- ческие районы	Всего до- быча обработка, распреде- ление э-энергии, газа, воды	в т.ч. по видам экономической деятельно- сти		
		Добыча по- лезных иско- паемых	обрабаты- вающие про- изводства	пр-во и рас- пределение э-энергии, газа, воды
Нор.Турухан- ский	584,6	10,0	555,3	19,3
Н. Приангарье	81,3	55,2	21,8	4,3
Центральный	87,7	0,2	69,5	18,0
Западный КАТЭК	55,4	19,9	15,2	20,3
Ачинский	90,5	0,2	85,5	4,8
Восточн. КАТЭК	67,7	58,9	6,8	2,0
Канский	15,8	3,3	10,6	1,9
Южный	9,7	1,1	6,1	2,5
Средняя по ВКЭР	125,2	9,6	103,0	12,5

при реализации ее в краткосрочном режиме нарабатываются и проверяются практикой хозяйствования базовые принципы формирования правовой и институциональной среды хозяйственной деятельности. Через них обеспечивается стимулирование благоприятного имиджа инвестиционного климата в пределах отдельных территориальных образований края, а, следовательно, с учетом специфики реального потенциала каждого из них — притока частных инвестиций и развитие малого и среднего бизнеса в разных сферах экономики.

Однако сглаживание территориальной дифференциации социально-экономических показателей — процесс многоаспектный и длительный. Отсюда естественно вытекает требование преемственности во времени включения в практику последовательности «непротиворечивых» механизмов достижения результата. Причем это должно осуществляться, по нашему мнению, не только (и, может быть, не столько) через реализацию соответствующих институциональных преобразований и правового обеспечения развития всех форм бизнеса, но и

через создание условий для рационализации пространственной структуры хозяйственного комплекса региона. А это означает, что регулирование процесса сокращения асимметрии требует упреждающей проверки соответствия решений, принимаемых в этом направлении в ближайшей перспективе, с долгосрочными прогнозами участия Красноярского края и в решении задач национального уровня, и в планах-намерениях частного бизнеса, проявляющего интерес к конкретным ресурсам конкретных территориальных образований. Такой подход позволит расширить информационное поле а) для разработки планировочных схем разного уровня и б) для своевременной выработки системы мер и мероприятий, ориентированных на адаптацию (с меньшими потерями) хозяйственной деятельности в крае к изменениям в производственной и пространственной структуре его экономики. В результате появляется реальная возможность повышения гибкости и научной обоснованности внутрикраевой экономической политики с позиций выбора пространственных приоритетов социально-экономического развития края.

В таком контексте суть исследовательского аспекта рассматриваемой проблемы заключается в следующем. С использованием экономико-математического инструментария формализовать поэтапный переход от макропоказателей развития экономики края, обеспечивающих участие его в выполнении заданных общегосударственных целей, к определению пространственных характеристик развития хозяйственного комплекса региона, отвечающих интересам и целям социально-экономического развития внутрикраевых территориальных образований. Для этого нами предлагается группа моделей, связанных между собой по принципу последовательной, по схеме «сверху вниз», передачи выходной информации. Любая из моделей относительно Красноярского края ориентирована на решение определенной задачи и поэтому отличается, прежде всего, уровнем агрегации территории и элементов хозяйственного комплекса, принимаемых в качестве объектов моделирования (рис. 1).

В процессе расчетов по каждой из моделей получаем свой набор информации, прямо или косвенно используемой для решения конкретных планировочных задач определенного уровня иерархии.

Задача первого шага формулируется следующим образом:

определить сбалансированный вариант структурного развития на перспективу экономики региона, обеспечивающий через межрегиональный межотраслевой обмен продукцией и услугами участие этого субъекта Федерации в достижении максимально возможного уровня конечного потребления в России.

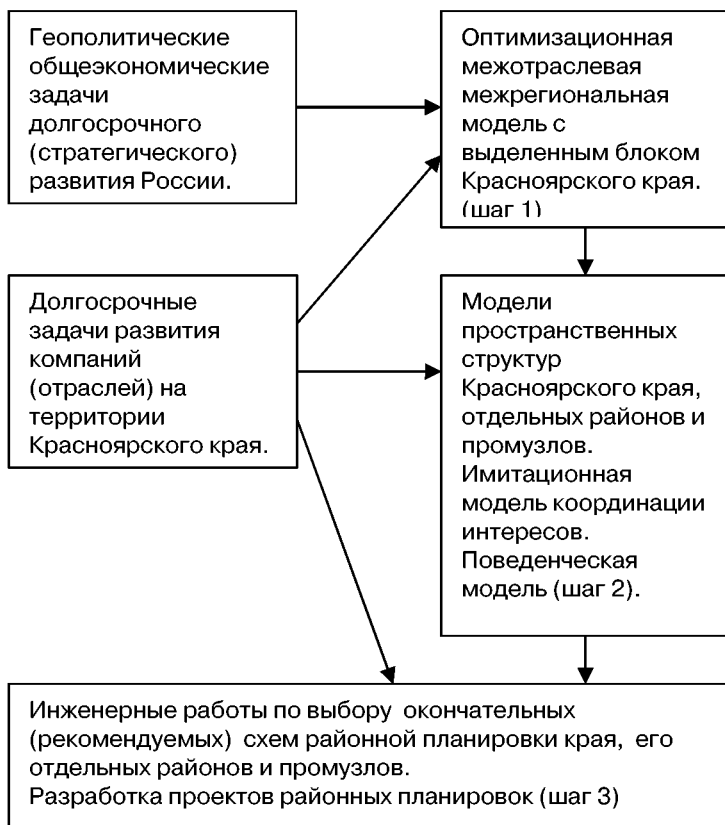

Рис. 1 Группа моделей и этапов работ по территориальному планированию (формированию схем и проектов районных планировок)

Для решения поставленной задачи используется модифицированный вариант оптимизационной межотраслевой межрегиональной модели (ОМММ). Территория края рассматривается здесь в «точечном» отображении, а экономика — укрупненными отраслевыми агрегатами. Модификация модели схематично заключается в расширении множества взаимодействующих регионов (до 19) и отраслей (до 38) со всеми вытекающими отсюда дополнениями и в информационном наполнении, и в части формализации специфики взаимодействия регионов по обмену продукцией. Отметим лишь ключевые направления ее, обеспечивающие в прикладном аспекте, например для Красноярского края, получение информации, прямо или косвенно необходи-

мой для последующего использования при разработке и обосновании схемы районной планировки региона.

Наряду с краем в качестве самостоятельных территориальных объектов в модели выделено 13 сибирских субъектов Федерации (с включением в них соответствующих автономных округов): 12 по Сибирскому Федеральному округу плюс Тюменская область (остальная территория России отражена 5-ю федеральными округами). Такое представление позволяет «уловить» и предварительно оценить (хотя и не всегда количественно) направления возможной заинтересованности сибирских регионов в реализации крупных отраслевых и межатраслевых проектов в пределах территории Красноярского края. На эту цель, в конечном счете, ориентирована и детализация отраслевого классификатора в модели, поскольку она повышает «реалистичность» формализованного отражения а) структуры хозяйственного комплекса отдельного региона, б) товарной структуры его транспортно-экономических связей, в том числе и по экспорту/импорту и в) возможных предпосылок к экономической интеграции сибирских регионов в долгосрочной перспективе.

Не менее существенным является изменение способа включения в модель отрасли «Транспорт». В качестве самостоятельных позиций балансировки услуг этой отрасли рассматриваются отдельные подотрасли (виды) транспорта (железнодорожный, автомобильный, внутренний водный, морской, авиационный, трубопроводный). Кроме работы по перемещению грузов в модели формализуются балансы по выполнению работ точечными элементами транспорта в регионе, т.е. балансы по услугам погрузо-разгрузочного и транспортно-экспедиционного характера. Такое представление особенно важно для Красноярского края, где уже сегодня в той или иной степени задействованы все перечисленные виды транспорта. В перспективе ожидается усиление их конкуренции в обеспечении как внутрикраевых перевозок, так и межрегиональных, в том числе и по экспортно-импортным операциям других (не обязательно смежных) регионов России. Поэтому, с учетом роста значимости края в формировании международных транспортных коридоров необходимо заблаговременно оценить соотношение этих составляющих в грузопотоках края, отвечающее одновременно интересам экономики страны в целом.

По результатам расчетов с использованием рассматриваемого варианта модели на второй шаг (начало решения непосредственно планировочных задач по Красноярскому краю) передается следующий набор показателей, отвечающих требуемым параметрам обяза-

тельного участия этого региона в обеспечении общегосударственной цели — максимизации конечного потребления⁴.

По каждой из отраслей материального производства.

Об уровне развития:

- *темпы изменения объемов выпуска продукции* — для определения нижней границы задания на масштабы развития отрасли, обеспечивающих необходимое участие края в достижении прогнозируемого уровня конечного потребления в России.

О распределении произведенной в крае продукции:

- *пропорция объемов внутрикраевого потребления, межрегионального обмена и экспортных поставок* — для определения нижних границ заданий на вывоз;
- *пропорция объемов вывоза произведенной продукции по направлениям* — а) для соблюдения «географии» участия края в обеспечении прогнозируемых объемов межрегионального обмена и б) для формирования нагрузки на линейные и точечные элементы транспортной системы края;
- *удельный вес в объеме выпуска той части продукции, которая направляется на конечное потребление* — для соблюдения нижней границы участия края в прогнозируемой межрегиональной структуре непроемленного потребления.

О поставках продукции в край из других регионов:

- *пропорция объемов ввоза по направлениям* — а) для соблюдения «географии» участия края в «принятии» прогнозируемых объемов межрегионального обмена и б) для формирования нагрузки на линейные и точечные элементы транспортной системы края;
- *пропорция объемов ввоза по направлениям использования продукции: на внутрикраевое потребление и для «передачи» в смежные регионы* — для определения масштабов обязательной нагрузки на транспортную сеть края за счет транзитных потоков.

• По отрасли «Транспорт».

Об уровне развития каждой подотрасли:

⁴ Поскольку в ОМММ материально-вещественные балансы производства и распределения продукции/услуг отраслей строятся в стоимостном выражении, то для модели пространственной структуры хозяйственного комплекса региона эти показатели, в качестве экзогенных параметров, пересчитываются либо в темпах изменения от базового периода, либо в структурном соотношении их составляющих.

- *темпы роста потребностей в услугах* — для соблюдения нижних границ масштабов развития подотрасли, обеспечивающих необходимое участие края в достижении прогнозируемого уровня конечного потребления в России;
- *соотношение объемов услуг, обеспечивающих внутрирегиональные перевозки и межрегиональный обмен* — для соблюдения при детализации транспортного комплекса края нижних границ «резерва» его линейных и точечных элементов для пропуска транзитных потоков в рамках прогнозируемых межрегиональных транспортно-экономических связей.

О взаимодействии подотраслей (видов) транспорта:

- *структура потребностей в услугах по видам транспорта* — а) для соблюдения пропорциональности в работе подотраслей с позиций интересов российского транспортного комплекса в целом и б) для формирования допустимых вариантов корректировки этой структуры. Потребность в корректировке связана с переходом к детальному отражению в модели 2-го шага пространственной, видовой и поэлементной структуры транспортного комплекса, что обусловлено необходимостью учета интересов экономики региона в его развитии.

• **Другие показатели выходной информации** рассматриваемой модели (ОМММ) могут быть использованы для анализа и обоснования вариантов изменения пространственной структуры Красноярского края, получаемых при расчетах по модели второго шага. Эти варианты не должны противоречить требуемым параметрам участия края в достижении прогнозируемого уровня конечного потребления в России, но формироваться будут уже в зависимости от собственных приоритетов, формализованных в модели МППС в форме разных критериев оценки социально-экономического развития региона на перспективу.

Задача второго шага заключается

в выявлении альтернативных вариантов изменения в перспективе отраслевой и пространственной структуры хозяйственного комплекса Красноярского края, отвечающих следующим требованиям. Каждый из вариантов должен

- *определяться в соответствии с намеченными конкретными приоритетами социально-экономического развития территории и*
- *обеспечивать выполнение прогнозируемых макропараметров структуры экономики региона, сбалансированных на первом шаге с позиций интересов развития народнохозяйственного комплекса страны в целом.*

На этом шаге территория края рассматривается уже не в «точечном» отображении, а как совокупность составляющих ее таксономических единиц анализа — внутрикраевых экономических районов (ключевые требования к выделению их были обозначены выше). В качестве отраслевых элементов хозяйственного комплекса выступают теперь проекты конкретных производственных и инфраструктурных объектов: как новых, предполагаемых к размещению в пределах территории Красноярского края, так и существующих, для которых на перспективу ставятся вопросы о возможных масштабах увеличения мощности и/или расширения спектра выпускаемой продукции.

Для решения задачи в такой постановке авторами предлагается модель прогнозирования пространственной структуры хозяйственного комплекса региона (МППС). В основу логической схемы построения её положена структура территориально-производственной региональной мезомодели оптимизации пространственной структуры системы ТПК экономического района, разработанной в секторе ТПК Института экономики СО РАН⁵. На протяжении многих лет она использовалась в прикладных целях, в том числе и для обоснования схем районной планировки при разных уровнях требуемой детализации территории. При этом структура основных блоков, составляющих ядро этой экономико-математической модели, до 1990-х годов оставалась практически неизменной. Менялись только содержание и, соответственно, конструкция дополняющих блоков. Это определялось как взаимобусловленностью выносимых на решение вопросов, так и рангом⁶, природными особенностями, спецификой, возможностями и условиями развития хозяйственного комплекса тех территориальных систем, для которых выполнялись схемы или проекты районной планировки.

Обобщающая формулировка задач, для которых применялся этот аппарат, заключалась в следующем: *определить оптимальный вариант, или близкие к нему альтернативные варианты размещения в пределах рассматриваемой территориальной системы объектов отраслей специализации, комплексирующих производств и элементов производственной инфраструктуры, обеспечивающие выполнение*

⁵ Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. — Новосибирск: Наука, 1980. 256 с. (с.224 — 248).

⁶ При решении задач на уровне территориальных систем низшего ранга объективно требуется большая детализация структуры отдельных дополняющих блоков.

заданий по производству продукции отраслей специализации при достижении намечаемых условий жизни населения здесь. Область поиска допустимых вариантов ограничивалась в модели группами условий, отражающих по своему содержанию учет факторов размещения и формализующих

- взаимодействие, а точнее конкуренцию, на конкретной территории всей совокупности хозяйственных объектов (как новых, так и существующих) — то есть обеспечению их ресурсами (в широком понимании этого термина, включая экологическую ёмкость территории), услугами точечной и линейной инфраструктуры (производственной и социальной);
- ограничения на масштабы использования этих ресурсов и мощностей объектов инфраструктуры, с учетом возможностей расширения последних;
- задания на производство продукции отраслей специализации (и/или заданий по межрегиональному распределению её);
- вариантные ограничения по «природным» возможностям функционального зонирования территории (промышленные и селитебные зоны; санитарно-защитные зоны, используемые в качестве природных фильтров техногенного воздействия; зоны эпизодического массового отдыха населения рассматриваемой территориальной системы).

Естественно, что при жестко заданных нормативах инфраструктурного обустройства территории (инженерного и социального) и единственном, в то время централизованном, источнике финансирования капиталовложений в новое строительство (из бюджета государства), критерием выбора варианта был, как правило, минимум суммарных приведенных затрат, прямо и косвенно связанных с созданием и последующим функционированием совокупности объектов отраслей специализации. Это означает, что вариант выбирался в соответствии и при безусловном приоритете народнохозяйственных интересов, т.е. интересов государства. Конечно, и регион по разным причинам был заинтересован в максимальном привлечении нового строительства на свою территорию. Поэтому на стадии предплановой подготовки документов по территориальному развитию экономики страны регионы инициировали научные и проектные разработки по обоснованию своих предложений. Но окончательные решения в части регулирования процесса территориальной организации в регионе принимались на уровне Госплана СССР в соответствии с Генеральной схемой размещения производительных сил страны.

С начала 1990-х годов со сменой общественного строя в России, децентрализацией государственного управления, «поспешным», во многом рассогласованным в разрезе сфер экономической деятельности, переходом к рыночным механизмам хозяйствования регионы вынуждены были решать только текущие внутренние проблемы, обостряющиеся в условиях нарастающего кризиса и имеющие, в основном, социальную направленность. Главные задачи государства в то время были связаны с политическим и институциональным переустройством страны. А в области региональной политики ключевая проблема сводилась к поиску форм выделения и распределения средств из скудеющего федерального бюджета на поддержку в реальном режиме времени отсталых и депрессивных территорий.

Сложность этой проблемы заключалась в том, что в число таких территорий в разные годы по разным критериям, выраженным через усредненные макроэкономические показатели, попадала подавляющая часть (за единичными исключениями) субъектов Федерации. Хозяйственные комплексы их функционировали при расплывчатых и постоянно изменяющихся правилах взаимоотношений государства и регионов, в ожидании рынка, который сможет «быстро породить» эффективного собственника и, как следствие, мобилизовать внутренние резервы для стабилизации своего социально-экономического положения. В таких условиях приоритет отдавался годовым и, за очень редким исключением, краткосрочным (на два — три года) прогнозам. В результате на десятилетие были заморожены проектные работы по составлению на средне— и долгосрочную перспективу схем территориальной организации хозяйства и отдельных территорий, и страны в целом. И только после 2000 г. с реально наметившимся подъемом экономики России регионы стали возвращаться к средне— и долгосрочному прогнозированию своего социально-экономического развития. В рамках этих прогнозов объективно актуализировалась потребность в разработке

а) иерархических схем районной планировки территориальных образований и соответственно

б) экономико-математического аппарата по обоснованию исходных посылок, принимаемых для этих схем относительно нового размещения и зависящих от варианта возможного изменения в перспективе отраслевой и пространственной структуры хозяйственного комплекса исследуемой территории (т.е. от результатов решения сформулированной выше задачи шага 2).

Как показали выполненные авторами экспериментальные расчеты логическая схема построения модели, разработанной ранее для

условий социалистической экономики, в целом сохраняет корректность и для формализованного учета принципов и факторов размещения в соответствии с новыми, присущими рыночной экономике, требованиями к регулированию этого процесса. По отношению к составлению схем территориального планирования эти требования явились следствием следующих преобразований:

- радикального расширения структуры института собственности;
- наделения субъектов Федерации правами по пространственной организации своей экономики, но при безусловной приоритетности прав хозяйствующих субъектов разных форм собственности самим определять: а) стратегические направления своей деятельности, б) конкретную территорию реализации соответствующих этим направлениям проектов и в) рынок сбыта производимой продукции (услуг);
- появления множества форм участия государства в развитии экономики отдельных территорий: через полное или долевое участие в реализации крупных инвестиционных проектов в сфере материального производства и транспорта, через целевые соглашения с бизнес-структурами и т.п.
- разграничения сферы ответственности и полномочий государства, субъектов Федерации и муниципальных образований в части обеспечения достойного уровня и качества жизни населения.

В соответствии с обозначенными требованиями используемая ранее модель была дополнена блоками условий и переменных, через которые обеспечивается:

- выбор вариантов схемы инвестирования проектов, отвечающих интересам участников этого процесса (государства, региона, бизнеса);
- выбор вариантов схемы размещения новых объектов, отвечающих целям сглаживания асимметрии территориальных образований региона по их социально-экономическому положению;
- выбор вариантов развития пространственной и поэлементной структуры транспортного комплекса региона, обеспечивающих рациональное взаимодействие видов транспорта при обеспечении внутрирегиональных и межрегиональных перевозок.

Для получения количественных оценок влияния внешней среды на выбор вариантов изменения в перспективе отраслевой и пространственной структуры хозяйственного комплекса региона на втором шаге использовались имитационная модель поиска компромисса интересов (ИМКИ) и поведенческая модель генерирования гипотез развития региона в зависимости от изменения внешней среды (ПМГГР).

На базе их выходной информации формировались альтернативные представления о векторе ограничений для МППСР. Конечный результат расчетов рассматриваемого шага — совокупность альтернативных вариантов изменения в перспективе отраслевой и пространственной структуры хозяйственного комплекса региона, которые содержат обосновывающие материалы по конкретным приоритетам социально-экономического развития территории и не противоречат интересам развития народнохозяйственного комплекса страны в части максимизации конечного потребления.

Цель решения задачи третьего шага заключается в «точечной» привязке конкретных объектов (производственного и социального назначения), намечаемых к строительству по полученным вариантам второго шага. Поэтому в модели этого шага детально рассматриваются локальные ресурсы территории (земельные и водные), допустимые нагрузки на природную среду и т.п. Особо отметим, что технологически процесс решения задачи на этом уровне должен тесно быть связан с информационной базой, используемой для работ по составлению схем районной планировки этого уровня.

Таким образом, предлагаемая логическая схема последовательность использования математического аппарата позволяет формировать долгосрочные стратегии развития отдельных регионов в «согласии» с целями и отдельных компаний, и страны в целом. Апробация предлагаемого подхода осуществлена на примере Красноярского края с выделением Нижнего Приангарья, как наиболее «продвинутого» внутрикраевого экономического района нового интенсивного промышленного освоения вдоль Новосибирской железнодорожной магистрали.

Кайгородов А.Г., Фролова О.Н.

Малые города на пороге вступления России в ВТО

(на примере Ивановской области)

Либерализация торговли после вступления России в ВТО может усугубить поляризацию регионального развития, что наиболее сильно скажется на экономике малых городов, специализирующихся на

импортозамещающей продукции. Поэтому необходима целенаправленная подготовка к этому процессу со стороны власти и бизнеса, в том числе на региональном и муниципальном уровнях, включающая анализ состояния и возможностей развития экономического потенциала таких малых городов.

Для малых городов Ивановской области характерна противоречивая, но в целом негативная ситуация, свидетельствующая о глубокой их социально-экономической дифференциации. Основой экономического потенциала большинства малых городов Ивановской области является текстильная промышленность. Поэтому глубокий экономический спад в текстильной отрасли вызвал состояние депрессии всего региона.

Ивановская область позднее почти на год, чем вся страна, вступила в стадию экономического кризиса. Но кризисные явления здесь проявились сильнее — доля ВРП в общероссийских показателях с 1991 по 2002 годы уменьшилась с 1,91% до 0,28%. Сократился также удельный вес области по всем основным макроэкономическим показателям страны, хотя доля населения, занятого в экономике изменилась незначительно — всего на 0,06 процентных пунктов (табл. 1).

При падении объема промышленного производства за этот период по России в целом примерно в 2 раза, спад в Ивановской области оказался четырехкратным. Это привело к тому, что значение большинства индикаторов развития экономики в Ивановской области хуже среднероссийских. Таким образом, подтверждается мнение ряда ученых о депрессивном положении Ивановского региона в рассматриваемом периоде.

Таблица 1

**Удельный вес Ивановской области в общероссийских
макроэкономических показателях (в процентах)**

	Среднегодо- вая численность занятых в экономике	ВРП	Объем промыш- ленной продук- ции	Продук- ция сельского хозяйства	Оборот рознич- ной торговли	Инвести- ции в основной капитал
1990	0.89	1.91	1.49	0.76	0.79	0.4
1995	0,78	0,34	0,51	0,71	0,49	0,29
2002	0,83	0,28	0,32	0,51	0,32	0,16

В Ивановской области, согласно принятой классификации городов по численности населения, к малым относятся 14 из 17 городов (82,3%) и проживает в них почти третья часть городского населения, что подчеркивает значимость проблемы малых городов для этого региона.

Численность населения данных городов неоднородна. Один город (Плес) имеет 2,7 тыс. жителей, два города — до 10 тыс. каждый (Гаврилов Посад — 7,2 тыс., Комсомольск — 9,6 тыс.), в шести городах (Заволжск, Приволжск, Наволоки, Пучеж, Юрьеvec, Южа) проживают от 10 до 20 тысяч и только в 5 городах (Вичуга, Тейково, Кохма, Родники, Фурманов) численность составляет от 20 до 50 тысяч человек.

Малые города становятся донорами населения для более крупных и, как правило, более благополучных по экономическим и социальным показателям городов. В свою очередь, они сами являются центрами притяжения для сельских жителей. Особенно бурно этот процесс наблюдался в 1960-1980-е гг. Однако вследствие неблагоприятной ситуации в стране в последнем десятилетии прошлого столетия численность жителей в них значительно уменьшилась, хотя количество малых городов в Ивановской области за последние пятнадцать лет не изменилось.

Всего в малых городах области, по нашим расчетам, проживало в 1979 г. — 20,1%, в 1989 — 24,4%, в 2004 — 24,0% от всего ее населения и 31,8% от проживающих в городах. Почти во всех городах Ивановской области сохраняется устойчивый демографический спад.

На рис. 1 видно, что за 15 лет (с 1989 по 2004 год) население двух городов (Плес и Юрьеvec) уменьшилось на четверть. В среднем городское население Ивановской области уменьшилось на 14,6%. Большие города пострадали в этом плане меньше: население Иванова уменьшилось на 11,3%, Кинешмы — на 9,4%, Шуи — на 11%. Меньше других изменилось население Тейково — всего на 5%.

Таким образом, уже через несколько лет в этих городах следует ожидать еще большего сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, то есть трудового потенциала.

С 1988 года в области наблюдается негативная тенденция в естественном воспроизводстве населения. Это привело к изменениям в его возрастного состава. Наибольшими темпами в период 1988-2002 гг. сокращалось население моложе трудоспособного возраста — на 33,5%, что явилось следствием резкого сокращения рождаемости в этот период — в 1,6 раз. Численность трудоспособного населения сократилась на 1,2%. Однако уже через несколько лет можно ожидать

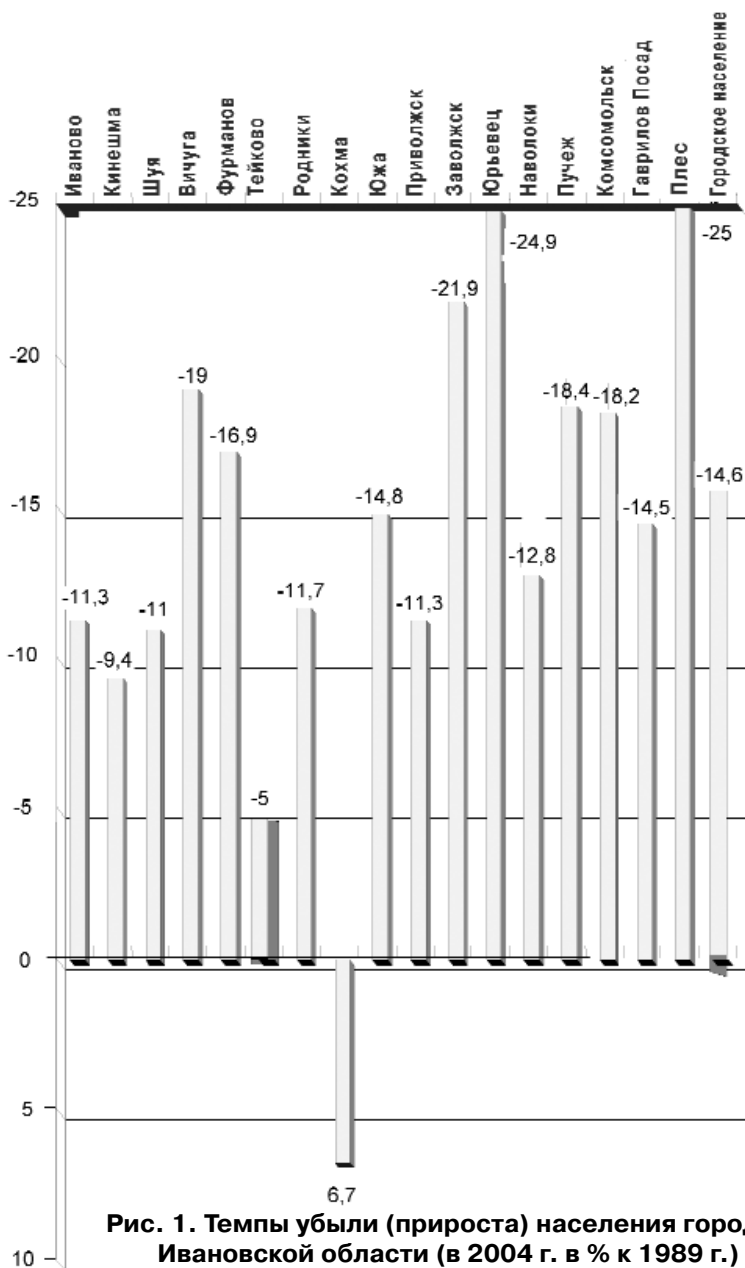

Рис. 1. Темпы убыли (прироста) населения городов
Ивановской области (в 2004 г. в % к 1989 г.)

еще большего сокращения численности населения в трудоспособном возрасте как следствие низкой рождаемости. Население старше трудоспособного возраста также уменьшилось на 5,7%.

По международным критериям, если возрастная группа старше 65 лет превышает 7%, то население считается старым. В малых городах Ивановской области этот показатель намного больше — 16,4%. Выше он только в шести регионах России. Растет и средний возраст населения в Ивановской области: в 1979 г. — 36,6 лет, в 1989 — 37,7 лет, в 2003 г. — 40,2 лет. Средняя продолжительность жизни мужчин — 55,1 лет, женщин — 70,5 лет, что меньше чем в среднем по России на 1,2 года и на 15 лет меньше, чем в развитых странах (в среднем на 8 лет — женщин, на 20 лет — мужчин).

Степень образования жителей малых городов, по данным переписи населения, постоянно растет. Однако его уровень и темпы роста в малых городах по сравнению с крупными значительно отличаются не в лучшую сторону. Как видно на рис.2, количество жителей, имеющих высшее образование, в областном центре значительно больше, чем в остальных городах области (206 человек на тысячу населения).

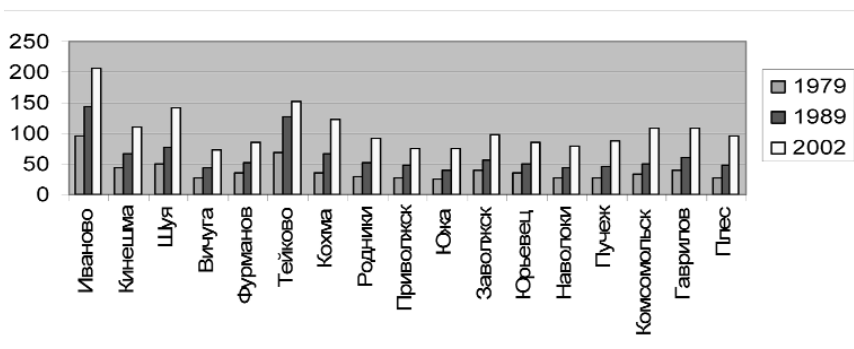

Рис. 2. Количество жителей по городам Ивановской области, имеющих высшее образование, на 1000 человек населения старше 15 лет (человек)

На втором месте — малый город Тейково (152 чел.) Высокий образовательный уровень в этом городе объясняется тем, что там базируются учреждения министерства обороны, в которых служит и работает персонал, в основном с высшим образованием. Самые низкие показатели имеют Вичуга (73 чел.) и Южа (75 чел.) — почти в три раза меньше, чем в Иванове.

Таким образом, образовательный уровень выше в тех городах, где есть вузы, находятся объекты, требующие высокообразованного персонала или имеющие близкое расположение к образовательным центрам.

Однако уровень среднего специального образования в малых городах области близок к среднеобластным показателям, а во многих из них даже выше. Это объясняется тем, что почти во всех малых городах располагаются средние специальные учебные учреждения и получение в них образования не сопряжено с трудностями смены места жительства.

В Ивановской области различие в средней оплате труда по городам составляет от 1,5 до 2,5 раз, как правило, не в пользу малых городов (рис.3).

При межрегиональном сравнении дифференциация еще более ощутима, что влечет отток населения преимущественно из малых городов. Основной причиной сложившегося положения является тот факт, что в условиях спада производства в традиционных отраслях экономики малых городов новые высокодоходные виды деятельности и инновации быстрее развиваются в больших городах.

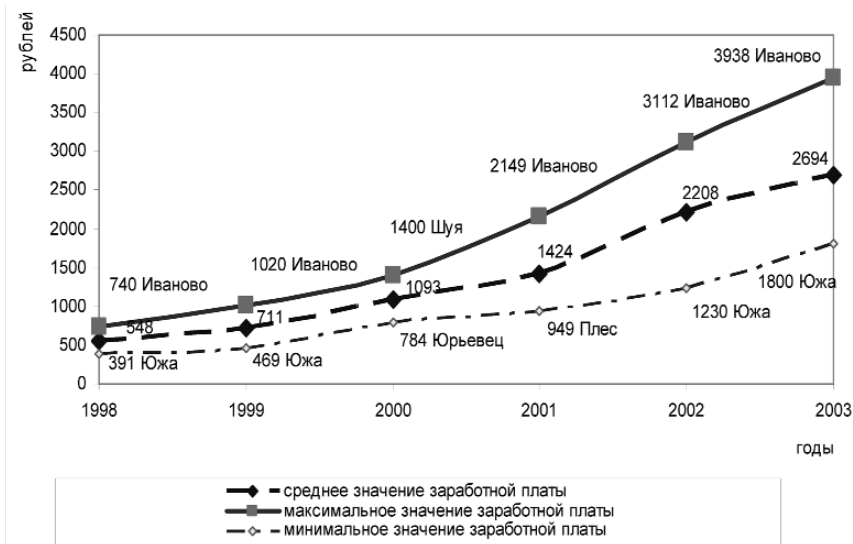

**Рис.3. Среднемесячная заработная плата
промышленно-производственного**

Остро выражена в малых провинциальных городах, удаленных от крупных мегаполисов, проблема качества трудовых ресурсов. Малые города, прежде всего, покидают специалисты с высокой квалификацией, неудовлетворенные низкой оплатой труда и уровнем быта.

Ряд малых городов Ивановской области имеет значительные рекреационные ресурсы. Однако отсутствие инфраструктуры, соответствующей мировым стандартам, и средств на ее создание не позволяет полагаться в ближайшее время на бурное развитие отрасли туризма и отдыха.

Для большинства малых городов характерна узкая специализация промышленности на одной отрасли — монопрофильность, и в таких городах высока доля монопроизводства, например в 2004 году она составляла: в Заволжье химическая промышленность — 62,4%; в Наволоках текстильная промышленность — 98%; в Юже текстильная — 79%. Для большинства малых городов такой отраслью специализации является текстильная промышленность, представленная, как правило, одним градообразующим предприятием. Глубокий кризис всей текстильной отрасли поставил экономику таких городов в особо сложные условия выживания, когда необходимо решать вопросы, связанные не только с поддержанием производства на отдельных предприятиях, но и с перепрофилированием целых городов. Проблема убыточности предприятий также наиболее остро стоит именно в малых городах.

Особое значение в таких городах имеет развитие малого предпринимательства, прежде всего, в производственной сфере. Доля этого бизнеса в экономике малых городов хотя и возрастает, но темпы его роста в разных населенных пунктах значительно отличаются.

По обороту розничной торговли, объему бытовых и других платных услуг на душу населения для малых городов характерна пестрая и противоречивая картина, что говорит, во-первых, о глубокой дифференциации уровня жизни населения, во-вторых, об отставании темпов роста потребления услуг в малых городах по сравнению с крупными городами. Многие отрасли сферы услуг слабо развиты в большинстве малых городов.

В результате проявилась негативная динамика части базовых потенциалов¹ малых городов, приведшая во многих случаях к их дисбалансу.

¹ Выделение “базовых потенциалов” диктуется целесообразностью отражения территориальной специфики малых городов, которая обусловлена особенностями структуры их экономического потенциала. Именно эти потенциалы наиболее

Смягчение роста внутрирегионального неравенства возможно в основном за счет:

- некоторого перераспределения дохода между районами (такая политика активно проводится);
- стимулирования развития отстающих территорий путем реструктуризации экономического потенциала городов, которая основывается на реализации их сравнительных преимуществ, которые можно выявить при помощи предлагаемого нами метода.

Основными причинами ухудшения состояния экономического потенциала большинства малых городов области, как подтвердил наш анализ, явились:

- ориентация на традиционные отрасли промышленности при недостаточном развитии новых и новейших;
- узкая специализация экономики;
- периферийное положение, отдаленность от центров принятия решений и формирования финансовых и информационных потоков, недостаточное транспортное обеспечение;
- ограниченность собственных экономических ресурсов и трудности привлечения их извне;
- отсутствие экономических возможностей для привлечения высококлассных специалистов;
- неудовлетворительная законодательная база, недостаточно стимулирующая через систему льгот привлечение в экономику города как отечественного, так и зарубежного капитала.

Если малый город сохраняет способность по притяжению экономических потоков или остается административно-хозяйственным центром района, то необходимо всячески стимулировать развитие его экономического потенциала.

Экономический потенциал малого города является подсистемой в системах более высокого уровня — экономического потенциала области, региона, страны, мира. В то же время он включает в себя по-

значимы для определения стратегии экономического развития города. Количество и состав их индивидуален для каждого малого города. Необходимость выделения базовых потенциалов с их детальной градацией связана, во-первых, с невозможностью унифицировать все многообразие экономических потенциалов малых городов; во-вторых, с целесообразностью учета фактора локализации пространства при анализе экономического потенциала малого города (особенно это характерно для провинциальных городов). Отсюда вытекает целесообразность введения в практику муниципального управления развернутой характеристики структуры экономического потенциала, что достигается за счет детализации состава последнего на основе использования понятия «базовый потенциал».

тенциал подсистем более низкого порядка — предприятий, организаций, частных предпринимателей.

Экономический потенциал малых городов может иметь одинаковый состав, но разные показатели значимости его элементов, что выражается в экономических и социальных результатах развития города. Следовательно, для достаточно полной характеристики экономического потенциала малого города необходимо детальное рассмотрение его состава. При этом степень детализации зависит от специфики города и его размеров.

Для определения особенностей структуры экономического потенциала непосредственно малого города целесообразно выделять три уровня составляющих экономического потенциала:

- потенциалы первого порядка (названные нами «базовые потенциалы»), имеющие непосредственное значение для экономики города, определяющие специфику и экономическую специализацию малого города. Они могут опираться как на внутренние, так и на внешние ресурсы;
- потенциалы второго порядка: природно-ресурсный, экологический, трудовой, инновационный и инвестиционный потенциалы — интегрированные локальные составляющие экономического потенциала малого города, отражающие его ресурсные возможности, которые определяют его положение относительно систем разных иерархических уровней;
- потенциалы третьего порядка: производственный и непроизводственный — определяются реализованной частью экономического потенциала; их соотношение характеризует уровень развития экономики.

Базовые потенциалы малого города опираются на внутренние и внешние экономические ресурсы, причем не всегда приоритет отдается внутренним ресурсам.

Сегодня экономический потенциал города находится в постоянно возрастающей зависимости от направлений и объемов ресурсных потоков, которые формируются под воздействием различных условий, объективных и субъективных, внутренних и внешних. Поэтому экономический потенциал малого города следует рассматривать как способность его экономики притягивать и адаптировать экономические потоки, используя для этого все доступные ресурсы и условия, создавать на их основе материальные и нематериальные ценности, распределять их, формируя при этом новые экономические потоки.

Экономический потенциал содержит в себе активную (используемую) и пассивную (неиспользуемую) части. Следовательно, его мож-

но рассматривать как совокупную величину реализованных и нереализованных возможностей. Для отражения степени использования реализованной части экономического потенциала в качестве важнейшего индикатора, отражающего экономические результаты функционирования малого города, целесообразно исчислять и ввести в практику управления показатель валового городского продукта (ВГП) как совокупной стоимости конечной продукции сферы материального производства и сферы услуг. Показатель ВГП в расчете на душу населения позволит проводить сравнительный анализ состояния реализованной части экономического потенциала на межрегиональном уровне.

Выявление специфики экономического потенциала малого города в условиях отсутствия полноценной муниципальной статистики возможно и целесообразно на основе нового метода исследования — вербального анализа, который разработан отечественными учеными и успешно применяется для решения слабоструктурированных задач.

Этот метод позволяет интерактивно формировать решение в терминах предметной области, поэтому он дает возможность соизмерить изменение разнородных показателей элементов экономического потенциала малого города в динамике, что особенно важно в период реструктуризации экономики города.

Предлагаемая нами методика применения вербального анализа в управлении² позволяет определить особенности экономического потенциала малого города, возможности его количественного роста и качественного развития, выявить точки роста экономики и своевременно устранить угрозы, принять обоснованные решения по его реструктуризации и осуществлять объективный контроль над происходящими в городе социально-экономическими процессами.

Таким образом, именно в малых городах исследуемого региона четко проявляется тенденция существующего и растущего их отставания по основным показателям, характеризующим воспроизводство населения, его жизненный уровень, развитие производства и услуг, что уже сейчас является важнейшим фактором расслоения населения в Российской Федерации и угрозой экономической безопасности страны.

Исследования, выполненные специалистами Института Всемирного банка и Московского государственного университета имени М.

² Более подробно см.: Фролова О.Н. Вербальный метод определения особенностей экономического потенциала малого города. /А.Г. Кайгородов, О.Н. Фролова//Экономико-математические методы анализа хозяйственной деятельности предприятия: материалы Всерос. науч.-практ. конф.— Пенза, 2006.

В. Ломоносова, показали, что отмеченные негативные тенденции в малых городах ряда регионов могут еще более усугубиться после вступления России в ВТО.³ Так, по совокупности критериев наиболее проблемными по последствиям вступления в эту организацию могут быть Брянская, Владимирская, Ивановская и другие области, где значительна концентрация таких отраслей, как машиностроение, легкая и пищевая промышленность при слабом развитии малого бизнеса. В этих регионах много монофункциональных городов с импортозамещающими предприятиями, поэтому на муниципальном уровне негативные последствия возможного спада будут ощущаться здесь еще сильнее, чем в регионе в целом. Это чревато дальнейшим усилением дифференциации населения по уровню доходов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Однако это не означает, что такие последствия неизбежны. Хотя управлять процессами глобализации невозможно, но смягчение ее негативных последствий должно стать частью региональной политики, которую следует направить: 1) на повышение конкурентоспособности продукции; 2) на преодоление убыточности предприятий. Это — две наиболее важные проблемы, в частности, для малых городов Ивановской области накануне вступления России в ВТО.

Красноярова Б.А.

Алтай трансграничный

Алтайская горная система расположена практически в центре Евразии, это — западный край мощного пояса гор Южной Сибири, поднятый в виде огромого свода на высоту более 4000 м. Алтай характеризуется многообразием природных комплексов, высоким биологическим и этнокультурным разнообразием.

Алтай сегодня это объект геополитических, экономических и этнокультурных интересов как минимум четырех государств, расположенных в его границах — Казахстана, Китая, Монголии и России. Горы Алтая имеют высокий международный статус и как часть одного из

³ Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ. Руководство./ Под редакцией Дэвида Г. Тарра. — М.: Издательство «Весь Мир». 2006. — С. 559-568.

240 экорегионов, и как объект Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО. С российской стороны на территории Алтая расположены два субъекта Федерации — Алтайский край (частично, своим южным горным окаймлением) и Республика Алтай (полностью). С позиций трансграничности именно Республика Алтай представляет наибольший интерес, потому что это один из двух российских регионов, имеющих непосредственный выход на сухопутные государственные границы с тремя государствами, что накладывает определенный отпечаток на все стороны жизни региона.

Республика Алтай, на наш взгляд, является одним из типично-атипичных периферийных регионов, о которых в своем докладе на данной сессии говорил Б.Б. Родоман. Республика достаточно типична для горных регионов Южной Сибири. Типичность ее заключается в высотной поясности территории, традициях отгонно-пастбищного животноводства, национально-этническом многообразии и особенностях видов аграрного природопользования и систем жизнеобеспечения местного населения. Атипичность региону придает, во-первых, активный поиск пути своего развития, что особенно присуще алтайскому народу на современном этапе, который осознал социально-историческую значимость своей культуры и пытается найти модель ее сохранения и развития во всех областях, в том числе и в традициях аграрного природопользования. Вторая, на наш взгляд, нетипичная черта и с позиций периферийности, и с позиций ее горного рельефа являются экономико-демографические процессы, отмечаемые в последние годы. Республика Алтай — это один из немногих российских регионов, имеющих положительное сальдо и естественного, и механического прироста. Естественный прирост можно было бы отнести к ментальности коренного населения, но в национальном составе населения Республики русские составляют 60%, а алтайцы — лишь треть всего населения, поэтому одним национальным признаком этот факт не объяснить. А сохраняющееся положительное сальдо миграции можно объяснить привлекательностью горных ландшафтов и образа жизни. Более того, на территории Республики растет число сезонных мигрантов — жителей других регионов Сибири, приобретающих дома и использующих их для летнего отдыха своих семей [1].

Республика Алтай и ее регионы неоднократно были объектами стратегического планирования. Предлагались различные варианты — модели ее регионального развития, как природоохранного [2–4], так и природопользовательского [5] характера. Имеются примеры и комплексного решения проблем экологически приемлемого и экономически эффективного развития [6–8]. Эти проекты существенно различаются в зависимости от целей и приоритетов, предлагаемых разра-

ботчиками данных стратегий. Среди них присутствуют так называемые «традиционные» модели [9], первая из них традиционна для России в целом, но не для Алтая в частности; базируется она на освоении природно-ресурсных ресурсов региона. Другая традиционная модель сохраняет приоритеты советского периода, характерные именно для Алтая, и в качестве таковых называет развитие аграрного сектора экономики и глубокую переработку продукции сельского и лесного хозяйства. И тот, и другой путь развития являются тупиковыми для Республики Алтай, как в силу менталитета ее населения (первый вариант), так и низкой конкурентоспособности полученной продукции (второй вариант); и, наконец, оба эти варианта слабо учитывают экологический статус территории.

Ряд проектных предложений построен на традициях более высокого порядка — национально-этнических особенностях природопользования местного населения и его мировоззрении, это так называемая «аборигенная» модель или Республика — природно-хозяйственный парк [10]. Неприемлемость этих моделей, на наш взгляд, заключается в том, что ее авторы полностью отвергают процессы глобализации, а они имеют место быть даже в отдаленном Алтае. Далеко не все жители республики готовы вернуться «назад в природу», во-первых, а во-вторых, такой подход не сможет обеспечить его жителям достойный образ жизни, будет процветать истощительное природопользование.

Были и другие попытки, в том числе сочетания идеологии сохранения биоразнообразия и устойчивого развития, но они не были реализованы. Основная причина — отсутствие ресурсов (финансовых, материальных, институциональных, интеллектуальных). В этих условиях очень важно добиться реализации проекта устойчивого развития на небольшой, но перспективной территории, которая станет в дальнейшем полигоном для отработки передовых технологий.

В качестве такого модельного полигона можно рассматривать Трансграничную биосферную территорию «Алтай» [11, 12], расположенную на границе четырех государств — Казахстана, Китая, Монголии и России. Идея создания ТБТ «Алтай» прошла международную экспертизу в рамках проведения «Feasibility Study». В пределах ТБТ местные общины, административные и научные учреждения, неправительственные организации, культурные общества, деловые круги и другие партнеры работают совместно в целях рационального управления и устойчивого воспроизводства ресурсов этой территории.

Каждая страна работает в рамках своего законодательства, сама определяет свою территориальную границу, но с соблюдением взаимных интересов стран — участниц в области сохранения и развития

наиболее ценных экосистем. С российской стороны ТБТ «Алтай» представляет территорию, расположенную в двух приграничных районах Республики Алтай.

Учитывая высокий экологический статус территории и этнокультурное разнообразие проживающего в данных приграничных районах населения российскими экспертами[13] были четко выдержаны требования об обязательном функциональном зонировании территории биосферного резервата с наличием зон ядра, буферной зоны и зоны развития. Исходя из данного положения, было предложено создание трех полигонов развития с сохранением и развитием этнических форм природопользования. На территории Кош-Агачского района с высокой долей этнических казахов (более 50% населения) и алтайцев-теленгитов (около 37% населения района) предложено создание Кокоринского (компактное проживание алтайцев-теленгитов) и Джазаторского (преимущественно казахское население) полигонов развития, в которых предполагается развитие традиционных для данных национальностей форм жизнедеятельности с учетом современных тенденций развития в условиях глобализации. Так, в Джазаторский полигон традиционного природопользования казахов предполагается создать на территории Джазаторского сельский округ Кош-Агачского района, в настоящее время здесь формируется природный парк республиканского значения «Укок». Учитывая природные условия Юго-Восточного Алтая и традиции проживающего преимущественно казахского населения, здесь вполне перспективно развитие отгонного скотоводства (разведение мелкого и крупного рогатого скота) с переработкой молока КРС, мяса, шерсти, пуха и шкур мелкого рогатого скота; заготовкой и переработкой древесины; промыслами. Кокоринский полигон традиционного природопользования чуйских алтайцев — теленгитов — с.Кокоря Кош-Агачского района — с высокой долей отгонного скотоводства, главным образом мелкого; переработкой продукции овцеводства; промыслов. Следует отметить, что в данных полигонах отрабатываются разные типы ведения скотоводства и переработки его продукции, а особая специфика проявляется в развитии ремесел и промыслов. В Усть-Коксинском районе с высокой долей русского населения предполагается создание Уймонского полигона с сохранением и развитием старорусской культуры землепользования в Уймонской котловине. Это одно из немногих мест на территории Республики Алтай, где возможно активное аграрное природопользование с одновременным развитием земледелия (товарное зернопроизводство), животноводства, пчеловодства, ремесел и промыслов.

Основные ограничения развития этих территорий связаны с отсутствием или низкой обеспеченностью энергетическими, матери-

альными и интеллектуальными, главным образом квалифицированными кадрами, ресурсами. Для скорейшего снятия этих ограничений следует создать предприятия — точки роста территории, в качестве таковых названы [14]

в Кош-Агачском районе:

- гидро-ветро-гелиоэнергетический узел;
- комплексное предприятие по переработке продукции овце и козоводства (мяса, шерсти, пуха, кож), верблюдоводства в с. Кош-Агач.

в Усть-Коксинском районе:

- опытное мараловодческое хозяйство (отработка технологий экологически приемлемого содержания, заготовки и консервирования пантов, комплексного использования побочной продукции);
- предприятие по вакуум-импульсной сушке биологического сырья растительного и животного происхождения.

Для названных районов, равно как и для всей Республики, весьма перспективно развитие рекреации. Уже сегодня в стратегических документах РА рекреационная отрасль рассматривается наряду с традиционными для республики сельским хозяйством и добывающей промышленностью как одна из ведущих отраслей.

С позиций обсуждаемой на нынешней сессии МАРС проблемы «Перехода регионов РФ к постиндустриальной стадии развития» именно с развитием рекреационной деятельности может быть связано вхождение республики в постиндустриальную фазу общественного развития.

Категория «постиндустриального общества» рассматривается сегодня различными науками. Даже беглый просмотр энциклопедических словарей и справочников позволил выявить более 20 определений, но в основе большинства из них лежат подходы, сформулированные еще в 1962 г. американским ученым — футурологом Д. Беллом. Оно зафиксировало вступление развитых западных стран в качественно новый этап развития, который характеризуется снижением доли и значения промышленного производства за счет роста сферы услуг и информации [15]. Постиндустриальное общество определяется как общество «постэкономическое», «посттрудовое», т.е. такое общество, в котором экономическая подсистема утрачивает свое определяющее значение, а труд перестает быть основой всех социальных отношений. Человек в постиндустриальном обществе уже не рассматривается только как «человек экономический», доминирующими для него становятся «общекультурные» ценности. При этом культура

имеет весьма широкое значение и охватывает по С.И.Гессену [16] совокупность образованности, гражданственности и цивилизации.

В данном контексте Республика Алтай, равно как и другие регионы стран трансграничного Алтая, могут обеспечить переход к постиндустриальной стадии развития минуя широкую индустриализацию путем создания современного рекреационного комплекса. Однако обязательным условием эффективного функционирования турбизнеса является наличие инфраструктуры, как производственного, так и непроизводственного назначения. А это надежная энергетическая и транспортная система, наличие современных средств связи и мест для проживания и досуга различной ценностной доступности, финансовых и других рыночных институтов. Иными словами переход РА на постиндустриальную стадию общественного развития — это не скачок через стадию индустриализации, а ее развитие с определенной направленностью в сторону и вокруг рекреационного освоения территории. Если в качестве критерия отнесения экономики к постиндустриальной стадии взять долю занятых в сфере услуг, то в РА уже сейчас структура ВРП в какой-то мере соответствует данной стадии, но необходимо смотреть, что из себя представляет каждая единица этой структуры, во-первых, в количественном отношении, и, во-вторых, в качественном. То есть, какова стоимость предоставляемых услуг и их качество, насколько платежеспособный спрос соответствует предложениям услуг. И здесь просматриваются ценовые ножницы, качество предоставляемых услуг поддерживается главным образом высоким природным потенциалом рекреационных ресурсов, а не сервисом и организацией досуга.

В настоящее время и Правительством России, и Правительством Республики делается попытка перехода на качественно новый уровень организации рекреационного обслуживания. На территории Алтая — и Республики Алтай, и Алтайского края — создаются свободные экономические зоны рекреационно-туристского типа. В рамках этих зон в качестве приоритетных для Республики Алтай рассматриваются Айская и Манжерокская площадки, перспективным является и создание курортной зоны на берегу Телецкого озера. Кроме того, в июле 2007 г. в рамках решений Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай» была организована международная экспедиция по исследованию трансграничного маршрута «Алтай — Золотые горы» [17].

Маршрут экспедиции проходил по территории Алтайского края, Республики Алтай, Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая и Восточно-Казахстанской области. В ходе экспедиции участниками была подготовлена схема нового туристического маршрута «Алтай — Золотые горы»,

обозначены наиболее привлекательные туристические объекты, произведена оценка транспортной инфраструктуры. Были проведены переговоры с представителями местных органов власти, деловых кругов, туроператоров по вопросам возможного строительства новых туристических объектов, подписания договоров о взаимном сотрудничестве, возможности пересечения участков трансграничного маршрута на одном транспорте.

Новый проект — маршрут мирового уровня «Алтай — Золотые горы» — весьма перспективен, он позволит туристам из разных стран познакомиться с уникальными ландшафтами Алтая, памятниками археологии, истории и многонациональной культуры. Реализация столь амбициозного проекта может поднять уровень инфраструктурного обустройства регионов стран — его участниц на новый качественный уровень, но она вряд ли возможна без — финансового и административно-правового — участия государства, а главное — без вертикальной и горизонтальной интеграции туроператоров из разных стран и регионов. Например, только на туристическом рынке Республики Алтай активно работают туроператоры из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Барнаула и других городов России. Без создания единого экономического пространства деятельность разрозненных турфирм вряд ли будет эффективной и, главное, не сможет вывести экономику Республики Алтай и других алтайских регионов на качественно новый виток развития.

Литература

1. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Официальное издание. Федеральная служба Государственной статистики. 2006.
2. Рудский В.В. Природопользование в горных странах (на примере Алтая и Саян) [Текст] /В.В. Рудский; Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 2000. — 120 с.
3. Шишин М.Ю. Основы экологической политики в Алтай — Саянском регионе [Текст] /М.Ю. Шишин //На пути к устойчивому развитию. Бюллетень Центра экологической политики России. — 1998 — №4.
4. План сохранения биоразнообразия Алтае-Саянского экорегиона (Россия). [Текст] /Подготовлен WWF, UNDP/GEF в сотрудничестве с экспертами и партнерами Алтае-Саянского проекта// Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития — г. Горно-Алтайск, 2003 г. — с. 80.
5. Концептуальная программа экологически устойчивого развития Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 1998.

6. Ковалева Г.Д. Алтайский горный регион. Направления интеграции. [Текст] /Г.Д. Ковалева //Наш общий дом Алтай — Барнаул, 2003. — с. 47-52.
7. Винокуров, Красноярова, 2000;??
8. Баденков Ю.П. Алтайская конвенция, трансграничный биосферный заповедник «Алтай»: механизмы устойчивого развития горных районов России, Казахстана, Китая и Монголии [Текст] /Ю.П. Баденков // Научно-техническое сотрудничество и экономической развитие Китая, России, Казахстана и Монголии в Алтайском регионе. Управление науки и техники СУАР КНР, 2001. — с. 63-70.
9. Проблемы формирования и развития эколого-экономической зоны Горный Алтай// Материалы международного симпозиума. — Горно-Алтайск, 1992.
10. Орлов В.П. Разработка стратегической модели на уровне аратско-крестьянского хозяйства по сохранению биоразнообразия и устойчивому развитию трансграничного биосферного комплекса АГР. [Текст] /В.П. Орлов// Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития. — г. Горно-Алтайск, 2003 г. — с. 117-121.
11. Винокуров Ю.И. К концепции трансграничной биосферной территории «Алтай» [Текст]// Горы Алтая — трансграничная биосферная территория устойчивого развития — Новосибирск, 2002а. — с. 57-72.
12. Винокуров Ю.И. Трансграничная биосферная территория как вариант устойчивого развития горной территории [Текст] /Ю.И. Винокуров, Б.А. Красноярова, Ю.П. Селиверстов, С.П. Суразаков // Известие РГО. — 2002б.— №5. — с. 120-127.
13. Винокуров Ю.И. Трансграничная биосферная территория «Алтай»: необходимость и возможность создания. Итоги экспертной оценки [Текст] /Ю.И. Винокуров, Б.А. Красноярова, С.П. Суразакова // Первая межрегиональная НПК «Горные экосистемы Южной Сибири...», 2005. — с. 120-127.
14. Винокуров Ю.И. Трансграничная биосферная территория «Алтай»: идеи сохранения и развития горной территории [Текст] /Ю.И. Винокуров, Б.А. Красноярова, С.П. Суразаков // Регион: экономика и социология. — 2006. — №2.— с. 156-163.
15. Глоссарий по социологии ВГУЭиС, 2000г.
16. Гессен С.И. Основы педагогики [Текст] /С.И. Гессен. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 448 с.
17. сайт www.altaiinter.info.

Новосельский К. И.

Постиндустриальные амбиции Екатеринбурга

1. Инерция индустриализации

Давно настала пора определиться в современном контексте — что есть город По-преимуществу: пространство для жизни (свободного времяпрепровождения, получения услуг), для работы (производственные предприятия) или местообитание чиновников (и сопутствующего им транспорта)? Или должно быть всё вместе (но зонально сконцентрировано либо попеременно — тоже вопрос)? Согласитесь: во всех трёх (а может быть и более) случаях, результат (внешний вид городской среды, её комфортность) будет принципиально разные.

Рассмотрим варианты постиндустриализации пространства на примере одного из крупнейших промышленных центров страны, столицы одного из семи федеральных округов — Екатеринбурга. Созданный в первой четверти XVIII в. В. Татищевым и Де Гениным, по воле Петра I, этот расположенный в географическом центре Уральских гор город-завод, таковым и функционирует уже почти 3 столетия (рис. 1). Примечательно, что статус города Екатеринбург обрёл лишь спустя 60 лет после заложения, будучи всё это время только заводом-крепостью. Но и этого мало — вплоть до 1863 года это был не обычный «гражданский» город, а полувоенный «горный». Главой города был фактически горный начальник, за порядком следила горная полиция, планировка и «начинка» поселения были целиком подчинены производственным задачам, архитектор города носил звание «заводского», главные аптеки и больницы назывались не иначе, как «горными». Более того, два казалось бы внешних события сильно добавили «индустриального привкуса» в архитектурный облик города: в 1720-е гг. он стал первым в истории мировой архитектуры «промышленным городом» (на 27 лет раньше французского «идеального города» — солеварни Шо), а спустя ровно два века — в 1920–1930-е гг. был опытной площадкой в СССР массового использования стиля конструктивизма (с его знаменитыми «домами промышленности», «домами быта», «фабриками-кухнями», «соцгородками», «медгородками», «дворцами спорта» и т.п.). Даже название «Свердловск» (которое город имел в 1924–1991 гг.) ассоциируется именно с этим грубоватым, прямоугольным гигантизмом «общака» — главного очага сталинской индус-

триализации — около 200 зданий в стиле конструктивизма и поныне «ласкают взгляд» любого сюда приезжающего. Практически непрерывно на протяжении двух веков (1719–1919) Екатеринбург был резиденцией «главного начальника Уральских горных заводов» — уникального органа территориального управления в России, с полномочиями шире губернаторских, с прямым доступом к императору. Грамоте, рисованию и пению учили в «горных школах», молились в «горном» Екатерининском соборе. Весь XX век и поныне главной и авторитетной ежедневной газетой в руках у каждого жителя города и области остаётся «Уральский рабочий». Такую ментальную инерцию и такие традиции вряд ли можно быстро изжить или хотя бы переломить.

Индустриальное пространство абсолютно доминирует не только на карте города (предприятия-флагманы жёстко — и даже «жестoko» — вмонтированы в ткань кварталов, режут городской организм «по живому»), но и прочно укоренилось в бытовой сфере, подсознании — это проявляется в преобладании соответствующих названий у частей города, улиц, станций метро, остановок наземного транспорта... ВИЗ, Уралмаш, «Три тройки» и многие другие среднеуральские брэнды стали уже хрестоматийными и прочно ассоциируются в российской и зарубежной литературе со Свердловском-Екатеринбургом. Попытки в разное время осуществить сколь-нибудь масштабный «вынос» производств из центральных районов города на его периферию, в города-спутники, радикально перепрофилировать и рекультивировать многочисленные «сталкерские зоны» — с треском проваливались. Самый мощный индустриальный бастион по-прежнему подпирает центр города с севера (Эльмаш, Уралмаш, Трансмаш, турбомоторный, ЗИК и многие др. — к примеру, ходьба по нечётной стороне одного из главных в городе проспекта Космонавтов от одного жилого дома до ближайшего следующего занимает не менее часа!), с запада — 300-летний Верх-Исетский металлургический завод, громадное сортировочное и парковое хозяйство железной дороги, с юга — целая «гроздь» тяжелых предприятий (Вторчермет, резинотехнический, керамический, подземная бактериологическая лаборатория, камвольный комбинат, Уралхиммаш), с востока — промзона ядерно-промышленных «троек», вторцветмет, производство оборудования для подводного флота, стройматериалы, Уралобувь. Покинуть город, не насладившись вдоволь индустриальным пейзажем, практически невозможно — даже над «оздоровительным» Юго-западом теперь нависла громада радиозавода. Более того, исторический и деловой центр города до сих пор напичкан оборонными производствами и институтами. А на северо-восточной окраине города, вблизи озера Шарташ, в 500 метрах от жилого массива ускоренными темпами сооружается

новое сталеплавильное производство на 1 млн. т в год. Протесты местных жителей и экологических групп не принимаются во внимание. Ситуация создалась стабильно-безнадёжная.

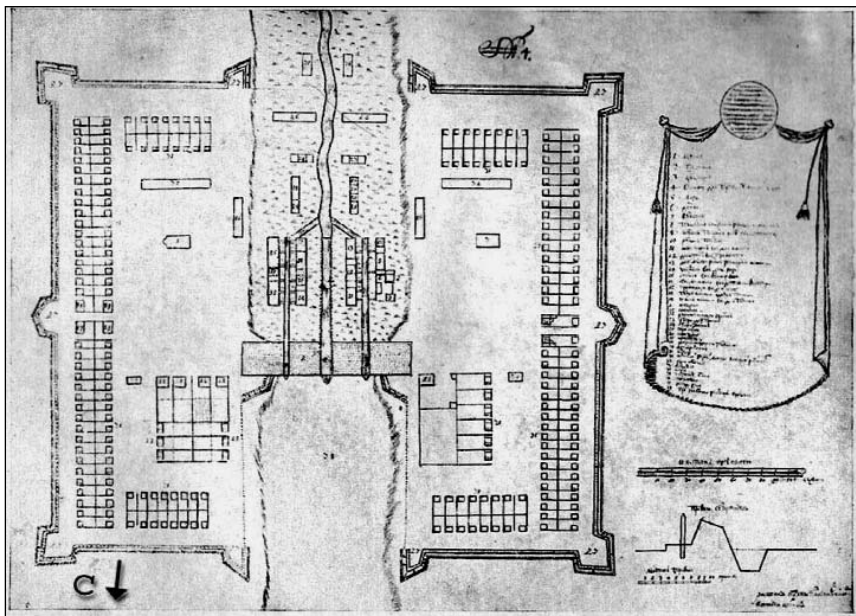

Рис. 1. План крепости-города-завода Екатеринбургского 1723 года (север — внизу). Ныне — мемориальная зона «Исторический сквер»

2. ШОС'овая терапия

И вдруг в последние годы и даже месяцы начались «мощные властные телодвижения» по ломке сложившегося веками имиджа «города-завода». Импульс, как ни удивительно, пришёл из-за рубежей России, причём не западных, а восточных. Многолетний губернатор региона Э.Россель имел «неосторожность» пригласить в свою вотчину не какого-то отдельного видного гостя (коих со времён открытия города внешнему миру в 1989 году побывало здесь легион), а целую сессию вполне международной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Это конечно, не ООН и не ЮНЕСКО (кстати, в 1999 г. город достойно справился с наплывом гостей из почти 100 стран, прибывших на 5 Конгресс Ассоциации клубов ЮНЕСКО). ШОС — это всего шесть государств-членов (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджики-

стан и Узбекистан) и четыре наблюдателя (Монголия, Индия, Иран, Пакистан). Общая территория входящих в ШОС государств составляет 61% территории Евразии, ее совокупный демографический потенциал — четвертую часть населения Земли, а экономический потенциал включает в себя самую мощную после США китайскую экономику. Основные направления международного сотрудничества в рамках ШОС: транспортные коммуникации, энергетика, телекоммуникации, сельское хозяйство, туризм, водное хозяйство и охрана природы, противодействие терроризму и наркотрафику. Официальные рабочие языки — русский и китайский. Штаб-квартира расположена в Пекине.

Однако представлены гости из ШОС будут в основном не «народом», а главами государств с челядью по полной программе — а это совсем другая категория требований к условиям приёма. Только официальных лиц ожидается не менее 1,5 тыс. И столько же журналистов. Соответствующим гостиничным фондом город не располагает. Именно поэтому власти и засуетились по поводу имиджа Екатеринбурга именно сейчас. Губернатор и ранее враждовавший с ним бессменный мэр А. Чернецкий — оба теперь, засучив рукава, взялись за подготовку города к встрече «в верхах», которая ожидается здесь летом 2009 года. Опыт заимствовать особенно не у кого — ведь в прежние годы ШОС собирался на российской территории только в «столицах» — Санкт-Петербурге (2002 г.) и Москве (2003 г.). Ответственности добавляет и то, что в 2008–2009 гг. председательствовать в Совете глав государств ШОС будет по ротации Россия.

А обрести головную боль есть от чего! Смешно признать, что на сегодняшний день Екатеринбург располагает всего двумя гостиничными номерами более-менее подходящими для размещения VIP-персон, да и те находятся далеко не на «президентском» уровне. Поэтому к моменту проведения саммита в городе спешно проектируются 15 номеров такого класса. В целом, к 2009 году в уральской столице должно завершиться строительство 20 современных гостиничных комплексов. Естественно, не простых, а небоскрёбов провинциального разлива. Дополнительно к стройкам, которые ведет «УГМК-холдинг», в центре Екатеринбурга на перекрестке Малышева — Белинского должна появиться 57-этажная гостиница. По мнению губернатора, эта гостиница станет самым высоким зданием Екатеринбурга и будет местом паломничества туристов, желающих с высоты осмотреть город. Помимо этого, будут построены международный выставочный центр с концертным залом общей площадью 300 тыс. кв. м и «Дом приемов», предназначенный для проведения встреч на высшем уровне и общей вместимостью более 3 тыс. человек.

За ценой, как всегда, не постоим. Только стоимость заказанного французским архитекторам локального проекта комплекса зданий вокруг законодательного собрания Свердловской области «Екатеринбург-сити» оценивается губернатором Э. Росселем в 1 млрд. евро. Не забыты и «главные ворота» города — аэропорт Кольцово: только в 2007 году на реконструкцию аэродромного комплекса будет направлено 160 млн. рублей, а строительство третьей ВПП потребует инвестиций не менее 7 млрд. рублей. Еще столько же придется затратить на выполнение сопутствующих работ — перенос авто- и железной дороги, линии электропередач и магистрального газопровода. Но обойтись без этих затрат не получится: во время проведения саммита аэропорт должен будет принять около 130 самолетов одновременно. Под ту же строчку городские власти стремятся подвести и многолетний позор Екатеринбургa (да и всей России) — ухабистую и рваную проезжую часть почти на всех основных магистралях. В Екатеринбурге появятся новые мосты, путепроводы, развязки, спроектированные с учетом самых строгих требований к организации движения и его безопасности. Обещают, что к 2009 году дорожная инфраструктура приобретет черты, характерные для современного мегаполиса (рис. 2).

Знаковое постановление в этом плане подписал 16 июля 2007 года глава Екатеринбурга Аркадий Чернецкий «Об утверждении плана мероприятий по подготовке объектов инфраструктуры, зданий, сооружений, подсветки фасадов, совершенствованию систем дорожного движения в целях создания условий для проведения заседания Совета глав государств — членов ШОС». В списке объектов капитального строительства и реконструкции в центральной части города и на основных маршрутах около 80 зданий. Среди них такие знаковые, как гостиница «Хайат», башня «Исеть», храм Большой Златоуст, здание Сбербанка на улице Куйбышева, выставочный центр на Машинной и другие. В планах сдача многих жилых комплексов, социальных объектов (в т.ч. школ и поликлиник), гостиниц, торговых комплексов. 11 объектов планируется построить вдоль автодороги Екатеринбург — Кольцово. В перечне строительства и реконструкции объектов спортивной и культурной инфраструктуры 13 объектов. В частности, это реконструкция центрального стадиона, реконструкция ЦК «Урал», строительство детского театра балета «Щелкунчик», двух физкультурно-оздоровительных комплексов — в Октябрьском и Чкаловском районах. Кроме того, главам администраций всех семи районов уральской столицы предписано подготовить программы капитального ремонта и реконструкции фасадов зданий, расположенных вдоль главных магистралей. Многие дороги наконец-то подвергнутся ремонту. Запланированы строительство пешеходных переходов, реконструк-

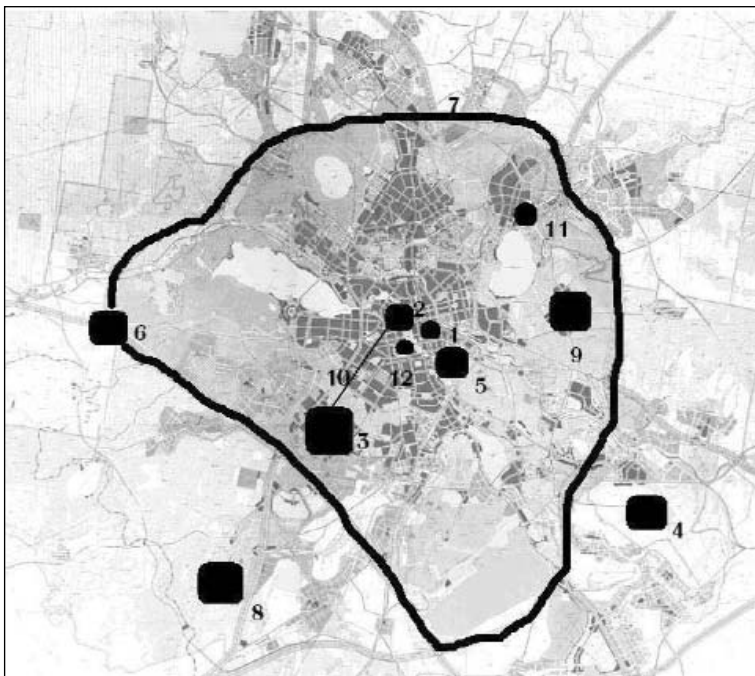

Рис. 2. Графическое совмещение тактических и стратегических знаковых объектов постиндустриального Екатеринбурга:

- 1 — гостиница «Nayat»
- 2 — деловой центр «Екатеринбург-сити»
- 3 — жилой район «Академический»
- 4 — третья ВПП аэропорта «Кольцово»
- 5 — Евро-Азиатский выставочный комплекс
- 6 — памятник «Граница Европы и Азии»
- 7 — Екатеринбургская кольцевая автомобильная дорога
- 8 — парк «Волшебная страна»
- 9 — Большой Евразийский университет
- 10 — линия скоростного трамвая
- 11 — Итальянский квартал
- 12 — храм «Большой Златоуст»

ция и восстановление 18 скверов, парков и бульваров, большая работа по озеленению, улучшению уличного освещения, подсветке многих зданий. Поистине, если бы не было ШОСа, то его надо было бы придумать!

3. Генплановая хирургия: БЕУ, «Уральский Париж», Маленькая Венеция и т.д.

Так уж подоспело, что почти одновременно и параллельно с «ШОС'овой терапией» происходит очередной, только третий за многовековую историю города, пересмотр его генплана, причём, как мы увидим, в самых фундаментальных его основах.

Проект нового Генерального плана разрабатывается на территории муниципального образования «Город Екатеринбург», в составе которого город Екатеринбург и 31 населенный пункт; рассматривается территория площадью 114 289 га (против 46 684 га самой городской черты). В новом Генеральном плане рассмотрены 2 этапа: первая очередь — 15 лет (2015 год), расчетный срок — 25 лет (2025 год с прогнозом развития до 2050 года). Расчетное население определено в количестве 1400 тысяч жителей на 2025 год; 1360 тысяч жителей на 2015 год. В ходе разработки проекта сформулированы следующие приоритеты градостроительного развития города: совершенствование градостроительной организации территории муниципального образования (МО) «Город Екатеринбург» и сопредельных городов первого пояса екатеринбургской агломерации; компактно-рассредоточенная, лучевая планировочная структура. Так называемые лучи будут направлены с юго-запада на северо-восток и с северо-запада на юго-восток. Таким образом, произойдет сохранение компактного плана с линейными размерами: север-юг — 32 км, запад-восток — 20 км. Наличие и развитие мощного лесопаркового пояса внутри города выгодно отличает Екатеринбург от других городов «миллионников», что содействует сокращению затрат на строительство инженерных коммуникаций, обеспечению зон рекреации и оздоровлению окружающей среды.

Новый генеральный план Екатеринбурга предусматривает увеличение объема жилого фонда с 25 млн.кв.м. до 42 млн.кв.м. Если перевести на понятный язык, то к 2025 году на одного жителя нашего города придется 28–30 кв.м. жилой площади (против 19,7 кв.м. на сегодняшний день). Дальнейшее жилищное строительство планируется вести по линии формирования 15 крупных планировочных районов с населением от 50 до 200 тысяч жителей. Развитие жилого района «Кольцово» планируется осуществлять как развитие элемента Международного аэропорта «Кольцово» и крупного транспортно-логистического центра. В связи с этим район должен застраиваться жилыми и общественными комплексами высокого архитектурно-художественного уровня, комфорта и благоустройства. Жилой район «Кольцово» вместе с поселками «Исток» и «Мостовка» образуют пла-

нировочный район «Кольцовский» — один из перспективных районов индивидуального малоэтажного строительства. После планируемого к 2025 году переноса станции Свердловск-Сортировочная на Южный железнодорожный обход, район «Сортировочный» и город получит новую рекреационную зону на берегу Верх-Исетского пруда. В Генеральном плане резервируются территории и для дальнейшего развития города после 2025 года. Между районами «Академический» и «Горнощитский» на юго-западе города возможно формирование перспективного района «Шиловский» с населением 50-100 тыс. жителей. Восточнее озера Шарташ резервируются территории под университетский комплекс «Вузовский» с жилыми территориями для преподавателей и студентов. Таким образом, четко определена стратегия застройки города не только до 2025 года, но и на более отдаленную перспективу.

Чтобы обеспечить комфортное проживание жителей как в центральных, так и в отделенных районах города, необходимо увеличивать и совершенствовать улично-дорожную сеть. Поэтому новым Генеральным планом предусматривается развитие улично-дорожной сети с 866 до 1625 км. Основные направления развития транспортной инфраструктуры предусматривают: сеть автомобильных дорог скоростного и регулируемого движения; сеть магистральных улиц общегородского значения с непрерывным и регулируемым движением; сеть магистральных улиц районного значения; сеть улиц и дорог местного значения. Также планируется создание сети «колец» в городе и вокруг него, а также новых улиц и транспортных развязок: вынос транзитного и грузового транспорта за пределы города, продолжение строительства Екатеринбургской кольцевой автомобильной дороги (ЕКАД); формирование срединного кольца для обеспечения пропуска грузопотоков в промрайоны минуя жилые территории по улицам: Токарей — Бебеля — Халтурина — Автомагистральная — Турбинная — Раевского — Новгородцева — Онуфриева — Дерябиной; формирование малого защитного кольца центра по улицам: Челюскинцев — Московская — Фурманова — Ткачей — Восточная с целью снижения нагрузки; увеличение протяженности линий трамвая с 81 до 116 км, троллейбуса с 83 до 172 км, автобуса со 191 до 300 км; развитие сети внеуличного транспорта: увеличение протяженности линий метрополитена с 7,5 до 22,0 км; появление нового для Екатеринбурга вида транспорта — городской электрички, маршруты которой будут проходить внутри города по существующим железнодорожным линиям.

Природные территории города — это вводно-зеленый диаметр реки Исеть с Верх-Исетским, Нижнеисетским, Городским и Парковым

прудами, это леса и 14 лесопарков. Парк «Волшебная страна» предлагается организовать в юго-западной части города в районе рек Шиловка и Каменка на продолжении улицы С. Дерябиной. Это будет загородный парк семейного отдыха с уральским колоритом, со сказочными мотивами, с традиционными зимними развлечениями — санки, ледовые городки, горки, коньки. Парк «Европа-Азия» намечается в зоне прохождения границы Европы и Азии в районе пересечения Московского ввода и речки Светлой. Возможно размещение музеев, развлекательных объектов, мест для массовых гуляний, концертов и т.д. Магистральный газопровод, проложенный в северной части, в целях безопасности предложен к выносу из города.

Положенный в основу Генплана, стратегический план развития Екатеринбурга, пожалуй, самый амбициозный из всех. В нем ставятся задачи достижения таких параметров развития, чтобы Екатеринбург мог быть включен в состав мировых городов к 2020 году, куда пока еще нельзя причислить ни один российский город. Исходя из названной принципиальной позиции, миссия Екатеринбурга в обозримой перспективе видится, как: трансформация города из исторически сложившегося индустриально-хозяйственно-научного центра в современный многофункциональный центр с элементами мирового города, ядром которого станет научно-производственно-финансово-информационный комплекс, способный интегрировать Екатеринбург в глобальную экономику, встроить в новейшие инновационные национальные и региональные процессы и создать комфортную среду для обитания его жителей.

В марте 2007 г. в Каннах прошла крупнейшая международная выставка в сфере недвижимости «MIPIM-2007». Столица Урала представила на выставке целый ряд проектов, среди которых проект делового квартала «Екатеринбург-Сити», делового центра «Стражи Урала», жилого микрорайона Академический, Международного выставочного центра, Большого Евразийского университета. Впервые для столь авторитетной аудитории был представлен стратегический проект «Граница частей света», предусматривающий строительство туристического комплекса на 17-м километре Московского тракта, где уже установлен уменьшенный знак-символ границы Европы и Азии. В состав комплекса войдет башня-символ границы частей света, а также другие объекты инфраструктуры для отдыха и развлечения жителей и гостей города.

Остановимся на краткой характеристике наиболее масштабных и «долгоиграющих» из продвигаемых ныне городскими и региональными властями проектов.

Проект Большого Евразийского университета (БЕУ)

27 декабря 2005 г. ректоры 13 вузов, представители Уральского отделения Российской академии наук, администрации Екатеринбурга и правительства Свердловской области подписали соглашение об учреждении нового университета. С этого момента можно начать отсчет истории нового российского мега-университета. По замыслу создателей, новый комплекс должен был объединить в себе весь научный, образовательный и производственный потенциал региона. Уже в то время было очевидно, что столица Урала с ее мощным машиностроительным комплексом имеет все шансы сыграть определяющую роль в глобальной промышленной специализации России. И поэтому создание здесь крупнейшего образовательного центра более чем оправдано. Полторы тысячи гектаров земли в районе озера Шарташ предназначено для возведения первых зданий университета, к 2015 году в столице Урала появится научно-образовательный центр, сравнимый по уровню со знаменитыми Йелем, Стэнфордом, Сорбонной и Кембриджем. Учебная зона вузов составит около 460 га, причем, как уже говорилось, каждому вузу предоставляется свое здание и своя территория. Первая очередь рассчитана на 100 тысяч, вторая может вместить до 250 тысяч студентов, включая иностранных. Предполагается, что 70% обучающихся будут иногородними и иностранными. Около 130 га отведено под жилые дома, что обеспечит жильем 25 % сотрудников БЕУ. Площадь технопарка составит 145 га. Продумывается и решение транспортных проблем. Так, в будущем к университетскому городку от Каменных палаток будет продлена линия метрополитена, которая сейчас находится в стадии проектирования.

Рисунок 3 объясняет, как идёт развитие северо-восточной, самой священной для горожан, зоны. Помимо очевидного формирования новых очагов науки, инноваций, престижного жилья и увеселений, неожиданно, практически в водоохраной полосе очень ранимого природного объекта, возникает новая промзона, куда переносятся металлургические цеха Уральского завода прецизионных сплавов, причём из города Ревды — давнего очага экологического бедствия на западных подступах к Екатеринбургу. К слову сказать, беспокойство горожан вызывают и «тихое уничтожение» старых домов — памятников культуры при создании нового делового центра города, и «резка» Юго-Западного лесопарка новыми магистралями, ведущими в городской «Академический» район.

«Академический город» на Широкой речке

Микрорайон «Академический» — крупнейший строительный проект России и Европе, находящийся в стадии реализации. К 2025 году на территории в 13000 Га планируется отстроить более 9 млн. кв. м. жилой и 4,2 млн. кв. м. социальной и коммерческой недвижимости. Кроме того, в новом городе расположатся крупнейший торгово-развлекательный центр площадью порядка 350 000 кв. м, большой бизнес-центр, конгресс-холл. Оценочная стоимость проекта комплексной застройки в Екатеринбурге составит 30 млрд. долларов. Практически новый город за юго-западной окраиной Екатеринбурга будет связан с центром тремя ветками со скоростными трамваями (20-25 минут в пути). Проектированием микрорайона занимается французское архитектурное бюро «Валод и Пистр» (Valode&Pistre architectes), известное екатеринбуржцам по проработке проекта застройки центральной части города — так называемого района «Екатеринбург-Сити». Французские архитекторы работают в тесном контакте с местными специалистами из муниципального учреждения «Мастерская генерального плана». Общая площадь будущего «спального» района составит 1,3 тысячи гектара. Он раскинется в экологически чистой зоне Екатеринбурга — на Юго-западе, в границах улиц Амундсена—Институтская—Барклай—Краснолесье и далее — в направлении реки Патрушиха и будущей юго-западной части большого объездного автомобильного кольца, сооружаемого вокруг уральской столицы. «Академический», как уверяют разработчики, будет разительно отличаться от советских городов — «особое внимание будет уделено экологии и транспортной инфраструктуре». «К 10 миллионам квадратов жилья мы планируем прибавить более 4 миллионов нежилых площадей, — заявил замдиректора по развитию «Ренова-Стройгруп» Е. Красиков. — Это огромные офисные и торгово-развлекательные центры, склады, конгресс-холл, консульства иностранных государств на Урале». Получится второй деловой центр Екатеринбурга. Предусмотрено, что около 225 000 человек переедут из Екатеринбурга и еще около 100 000 — из других регионов; в основном это будут обеспеченные семьи из добывающих городов Тюменской области и других регионов.

Другие «точки роста» и постиндустриальные оси

Самый, пожалуй, экзотический для уральского менталитета проект — создание на северном берегу культового для старожилов озера Шарташ т.н. «Итальянского квартала». Здесь на площади более 200 га, планируют построить гостиницу, торговый центр, где можно будет приобретать итальянские товары с гарантией «made in Italy», жилье,

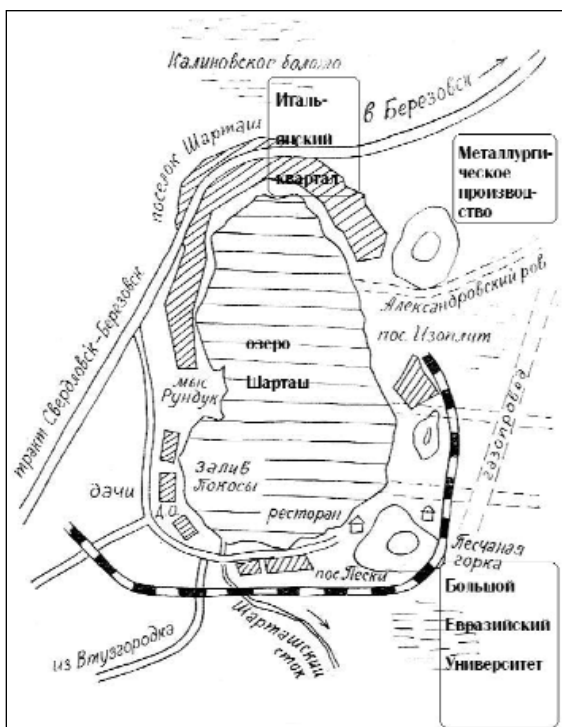

**Рис. 3. Противоречия постиндустриального
развития Екатеринбурга**

(на локальном примере культового озера Шарташ)

бизнес-центр, паркинг на 1 500 мест, итальянско-уральские предприятия, развлекательные и спортивные центры. В настоящее время специалисты осуществляют процесс проектирования «Итальянского квартала» с тем, чтобы в 2008 году выйти на строительную площадку. По задумке итальянского архитектора Э. Мораццо, жилые дома будут построены по принципу итальянского градостроения: «дом должен быть человеческого размера», то есть не более двух-трех этажей, человеку больше и не нужно. Исключением станут две высотные башни-близнецы, в которых расположатся офисы и Центр обучения предпринимательству и которые будут видны издалека и привлекут к себе внимание горожан. И важная деталь проекта, на ее воплощении итальянцы настаивают особо, — огромный парк с экзотическими для Урала растениями, которые будут защищены стеклянным куполом.

По-иному смотрится юго-восток города. Крупнейший в регионе Евроазиатский логистический центр станет центром притяжения для грузоперевозок российского и международного уровня. По Транссибу грузы проходят по оси Европа — Азия порядка 12 тысяч километров, находясь в пути 12–16 суток, тогда как протяженность морского пути через Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан с выходом к странам Юго-Восточной Азии составляет порядка 20–22 тысячи километров, или 30–35 суток. Екатеринбург же находится примерно на середине этого пути, поэтому его значение трудно переоценить. Специалисты Свердловской железной дороги отмечают, что по свердловскому участку Транссиба ежегодно перевозится до 80–85% грузов, следующих между Востоком и Западом. Ежегодно объем грузоперевозки возрастает на 5–10%. По данным пресс-службы Свердловской железной дороги, только в 2006 году предприятиями магистрали было погружено и отправлено в путь свыше 135 миллионов тонн грузов. Прирост к показателям 2005 года составил 5%, или почти 6,5 миллионов тонн. К этому стоит добавить, что станция Свердловск-сортировочный является крупнейшей грузовой станцией Евразийского материка. По данным зам. министра транспорта РФ А. Мишарина, в 2006 году в южнокорейском городе Пуссан было подписано соглашение о формировании Трансазиатских железных дорог. По документу, между Европой и Азией будет создан мощный сухопутный транспортный мост с организацией крупных перевалочных транспортно-логистических баз. В их число наряду с Москвой и Новосибирском вошел и Екатеринбург. Показательно, что участие в этом проекте приняли железные дороги 28 стран Азии, 5 стран Тихоокеанского региона и ОАО «Российские железные дороги». Поэтому вопрос о строительстве в уральской столице еще одного транспортно-логистического центра чрезвычайно актуален. По задумке организаторов, здесь будет выстроен мультимодульный центр общей площадью порядка 100 тысяч квадратных метров, ориентированный на хранение и обработку грузов, поступающих авиа-, железнодорожным и автотранспортом. Создание такого центра вблизи аэропорта «Кольцово» в немалой степени обусловлено стремительным развитием, которое демонстрируют воздушные ворота Екатеринбурга последние несколько лет. Согласно недавним заявлениям министра транспорта РФ Игоря Левитина, «Кольцово» включен в список 10 наиболее перспективных российских аэропортов, на базе которых государство будет выстраивать систему хабов — транспортно-логистических воздушных центров международного значения. Однако чтобы соответствовать заявленному уровню, аэропорту «Кольцово» уже в ближайшие годы предстоит решить ряд принципиальных вопросов, в частности, наладить регулярное авиасообщение со странами Юго-Восточной Азии:

Китаем, Кореей, Японией. Если всем этим грандиозным планам действительно суждено будет сбыться, то уже через 5 лет Екатеринбург может стать крупнейшим российским трансконтинентальным транспортно-логистическим центром — своеобразным сухим портом на стыке путей между Европой и Азией, Севером и Югом.

Переводя и суммируя названные амбициозные среднеуральские проекты в пространственный аспект, можно нарисовать следующую картину исторической специализации и преемственности осей развития этого во многих смыслах примечательного города (рис. 4):

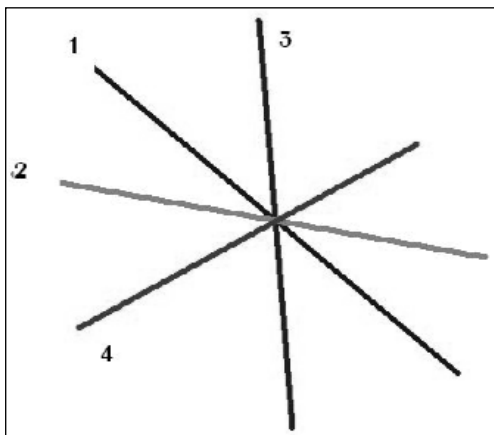

Рис. 4. Оси пространственного развития Екатеринбурга:

- 1 — Природно-историческая (р. Исеть), по 17 век
- 2 — Транспортная (Транс-сиб), 18-19 века
- 3 — Индустриальная (Урал-маш-Химмаш), 20 век
- 4 — Постиндустриальная (Широкая Речка — Шарташ), XXI век

Взвешивая реальные шансы Екатеринбурга стать в обозримой перспективе (скажем, к 2025 или даже 2050 г.) постиндустриальным городом, можно их оценить как нулевые. Уж больно крепки традиции и инерция, о чём говорилось подробно в начале статьи. Но придать «уральской столице» обновлённый макияж, подлатать дыры — это вполне реально. Тем более, что за дело взялись такие финансовые титаны РФ и Урала, как А. Козицын (УГМК-холдинг) и В. Вексельберг (Ренова-групп). Если нынешняя система «конкурентного партнёрства» между городскими и региональными властями не будет сломана, при совместном воздействии ШОС'овой терапии и генплановой хирургии — у жителей есть основания смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом.

Источники: Официальный сайт ШОС: <http://www.sectsko.org>
 Неофициальный сайт Екатеринбурга: <http://www.1723.ru>
 Екатеринбургский информационный портал: <http://www.eburg.com.ru>
 Официальный сайт администрации города: <http://www.ekburg.ru>
 Сайт журнала «Столица Урала»: <http://capital.ekburg.ru>

Комарова Т.М.

Дальневосточный регион России на пути к постиндустриальному обществу: демографический аспект

Постиндустриальная стадия экономики государства определяется прежде всего двумя важнейшими показателями: высокой долей в ВВП и в занятости населения сферы услуг. Помимо данных показателей, на наш взгляд, можно использовать некоторые демографические показатели: рождаемость и смертность. Для большинства экономически развитых стран характерна третья фаза демографического перехода: дальнейшее снижение и стабилизация смертности при относительно низком уровне рождаемости, т.е. слабо расширенное воспроизводство населения.

Некоторые страны, находящиеся на стадии постиндустриального развития (Германия, Франция и др.), вступили в четвертую фазу демографического перехода, когда показатели рождаемости и смертности выравниваются и начинает преобладать простое или даже суженое воспроизводство населения, ведущее к стабилизации или сокращению численности населения. Происходящий переход от индустриального общества к постиндустриальному не может не означать, что формируется новая фаза демографического перехода. Но это требует еще дополнительных теоретических исследований. [1]

Если мы рассмотрим экономические показатели России и Дальневосточного региона, то с точки зрения постиндустриальных характеристик в структуре ВВП и ВРП в 2004 году доля услуг составляла 49,0% и 52,5% соответственно. [4] При этом в данном секторе экономики для РФ весомую долю занимает торговля (почти 20%), тогда как в Дальневосточном регионе на торговлю и транспорт приходятся почти равные доли (11,9% и 11,1%). Кроме того, необходимо отметить, что в ВВП России доля услуг последние годы несколько снижается за счет роста промышленности, в то время как в дальневосточных показателях доля услуг медленно растет, и прежде всего ее транспортная составляющая. Это связано с увеличением роли региона как транзитного в АТР. Говоря о втором показателе — занятости населения, можно сказать следующее: занятость в сфере услуг растет, но особенно быстрыми темпами в торговле, это характерно как для России в целом, так и для Дальневосточного региона.

Если мы учтем выше изложенные показатели, то можно сказать, что Россия и Дальний Восток, в частности, медленно вступают в стадию постиндустриального развития. Но если рассмотреть демографические показатели, прежде всего показатели смертности населения, Россия и Дальневосточный регион еще достаточно далеки не только от уровня постиндустриальных государств мира, но и некоторых ключевых развивающихся стран.

По показателям рождаемости Россию и ДВР условно можно отнести к третьей фазе демографического перехода с суммарным коэффициентом рождаемости 1,32 и 1,45 соответственно, что в целом соответствует некоторым экономически развитым странам с коэффициентом 1,4 (Чехия, Италия и др.). Среди отдельных субъектов Дальнего Востока разница коэффициентов достаточно велика от 1,33 на территории Хабаровского и Приморского краев до 1,9 и 2,17 для территории Республики Саха и Чукотского автономного округа. [2; 4] Наиболее отчетливо заметен рост данного показателя начиная с 1999 года именно по национальным регионам. Это связано и с достаточно высокой динамикой их социально-экономического развития и отчасти с сохранением национальных традиций.

Но от всех экономически развитых стран Россия и Дальний Восток отличаются высокими показателями смертности населения. Нарастающая глубина кризиса смертности в России и на Дальнем Востоке прежде всего четко видна на фоне тенденций смертности в ЭРС, где продолжительность жизни на протяжении последнего десятилетия не только не сокращалась, а устойчиво увеличивалась. Если только за 1998–2003 г. средняя продолжительность жизни россиянина снизилась на 2 года, то дальневосточника на 2,77 года. Это характерно и для женского и мужского населения. [4]

В целом смертность населения в Дальневосточном регионе за 1995–2003 годы выросла в 1,18 раза, за 1990–2003 гг. рост составил 1,68 раза. Начиная с 1993 года уровень смертности на ДВ стремительно растет, что характеризует уровень социально-экономического развития территории и уровень здравоохранения. В связи с более молодой возрастной структурой населения, смертность на ДВ всегда была ниже среднероссийских показателей, что в целом характерно и на данный период времени. С 1990–2003 гг. на ДВ смертность увеличилась с 8,2 до 14,9 промилле, по РФ — с 11,2 до 16,4. Среди отдельных субъектов ДФО наибольшие показатели смертности населения отмечены в ЕАО (17,9) и Корякский АО (19,8). [4] Но темпы роста смертности на Дальнем Востоке (27,1%) намного превосходят среднероссийские (10,3%). Помимо суровых природно-климатических условий, большую роль в высоких показателях роста смертности играет

и низкий уровень жизни большинства населения Дальневосточного региона.

В целом структура смертности населения Дальневосточного региона соответствует общероссийской: высокая доля болезней системы кровообращения — более 50%, новообразований; несчастных случаев, убийств и самоубийств.

Катастрофическое состояние демографической ситуации проявляется и в сокращении трудоспособного населения за счет повышенных показателей смертности. Только за 2002-2004 гг. смертность населения в трудоспособном возрасте возросла на 9%. Обращает на себя внимание тот факт, что в когорте 40-44 года смертность мужчин за последние 10 лет выросла в 1,3 раза, в то время как у женщин она стабильна и даже несколько снизилась. Среди социально-обусловленных факторов увеличения смертности населения ведущее место занимает распространение нездорового образа жизни и, прежде всего, алкоголизма среди мужского населения трудоспособного возраста. В структуре смертности по психическим расстройствам в последние годы на алкоголизм приходится практически 100% (психозы и отравления). В 1995 году эта доля была значительно ниже и составляла всего 19,7%. Александр Немцов выделяет несколько групп регионов России по смертности от алкогольной зависимости. [3] Несмотря на более молодую структуру населения в данных показателях лидируют Дальневосточный и Сибирский федеральные округа, что соответствует и более высокому уровню реального потребления алкоголя. Если с уровня округов перейти на уровень отдельных регионов, то в ранжировании по алкогольной смертности, а значит тяжести алкогольных проблем в рейтинге среди российских регионов более половины приходится на дальневосточные: Чукотский АО (1), Магаданская область (3), Республика Саха (5), Камчатская область (6), Хабаровский край (9), Сахалинская область (10). [3] Таким образом, можно говорить, что одним из районов с самыми тяжелыми последствиями алкоголизма являются субъекты ДФО.

Высокие показатели смертности являются отражением неблагоприятных тенденций в профилактике заболеваемости, развитии здравоохранения. Поэтому в дальнейшем динамика показателей уровня смертности будет определяться динамикой уровня жизни населения и развитием системы медицинских услуг, ее доступности населению. Несмотря на то, что обеспеченность врачами на душу населения в Дальневосточном регионе одна из самых высоких в России, число больничных коек по сравнению с 1990 г. сократилось на 29,8%, в то время как среднероссийский показатель снизился на 21,6%. [4]

Одной из причин низкой продолжительности жизни, высокого уровня заболеваемости и смертности является нарушение структуры питания. Значительно ниже физиологических норм потребление следующих основных продуктов: мяса, молока, яиц, рыбы. Если в 1990 году потребление, например, мяса в России и в отдельных ее регионах в целом соответствовало физиологической норме, то в последующие годы оно значительно сократилось и составляет 50-60% от необходимого потребления. В тоже время можно отметить в большинстве регионов Дальнего Востока рост потребления хлеба, картофеля (например, в ЕАО в 1,7 раза), овощей. [4] Таким образом, население недополучает необходимые организму белки животного происхождения, что естественно не может не сказаться на младенческой и детской заболеваемости и смертности, осложнении течения некоторых заболеваний у взрослого населения.

Устойчивое демографическое развитие региона, прежде всего, возможно только за счет снижения уровня смертности населения. Пока в последние годы отмечается рост данного показателя и добиться его снижения можно только увеличив уровень жизни местного населения, который значительно отстает от показателей центральной России. Обеспечение элементарных потребностей населения с учетом климатических особенностей территории, полноценное питание и своевременная качественная медицинская помощь в значительной степени сыграют положительную роль в сокращении смертности населения и снижении миграции населения Дальневосточного региона. Только при таких условиях в перспективе можно будет говорить о переходе региона к стадии постиндустриального развития.

Литература

1. Вишневский А. Особенности российской рождаемости. //Население и общество. — 2006, №100 //www.demoscope.ru
2. Мотрич Е.Л. Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Дальнего Востока России //Автореферат докторской диссертации. — Хабаровск, 2006. 44 с.
3. Немцов А. Алкогольная смертность в регионах России //Население и общество. — 2003, №78. //www.demoscope.ru
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004; Стат.сб./Росстат. — М., 2004. — 966 с.

Есикова Т.Н.

Регионы БАМа как часть северного широтного пояса экономического развития России¹

Байкало-Амурская магистраль — восточный и самый ответственный участок перспективной сквозной Северо-Российской широтной железнодорожной магистрали, необходимой для надежного снабжения российской промышленности сырьем, и что немаловажно, для сохранения целостности страны в условиях все усиливающихся международных притязаний. Изменение пространственного размещения производительных сил в России в XXI веке будет происходить, главным образом, за счет расширения экономической активности в северных районах Сибири и Дальнего Востока².

Одним из главных условий обеспечения территориальной целостности России, по мнению экспертов, является наличие четырех широтных транспортных магистралей:

- Транссибирская железнодорожная магистраль,
- Северо-Российская железнодорожная магистраль (БАМ — Северо-Сибирская магистраль с выходом через Северный Урал на дороги Северо-запада страны),
- Полярная железнодорожная магистраль, более северная дорога, проходящая по широте Якутска,
- Арктическая железнодорожная магистраль, прикрывающая побережье Северного Ледовитого океана.

Одновременно со строительством магистралей предполагается систематическое, поощряемое государством заселение Сибири и Дальнего Востока. Особо широкое переселение началось со строительством Транссибирской магистрали, о которой велись многолетние споры. Выбор ее трассы был сделан специально таким образом, чтобы способствовать развитию в придорожной полосе хозяйствен-

¹ Работа выполнялась в рамках гранта РГНФ №05-02-02221а.

² Есикова Т.Н., Ионова В.Д. Пространственные аспекты формирования опорной транспортной сети Азиатской части России в первой четверти XXI века (на примере регионов Дальнего Востока) \ \ Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? М., ИГ РАН, МАРС. 2006.

ной деятельности, а не по горам, как предлагала Военная правительственная комиссия. В 1910 г. князь А.Г. Щербатов утверждал, что «Густое население восточных окраин Империи закрепит их за Россией более чем трехсотысячная армия и дорогостоящие крепости». В этом убеждении были едины и С.О. Витте, и П.А. Столыпин, и многие другие государственные и общественные деятели, ученые, хозяйственники страны. Итоги Русско-Японской войны со всей очевидностью показали необходимость строительства второй рокадной железной дороги на востоке страны, дублирующей Транссиб.

Переход от обсуждений и споров к строительству необходимой для страны Байкало-Амурской магистрали произошел только после серьезные военно-политические осложнения с Китаем. Дорога была построена ударными темпами, как того требовала обстановка и упущенное время. История строительства БАМ довольно сложная, что в значительной степени предопределяется тем, что трасса проходит в суровых природно-климатических условиях, через районы вечной мерзлоты (глубина которой от 1–3 метров до сотен метров), высокой сейсмичности (до 9 баллов), пересекает 11 полноводных рек, 7 горных хребтов.

По оценке некоторых экспертов строительство БАМа можно рассматривать **как первый в истории сибирского Севера правильный подход к освоению**: в районе с богатейшими запасами природных ресурсов вначале был создан опорный элемент общерегиональной инфраструктуры — Байкало-Амурская железнодорожная магистраль. Сделано это было задолго до освоения территории и за счет средств государственного бюджета, как и принято в цивилизованных странах. Магистраль из условий комплексного развития должна была превратиться в мощный фактор развития, который в науке считается ключевым.

Изначально Северо-Российская магистраль, в первую очередь ее восточный участок — нынешняя БАМ — предназначалась для освоения сырьевых запасов срединной территории Сибири и Дальнего Востока и расселения второго пояса граждан России.

1. БАМ — элемент Северо-Российской широтной магистрали

Северо-Российская широтная магистраль должна стать достойным проектом для приоритетного, первоочередного финансирования из крупных транспортных проектов первой половины XXI в. Эта магистраль должна приобрести такое же место, которое на рубеже XIX — XX вв. заняла Транссиб. При условии ее своевременного строительства, она станет естественным катализатором формирования нового **Северного широтного пояса экономического развития страны**

(рис.1), без которого России вряд ли сумеет органично интегрироваться в мирохозяйственную систему и занять в ней достойное место.

Северо-Российская магистраль имеет исключительное значение не только для усиления экономического потенциала страны, обеспечения устойчивых и высоких темпов роста, но и для повышения хозяйственной связности страны, укрепления единства экономического пространства России. БАМ является важнейшим из трех основных звеньев Северо-Российской магистрали, но не единственным. В настоящее время, формирование полноценного сквозного Северного широтного экономического пояса сдерживается как раз железнодорожным разрывом между Усть-Илимском и Нижневартовском. Ликвидировать этот разрыв, как раз и предназначено Северо-Сибирской железнодорожной магистрали, проходящий по линии Усть-Илимск — Богучаны — Лесосибирск — Белый Яр — Нижневартовск.

Стратегическое значение нового промышленного пояса в том, что он позволит рассредоточить промышленный потенциал и население страны на случай непредвиденных обстоятельств. Поскольку в полосе Севсиб — БАМ сформируется второй эшелон мирного пояса безопасности России, дублирующий Южный экономический пояс. Кроме того, Северо-Сибирская магистраль явится опорой для дальнейшего транспортного освоения более северных территорий как европейской, так и азиатской частей России. Формирование нового промышленного пояса позволит значительно нарастить промышленный потенциал страны, без чего России не удастся вернуться в группу трех мировых лидеров. Последнее будет грозить еще большим давлением на Россию со стороны мировых оппонентов.

Решение этих задач в первой четверти XXI века требуют уже обострившиеся вызовы глобализации и устремления ряда стран по освоению сырьевого пространства России. О тихом массовом проникновении китайских граждан на юго-восточные территории России говорится много³. Но это не все опасные направления: зарубежными экспертами и их российскими коллегами прорабатываются различные варианты транспортного «входа» в сырьевые районы нашей страны. Такие проекты активно разрабатываются как в восточными, так и западными «соседями» России.

Решая вопросы транспортного обустройства России, необходимо в первую очередь учитывать государственные (стратегические,

³ «Желтые» в Сибири: неизбежность или необходимость \ Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России \ Под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

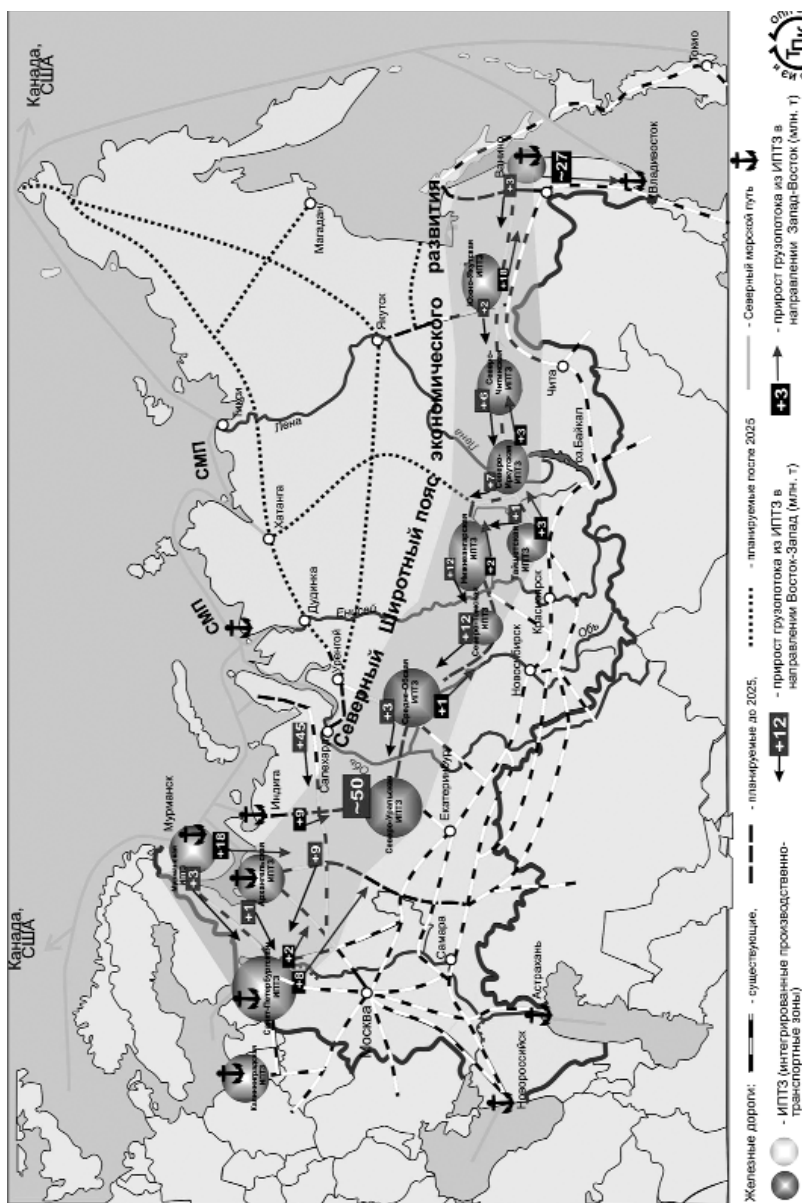

Рис. 1. Формирование северного широтного пояса экономического развития в связи с созданием Северо-Российского Евразийского широтного коридора

фундаментальные) интересы, субъектов РФ и их населения, приоритеты российских (национальных и транснационального уровня) компаний. Проект Севсиба именно таким и является, он ориентирован на обеспечение выхода российских компаний к новым ресурсным регионам и повышение их конкурентоспособности на мировом рынке, на создание более совершенной опорной транспортной сети в азиатской части страны, отвечающей требованиям XXI в. Поэтому этот проект и не представляет для зарубежных соседей экономического интереса.

Проекты, которые активно лоббируются компаниями и правительствами «соседних» государств, как правило, обеспечивают локальные транспортные «входы» в российские ресурсные регионы. Так, на северо-западе финны и европейское сообщество с помощью международных организаций, типа ТАСИСа, разрабатывают проекты выхода на месторождения Республик Карелии и Коми, Архангельской области. Предлагаются новые транспортные коридоры для вывоза сырья на Финляндию для развития там дальнейшей его переработки, а также для реэкспорта в страны Европы и мира. Одним из таких проектов является: формирование железнодорожного коридора Оулу — Карелия — Архангельск — Коми. Детальной зарубежной проработке подвергаются все сферы функционирования этих регионов России вплоть до военной промышленности. Для экспорта российского готовятся не только предприятия Финляндии. Готовится серия финских морских портов в Ботническом заливе Балтики, модернизируются перестановочные поля на границе Финляндия — Швеция (Финляндия имеет российскую ширину колеи, Швеция — европейскую).

На востоке, активизируются сторонники строительства Трансконтинентальной магистрали (ТКМ): от Якутска на Аляску с тоннелем под Беринговым проливом. В основе этого проекта лежит разработанный Международной академией национальной безопасности инвестиционный проект «Развитие транспортной и сопутствующей инфраструктуры России как интегрированной составляющей мировой транспортной системы» (проект «Связка») от 1999 года⁴. По мнению авторов, российская инфраструктура «не образует никакой осмысленной системы» и потому должна быть доработана.

Предлагаемый авторами проект строительства дороги с переходом через Беренгов пролив (**Трансконтинентальной железной дороги (ТМК) от Якутска на Аляску с тоннелем под Беринговым**

⁴ «Благотворительным» проектом Международной академии предусматривается проведение 16 подпроектов.

проливом) может только переключить внимание и финансовые ресурсы от первоочередных мероприятий по завершению транспортной магистрали, составной частью которой является БАМ.

Инициативы по строительству дороги на Аляску взамен транспортного освоения Дальнего Востока уже выдвигались американцами и их сторонниками в России в начале прошлого века. Тогдашнее правительство России эту инициативу не поддержало. Более того, под государственным запретом оказалось упоминание о Северном морском пути. Правительство опасалось повторения аляскинского прецедента, когда Аляска была продана не из финансовых соображений (об этом говорит и ничтожная цена продажи), а исключительно невозможностью ее защитить в отсутствии транспортных подходов к ней. Такие проекты, которые активно лоббируются компаниями и правительствами «соседних» государств, как правило, обеспечивают локальные транспортные «входы» в ресурсные регионы. продолжают выдвигаться и сейчас.

Первое, решая вопросы транспортного обустройства России, необходимо в первую очередь учитывать государственные (стратегические, фундаментальные) интересы, субъектов РФ и их населения, приоритеты российских (национальных и транснационального уровня) компаний.

Оценка подпроектов показывает, что реально инициаторами проекта «Связка» обсуждается подключение к новой транспортной магистрали не всего Транссиба, даже не всего БАМа, а лишь участка магистрали восточнее Иркутска⁵. На этом восточном участке существуют лишь единичные крупные города с большими расстояниями между ними, не имеющий должной промышленной подпитки огромной территории и не заселенной в степени, достаточной для сохранения территориальной целостности.

Сторонники Аляскинского перехода убеждают, что резкое снижение времени прохождения грузов между США и Китаем (на 15 дней) позволит привлечь на маршрут значительный, до 100 млн. т, объем китайско-американского транзитного груза. Этот транзит и спасет экономику России, позволит заселить и восток страны. Они правы — восток России будет заселен, но только не русскими. «Этот край только по названию останется русским» — прозорливые слова П.А. Столыпина.

⁵ Западнее Иркутска, после Тайшета, трасса имеет несколько транспортных ходов и освоена комплексно с большим количеством культурно-промышленных центров, мощных промышленных комплексов, других объектов хозяйственной деятельности, с плотным расселением граждан вдоль всей прилегающей полосы.

США, Китай обязательно повезут товары по этой магистрали. Если проанализировать структуру грузов, которые авторы прогнозируют по этой дороге, то это нефть, лес из России в США и Китай, а продукты глубокой переработки в обратном направлении. Это способствует только сохранению сырьевой специализации России и усилению присутствия США и Китая в дальневосточных регионах страны. Снижение транспортной составляющей вряд ли произойдет по вполне очевидным причинам.

Перевозка грузов водным путем на порядок дешевле, чем по железной дороге. Кроме того, одно судно, берущее на борт 12–15 тыс. контейнеров заменяет железнодорожный состав длиной от Джалинды до Алдана.

Нужен ли России такой забор из чужих контейнеров, который кроме того явится помехой для более важных для страны внутренних и внешнеэкономических перевозок. Для чего же тогда нужна Трансконтинентальная магистраль?

Авторы проекта также не принимают во внимание выход на океанские трассы новых высокоскоростных судов (например, тримаранов), резко сокращающих разницу в линейной скорости с сухопутными видами транспорта. Учитывая способность новых судов (тримаранов) вести погрузку-выгрузку методом шлюзования (при этом сокращается время на эти операции на порядок), преимуществ в сухопутном перемещении грузов по предлагаемому сухопутному маршруту становится все меньше. Учитывая, к тому же, что из Китая на США пойдут грузы исключительно контейнеризованные, то не нужна и сама магистраль с такой пропускной способностью для китайско-американского транзита.

Второе, что случится, если такой проект будет реализован. Транснациональные компании действительно получают при первоочередном строительстве данной «Связки» «независимого» входа в ресурсные районы Азиатской части России. Китайско-американский «транспортный и человеческий серп» отсечет Дальний Восток от России. Япония с готовностью присоединится к разделу дальневосточного пирога, быстро проложив сухопутные переходы с Хоккайдо на Сахалин и с него на материк. После этого произойдет естественное сжатие единого экономического пространства России (к которому еще недавно призывали некоторые эксперты, указывая на высокий уровень затрат в Азиатской части России), и, наконец, можно будет воочию убедиться в эффективность производства Европейская часть России, Урала, лишенных доступа к ресурсам Дальнего Востока, Сибири и вынужденных приобретать их на мировых рынках.

Третье, при установлении транспортной связи между Россией и Аляской наиболее опасным является несоблюдение стратегической этапности. Внешнеэкономические связи и их расширение — абсолютно необходимые шаги в условиях международной экономической интеграции, обмена товаров, технологий. Однако этапность формирования тех или иных транспортных коридоров должна отвечать условиям как выгоды страны, так и в первую очередь ее безопасности.

Известно, что внутренняя связность территории должна быть намного выше, нежели транспортные связи с соседними государствами. Это влияет на выбор приоритетных направлений развития транспортной сети любой страны: «переходы» в другие государства должны осуществляться лишь после развития внутренних подъездных путей, после развития подходов к участку границы, где запланирован будущий пограничный переход. Эти требования должны касаться всех переходов как сухопутных, так и тоннелей, мостов. При первоочередном строительстве перехода на Аляску, в ущерб развитию внутренних магистралей (Северо-Российской и др.) этот принцип явно нарушается.

Нацеленность на ускоренное строительство перехода на Аляску показывает серьезность намерений опередить русских, русский капитал в освоении наших собственных северо-восточных территорий. Это созвучно с высказываниями государственных деятелей США Вудро Вильсона и Мадлен Олбрайт и др., которые сожалели о том, что России достался «главный приз истории человечества — Сибирь» и, следовательно, этим призом нужно поделиться с другими. То, что в предлагаемом проекте планируется развертывание работ «в соответствии с требованиями ОБСЕ и других международных гуманитарных организаций», а финансирование проводить за счет «кредита зарубежных финансовых институтов» еще раз подтверждает то, что предлагаемый проект вносится не в интересах Российской Федерации, более того он представляет угрозу национальной безопасности.

Следует отметить, что **зарубежные оппоненты всегда смотрели и смотрят сейчас на Сибирь и Дальний Восток, развитие транспортных магистралей в пределах этих регионов** — «потребительски»: одним нужно российское сырье, другим жизненное пространство. И это объяснимо.

Сибирь и Дальний Восток составляют 66,2% территории России. Причем вдоль всей страны проходит полоса плодородия, содержащая 44% мировых черноземов.

Если разведанные ресурсы России оцениваются в 28 трлн. долл. (для сравнения Китай — 8 трлн. долл., США — 4 трлн.

долл., Европа — 1,2 трлн. долл.), то 85% из них находится в Сибири и на Дальнем Востоке.

Причем геологически картировано лишь 20% территории России, 55% требуют доизучения, а 25% полностью не изучено. И, конечно, наиболее неизученные территории приходятся на Восток и Север страны.

Именно здесь находятся 70–90% минеральных и биологических ресурсов экономического потенциала России.

Исключительная роль сырьевых запасов Сибири высоко оценивалась отечественными учеными и государственными деятелями. К ним не были безразличны и зарубежные политики. Так, например, 28 президент США Вудро Вильсон сожалел, что России достался «главный приз в истории человечества — Сибирь». Тем самым признается, что регионы Азиатской России составляют фундамент сегодняшней и будущей России, ее политического веса на международной арене.

С учетом этих моментов представляется наиболее приоритетным строительство Севсиба, которое может быть осуществлено в сжатые сроки и вестись из пяти исходных точек в восьми встречных направлениях.

В «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года», разработанной Минтрансом России с участием Совета Безопасности, Минобороны, другими министерствами и ведомствами, двумя главными инфраструктурными проектами определены:

- строительство Северо-Сибирской железнодорожной магистрали;
- строительство железной дороги на Камчатку для обеспечения всепогодного доступа к этому удаленному региону: мировой (в том числе российский) неоднократно показывал, что любая транспортная оторванность театра военных действий от питающих силами и средствами центров оборачивается неминуемым поражением и потерей территорий.

Вместе с тем, строительство Севсиба, как недостающего звена Северо-Российской магистрали, без развития промышленности в полосе БАМа, Севсиба, на трассе Северо-Запада может превратить столь необходимую России сквозную магистраль в дорогу вывоза сырья и в транзитный коридор, связывающий Китай, Корею и Японию с Европой или через Скандинавию далее на восточное побережье США. Такое развитие событий губительно и не может быть допущено. Поэтому со всех точек зрения для обеспечения всех направлений национальной безопасности должен быть сформирован Северный транспортно-промышленный пояс. Создание данного экономического пояса должно начаться уже сейчас с БАМа и тех сформировавшихся или

формирующихся точек роста (промышленных узлов, центров), через которые пройдет будущая Северо-Сибирская магистраль. И на эту сверхзадачу необходимо направить усилия всех ветвей и уровней власти, ученых и практиков, хозяйствующие и финансовые структуры. Для этого имеются все необходимые предпосылки.

2. Формирование ИПТЗ как основа интенсивного хозяйственного освоения азиатской части России (на примере регионов БАМа)

Северный широтный пояс экономического развития можно рассматривать как один из проектов, ориентированных на совершенствование управления пространственным развитием России — одной из крупнейших евразийских стран. Реализация этого транспортного проекта (а с позиций интересов страны он является мегапроектом) позволит начать преобразование пространственной структуры не хаотично, а последовательно и планомерно, не «упираясь» в межрегиональные экономические барьеры, порождаемые внутренними административными границами, и в то же время обеспечивая компромисс интересов сопредельных субъектов РФ.

Ситуацию, складывающуюся в начале XXI века, можно использовать для инициирования экономической активности в потенциальных точках роста на рассматриваемой территории. В настоящее время в значительной степени обостряется проблема ресурсного обеспечения перерабатывающих отраслей промышленно развитых и активно развивающихся стран. Ресурсная проблема становится доминирующим фактором при формировании внешней и внутренней политики. В первую очередь это относится к странам со «скудными», ограниченными природными ресурсами. Сырьевая притягательность азиатской части России, конкурентоспособность ее минерально-сырьевой базы всё более возрастает. По экспертным оценкам только в районе БАМа потенциал недр оценивается в 0,5 трлн. долл. Район БАМ богат не просто минерально-сырьевыми ресурсами, а ресурсами, без использования которых сложно развивать высокотехнологичные производства. Значение «традиционных» для сибирских и дальневосточных регионов ресурсов (лес, золото, серебро, уран и др.) очевидно и хорошо известно. Однако, в регионе БАМа имеется довольно широкий спектр ресурсов, которые могут представлять интерес как для российских, так и зарубежных компаний уже в ближайшую перспективу.

Представляется, что для повышения эффективности реализации такого подхода при освоении ресурсов следует идти не через создание отдельных узко специализированных очагов развития (т.е. от-

дельных узкоотраслевых промышленных узлов), а формируя в зоне тяготения к магистрали **интегрированные производственно-транспортные зоны (ИПТЗ)**.

В пределах БАМа, как части Северо-Российской магистрали, в период до 2025–2030 гг. можно ожидать оформления следующих интегрированных производственно-транспортных зон (табл. 1).

Таблица 1

**Пространственная структура ИПТЗ зоны БАМ в пределах
Северного широтного пояса экономического развития**
(с учетом территориальной структуры грузообразования)

ИПТЗ	Грузообразующие ареалы (существующие и потенциальные)	Основные транспорт- ные узлы (существующие и потенциальные)
Северо-Иркутская	Братский Усть-Илимский Железногорский	Братск Усть-Илимск Усть-Кут
Северо-Читинская	Удоканский Чинейский	Новая Чара
Южно-Якутская	Нерюнгринский Эльгинский	Беркакит Тында
Ванино-Совгаванская		Порт Ванино Порт Советская Гавань

Формирование Северного широтного пояса экономического развития будет способствовать решению острейшей на сегодняшний день проблемы — «опустынивания» северных и восточных территорий России, в том числе в зоне БАМ. Функционирование этой магистрали в полном виде является одним из условий для комплексного вовлечения в хозяйственный оборот ресурсного потенциала этих удаленных регионов Ближнего Севера России, а не «разовых изъятий» ресурсов для вывоза (в том числе и для экспорта). В этом случае, как показывают результаты экономико-математических расчетов можно ожидать значительного прироста грузопотоков по магистрали и численности населения в регионах, тяготеющих к этой магистрали. Причем, таких последствий сложно ожидать при строительстве обсуждаемых альтернативных (к Северо-Российской магистрали) магистралей: Трансконтинентальной (ТКМ), Полярной⁶, международной транс-

⁶ В настоящее время этот проект обсуждается как Трансевроазиатская высокоширотная магистраль (Севсухпуть — Северный сухопутный путь).

континентальной магистрали — шестидесятая параллель (Золотой пояс) и др.

Интегрированные производственно-транспортные зоны Северного широтного пояса, как второго широтного пояса экономического развития России, различаются разной степенью подготовленности (вход в некоторые регионы был начат еще в конце XX века), местом и ролью в решении национальных стратегических задач. Остановимся очень коротко на каждой из них.

Северо-Иркутская ИПТЗ. Единственная сформировавшаяся промышленная зона рассматриваемого региона. В ее пределах задействованы производственные возможности одного из наиболее развитых в промышленном отношении районов Иркутской области. Здесь производится около 30% промышленной продукции Иркутской области (энергетика, цветная металлургия, лесопромышленный комплекс). В перспективе — углубление металлургического и лесоперерабатывающего процесса с целью выпуска высококачественной конечной продукции. Основные предприятия принадлежат крупнейшим российским компаниям — РУСАЛ (Братский алюминиевый завод) и Илим Палп Интерпрайз (Братский и Усть-Илимский ЛПК). В перспективе — переход к разработке новых железорудных месторождений (соседних с Коршуновским) и поставка концентратов на Урал (около 4–5 млн. т).

Северо-Читинская ИПТЗ. Перспективная крупнейшая промышленная зона с горнодобывающими отраслями черных и цветных металлов. Здесь сосредоточены крупные изученные и утвержденные запасы нефти, полиметаллов, урана. В среднесрочной перспективе предполагается разработка Талаканского месторождения нефти и возможное строительство нефтеперерабатывающего завода в Ленске для снабжения нефтепродуктами близлежащих территорий. Основное богатство — близлежащие месторождения Удоканское медных руд (60 км от ст. Чара) и Чинейское титаномагнетитовых ванадий-содержащих руд (15 км южнее Удоканского).

Запасы медных руд Удоканского месторождения — 58% потенциальных резервов медных руд в России. Содержание меди в руде, которую можно добывать открытым способом, составляет 2,5%. По запасам медных руд это месторождение занимает третье место в мире. Уникальность месторождения в том, что там обнаружены запасы золота, серебра, платины, титана, ниобия, стронция, никеля, железа и даже коксующегося угля (Апсатское месторождение). Наличие такого источника сырья для России чрезвычайно важно, поскольку в ближайшие 10–15 лет будут выработаны запасы медно-порфирового ме-

сторождения Эрденет в Монголии, значительная часть продукции которого поставляется в Россию. Зарубежные компании оценили значение мощного меднорудного Удоканского месторождения. В 1993 г. право на его отработку получило российско-американское СП «Удоканская горная компания». Однако ТЭО строительства ГОКа появилось только в 1996 г., разработка не велась, а впоследствии выяснилось, что указанная фирма представляет на международном медном рынке интересы американских и чилийских медных компаний и освоение Удоканского месторождения намеренно затягивалось ради удержания высокой мировой цены на медь. В настоящее время права на геологоразведочные работы на месторождении получило ЗАО «Забайкальская горная компания» (акционеры: Министерство путей сообщения (51,5%), «Уральская горно-металлургическая компания» (14,3%), правительство Москвы (17,1%) и администрация Читинской области (17,1%). В конце 2005 г. принята в эксплуатацию Удоканская опытно-промышленная установка, уникальная, не имеющая аналогов в РФ. Это современная техническая и технологическая база для отработки в опытно-промышленных масштабах практически любых новых технологий, оценки инновационных проектов переработки широкого спектра природного и техногенного минерального сырья с получением товарных продуктов. Создание установки — первый шаг на пути к освоению богатств крупнейшего медного месторождения в России. Инвестор — правительство Москвы, заказчик работ — Московский государственный институт стали и сплавов, представителем которого в регионе является ЗАО «Удоканская медь». Генеральный подрядчик — закрытое акционерное общество «Новые технологии искусственных сооружений», одна из самых крупных строительных организация Читинской области.

Чинейское месторождение титаномагнетитовых ванадийсодержащих руд — одно из крупнейших в мире по прогнозным запасам железной руды и ванадия. Месторождение связано с трассой БАМ железнодорожной веткой. Правами на разработку месторождения владеет созданное в 1998 году ОАО «Забайкалстальинвест» (81,59% его акций принадлежит дочерней компании ООО «Базовый элемент» ЗАО «Союзметаллресурс»). Для начала работ на Чинейском месторождении необходимо достроить только 20 км железнодорожной ветки Чара — Чина. Чинейский концентрат с ГОКа может направляться на металлургические заводы Новокузнецка. Проектная мощность перспективного ГОКа может составить до 3,2 млн т железорудного и 600 тыс. т титанового концентрата, при создании металлургического передела — 23,7 тыс. т меди, 400 кг золота и 6,5 т серебра. По мнению экспертов (с учетом прогнозов развития субъектов Федерации) представля-

ется целесообразным строительство в Читинской области литейного завода по выпуску крайне необходимых для предприятий Востока и Севера России металлоизделий из ванадийсодержащего чугуна и стального литья.

Южно-Якутская ИПТЗ⁷. В ближайшей перспективе (2010 г.) не предполагается коренных изменений в производственной структуре территории. Инвестиционными проектами Республики предусматривается только расширение топливно-энергетического комплекса за счет ввода новых угольных разрезов на месторождениях компании «Якутуголь». Однако, затем намечается постепенное замещение вырабатываемого месторождения нерюнгринского коксующего угля путем строительства Эльгинского разреза с общей добычей до 30 млн т угля и одной или двух обогатительных фабрик. Предполагаемое распределение его: на Урал (до 2 млн. т) и на экспорт (до 15 млн. т) в восточные порты (в частности Ванино). В далекой перспективе возможны значительные грузопотоки железных руд или их концентратов (освоение достаточных по запасам и качеству месторождений).

В более отдаленной перспективе (2020–2030 гг.) в формирующейся Южно-Якутской ИПТЗ можно прогнозировать полномасштабное развитие черной металлургии, включающее освоение месторождений железной руды, расширение добычи коксующегося и энергетического угля, строительство металлургического комбината на местном сырье и создание новых энергетических мощностей на базе гидроресурсов рек. Развитие черной металлургии: на базе освоения месторождений Таежного железорудного, Эльгинского угольного и вспомогательного сырья. Предварительные расчеты и обоснования разных лет показывали, что указанные месторождения могут стать сырьевой базой крупного металлургического комбината полного цикла. Безусловно необходима корректировка предложений с учетом изменившейся экономической и геополитической ситуации, определение очередности и сроков освоения месторождений, выбор места размещения всех объектов металлургического комплекса. Помимо этого рассматривается возможность в перспективе на базе Десовского, Таежного месторождений железной руды в Якутии и Гаринско-

⁷ Подробно перспективы формирования производственной и пространственной структуры Республики Саха (Якутия) в связи со строительством новых железнодорожных магистралей освещены в статье: Есикова Т.Н., Ионова В.Д. Пространственные аспекты формирования опорной транспортной сети Азиатской части России в первой четверти XXI века (на примере регионов Дальнего Востока) \ \ Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? М., ИГ РАН, МАРС. 2006.

го (Амурская область) сооружение металлургического комбината в Амурской области с использованием местного коксующегося угля.

Совместно с РАО ЕЭС разрабатывается технико-экономическое обоснование Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса. В регионе есть все условия для сооружения гидроэлектростанций (горные реки, каньоны). Предлагается строительство каскада ГЭС на двух притоках реки Алдан — Учур и Тимптон (по разной информации от 4 до 9 станций). Предполагаемая мощность до 5000 МВт, выработка электроэнергии — более 23 млрд квтчас. Ориентировочные инвестиции — около 8 млрд. долл., срок строительства 10-15 лет. В 2006 году ОАО «ГидроОГК» начало проектно-изыскательские работы на предполагаемых площадках строительства, одновременно определяется формирование спроса на электроэнергию гидроэлектростанций, выявляется очередность создания электроэнергетических объектов, разрабатывается финансовая схема, предусматривающая привлечение инвестиций за счет кредитных средств или, возможно, софинансирования со стороны федерального правительства. Однако, следует отметить сложную транспортную доступность створов рассматриваемых ГЭС, особенно это касается основной ГЭС — Средне-Учурской. Развитие цветной металлургии ожидается не только по пути прироста добычи золота, но и через привлечение на переработку минерально-сырьевых ресурсов других регионов Якутии с использованием избыточной электроэнергии. Например, на базе освоения месторождений свинцово-цинковых и других руд возможно создание металлургического передела.

Ванино-Совгаванская ИПТЗ. Основное преимущество этого транспортного узла перед другими российскими портами Дальнего Востока — прямой выход на две независимые железнодорожные магистрали — Транссибирскую и Байкало-Амурскую. Транспортировка грузов по БАМу позволяет сократить маршрут «Восток — Запад» на 650 км, что дает экономию времени и транспортных расходов. Ведущей номенклатурой грузов Совгавани является лесопродукция. В порту Ванино обрабатываемые грузы: цветные и черные металлы, глинозем, уголь, лесные, минеральные удобрения, контейнеры, продовольственные. Суммарный объем грузов — около 5 млн. т, из них 2,33 млн. т приходится на экспорт, 0,75 млн. т — импорт и 1,6 млн. т — на каботажные перевозки. Имеется контейнерный терминал пропускной способностью 40 тыс. шт. ДФЭ. Традиционно Ванинский морской торговый порт является базовым перевалочным пунктом для транзитных грузов следующих на Сахалин, в Магаданскую и Камчатскую области. Основная часть грузопотока направлена в страны АТР: Японию, Австралию, США, Корею, Китай. Природные условия берегов и аква-

тории бухт позволяют значительно расширить портовые мощности. Генеральной схемой ближайшего развития всего узла предусмотрено строительство комплексов по переработке минеральных удобрений (до 2 млн. т), угля (до 7 млн. т), черных металлов (до 2 млн. т), лесных грузов (до 1 млн. т), рефрижераторных грузов (до 250 тыс. т), нефтеналивных грузов (до 5 млн. т). Строительство всех комплексов осуществляется на свободных от застройки территориях, непосредственно прилегающих к действующим причалам и железнодорожным путям. По оценкам специалистов грузооборот рассматриваемой зоны можно увеличить до 35–40 млн. т, обеспечив следующую структуру (ориентировочно) обрабатываемых грузов: контейнеры — 100 тыс. шт. (1,5–2,0 млн. т), каботажные грузы — 3,5–4,0 млн. т, экспортные — 25–27 млн. т (в том числе 15 млн. т эльгинский уголь), импортные — 5–7 млн. т (в том числе 2,0 — глинозем).

Интегрированные производственно-транспортные зоны в пределах БАМа различаются разной степенью подготовленности (вход в некоторые регионы был начат еще в конце XX века), местом и ролью в решении национальных стратегических задач. Формирование новой широтной экономической зоны зависит от того насколько синхронно будет идти усиление транспортной сети Азиатской России и учтены интересы крупнейших российских фирм и создающихся ТНК. Государство должно четко определить видение места Азиатской России в геополитическом и социально-экономическом пространстве страны и сформировать не только стратегию и политику развития макрорегиона, но и механизм их реализации.

3. Разработка государственной региональной экономической политики для регионов БАМа как системное требование

При формировании промышленного пояса в полосе тяготения БАМа, а в последующем и в полосе Севсиба, необходимо в корне пересмотреть государственную политику экономического развития, сформировать новую конкретную промышленную и внешнеэкономическую политику, в основу которых должен быть заложен исключительно выпуск и экспорт высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Отход в период реформирования от принципа максимальной внутренней переработки, втягивание России в мировую экономику привело к тому, что в ущерб внутреннему производству доля внешне-торгового оборота значительно возросла, достигая до 48,2% ВВП (1998 г.). Даже такие крупнейшие экспортеры, как США и Германия, имели на тот период соответственно — 32% и 40%. Для сравнения,

аналогичный показатель в СССР составлял 10–15%. В связи с указанной тенденцией внешнеторговый оборот в настоящее время стал во многом определять развитие экономики страны, ее зависимость от мировой конъюнктуры, от товарных, сырьевых и финансовых интересов на мировом рынке.

За период реформ резко изменилась (ухудшилась) структура российского экспорта. В нем сократилась доля машиностроительной продукции, зато возросла сырьевая составляющаяся, в первую очередь энергоресурсов, а также продукции нижних технологических переделов, минуя собственную перерабатывающую промышленность. Структура российского экспорта по отдельным видам продукции на начало столетия выглядела следующим образом: нефть — 24,8%, нефтепродукты — 9,5%, природный газ 17,9%, прочие энергоресурсы — 2%, продукты неорганической и органической химии — 3,6%, удобрения — 1,7%, древесина и изделия из нее — 2,5%, целлюлозно-бумажные изделия — 1,6%, черные металлы — 6,0%, медь, никель, алюминий — 5,7%, драгкамни и драгметаллы — 4,1%, машины и оборудование — 10,4%, прочие — 10,2%.

По оценке Минэкономразвития России, к 2010 году объем внешней торговли России в стоимостном выражении возрастет по сравнению с 2000 годом на 70–75%, а объемы экспортно-импортных грузов — на 30–35%. Объем перевозок внешнеторговых грузов составит 645–655 млн. т, в том числе экспорт — 550–555 млн. т и импорт 95–100 млн. т. Сравнение внешнеторгового оборота в стоимостном выражении и в объемных показателях на перспективу до 2010 года говорит о том, что и в дальнейшем в экспорте планируется преобладание сырьевых, низкостоймостных грузов.

Изменение структуры экспорта не только снизило удельную экспортную выручку, но и поставило в зависимость народное хозяйство России от импорта зарубежной промышленной продукции. Такой рост импорта промышленной продукции мог быть допустим только в период преодоления военной разрухи, когда заводы находились в руинах, но никак не в мирное время, когда производства лишь остановлены, либо снизили объем выпуска продукции. Следует отметить, что, несмотря на высокую эффективность экспортных операций для предприятий-поставщиков, с позиций национального хозяйства сырьевая, и в первую очередь топливно-сырьевая, специализация ведет к снижению уровня реального национального накопления. По расчетам Всемирного банка, на протяжении последних лет за счет интенсивной выработки отечественной минерально-сырьевой базы Россия имеет отрицательное сальдо реального накопления. В то же время экспорт обработанных товаров, использующих импортное сырье и материа-

лы, обеспечивает наибольший вклад в приращение национального богатства, что служит устойчиво высокой конкурентоспособности продукции США, Японии, ЕС, а также малых стран, таких как Сингапур, Люксембург, Тайвань и др.

Ставка на ресурсно-экспортный вариант развития становится все менее перспективной уже хотя бы потому, что таким путем не удастся добиться радикального увеличения ВВП. Мировой сырьевой рынок уже сейчас уступает по объему, а главное по темпам роста рынку высоких технологий, и этот разрыв все увеличивается. Поэтому задача удвоения внутреннего валового продукта обозначает кардинальное увеличение выпуска конечной продукции в отечественном производстве. Это непременно приведет к росту энергопотребления, как и другого сырья, отечественной промышленностью. Это условие станет обязательным уже на первом этапе удвоения ВВП. При развитии конечного производства в Сибири и на Дальнем Востоке, где в непосредственной близости окажутся сырье и предприятия по его переработке, оно еще больше усилится.

Математически доказано, что развитость стран исчерпывающе определяют два показателя: потребление первичных энергоресурсов на душу населения и потребление электрической энергии на душу населения.

Съемки из космоса наглядно подтверждают этот вывод — «Золотой миллиард» ярко светится. А что касается России, то там наблюдаются лишь отдельные светящиеся точки. О Сибири и Дальнем Востоке и говорить не приходится. Они погружены в непроглядную темень.

Кроме того, качества жизни зависит от доли потребления энергетических ресурсов в стране. Отношение уровня потребления энергоресурсов к ВВП является объективным интегральным показателем качества жизни в стране.

В СССР за период с 1960-х до начала 90-х годов эффективность энергопотребления резко повышалась — до 9 т условного топлива на человека при ВВП на душу населения, превышавшем 15 000 долл., что соответствовало тогда аналогичному показателю развитых стран. За последнее десятилетие этот показатель в России, к сожалению, ухудшился более чем вдвое, в то время как в высокоразвитых странах производство ВВП на душу населения достигло 30 000 долл. при том же уровне потребления энергетических ресурсов.

Согласно расчетам ученых, выгоду в торговле энергоресурсами всегда получает потребитель энергии. Например, продажа 10 млн. т. нефти на экспорт по ценам 100 долл. за тонну дает доход в 1 млрд. долл. Использование такого объема нефти на предприятиях в странах бывшего СССР позволяло производить суммарный ВВП стоимостью, превышающей 10 млрд. долл. В других странах достигнут еще более значительный эффект. Так, например, 10 млн. т нефти позволяют Китаю произвести ВВП в объеме 19,24 млрд. долл., а Японии — 38,57 млрд. долл. Таким образом, доход, получаемый от единицы энергоресурсов нефти и газа при использовании ее на предприятиях нашей страны и исчисленный в объеме внутреннего валового продукта, более, чем в десять раз превышает доход от продажи этой единицы энергоресурса другим странам. Доход же страны, покупающей этот энергоресурс и имеющей новые технологии по его переработке и использованию, превышает более, чем в двадцать раз затраты на покупку ресурса.

Следует учитывать также, что в основе низкой конкуренции отечественной экономики лежит значительная энергетическая и транспортная нагрузка ВВП. Так, в 2001 году на каждый долл. ВВП, рассчитанного в паритетных ценах, в России приходилось 0,53 кг нефтяного эквивалента, в то время как в мире в целом — 0,23 кг, в странах Еврозоны — 0,17 кг. Сейчас соотношение энергетической нагрузки практически не изменилась. По уровню транспортной нагрузки на ВВП, выраженной в тонно-километрах железнодорожных перевозок на единицу паритетного ВВП, Россия к 2000 году более чем в 3 раза опережала США, в 4 раза — Китай, в 29 раз — Германию и в 143 раза — Японию. И это естественно, учитывая сочетания климата и пространственных параметров перечисленных стран, отличных от российских.

В проекте “Энергоэффективность и энергетическая безопасность в Содружестве Независимых Государств”, выполненном в рамках Программы ЕАК ООН в 2001 году, указывается: “При сопоставлении энергоемкости ВВП в странах СНГ и ОЭСР тем не менее необходимо учитывать различия в климатических условиях и масштабах территорий. Более суровый климат, огромные размеры территории, а первую очередь России (особенно Сибири и Дальнего Востока), повышают энергоемкость по объективным причинам⁸. Такое же влияние (считай негативное) оказывает и тот факт, что СНГ в целом (в первую очередь опять же Россия) является крупным экспортером энергоем-

⁸ Из-за более высоких расходов топлива и энергии на отопление и дальности транспортных перевозок пассажиров и грузов.

кой продукции, в частности природного газа (его транспортировка), черных и цветных металлов, химических удобрений и др.”. Из проекта ООН следует принципиальный вывод, что попытки только путем повышения внутренних энергетических тарифов поднять эффективность использования энергоносителей в национальной экономики является неправомерным.

Огромный объем сырьевого и технологического экспорта из восточных регионов России требует решить вопрос вопросов — преодоление барьера конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке. Необходимо обеспечить равные стартовые условия по конкурентоспособности продукции на мировом рынке отечественных и зарубежных товаропроизводителей с учетом климатических и пространственных различий между Россией и относительно теплыми и компактными государствами Европы и Азии.

Целесообразно разработать равные стартовые условия по удельным энергозатратам на выпуск аналогичной продукции в России и за рубежом (с учетом различий по отдельным климатическим зонам страны). Объективная разница в энергозатратах должна быть учтена и скомпенсирована.

Условия стартового равенства должны быть реализованы либо соответствующим понижением тарифов на энергоносители при использовании внутри страны или дотациями государства при выравнивании внутренних цен с внешними. При снижении тарифов для внутреннего потребителя государство обязано будет ужесточить квотирование экспорта сырья. Кроме того, оно должно будет найти вариант эффективного противодействия соблазну производителя энергоресурсов — продать сырье за рубеж по более высокой цене.

Для ликвидации стимулов вывозить энергоресурсы на экспорт их цена на внутреннем рынке должна соответствовать мировому уровню. Но при этом потребителям данного сырья государством должна быть компенсирована доля расходов, которая появляется из-за разницы в климатических и пространственных условиях с основными мировыми конкурентами. Из доходов от продажи продукции с высокой добавленной стоимостью и может быть компенсировано климатическое и пространственное различие.

Именно таким путем идет Китай, который в соответствии со своей стратегией энергетической и промышленной безопасности поставляет промышленности и транспорту энергоносители по цене даже ниже, чем он ее импортирует.

Намерения же снизить энергозатраты в промышленности, на транспорте и агропромышленном секторе лишь за счет повышения тарифов на энергоносители, якобы для их рационального использования, не учитывая существа проблемы, заведомо обрекают целые отрасли экономики страны на банкротство.

Кроме холодного климата главными трудностями на пути энергосбережения являются: отсутствие отечественного энергосберегающего оборудования и отсутствие у предприятий финансовых средств для его закупки. Указанные проблемы могут быть решены в рамках скорректированной Энергетической стратегии России.

Что же касается требований зарубежных конкурентов к России уравнивать тарифы на отечественные энергоносители на внутреннем и внешнем рынках, то это требование не только односторонне, но и противоестественно. Каждый товаропроизводитель использует внутренние ресурсы, меняя их стоимостные соотношения по своему усмотрению. На внешнем рынке конкурировать образцы конечной продукции, а не соотношения использования внутренних ресурсов, имеющих у товаропроизводителей. В этом и есть сущность рыночных отношений. Никому же в голову не приходит, например, потребовать повышения заработной платы работникам в тех странах, где обилие трудовых ресурсов и низкая оплата труда обеспечивает конкурентоспособность продукции этих стран на рынках США и Европы.

Российское государство всей силой власти и имеющихся возможностей должно добиваться защиты своего товаропроизводителя на основе соблюдения принципов свободной конкуренции на мировом рынке, противодействуя недобросовестной конкуренции, которую, подчас, навязывают на мировом рынке монополистические структуры, представляющие в основном отраслевых монополистов ТНК. Отечественные энергоресурсы должны в первую очередь использоваться в интересах отечественной экономики. Именно так поступают развитые государства. Более того, эти государства, расширяя импорт сырьевых ресурсов, одновременно сворачивают добычу собственного сырья, резервируя его для будущих поколений своих сограждан.

Некорректной является постановка вопроса и о том, что продажа энергоресурсов, и тем более за рубеж, должна являться одной из основных статей дохода страны. Энергетические ресурсы должны являться фактором, обеспечивающим выпуск готовой продукции и высокое качество жизни населения России в любом из ее регионов, в первую очередь восточных и северных. Основным же источником по-

полнения бюджетов должна являться реализация конечной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Технологический прорыв при ускоренном экономическом освоении зоны БАМ и при формировании Северного промышленного пояса не только возможен, но и обязателен. Масштабы перспективного промышленного развития и дальнейшего транспортного освоения срединных территорий Сибири и Дальнего Востока настолько велики, а условия настолько специфичны, что переход на инновационный путь развития с внедрением ресурсосберегающих технологий, и максимально возможным выпуском конечной продукции в автоматизированном режиме является неременным требованием успеха. Игнорирование использования научно-технических достижений при реализации проекта такого размаха, как зона БАМ и Севсиб, означающих качественное освоение восточных земель, может обернуться полным разорением страны. Сибирь, оставаясь сырьевым «педесталом» национальной экономики, должна одновременно стать и «технологической вершиной» России. Разработка ресурсосберегающих технологий различных направлений должна не только обеспечивать внутренние потребности страны, но и стать определенной нишей России и для их экспорта. Это требования, вызовы, которые выдвигаются на современном этапе глобализации.

Проводя инновационную политику, Россия должна шире использовать и передовой зарубежный опыт. Все без исключения страны от развитых, до развивающихся идут таким путем. Наиболее эффективным способом является создание совместных предприятий полного технологического цикла. Требованием России к компаньонам при создании совместных предприятий должно стать не только и не столько заимствование готовых технологий, и уж тем более не импорт готовой продукции и продуктов питания. Основным является построение на новом технологическом уровне полного цикла от обоснования и проектирования образцов перспективной товарной продукции, технологической подготовки производства, до организации производственного цикла с последующим сбытом готовой продукции на внешнем рынке.

Зарубежными компаньонами совместных предприятий на территории России могут становиться не только обладатели высоких технологий, но и непосредственные потребители российской продукции, вносящих инвестиционный вклад в формирование и функционирование совместных производств в России. Однако при выборе компаньонов, инвесторов, советников, экспертов необходимо учитывать

определенные ограничения. Среди них не должно быть представителей главных мировых конкурентов, чтобы исключить любые возможности возникновения разногласий и претензий. Среди них не должно быть и потенциальных конкурентов на мировом рынке.

4. Организационные формы повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в регионах БАМа

Откладывать с проведением оперативных мероприятий в рамках государственной региональной экономической политики по «реанимации» БАМ уже нельзя. Отсутствие работы, приличного заработка, надежды на приход инвесторов, экономического оживления может привести только к дестабилизации и так довольно хрупкой социальной ситуации в этом регионе.

Для того, чтобы по новой запустить механизм центробежных сил, чуть было не приведший к распаду России, а не только Советского Союза, будет достаточно небольшого толчка. Развитие событий в мире показывает что возможности и силы, средства для таких ситуаций с «добровольным» решением населения регионов о выходе из состава стран в мире имеются. Иллюзий, что «изоляция» от России и интеграция на любых условиях с сопредельными государствами (обеспечивающих своим народам высокий уровень жизни) сулит процветание регионам может оказаться вполне достаточно⁹.

Сдерживающей центростремительной силой пока еще являются цивилизационные «установки» проживающего там населения, но напряженность в отношениях между регионами уже достигает предельной величины. Так, в богатой Москве обсуждается вопрос о целесообразности финансовой помощи большинству сибирских регионов (исключение, естественно ЯНАО, ХМАО и, возможно, Норильск). Контакты сокращаются не только на физическом уровне, но и на уровне электронных средств связи: рыночные цены услуг на которые становятся недоступными для большинства населения.

Среди тактических мероприятий в зоне влияния БАМа можно выделить следующие:

- Формирование **лесного кластера**.

⁹ Напомним, что в отношении Сибири полемика в американских СМИ о ее возможной продаже США ведется уже давно. Сохраняющееся «обнищание» невольно подталкивает население к выводу о невозможности дальше находится в составе России (наиболее показательный пример — Курильские острова).

- Разработка основ для начала **металлургического кластера**.
- Разработка и реализация программы **формирования и развития Байкальского региона**.

В последнее время очень популярен термин кластер, которые рассматривают как инструмент, позволяющие сформировать конкурентоспособные предприятия разного уровня, масштаба производства (крупные, средние, мелкие).

В принципе, как отмечают британские экономико-географы Р. Мартино и П. Санли¹⁰, «кластер» Портера это «**бренд Портера**».

Бренд, который быстро «купили» как ученые, так и функционеры, сделав его еще более популярным.

Принципы, которые закладываются под этот «бренд», ориентированы на облегчение условий создания конкурентоспособных предприятий, которые уже начали формироваться в том или ином сегменте экономики. Лесной и металлургический комплексы, туристический бизнес — это те сегменты экономики, в которых даже в зоне БАМ налицо процессы усиленной концентрации производства, проявляющиеся, в частности, в постоянной борьбе за передел собственности.

Реализация кластерной политики: стимулирование развития промышленных кластеров и региональных/локальных кластеров малых и средних предприятий, как части государственной политики повышения конкурентоспособности страны или региона, **может привлечь дополнительное внимание государства к регионам**. Основными исполнителями кластерной политики являются **регионы, где формируются и располагаются такие конкурентоспособные кластеры**.

Лесной кластер. Недостаточное освоение лесных ресурсов обусловлено отсутствием или слабым развитием в многолесных районах транспортных коммуникаций, удаленностью основных лесоперерабатывающих предприятий от сырьевых баз. Следует отметить, что постоянно высокая и относительно равномерная потребность в лесоматериалах из Дальнего Востока существует в странах АТР. За период с 1954 по 1994 годы на экспорт отправлялось в среднем за год 5,4 млн. куб. м круглого леса, около 105 тыс. куб. м пиломатериалов, до 280 тыс. куб. м технологической щепы, 15 тыс. т целлюлозы и 1,2 тыс. т фанеры.

¹⁰ Martin, Sunley, 2003.

Продукция лесопромышленного комплекса даже в наиболее стабильные периоды была дефицитной, спрос на нее всегда опережал предложение. Отлаженный спрос на лесопroduкцию в целом по народному хозяйству страны оценивается в размере свыше 100 млн. куб. м. Фанера, товарная целлюлоза, древесноволокнистые плиты пользуются особенно высоким спросом на мировом рынке. К настоящему времени рынки сбыта лесобумажной продукции Европы и стран Ближнего Востока по транспортному фактору тяготеют к европейским регионам России. Для районов Восточной Сибири в современных условиях перевозки круглого леса и продуктов переработки древесины в западном направлении экономически неоправданны. В этой связи остро встает задача освоения рынков сбыта лесопroduкции в странах АТР, Южной Азии, Персидского залива.

В стране, на долю которой приходится более пятой части мировых запасов лесных ресурсов, у подавляющей части компаний ЛПК одной из самых главных задач является фактически просто выживание. Эффективность использования лесных ресурсов сегодня крайне низка: фактически заготавливается лишь около четверти от реально возможного объема древесины. Российские компании имеют неустойчивые позиции как

на внешнем рынке — в среднесрочной перспективе экспортно-ориентированные предприятия ЛПК могут утратить свои позиции на внешнем рынке в результате снижения своей ценовой конкурентоспособности. В отличие от нефтегазовых и металлургических корпораций отечественные компании лесной промышленности не являются крупными игроками на мировом рынке и, следовательно, не имеют значимого влияния на ценовую конъюнктуру;

так и **на внутреннем**, где их позиции защищены куда хуже, чем у предприятий машиностроительной отрасли, энергетического комплекса.

Реальным конкурентным преимуществом предприятий российского ЛПК является возможность поддержания сравнительно низких цен на готовую продукцию (относительно мирового уровня) за счет использования дешевых энергоресурсов и сырья, которого **они могут в скором времени лишиться**. За последние три года сырье и энергия дорожали куда быстрее, чем базовая продукция ЛПК.

В мировой практике рентабельность компаний, работающих в лесном бизнесе, достигается за счет максимально глубокой переработки сырья и производства полного ассортимента продукции на основе древесины — от пиломатериалов до высококачественной бумаги и продукции лесохимии. При этом наиболее до-

ходным является продукция высоких технологических переделов. В России складывается иная ситуация: порядка 50 млн. куб. м ежегодно отправлялось на экспорт в необработанном виде. За десять лет объемы такого экспорта возросли в 2,5 раза. РФ обеспечивает 40% предложения необработанной хвойной древесины на мировом рынке. Однако такая ситуация нас больше не устраивает.

Процесс формирования регионального кластера только начался. Практически во всех субъектах РФ, обладающих лесными ресурсами, пытаются как то приспособиться к существующей ситуации. В значительной степени успешность переориентации лесного комплекса зависит от политики регионального руководства (области, Республики, края) и Федерации, в ведении которых находятся «лесные дела».

В зоне БАМ можно выделить два первоочередных перспективных региона — **Северо-Иркутская ИПТЗ и Амурский промышленный узел** для развития лесопромышленного комплекса. В Иркутской области, Амурской области и др. регионах, разрабатывают и реализовывают целый комплекс мероприятий, которые, в конечном счете, при выправлении «общесистемных» условий (по тарифам, налогам, государственной поддержке и пр.) могут привести к созданию регионального лесного кластера, включающего в себя следующие основные сегменты.

Малые и средние лесопромышленные предприятия.

Начаты и реализуются инвестиционные проекты по глубокой переработке древесины в Иркутской области, такими предприятиями как **«Сиблесиндустрия»**, **«Сибмикс-интернешенал»**, **«Восточно-Сибирский завод ЖБК»**, **«Транссибирская лесная компания»** (г. Калининград), и другие. Транссибирская лесная компания» реализует инвестиционный проект по производству 1 млн куб м в продукции в г. Усть-Кут. Имеются инвестиционные проекты по созданию и развитию малых предприятий в ближайшие 8 лет, ориентированных на глубокую переработку древесины в районах, прилегающих к БАМу¹¹. Например, по Киренскому району и ряде других. Поступают предложения о создании совместных предприятий в области **глубокой химической обработки древесины** в Иркутской области от китайских промышленников.

Постепенно в регионе концентрируются высокотехнологичные фирмы, связанные через развитие и использование общих методов производства (технологий). Крупнейшая **российская ле-**

¹¹ Концепция комплексного планирования социально-экономического развития Киренского района 29/03/07.

сопромышленная компания «Илим Палп Интерпрайз» является активным игроком лесного рынка Иркутской области. Она владеет крупнейшими предприятиями лесопромышленного комплекса — Братским ЛПК и Усть-Илимским ЛПК. Отраслевые эксперты оценивают «Илим Палп» в 1,3 млрд. долл.

Российская компания в 2006 г. провела сделку о продаже 50% акций **американской корпорации «International Paper»**. Осуществление этой сделки означает привлечение стратегического инвестора и создание для компании «Илим Палп» реальных возможностей для осуществления масштабной инвестиционной программы объемом в 1,2 млрд. долл., направленной на модернизацию и 50% увеличение собственных производственных мощностей. Альянс с американской компанией даст доступ к новейшим технологиям, а также облегчит привлечение иностранных кредитов. Для американской «International Paper» этот проект — важный шаг не только для проникновения на российский рынок, но и продолжение стратегии по выходу в Китай. «Илим Палп» занимает около 20% китайского рынка хвойной и около 10% лиственной целлюлозы, что создаст синергетический эффект для американской корпорации, уже имеющей там неплохие позиции. Помимо «Илим-Палп» в регионе работают также и такие бизнес-структуры, как «СЭЛ-групп», «МС-Менеджмент» и др.

Наличие развитой производственной системы с предприятиями крупных ТНК и фирмами, «отпочковавшимися» от материнских компаний в результате процесса спин-офф (spin-off). Предложения в этом направлении становятся все чаще от крупных ТНК:

Создание новых направлений **по глубокой механической переработке древесины для нужд домостроения** намерены «Сел-Тайрику» и ООО СП «Игирма-Тайрику», в ближайшее время в запуск новых производственных линий они инвестируют около 230 млн. долл. Разработка и отбор инвестиционных проектов в сфере развития лесопереработке. В ближайшее время в Иркутской области будет предложено 20 инвестиционных проектов на общую сумму 1,5 млрд. долл. потенциальным инвесторам в Китае и других странах. Но основная **ориентация предполагается на отечественного инвестора**, в связи с тем, что дальше проведения переговоров, подписания договора о намерениях с китайскими предпринимателями дело обычно не идет.

В регионе создаются условия для поддержки предприятий, фирм, работающих в лесном кластере. Так, прорабатываются вопросы финансирования строительства лесовозных дорог. Сей-

час строительством дорог занимаются только сами предприятия, заинтересованные в вывозе леса. Строительство одного километра дороги обходится в 4 млн. рублей. Для решения проблемы необходимо привлекать средства из федерального и областного бюджетов.

Создание предпосылок для формирования цивилизованного рынка леса и продуктов его переработки с учетом элементов рыночных механизмов. В качестве такого инструмента в Иркутской области рассматривается создание и начало работы **Байкальской лесной товарной биржи (БЛТБ)**¹² Основная цель БЛТБ формирование прозрачного рынка леса, пресечения несанкционированного вывоза деловой древесины, а также увеличение цен на этот вид продукции до тех размеров, которые приняты в мире. Однако, создание лесной товарной биржи не однозначно оценивается антимонопольными органами.

Разработка и подготовка **специализированными организациями Иркутской области проектов для лесопромышленного комплекса**¹³ Иркутской научно-исследовательский институт лесной промышленности заканчивает разработку **проекта Жигаловской лесной площадки** с возможностью ее распространения на другие лесные площадки (в Качугском районе). Проектный объем переработки 100 тыс. куб. м круглого леса. В составе лесной площадки предусмотрен комплекс предприятий по переработке отходов лесопиления: цех клееных конструкций (25 тыс. куб. м) и завод по производству пилен биотоплива из древесных отходов (10 тыс. куб. м). Клееные конструкции будут использоваться для нужд деревянного малоэтажного домостроения в Иркутской области, пиленые — для экспорта в европейские страны. Для строительства одного завода по производству пилен потребуется 340 тыс. евро.¹⁴ Проект намерена осуществить Качугская лесная компания.

Обеспечение доступа к новым технологиям, **новому оборудованию**. Мероприятия в этом направлении активно проводит, в частности, Торгово-промышленная палата Восточной Сибири (ТПП ВС). В июне 2007 г. прошел симпозиум в Иркутске, на котором новое деревообрабатывающее оборудование представили итальянские производители. В симпозиуме приняли участие около **10 ведущих итальян-**

¹² 21/02/07.

¹³ 23/01/07.

¹⁴ Иркутский НИИЛП разработал около пяти проектов строительства таких заводов в Иркутской области.

ских производителей деревообрабатывающего оборудования, как по первичной обработке (пиломатериалы, фанера, сушка, вытяжка), так и вторичной (полуфабрикаты для мебельной промышленности и строительства); **100 деревообрабатывающих предприятий Иркутской области**.

Процесс идет с очень большими сложностями. С усилением экономической активности на севере Иркутской области, в связи с разработкой Ковыктинского месторождения, могут создаваться благоприятные условия для ускоренного развития Северо-Иркутской ИПТЗ. В последней немаловажным элементом индустриального ядра как раз и будут являться предприятия по переработке лесных ресурсов. Как показано выше, определенный задел в этом регионе БАМа, находящемся на территории Иркутской области, уже создан. В настоящее время основными игроками лесного рынка выступают компании, созданные на базе существовавших лесопромышленных предприятий. Крупнейшие российские лесные компании, практически не представлены на территории региона, зато к этому региону испытывают очень большой интерес китайские, американские и др. компании.

Интересен и опыт других субъектов Федерации при переориентации российского ЛПК на путь более глубокой переработке лесных ресурсов. В частности, в Амурской области, где можно ожидать формирование в ближайшее десятилетие более менее полноценного **Амурского промышленного узла**. Расчетная лесосека **Амурской области** 5–6 млн. куб. м без ущерба природе области. В Приамурье сейчас заготавливается чуть более 1 млн. куб. м круглого леса, к 2020 году планируется 2,5–3,0 млн. куб. м. Состояние деревообрабатывающей отрасли характеризуется падением объемов производства. Предприятия в основном ведут первичную переработку — выпускают пиломатериал. В регионе поставлена задача уже через год перерабатывать 30%, через 2 года — 40% амурского леса. В 2010 году «своя» лесопереработка вырастет до половины, конечная цель (к 2020 г.) — выйти на **70–80% местной лесопереработки**. В Амурской области активно создают **условия для поддержки предприятий, фирм, готовых работать по глубокой переработке леса**. В частности, они пошли даже на **образование новых организаций для оказания поддержки фирмам, работающим в кластере**: будет создана специальная областная структура (департамент или агентство) на базе федерального агентства по лесному хозяйству в связи с тем, что право распоряжаться лесными угодьями все-таки переходит субъектам Федерации (изменением законодательства с 1 января 2007 г.). **Создается благоприятный инвестиционный климат для лесоперерабатывающих предприятий**.

Пока Россия не является крупным поставщиком продукции глубокой переработки леса на мировые рынки, а такие рынки весьма емкие. Перспектива экспортных поставок особенно в страны Восточной, Юго-Восточной, Центральной и Малой Азии огромна. Попытки Узбекистана решить проблему мебели за счет интенсивного выращивания тростника успеха не имели. Более того, Россия является крупным потребителем импортной мебели. ЗАМЕНА НАШЕЙ

Грандиозные перспективы могут открыться для России, ее восточных районов, если учесть еще один важнейший фактор, связанный с лесом — экологический — и все возрастающие требования к качеству жизни в европейских странах. При этом страна, имеющая такие ресурсы леса, обязана обеспечить качественное улучшение структуры экспортных поставок, базирующихся на этом виде сырья. Россия обязана занять лидирующее положение на мировом рынке дешевой деревянной мебели, не говоря уж об отечественном. Возможности валютных поступлений в государственный бюджет и на счета российских товаропроизводителей от экспорта лесной продукции трудно переоценить.

Металлургический кластер. Конкурентоспособность месторождений, сосредоточенных в зоне БАМ, возросла после развала СССР, когда многочисленные освоенные сырьевые запасы страны оказались на территории вышедших из единого государства республик. В первую очередь это касается меднорудных месторождений, главные из которых остались в Казахстане. В результате этого в жесткие рамки обеспечения сырьем были поставлены уральские медеплавильные производства, где меднорудное сырье за многовековое использование истощается.

В зоне БАМ появляется возможность формирования металлургического кластера в Амурской области на базе разработки Гаринского железорудного месторождения (самое крупное месторождение железных руд региона — около 400 млн. т разведанных запасов). По результатам конкурса разработка Гаринского месторождения будет осуществляться той же фирмой, которой принадлежит «Покровский рудник», за которой сейчас стоит компания Peter Hambro Mining. В целом затраты на освоение месторождения и строительство комбината, по расчетам некоторых участников конкурса, составят 40 млрд. руб. По предварительным оценкам, ежегодно месторождение будет давать 10 млн. т руды, ГОК будет расположен не на месторождении, а, скорее всего, в районе города Свободного или Буреи. Строительство комбината начнется не позже 1 января 2011 года, а первая продукция появится уже через год. Район получит не только новые рабочие места, но и солидные отчисления в бюджет. Предприятие планирует ори-

ентироваться на возможные потребности металлургического комбината в Комсомольске-на-Амуре, а также стран Юго-Восточной Азии, среди которых большие потребители — Южная Корея, Япония и Китай. Основным покупателем руды — Китай.

Приведенные обобщенные данные, отдельные рассмотренные перспективы показывают, что Россия крайне заинтересована в ускоренном вовлечении в хозяйственный оборот природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Проблема заключается в обеспечении транспортных подходов к ним. Заинтересованность иностранных потребителей в природных ресурсах России обеспечит их участие в работах по восстановлению малодеятельных линий, строительству новых протяженных железнодорожных веток и автомобильных дорог к удаленным рудным залежам в трудно доступных зонах, а также дальним лесным массивам. И такие примеры уже есть.

Таким образом, месторождения, лесосеки, промышленные предприятия, объекты социальной сферы становятся как бы элементами гирлянды, нанизанными на сквозную международную транспортную систему с ресурсным центром — Сибирью, в общепринятом в мире ее понимании — от Урала до Тихого океана.

Разработка и реализация программы формирования и развития Байкальского региона. Байкало-Амурская магистраль создаст совершенно новые условия для позиционирования России на экономическом пространстве Евразийского материка за счет Байкальского региона.

Главным притягательным фактором является само озеро Байкал, его уникальность по масштабам территориального восприятия, по огромным запасам питьевой воды, по красоте окружающего ландшафта.

С активизацией зоны БАМ Байкальский регион оказался помещенным между двух экономических поясов России: «Южным», опирающимся на Транссибирскую магистраль, и «Северным» по БАМу, а в дальнейшем по Северо-Российской магистрали (СевРосиб).

Этот регион может стать одним из самых привлекательных при проведении форумов, научных конференций, деловых встреч, демонстрации достижений во любых сферах деятельности, местом выработки экономических и иных стратегий по развитию азиатских стран, их взаимодействию с другими континентами.

В этой связи перед субъектами Байкальского региона разворачиваются веером несколько направлений первоочередных задач:

- производственное освоение Иркутской зоны БАМ, как пилотного звена для отработки будущих производств всей линии БАМ, будущей СевРосиб и далее Северо-востока страны;
- разработка технологий энергосбережения, малолюдных технологий и других производственных технологий;
- формирование Иркутской агломерации как образцовой для формирования евроазиатского делового центра с направлениями соответствующего развития градостроительства, транспорта, потребительского рынка;
- и др.

Необходима разработка **комплексной программы развития Байкальского региона**, которая будет

- рассматривать его как единое целое, как единую экосистему в пределах которой в целом можно, решая вопросы развития туризма, рекреации, не нарушить экологическое равновесие;
- создаст основу для устойчивого самостоятельного развития субъектов Федерации Байкальского региона;
- позволит обеспечить взаимосвязанное и взаимообусловленное развитие не только туристическо-рекреационных зон в пределах Байкальского региона, но и адекватное индустриальное развитие как в пределах субъектов Байкальского региона, так и сопредельных с ним;
- обеспечит консенсус интересов двух независимых субъектов Федерации: Иркутской области и Республики Бурятия.

Базовое условие для развития Байкальского региона — комплексное развитие транспортной инфраструктуры

Итак, БАМ является опорной магистралью для дальнейшего транспортного освоения Сибири и Дальнего Востока. Во-первых, благодаря тому, что БАМ будет «прирастать» Северо-Сибирской магистралью, охватывая срединные территории Сибири. Во-вторых, она закладывает основы для совершенствования опорной транспортной сети, облегчая строительство и полноценную эксплуатацию формируемой меридиональной железнодорожной магистрали Тынды — Якутск (с дальнейшим продолжением на Северо-восток страны в Уэлен с ответвлениями на Магадан и Камчатку).

От того насколько мы сможем вовремя превратить Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль из простого элемента опорной транспортной сети на востоке России, в **активную часть хозяйственного комплекса, преобразующую экономическую жизнь в пределах новых, ранее не освоенных регионов страны**, зависит процесс усиления геополитического положения всей страны.

Это особенно актуально в начале XXI столетия, которое может в значительной степени предопределить условия вхождения и закрепления России в мирохозяйственной системе. За четыре с лишним столетия в составе России азиатская её часть не раз и не два обеспечивала российской государственности выход из критических ситуаций. Азиатская часть России, несмотря на свое окраинное положение или благодаря ему, является ключевой территорией экономической и демографической безопасности всей страны.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль из простого элемента опорной транспортной сети на востоке России, должна стать системообразующим, «хозяйствообразующим» элементом.

Афанасьев О.Е.

Ретроспективный анализ особенностей природопользования региона по топонимической системе (на примере Днепропетровской области)

В последнее время в научной географической литературе все более популярными становятся исследования такой сквозной географической науки, как топонимика, особенно в аспекте региональных краеведческих исследований. Ведь топонимической системе присущи свойства территориальности (хорологичности) и пространственной континуальности (непрерывности), из чего следует возможность утверждения о существовании *топонимических территориальных систем* (ТТС) для территорий разного масштаба — общегосударственных, региональных, локальных [1]. ТТС Украины находилась в постоянной динамике, испытывала влияние многих народов, поэтому во многом отображает сегодня географию прошлого. Отсюда логически вытекает практическая необходимость всестороннего изучения и исследования ТТС средствами и методами географической науки в целях установления существующих и выявления латентных взаимосвязей как между их компонентами — топонимами друг с другом, так и их взаимодействия с окружающими территориальными системами разных категорий [2]. Топонимы территории Украины довольно разнообразны по генезису, возрасту, типу образования и т.п. Их можно рас-

сматривать как информационную систему, которая при ретроспективном подходе способна дать представление о ходе процессов в географическом пространстве в единой системе с другими компонентами среды — как природными, так и общественными.

Общим направлением наших исследований является выяснения историко-географических факторов, процессов, условий природопользования на территории Юго-Восточной Украины — одного из важнейших в экономическом отношении регионов страны.

Считаем, что широко употребляемое понимание природопользования в качестве совокупности всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мероприятий по его сохранению и восстановлению [3, 4], далеко не в полной мере отображает сущность этого явления с точки зрения диахронической парадигмы. В общем смысле история человеческого общества — это всегда история природопользования. Ни одно изменение, производимое человеком в окружающей среде, не могло так или иначе не повлиять на его мысль. Воплощением этого процесса являлось в том числе и формирование системы топонимов, отображавших происходившие процессы взаимодействия в системе «человек — окружающая природная среда».

Географическое изучение ТТС в контексте ретроспективы процессов природопользования, предполагает два основных научно-методических подхода — процессный и территориальный. Процессный подход заключается в изучении процессов формирования ТТС, отображающей динамику природопользования как процесса, т.е. континуальной закономерной смены взаимодействий между природной средой и обществом с целью удовлетворения его потребностей. При этом возникает необходимость изучения эволюционного хода природопользования, т.е. определенных стадий, этапов в развитии общественно-территориальных систем. Территориальный подход предусматривает анализ пространственных различий в семантических (смысловых) принципах формирования ТТС и поиск общих черт, отображающих процессы общественного освоения геопространства.

С географических позиций теоретические и методологические вопросы природопользования рассматривались в работах А.Г. Исаченко, И.И. Мама, В.С. Преображенского, И.П. Герасимова, Т.Г. Руновой и др. Публикация в последние годы работ О.И. Висьтак, В.О. Гуцало, Я.И. Жупанского, О.В. Заставецкой, Ф.Д. Заставного, И.П. Ковальчука, В.Г. Матвиенко, В.П. Нагорной, Я.Б. Олийныка, М.Д. Пистуна, И.И. Ровенчака, В.П. Руденко, О.И. Шабля, В.А. Шевченко, П.Г. Шищенко, П.И. Штойка еще не в полной мере восполняет пробелы в освещении общих теоретико-методологичес-

ких и прикладных вопросов по проблемам рационального природопользования в Украине. Тем более, практически отсутствует в них анализ ретроспективы природопользования с позиций топонимического анализа.

Рано или поздно у каждого человека невольно возникают вопросы: почему слово-название такое необыкновенное? Кто его придумал? Что оно означает? Ведь действительно, почему, например, г. Кривой Рог назван именно так, а не иначе; что общего между г. Днепропетровском и русской императрицей Екатериной II; древнегреческими богами и г. Никоподем? Формирование сети географических названий является результатом деятельности и народного творчества человека; существование географических названий возможно лишь в человеческом обществе и призвано удовлетворять его нужды прежде всего с целью ориентирования в пространстве. Таким образом, топонимы являются одним из важнейших составных нашей культуры.

В данной публикации ограничимся пространственно-временным анализом ТТС Днепропетровской области, которая относится к историко-географическому региону Юго-Восточная Украина. Анализ процесса формирования ТТС региона и особенностей отображения в отдельных топонимах процессов и форм природопользования, основывается на применении метода семантического (смыслового) анализа всей совокупности географических названий, содержащихся на топографической карте масштаба 1:200 000 [5] и занесенных в созданный нами топонимический банк данных региона [6].

Географические названия — топонимы — мы рассматриваем как один из важных символов территории, являющимся интересным объектом научных географических исследований. Географические названия могут рассматриваться и как отдельные слова, которые сложились в соответствии (или вопреки) языковым правилам; и как источник исторических сведений, поскольку являются свидетелями и наследством исторических эпох; и как характеристика географических условий прошлого и современности, ведь им присущая территориальная «привязанность» и обусловленность объектами окружающего нас мира.

В топонимии в зависимости от того, названия каких именно объектов исследуются, выделяют отдельные классы географических названий — гидронимы (названия водных объектов), оронимы (названия форм рельефа), ойконимы (названия населенных пунктов) и другие группы географических названий.

Географические названия отличаются большой стойкостью в своих формах, некоторые из них дошли до нас из глубокой древности, возникнув на нашей территории задолго до современного населения. Напри-

мер, названия таких рек нашего края, как Ингулец, Саксагань, Гайчул, Чертомлык, Самоткань, Домоткань, Сура, Снопорось и других достигают тех времен, когда на территории современной Днепропетровщины славян еще не было — эти названия присвоены сарматами, аварами, печенегам, половцами, гуннами и другими племенами и народами.

Располагаясь на стыке степи и лесостепи, регион был своеобразной границей между осевшим и кочевым населением, часто находился в круговороте исторических событий, которые отразились не только на материальной культуре коренных жителей, но и на духовной жизни, внеся в язык новые слова и понятия, оставляя след в топонимии, в социально-экономических явлениях, собственных именах и т.п. Можно с полной уверенностью утверждать, что все эти процессы освоения природы Среднего Приднепровья человеком, а также активные и продолжительные процессы ассимиляции средой многочисленных этнических групп, и сформировали современные отличительные особенности юго-восточного населения Украины, его особый менталитет и мировосприятие.

Таблица 1

**Исторические этапы формирования топонимии
Днепропетровщины [7]**

Этап формирования топонимии	Временные рамки	Примеры топонимов
1. Языческая эпоха	от древнейших времен до IX–XII вв.	о. Перун, реки Днепр, Янчул, Самара, Домоткань, Базавлук, Гайчул, с. Рим
2. Эпоха Киевской Руси и феодального славянского княжества	IX–XII вв.	р. Татарка, с. Первозвановка, снт Царичанка
3. Польско-Литовская и Казацкая эпоха	XIV–XVI вв.	с. Половица, с. Потоцкое, с. Вишневецкое, с. Сурско-Литовское
4. Период заселения Новороссии	XVII–XIX вв.	с. Ново-Полтавка, с. Куроедовка, г. Екатеринослав
5. Период промышленного освоения края	кон. XIX – нач. XX вв.	с. Заводское, Хуторо-Губиниха, Почино-Софиевка
6. Советский и современный периоды	XX–XXI вв.	г. Днепропетровск, о. Комсомольский, села Новый Путь, Красный Октябрь, Ленинское, Пролетарское, Першотравенск

Процесс формирования топонимии современной Днепропетровской области мы разделяем на шесть исторических слоев (табл. 1).

Много географических названий Днепропетровщины настолько давние, что слова или отдельные словосочетания, которые их образовали, давно вышли из живого языка и сохраняются сегодня лишь в топонимике. Поэтому смысл их часто непонятен или тяжело подвергается расшифровке.

Древнейшие названия в регионе носят реки. Будучи иранского и тюркского происхождения, они давно прижились в нашем языке, к ним привыкли, забывая об их неславянском происхождении. Например, названия рек Днепр, Самара, Дюмоткань, Базавлук, Гайчул и т.д.

Относительно гидронимов названия населенных пунктов — ойконимы — по времени происхождения значительно моложе, а по количеству — значительно преобладают. Степное Приднестровье было объектом частых нападений разных сторонних племен и народов, поэтому здесь долгое время не возникало значительных постоянных населенных пунктов. Родословная современных названий поселений края ведется с XVII–XVIII вв., когда началось организованное его освоение украинскими казаками и переселенцами из России. Таким образом, с точки зрения принадлежности к языку, общий топонимический фон области — славянский, с наличием небольшого количества иноязычных названий разного происхождения, среди которых одни сохранили свою первоначальную форму, другие трансформировались вследствие адаптации к украинскому языку.

Каждое географическое название не случайно, в каждом кроется содержание, история. Поэтому очень интересна классификация географических названий по их смыслу — *семантическая*, когда исследуется смысловое значение топонима, устанавливается первопричина его возникновения, трансформация во времени.

К наиболее ранним относятся топонимы, которые характеризуют естественные черты местности, имеют ландшафтное содержание. И это закономерно: люди всегда жили в географической среде, приспосабливаясь к естественным условиям, и мечтали использовать эти условия в своей хозяйственной жизни. Поэтому не удивительно, что природные особенности местности нашли широкое отображение в названиях географических объектов. Ознакомившись с ними, можно почерпнуть сведения о геологии, почвах, гидрографии, растительном и животном мире территории.

Так как Днепропетровская область расположена в степной зоне Украины, граничит с лесостепью, здесь встречаются названия посе-

лений, в основе которых лежат корни «степь», «луг», «поле» — например, села *Степное, Степь, Степняк, Луговое, Краснополье, Красные Луки, Шестиполье, Широкополье, Новополье, Красное Поле, Полевое, Галявина, Зеленое Поле, Веселое Поле* и др. Интересно, что хотя в области преобладают черноземные почвы, однако топонимов, в основе которых была бы эта особенность, мы не найдем. Впрочем, имеются населенные пункты, названия которых отображают другие, отличные от типичных для региона, особенности почв, и на черноземном фоне зоны степей резко подчеркивают почвенные особенности именно этих мест — например, *Глееватка, Запорожье-Грудковатое, Песчанка* и т.д.

Вследствие большой расчлененности поверхности Днепропетровской области речными долинами, оврагами и балками, образовалось много названий, которые имеют корень «дол», «овраг», «балка» — они встречаются в названиях 26 населенных пунктов (например, *Широкая Долина, Широкая Балка, Червоноярское, Красная Балка, Красный Яр, Красные Поды, Веселый Подол, Красная Долина, Яр, Сухая Балка, Пахотная Балка, Лысая Балка, Мотина Балка, Долинское, Красный Под, Крутоярровка, Балочное* и др.).

В долинах рек, по склонам балок, оврагов, встречается много выходов кристаллических пород Украинского щита. Это обусловило появление населенных пунктов с названиями *Гранитное, Каменное, Каменское, Каменка, Каменчаны, Скелеватое*.

Реки с давних времен играли большую роль в жизни общества: на их берегах поселялись люди, реки давали пищу, служили преградой и защитой от врага. Не удивительно, что многие населенные пункты своим названием обязаны рекам, водоемам — например, села *Сурское, Самарское, Днепровское, Заорелье, Привовчанское* и др. К названиям, которые возникли на основе гидрографических признаков, относят: *Белоозерское, Водное, Веселые Ставки, Желобок, Зеленый Пруд, Заречье, Заплавка, Кринички, Лиманское, Межирич, Набережное, Озерное, Озеро, Потоки, Проточи, Старый Колодец, Топила, Тихий Став, Красный Лиман* и др.

Изучая карту степной Украины, нельзя не заметить, что названия многим населенным пунктам дали различные виды растений. Среди них большое место занимают водолюбивые — верба, лоза, ольха, калина, камыш. В Днепропетровской области 93 населенных пункта носят названия растительного происхождения. Наиболее распространены среди них: *Вербовое, Вербки, Вербуватка, Вербское, Лозоватка, Очеретоватое, Лозовое, Малые Лозки, Новолозоватка, Камышовая Балка, Калиновка, Сухая Калина, Калиновское*. Много топонимов

образовались от названий культурных растений, культивируемых в регионе — *Виноградное, Виноградовка, Вишневое, Грушевка, Грушевое, Грушеватки, Грушки, Гарбузовка, Гречаное, Малиновка, Просяная, Пшеничное, Семеринка, Цибульковка, Яблуневка* и т.д.

Вошли в топонимию и названия населенных пунктов, образованные от наиболее характерных для степной зоны представителей животных и птиц — например, *Волчанское, Вороное, Волчье, Вороновка, Заячье, Зайцево, Кваки, Лебединское, Орловка, Орловщина, Орлы, Перепелячье, Раковое, Сусловка, Соловьёвка, Турово, Чайки, Чаплинка*.

Вследствие схожести и общности естественных условий территории края, во многих случаях сформировались одинаковые топонимы. Например, населенные пункты с названием *Зеленый Гай* встречаются в Васильковском, Днепропетровском, Криворожском, Петропавловском, Синельниковском, Софиевском, Томаковском и Широковском районах; ойконим *Червоный Яр* — в Криничанском, Солонянском, Софиевском, Томаковском районах; *Зеленая Долина* — в Криничанском, Павлоградском, Петропавловском районах. И таких примеров множество.

Позднее от топонимов с ландшафтной основой появились названия социально-экономического характера, в основу которых положены признаки общественной жизни народа, а позже уже появились названия, которые происходят от личных имен, фамилий, прозвищ, и в конце концов, названия, образованные по аналогии с другими топонимами.

Так, с развитием путей сообщения, торговли и промышленности, возникли поселения с названиями *Торговка, Чумаки, Веселые Чумаки, Гончаровка, Кравцы, Охотничье, Старозаводское, Перевальское, Новый Путь, Мосты, Переезд, Платформа, Железнодорожное* и др. Современный производственный профиль края отображен в названиях *Днепрельстан, Кривбасс, Кирпичное, Марганец, Совхозное, Колгосповка, Тракторное, Токовое*.

Память о героическом казацком прошлом народа сохранилась в названиях *Запорожец, Запорожское, Запорожская Балка, Кодак, Казачий Гай, Сичкаровка, Сечевик, Сотницкое, Кошевое, Старые Кодакки*. Имеются в регионе топонимы, названия которых пошли от бывших административных и военных признаков: *Воеводовка, Военное, Гвардейское, Комиссаровка, Солдатское*.

Многие населенные пункты своим происхождением обязаны историческому ходу событий, особенно вследствие победы Российской Империи над Турцией в XVII в., когда началось интенсивное заселение

Приднепровских степей, и широкий размах получило строительство населенных пунктов на месте бывших украинских хуторов и слобод или небольших татарских поселений. Появляются названия *Екатеринослав* (современный г. Днепропетровск), *Апостолово*, *Синельниково*, *Никополь* и др. Для этого периода характерно появление таких населенных пунктов, как *Иозефсталь*, *Ямбург*, *Фишдорф*, *Волосское*, *Волосские Хутора*. Все эти поселения выросли на плодородных почвах, расположившись вдоль речных долин Днепра, Самары, Суры и Кильчени, вследствие освоения их немцами, сербами, валахами, молдаванами. Русское правительство, пригласив иностранцев, предоставляло им всевозможные льготы (торговые, налоговые и др.), ставя за цель как можно быстрее освоение только что присоединенных от Османской Империи земель Южной и Юго-Восточной Украины. Особыми преимуществами пользовались немецкие колонисты, которых правительство наделяло лучшей землей. Как память об этом сохранилось название *Колоно-Николаевка* в Васильковском районе — бывшая немецкая колония. Большие переселения людей с одних земель на другие также нашли отображение в названиях с этническим содержанием — так называемые «етнонимы» — *Волосское*, *Грузиновка*, *Коломойцево*, *Мажары*, *Шведово* и др.

Чтобы укрепить обстановку на юге, царское правительство за верную службу щедро раздавало земельные наделы русским и украинским помещикам, чиновникам и офицерам. Многие из них переселяли и своих крепостных на новые земли из Курской, Орловской, Калужской, Воронежской и других коренных русских губерний. По разным причинам происходила миграция и украинских жителей. Вследствие этого появляются такие названия, как *Воронежское*, *Большая Костромка*, *Малая Костромка*, *Гомельское*, *Гуляйполе*, *Винница*, *Дмитровка* (из с. Дмитровка Курской обл.), *Калугино*, *Киевское*, *Лубенцы*, *Львов*, *Могилевка*, *Могилев*, *Новожитомир*, *Новый Кременчуг*, *Полтавское*, *Полтавка*, *Ровеньки*, *Смоленка*, *Сорочино*, *Чернявщина*, *Чугуев*, *Широкосмоленка* и др.

С расширением хозяйственной деятельности и увеличением населения связано появление населенных пунктов с такими названиями, как *Новоселица*, *Новое*, *Новоселовка*, *Новожитловатка*, *Подгородное*, *Новоподгородное*, *Новостроевка*, *Новожитомир*, *Почино-Софиевка*, *Ганно-Зачатовка*. Некоторые из них возникли в результате перемещения населения из отдаленных районов. Например, село Новоселовка Широковского района основано в 1875 году, и получило название от жителей *Новоселовки* из Калужской губернии. Однако большинство подобных названий связаны с переходом жителей из ближайших поселений на новые земли. Поэтому в названиях такого

типа элемент ново-, почино-, зачаток — указывает на относительное время возникновения этих поселений. Как правило, объекты, которые появились с такими названиями, младше других на данной территории.

В Днепропетровской области большой процент населенных пунктов, названия которых пошли от личных имен, фамилий или прозвищ — это так называемые **антропонимы**. Возникли они в большинстве своем от имен или первопоселенцев, или фамилий землевладельцев, или вследствие официальных наименований в честь выдающихся людей. Это населенные пункты с названиями *Васильевка, Дмитровка, Ивановка, Николаевка, Михайловка, Александровка, Семеновка, Андреевка, Алексеевка, Владимировка, Сергеевка, Тарасовка, Павловка* и др., встречающиеся в каждом районе как в чистом виде, так и в форме сложных топонимов: *Ивано-Михайловка, Павло-Григорьевка, Николо-Мусиевка* и др. Из женских имен наиболее распространено имя Мария, которое дало варианты топонимов *Марьинское, Марьяновка, Марьевка, Марьевское, Марьянка*. Вследствие переселений на новые места возникали и новые поселения, образованные сложными антропонимами: *Новоандреевка, Новогригорьевка, Нововасильевка, Новомихайловка, Новопавловка, Новоалександровка, Новомарьевка, Новоанновка, Новомарьенское, Новосеменовка* и др. В честь первопоселенцев от народных прозвищ пошли названия: *Гупаловка, Куцеволовка, Куроедовка, Карнауховка, Козодуб, Зуботрясовка, Сорокопановка, Тритузное, Холодеевка, Недайвода, Рябошаповка*. Некоторые названия населенных пунктов состоялись от фамилий землевладельцев: *Апостолово, Карабиновка, Соловьевка, Письменное, Рахмановка, Булаховка, Синельниково, Мануйловка, Бузовка, Баловка, Вишневецкое, Девладово, Илларионово* и др.

Имеются в регионе названия и религиозно-культового происхождения. К ним относятся: *Благовещенка, Божедаровка, Благословение, Богуслав, Богодаровка, Благословенная, Новоскресеновка, Вознесенское, Всесвятское, Преображенка, Покровка, Петропавловка, Спасское, Троицкое*. Некоторые из них получили свои названия от наименований церквей.

Часто встречаются топонимы, возникновение или содержание которых тяжело объяснить с первого взгляда. Непонятны они потому, что их история уходит глубоко в прошлое, а мы не всегда знаем, с каким событием связано появление топонима. Например, в Пятихатском районе есть село *Пальмировка*. Пересказы жителей свидетельствуют, что название этого поселения пошло от клички собаки Пальма. Место, где сейчас село, принадлежало помещику Вишневецкому, который поселил сюда своих крепостных, которых он выиграл в кар-

ты. Среди них были и пять семей, которых Вишневецкий выменял на красивую собаку. И чтобы сохранить память об этом, владелец назвал село Пальмировкой.

Каждая историческая эпоха имеет свой топонимический словарь, который раскрывает материальную и духовную культуру народа на определенном этапе его развития. Он формируется в результате общественной государственной деятельности людей, их общения с окружающей средой. Большие изменения в топонимике области, как и в целом страны, состоялись после Октябрьской революции 1917 г. Революционное прошлое и бурное развитие страны в годы первых пятилеток, события Великой Отечественной войны и бума промышленного развития края отображены в названиях с соответствующим содержанием: *Партизанское, Красный Прапор, Красноармейское, Красная Украина, Коминтерн, Желтый Октябрь, Красный Октябрь, Новый Путь, Новая Праця, Новая Зоря* и др. Далее следует целый ряд топонимов, выразивших надежду народа на новую, светлую жизнь: *Авангард, Выдвиженец, Товарищеская Праця, Интернационал, Пролетарское, Дружба, Прогресс, Братское, Ликбез, Комсомольское, Днепрельстан, Молодежное, Фестивальное* и др. Большая группа топонимов связана с фамилиями политических деятелей советской эпохи: *Память Ильича, Орджоникидзе, Фрунзе, Кирова, Днепропетровск, Днепродзержинск, Чапаевка, Котовское, Щорс, Карла Либкнехта, Клары Цеткин, Розы Люксембург* и др. Имеются названия, присвоенные в честь выдающихся украинских деятелей культуры: *Шевченко, Шевченковка, Шолохово, Котляревское*. Также часто в географических названиях отображаются определенные праздники. Так, праздник солидарности трудящихся закреплён в 18 названиях: *Перше Травня* (встречается в 6 районах), *Первомайское, Першотравенка, Першотравневка, Першотравенское, Першотравенск, Первомайское, Майское, Маевка*.

Свое отношение к родному краю народ отобразил в названиях, которые отображают характер благополучия, плодородия земли, достатка. Это такие названия, как *Ясное, Веселое, Радостное, Приветное, Утешное, Благодатное, Удачное, Гарное, Славное, Солнцего, Зоряное, Тихое, Мирное, Спокойное, Рясное, Богатое, Урожайное* и др.

Второй по численности группой топонимов, после ойконимов, в Днепропетровской области являются гидронимы — названия рек, озер, прудов, водохранилищ.

Как отмечалось выше, названия большинства рек области, за исключением малых степных, по происхождению являются ирано-тюркскими. Например, р. *Базавлук* происходит от тюркского «бузулук» —

«целина, степь»; р. *Домоткань* — от иранского «данн-хан», «данава-хан» — «речной колодец»; р. *Томаковка* — от тюркского «томак» — «горло, горловина, устье реки»; р. *Бык* — от тюркского «биюк», что означает «большой», со временем переосмысленное и трансформированное в «бык» со славянской основой от названия сельскохозяйственного животного.

Большинство малых рек получили народные названия с ясным значением. Одни из них обязаны своим происхождением особенностям местности, сквозь которую протекают, или собственным физико-географическим свойствам (например, *Каменка*, *Соленая*, *Желтая*, *Вязовок*, *Широкая*, *Сухая Сура*, *Мокрая Терса*); вторые — названиям растений (например, *Осокоровка*, *Бузиновата*, *Осоковатая*, *Лозоватка*, *Грушки*, *Грушевка*, *Терновая*); третьи — животному миру (например, *Журавка*, *Бобровка*, *Вшивая*, *Чапplingка*, *Волчья*); четвертые — названиям населенных пунктов, близ которых ведут начало или протекают (например, *Тритузная*, *Прядовка*) и т.д.

Большинство озер Днепропетровщины находятся в долине р. Орель на территории Магдалиновского и Царичанского районов. Наиболее известны из них: *Холодное*, *Кривое*, *Орловое*, *Далекий Лиман*. Сущность их названий в большинстве случаев народная и понятна. Самым большим по площади озером области является *Соленый Лиман*, расположенное в Новомосковском районе, возле с. Знаменка. Название состоит из двух частей: первая — «солёный» — говорит о том, что вода в озере соленая сравнительно с другими озерами. Это не случайно, ведь минеральные источники, насыщенные целебными солями, придают воде солоноватый вкус. Другая часть топонима — «лиман» — заимствована у греков; «лимен» в буквальном переводе — «бухта, гавань, залив». Часто лиманами называют соленые озера или большое глубоководное озеро, без камыша с чистой водой.

Интересна этимология еще одного названия — *Макортовского* водохранилища. В основу этого слова положено славянское «макитра», что понимается в топонимии как «макатор, макортеть», т.е. циркообразное понижение на склоне долины или балки, в данном случае — долины р. Саксагани.

По принадлежности к населенному пункту или урочищу, близ которых расположены водные объекты, возникли гидронимы водохранилищ *Шолоховского* (с. Шолохово), *Кресовского* и *Карачуновского* (КРЕС и Карачуны — районы г. Кривого Рога), *Днепродзержинского* (г. Днепродзержинск), *Красинского* (Красная балка), озера *Сурського* (р. Мокрая Сура). Стороны горизонта определили положение и название Южного водохранилища, природные особенности воды дали на-

звания озерам *Соленому* и *Холодному*, а большая площадь — озеру *Озерище*.

Также собственные географические названия с интересной и разнообразной историей образования имеют балки, острова, лесные массивы, курганы, природоохранные объекты, геологические пласты, внутригородские и много других географических объектов региона.

Характерны также для территории региона географические названия, которые относятся к категории утраченных — это топонимы географических объектов, которые существовали в прошлом, а сегодня вследствие определенных причин уже не существуют. Яркий тому пример — Днепровские пороги, заборы, ряд островов, которые сегодня затоплены, скрыты водами Днепровского водохранилища. Названия этих объектов еще и до сих пор в большинстве случаев остаются окончательно нерасшифрованными. А сколько географических названий сегодня полностью забытые и содержатся лишь в одиночных упоминаниях в старинных книгах и картах? На этот вопрос невозможно ответить. Часто бывает и так, что определенное географическое название с давних эпох сохранилась в народной памяти, а вот его территориальная привязка полностью утрачена: судьба таких топонимов — навсегда остаться молчаливыми памятниками истории, если какой-нибудь любознательный исследователь когда-нибудь его не расшифрует, не раскроет информационный канал в прошлое, не поймет его информационный смысл.

Топонимы — это настоящий источник знаний о географии, истории, культуре, быте прошлого и настоящего, они являются результатом народного творчества, свидетелями и своеобразным «зеркалом» определенной эпохи, вмещают и надежно сохраняют информацию, которая передается сквозь столетия, часто являясь «информационными посланиями» нам от давних народов, которые еще надлежит тщательно изучить и понять. Поэтому географические названия (топонимы) — это также географические памятки, символы нашей территории, которые нуждаются в бережном к себе отношении, сохранении и тщательном изучении, в том числе, и с позиций ретроспективного анализа истории регионального природопользования.

Литература

1. *Афанасьев О.Е.* Картографирование топонимических территориальных систем средствами ГИС-технологий // Рациональное природопользование: Школа-конференция молодых учёных с участием стран СНГ. — М.: Географический ф-т МГУ, 2005. — С. 33–37.

2. Афанасьев О.Є. Географічне дослідження топонімічної системи України: Автореф. дис. ... к-та геогр. наук: 11.00.11 / Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2006. — 22 с.
3. Журба І.Є. Економіко-географічні засади раціонального природо-користування в регіоні (на прикладі Хмельницької області) / Автореф. дис... канд. геогр. наук: 11.00.02 /; Львів. нац. ун-т ім. І.Франка. — Л., 2002. — 17 с.
4. Реймерс Н.Ф. Природопользование. — М.: Мысль, 1990. — 637 с.
5. Днепропетровская область: масштаб 1:200 000. Серия топографических атласов «Области Украины» / гл. ред. И. Гиль. — К.: Киевская ВКФ, 2004. — 48 с.
6. Афанасьев О.Є. Методика укладання топонімічного банку даних «Топонімія України» та топонімічного районування // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Геологія. Географія. — 2005. — Вип. 9. — С. 91–96.
7. Зеленська Л.І., Афанасьев О.Є. Географія рідного краю. Дніпропетровщина: Навч. посібник для 9 класу. — Д.: ВАТ «Дніпрокнига», 2006. — 248 с.

Третьяков А.В., Гребеннюк Г.Н.

Особенности регионального развития туризма

(на примере Нижневартовского района

Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)

В последние десятилетия туризм и рекреация стали одной из ведущих отраслей мирового хозяйства, сделавшись важной частью национальной экономики, источником благосостояния разных стран мира. Между тем туристско-рекреационная сфера России находится в состоянии, далеком от оптимального, что связано с рядом причин внешнего и внутреннего порядка.

К внешним причинам относится сокращение рекреационного пространства страны, практическое прекращение финансирования туризма и рекреации государством и профсоюзами, резкое увеличение спроса на ранее весьма немногочисленные поездки в зарубежные центры туризма.

Внутренние причины связаны с российским менеджментом туристско-рекреационной сферы: над управленцами регионального уровня довлело желание создать верхний элитный сектор туристско-рекреационных услуг для иностранцев, не проводя предварительной, планомерной, основательной работы по формированию условий отдыха и туризма для своих соотечественников. Такое управление привело к возникновению уродливых форм и видов элитарного туризма, развалу и без того эфемерной структуры туристских услуг, деформации традиций гостеприимства, разрушению оставшихся рудиментов народных промыслов, невысокому социальному статусу образующихся в сфере туризма рабочих мест с точки зрения местного населения. Однако главная особенность рынка туристско-рекреационных услуг — моральное старение внутреннего туристского продукта, т.е. предлагаемых на российском туристском рынке видов и сценариев отдыха и туризма.

Данная ситуация ни в коей мере не является тупиковой, напротив, в мировой туристско-рекреационной сфере наблюдаются тенденции, которые выводят российский потенциал на достаточно выигрышные позиции. Аналитики туристско-рекреационной сферы все чаще применяют термины «зеленый туризм», «ландшафтный туризм», «экотуризм», под которым понимают некий альтернативный вид отдыха и рекреации, ориентированный на новые ценности, прежде всего на тесное общение с природой. При этом особо подчеркивается принципиальное отличие экотуризма (как раз и позволяющее считать его альтернативным): благоприятное воздействие на социально-экономическую среду и экологическое состояние регионов. Именно экологический туризм может выступить в роли средства и инструментария экологического обустройства регионов.

Новые тенденции развития туристско-рекреационной сферы диктуют внимательное отношение к формированию регионального туристско-рекреационного продукта, что требует, в свою очередь, предварительной скрупулезной оценки регионального туристско-рекреационного потенциала, а также оценки воздействия рекреации на окружающую среду регионов.

В настоящее время совершенно очевидно, что перед любыми лицами, ответственными за развитие туристско-рекреационной сферы, равно как и перед «экономическими агентами», т. е. инвесторами, на свой страх и риск пытающимися вложить средства в эту сферу, встают одни и те же вопросы, без ответа на которые невозможно предпринимать какие-либо адекватные действия, а именно:

- какова история российской рекреации, как и почему отдых в России связан с культурным ландшафтом страны, какие свойства этого ландшафта определили национальные традиции отдыха;
- в чем заключается специфика национального и регионального туристского продукта, каковы его выигрышные свойства и малопривлекательные стороны, как и насколько отличается один регион нашей страны от других по качеству турпродукта;
- как сделать отдых и туризм привлекательным для сограждан, какие рекреационные занятия могут получить развитие на данной территории, как разработать программы выигрышных экологических туров, которые составят конкуренцию традиционному туризму;
- как выявить туристско-рекреационный потенциал территории и какие управленческие стратегии необходимо выработать для сохранения и оптимизации этого потенциала;
- как туризм и рекреация воздействуют на природу, насколько значителен тот поток туристов и отдыхающих, который может быть «пропущен» через регион, и как определить рекреационную емкость ландшафтов?

Современная индустрия туризма — одна из крупнейших высокодоходных и наиболее динамичных отраслей мирового хозяйства. В основном это обусловлено постоянно растущим спросом на путешествия и относительно высоким уровнем рентабельности отрасли. В большинстве стран туризм играет существенную роль в экономике, стимулировании социального развития регионов, пополнении государственного бюджета. На долю туризма приходится около 10% мирового валового национального продукта, мировых инвестиций, всех рабочих мест и мировых потребительских расходов. Туризм стимулирует развитие таких секторов экономики, как транспорт, связь, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство товаров народного потребления, и составляет одно из наиболее перспективных направлений структурной перестройки экономики.

Хорошо организованный экологический туризм может быть весьма выгодным бизнесом. Так, уже в конце прошлого века насчитывалось около 240 млн. международных экотуристов. Из них до 157 млн. были ориентированы на туризм, связанный с дикой природой.

В настоящее время экологический туризм представляет собой один из наиболее быстрорастущих секторов индустрии туризма. По некоторым оценкам, экологический туризм охватывает уже более 10–15% туристского рынка. По темпам роста он занимает лидирующее положение в индустрии туризма. Согласно подсчетам туризм,

ориентированный на дикую природу, позволил получить доход порядка 47–155 млрд. дол. США.

Поэтому при надлежащем планировании и управлении экологический туризм может быть важным источником экономических выгод как для стран, так и для частных предприятий и местных сообществ. Одновременно он может служить эффективным инструментом охраны природных и культурных ценностей, экологическим образованием и просвещением.

В отличие от обычных видов туризма экотуризм не требует столь развитой туристской инфраструктуры (отелей, ресторанов, досуговых учреждений) из расчета на одного туриста и на каждый рубль прибыли, а следовательно, характеризуется гораздо меньшей ресурсоемкостью.

Российская Федерация, несмотря на свой высокий туристический потенциал, занимает далеко не первое место на мировом туристском рынке. На её долю приходится около 1% мирового туристского потока. По оценкам ВТО, потенциальные возможности России позволяют, при соответствующем уровне развития, туристской инфраструктуры, принимать до 40 млн. иностранных туристов в год. Однако, на сегодняшний день, количество приезжающих в Россию иностранных гостей составляет 7,4 млн. человек, что не соответствует её туристскому потенциалу.

Культурно-этнографические, социальные, экономико-географические, природно-экологические особенности Нижневартовского района, на наш взгляд, вполне пригодны для развития внутреннего туризма.

Природно-ресурсный потенциал Ханты-Мансийского автономного округа чрезвычайно богат и разнообразен. Наш округ принято считать «энергетическим сердцем» России. И это не случайно. Ведь на территории округа располагаются одни из крупнейших нефтегазовых бассейнов мира, имеются внушительные запасы каменного угля и торфа, других полезных ископаемых.

Югория — это край воды и леса. Лесом и водой покрыто, в целом, 90% территории Ханты-Мансийского автономного округа. Крупнейший в Евразии Обь-Иртышский речной бассейн включает в себя сотни рек, десятки тысяч озёр и болот. Заснеженные горные распадки, лиственничные редколесья и таёжные урманы, обильные ягодные болота, обилие рек и озер — прекрасные условия для развития природоориентированного туризма.

Говоря о месте Приобского Севера в общероссийском и мировом разделении труда, следует сказать о том, что на территории Хан-

ты-Мансийского автономного округа добывается более 60% российской нефти и такое положение может продлиться десятки лет. Вместе с газовыми месторождениями, расположенными севернее по Оби, Ямало-Ненецкого автономного округа, эта часть обского бассейна формирует значительную часть общероссийского бюджета. Углеводородные ресурсы составляют около 60% всего промышленного экспорта России по стоимости. В этом контексте можно говорить о геополитической (внешней) роли Приобского Севера, который фокусирует в себе все движения мирового хозяйства, стал одним из перекрестков мирового бизнеса.

С другой (внутренней) регионально-политической стороны, это наиболее динамичный и процветающий нефтегазовый регион Сибири, динамика и направленность изменений в котором демонстрируют возможную эволюцию всего социально — хозяйственного механизма России. По последним расчетам ученых, нефтедобычу, как главную отрасль производства для Ханты-Мансийского автономного округа можно прогнозировать еще на ближайшие 200 лет.

Нормальным, в мировой практике, считается наличие выявленных запасов нефти у компании на 20 лет устойчивой добычи. Этот показатель у нефтяных компаний, работающих в округе, очень различен. Так у «Сургутнефтегаза» обеспечена устойчивая добыча на 50 лет вперед. А прогнозы Тюменской нефтяной компании (ТГК), в пределах Нижневартовского района, дают только 10-15 лет устойчивой добычи, а затем наступит медленное снижение добычи в следующие 30-35 лет. Поэтому в автономном округе всерьез и, на всех уровнях, обсуждается проблема «что будет, когда кончится нефть?».

Нефтяной бизнес — основа современной экономики Нижневартовского района, находится лишь на пятом месте в мире по прибыльности, поэтому особое внимание нужно уделять развитию тех отраслей, которые по степени эффективности превосходят нефтедобычу. Это пищевой бизнес, приносящий максимальную прибыль, туризм и гостиничный бизнес, занимающей по эффективности второе место, шоу— бизнес, информационная сфера. Развитие этих отраслей обеспечивает городу постепенный отход от монопродуктивной (нефтеориентированной) экономики. В случае сокращения добычи нефти, развитие туризма на территории Югры — одна из реальных перспектив развития края.

Внутренний туризм и рекреация в Нижневартовском районе, как и в России, постепенно выходят из длительной стагнации, возрождается и формируется специфический отечественный турпродукт, создается инфраструктура, разрабатываются совершенно новые марш-

руты, осваиваются новые зоны отдыха. Это обстоятельство особенно заметно в тех местах, где помимо возведенных в советскую эпоху устаревших морально и изношенных здравниц появляются новые туристско-рекреационные комплексы, базы отдыха, небольшие гостиницы в «ландшафте», сезонные домики охотников и рыболовов, придорожные мотели и т.д.

Однако это позитивное поступательное движение обнаружило ряд проблем, которые могут быть разрешены только в процессе разработки и реализации специальной стратегии территориального развития регионов российской провинции, к которым непосредственно относится и Нижневартровский район, механизмом осуществления которого должна стать процедура ландшафтного планирования, или — в более привычной и соответствующей нашим традициям формулировке — экологическая организация территории.

Необходимость ландшафтного планирования в туристско-рекреационной сфере определяется следующими причинами.

1. Территориальные притязания туристско-рекреационной сферы на сегодняшний день весьма слабо отражены (и, следовательно, защищены по сравнению с прочими агентами освоения территории российской провинции) в действующем законодательстве.

Создание природных и национальных парков даже при условии осознания необходимости такого шага со стороны административных органов и местного социума, как правило, тормозится отсутствием возможности финансирования, ведь обе эти формы предполагают для своего полноценного функционирования образование юридического лица, формирование органов управления, штата сотрудников и т.д.

Многие туристско-рекреационные комплексы создаются в настоящее время на средства частных инвесторов, которые если и претендуют поначалу на земли высокой экологической ценности (зачастую имеющие особый природоохранный статус), то, столкнувшись с реальными трудностями организационно-правового порядка, предпочитают в дальнейшем «свободные» территории, пусть и явно уступающие первым по качеству.

2. Потенциальные возможности размещения в пространстве регионов Российской Федерации композиционных элементов туристско-рекреационной системы постоянно снижаются вследствие неконтролируемого и скрытого по своему характеру (но весьма скоротечного и жесткого) захвата земель в ходе градостроительного и ресурсно-сырьевого освоения территории.

Индивидуальная дачно-коттеджная застройка приводит к появлению поселков нового типа, захватывающих пространство наиболее ценных провинциальных ландшафтов. В этом случае коттеджная застройка практически обнуляет возможности развития социально значимого туризма и рекреации, перекрывая для территории все дальнейшие перспективы подобного рода (т.е. лишая ее налоговых поступлений, рабочих мест и т.д.).

«Новые русские» дачники выискивали наиболее attractive места: поближе к побережьям рек и озер, на лесных опушках, в условиях достаточной транспортной доступности, так оказались заселенными целые отрезки речных долин, участки озерных побережий и даже острова на озерах и водохранилищах. В результате наиболее выгодные для размещения туристско-рекреационных комплексов места к концу XX века оказались сданы под частную застройку и, по большому счету, утрачены для российского социума в целом.

В Нижневарттовском, районе в роли таких частников выступили многие нефтяные компании, построившие на берегах наиболее доступных и перспективных, с точки зрения отдыха, озерах ведомственных базы отдыха, куда доступ простым гражданам недоступен.

Поднятая проблема касается не только туризма и рекреации, а перспектив социально-экономического развития российской глубинки в целом. Но дело в том, что именно туристско-рекреационная сфера может стать в недалеком будущем надежным источником доходов для многих сельских районов. Однако реализация этой перспективы, безусловно, требует осуществления осознанной территориальной политики, одним из инструментов которой и является ландшафтное планирование.

В основе процедуры ландшафтного планирования для развития туристско-рекреационной сферы Нижневарттовского района, лежит операция соотнесения ландшафтной структуры территории с композиционными элементами складывающейся туристско-рекреационной системы и существующим правовым режимом земле- и природопользования. Состав элементов туристско-рекреационной системы (TPC) в полной мере соответствует территории ХМАО — Югры.

Рассмотрим краткую характеристику основных элементов формирования туристско-рекреационной системы Ханты-Мансийского автономного округа.

1. Ядра — центры TPC различного ранга. Крупные центры TPC концентрируют в своих пределах не только большую часть объектов туристской индустрии, но и соответствующие инфраструктурные возможности: гостиницы, отели, кафе, рестораны, автостоянки и т. д. К

ядрам направлены основные туристские потоки, которые «тормозятся» в их пределах на какой-либо срок. Ядра могут занимать транзитное положение на оси ТРС более высокого уровня (республиканского) либо функционировать как «тупики» в боковых ответвлениях («лучах») ТРС. В этом случае ядра могут служить районообразующими центрами для ареалов более низкого ранга. Основным ядром нашего округа является города Сургут, имеющий разнообразную разветвленную транспортную сеть и обладающий мощной инфраструктурой, а города Нижневартовск и Ханты-Мансийск выступают в роли «тупиковых» ядер второго уровня.

Потоки туристов и рекреантов, доставленных в региональное ядро по оси республиканского ранга, могут затем радиально рассредоточиваться по региональным трассам-осям для посещения местных туристских достопримечательностей. Так, туристы, приехавшие, скажем, в Нижневартовск, могут останавливаться в городе на несколько суток для совершения челночных поездок в этнографические центры Мегиона, Агана, Варьёгана. В свою очередь, Мегион также может играть ядерную роль для ареалов ТРС местного ранга, поскольку, добравшись до этого города, безусловно, стоит задержаться в нем на несколько дней, чтобы совершить экскурсии по живописным окрестностям, посетить экологический музей, действующее стойбище оленеводов Ханты.

Таким образом, при проектировании ТРС в пределах административного округа или района, следует предусматривать возможность формирования ядерных центров, как минимум трех, иерархических уровней.

2. Оси туристско-рекреационной системы. Выявляются как сеть действующих маршрутов различных видов туризма. Информация такого рода должна собираться у туристских фирм, а также в разнообразных туристских клубах, с которыми в большей или меньшей степени связаны любители активного (зеленого, спортивного) туризма.

Туристские маршруты должны быть классифицированы и нанесены на картографическую основу в соответствии со своей значимостью (транзитные, окружные, местные) и типом (автомобильные, водные, пешие, конные, др.). Зачастую маршруты разного типа укладываются в пределы единого маршрутного коридора, который так же должен быть показан специальными условными знаками. Такая ситуация обычно складывается на довольно протяженных отрезках речных долин, где коридор формируется за счет переплетения трасс пешего и конного (вдоль реки), водного (байдарочники) и, возможно, даже велосипедного (если вдоль долины проложена дорога, что совсем не редкость) видов туризма.

Все эти критерии четко просматриваются на примере нашего района.

Разветвленная транспортная сеть, за счет большого количества нефтедобывающих скважин (кустов), позволяет беспрепятственно проехать к различным туристским центрам и к началу водных маршрутов. Основные транспортные магистрали располагаются вдоль крупнейших рек района — Оби и Ваха, что позволяет активно использовать эти реки и их притоки для развития водного туризма.

Продолжительный снежный период дает возможность для развития различных зимних видов отдыха.

Вся информация о природоориентированных маршрутах и турах концентрируется в туристско-транспортной корпорации «Спутник» г. Нижневартовска, а о спортивных походах — в окружной федерации туризма.

3. Локусы туристско-рекреационной системы. Отчетливо распадаются на две группы: места, связанные с учреждениями организованного отдыха, и места, приуроченные к наиболее аттрактивным точкам в ландшафте, привлекающим самостоятельных туристов.

Картографирование учреждений организованного отдыха может быть осуществлено на основе районных карт землепользования, на которых, как правило, показаны рекреационные учреждения (как ведомственные, так и муниципальные).

Значительно сложнее получить достоверные материалы о локусах самостоятельного туризма. Места, используемые для отдыха и туризма, только на первый взгляд представляются аналогичными и не стоящими внимания. На самом деле потребительские предпочтения наших сограждан весьма разнообразны.

Учреждения организованного отдыха в районе можно разделить на две группы:

1. Круглогодичного посещения,
2. Сезонные.

К первой группе относятся базы отдыха, имеющие на своей территории водные объекты которые используются в летнее время для купания и организации различных видов водного отдыха, а зимой для организации катков для катания на коньках. Прилегающую территорию используют для организации лыжных трасс, катания на лошадях, оленьих упряжках, снегоходах и т.д. Но посещение этих баз носит в основном уик-эндный характер, либо используются для организации летнего отдыха детей. В рабочую неделю, они, как правило, пустуют.

Ко второй группе относятся горнолыжные центры, которые в летнее время не используются.

Что касается самостоятельного туризма, то в районе в виду природных и климатических условий большое распространение получили водный и лыжный виды туризма. В настоящее время ведется классификация рек округа по категорийности, для использования их в плановых туристских маршрутах. Разветвленная речная сеть позволяет совершать двух — трёх дневные походы по окрестным рекам с возвращением в г. Нижневартовск, что очень удобно для семейного отдыха.

«Классическими» могут считаться локусы, образуемые многодневными стоянками «пришлых» рекреантов, в виде палаточных лагерей, устанавливаемых из года в год на одном и том же месте. Такие палаточные лагеря часто приурочены к устьевым отрезкам речных долин малых водотоков, впадающих в крупные реки, к участкам надпойменных террас и высоких пойм малых рек, к озерным побережьям. Спросом пользуются экотонные участки с переходом типа «опушка леса на террасе — пойменный луг — русловая пляжевая отмель». В противовес распространенному мнению поведение рекреантов таких лагерей, как правило, достаточно экологично, здесь существует своеобразная экоэтика, сооружаются ямы для мусора, устраивается фиксированная туалетная зона и т.д. В окрестностях Нижневартовска таким местом является территория на правом берегу р. Мега, в районе 19 км. Мегионского шоссе, где в разные сезоны года собирается большое количество туристов со всего округа для проведения различных туристских слетов и соревнований.

Учитывая вышеизложенное и актуальность данной проблемы, а так же с целью экономической выгоды, был разработан проект, по развитию внутреннего туризма на территории Нижневартовского района.

Основными задачами проекта является:

- развитие внутреннего туризма, как бюджетообразующей отрасли г. Нижневартовска, Нижневартовского района, Ханты-Мансийского автономного округа;
- воспитание уважительного отношения к традициям и культуре малых народов севера;
- привитие модели экологически целесообразного поведения человека на этой Земле.

Эффективная реализация этих задач возможна посредством проведения туристско-экскурсионных маршрутов по территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района.

Проведение туристско-экскурсионных маршрутов на территории Югры, предлагаемых в нашем проекте, возможно в любое время

года. Туристские группы могут формироваться по интересам, по степени физической подготовленности, с учетом возрастной категории.

На территории Нижневартковского района мы можем предложить гостям туры, рассчитанные на различные интересы гостей, на уровень их физического развития, на продолжительность по времени.

Наиболее перспективные направления характерные для нашего района, это экологический и этнографический туризм.

Но для того, что бы экономическая эффективность данного проекта была более высокая, первоначально необходимы финансовые вложения в развитие туризма, а именно:

- совершенствование и развитие малой авиации;
- пополнение автопарка современными комфортабельными автобусами;
- строительство новых гостиничных комплексов отвечающих мировым стандартам комфорта;
- подготовка специалистов по сервисному и туристскому обслуживанию.

Последняя обозначенная проблема уже решается через открытие двух специальностей в Нижневартковском государственном гуманитарном университете, — география со специализацией «страноведение и международный туризм» на факультете естественных и точных наук, «социально-культурный сервис и туризм» на факультете культурологии.

Кроме того, окружная федерация туризма готовит инструкторов детско-юношеского туризма, спортивного туризма, и гидов-проводников для обслуживания активных туров.

Литература

- Колбовский Е.Ю. Экологический туризм и экология туризма: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений — М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Третьяков А.В., Рянский Ф.Н., Гребенюк Г.Н., Соколов С.Н. Перспективы развития туризма на территории Нижневартковского района. Мира не узнаешь, не зная края своего: Мат.7 краеведческих чт. Упр. Культуры Администрации г. Нижневартовска, МУ «БИС», НГПИ. — Нижневартовск, 2003.
- Третьяков А.В., Гребенюк Г.Н., Соколов С.Н., Жигулина Т.В. ЮГРА — территория нашей любви.: Проект по развитию туризма на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 2003.

Ибрагимова Р.С.

Интернационализация и ее роль в переходе региона к постиндустриальному развитию

Региональная экономика как открытая система подвержена влиянию не только локальных, но и глобальных факторов среды. Причем в настоящее время прессинг последних становится все существеннее. Сейчас уже нельзя успешно развиваться без учета тенденций мировой экономики и изменений внешнего окружения. Нарастающее воздействие международной среды на регионы следует расценивать не как негативную проблему, а рассматривать с точки зрения открывающихся возможностей экономического роста на основе расширения и укрепления внешнеэкономического сотрудничества и партнерства.

Возможности повышения регионального экономического потенциала открываются благодаря интернационализации деятельности хозяйствующих субъектов региона. Под интернационализацией мы понимаем нарастающий процесс вовлечения хозяйствующих субъектов в международные операции (производственные, финансовые, маркетинговые) и развитие устойчивых связей с иностранными партнерами. При этом к международным операциям относятся не только те, которые совершаются на внешних рынках, но и те, которые осуществляются на внутреннем рынке с участием иностранных контрагентов.

Широкие возможности для наращивания экономического потенциала в целом, так и отдельных его элементов открываются благодаря освоению международных рынков. Интернационализация создает предпосылки получения недостающих или более дешевых ресурсов из внешних источников. Причем эти ресурсы дают основания не только для количественного, но и качественного роста. Интернационализация создает условия для миграции товаров, капитала, технологий, трудовых, научно-технических, управленческих и других ресурсов и способствует более эффективному использованию всех факторов производства и распределения.

Перспективы роста финансового потенциала, являющегося основой устойчивого развития предприятия, связаны с получением до-

ступа к международным источникам банковского и инвестиционного капитала, а также с выявлением и освоением зон прибыльности на внешних рынках.

Пути повышения производственно-технологического потенциала благодаря интернационализации становятся все более разнообразными. Внедрение прогрессивных технологий может осуществляться на основе зарубежных инвестиций, лицензионных соглашений на использование технологий и know-how. В свою очередь, высокий производственно-технологический уровень предприятия позволяет выпускать качественную и конкурентоспособную продукцию.

Интернационализация хозяйственных связей открывает доступ к внешним сырьевым ресурсам (дефицитным или дешевым источникам сырья, материалов, топлива, энергии), тем самым появляется возможность формирования достаточной ресурсной базы для обеспечения роста и экономического развития компании.

Маркетинговый потенциал, представляющий собой основу для повышения конкурентоспособности и устойчивости на рынке, может быть значительно увеличен за счет эффективного сотрудничества с зарубежными партнерами в сфере распределения, продвижения и сбыта товаров.

Способности к развитию во многом зависят от кадрового и организационно-управленческого потенциала. Интернационализация расширяет возможности развития знаний, компетенций, навыков, методов управления и деловой практики в целом.

Возможности развития инновационного потенциала значительно расширяются благодаря научно-техническому сотрудничеству и кооперации с зарубежными исследовательскими центрами, научно-техническому обмену, размещению научно-исследовательских баз за рубежом.

Концепция интернационализации ориентирует на развитие и эффективное использование потенциала, а также на быструю адаптацию к внешним изменениям, согласованную эволюцию внутренней и внешней среды. Международная деятельность вынуждает совсем иначе настраивать и регулировать внутренние и внешние процессы, чем при ориентации на хозяйственные связи только в рамках национальной экономики. Чтобы отвечать требованиям международных рынков, необходимо создать новую форму организации, финансовую структуру, интернационально ориентированную кадровую политику и осуществить изменения в области закупочной деятельности, исследований и разработок, а также в маркетинговой политике. Вырабаты-

вается единый ритм совместного существования с локальной и глобальной средой.

Таким образом, постиндустриальное развитие региона на основе интернационализации обеспечивается следующим:

- открывающимися возможностями развития посредством *количественного и качественного повышения потенциала по всем основным элементам* (производственно-технологическому, финансовому, маркетинговому, ресурсному, организационно-управленческому, исследовательскому, кадровому),
- формированием условий для *своевременного обновления активов на основе развития каналов взаимодействия с глобальной средой и контура обратной связи*,
- *синхронизацией эволюции региона и глобальной среды* функционирования за счет применения глобального подхода к развитию,
- созданием условий для *минимизации рассеяния энергии на основе синергетических преимуществ сотрудничества с иностранными партнерами и использования возможностей международных рынков*,
- существенными *мотивациями, служащими импульсами и определяющими пути развития*.

Проведенный анализ обобщенных результатов интернационализированных промышленных компаний свидетельствует о более интенсивном их развитии по сравнению с предприятиями, ориентированными только на отечественный рынок и полагающимися на внутренние ресурсы. Для оценки были выделены группы промышленных компаний в соответствии с преобладающей формой интернационализации — предприятия с участием иностранного капитала; предприятия, осуществляющие прямые инвестиции за рубежом; экспортно-ориентированные предприятия. Расчеты сравнительных коэффициентов активности в различных аспектах деятельности по отраслям промышленности показали, что производственная активности интернационализированных предприятий была выше в среднем в 17 раз, инвестиционная активность — в 12 раз, инновационная активность — в 9 раз. Предприятия с участием иностранного капитала демонстрируют более высокую активность в обмене технологиями. Например, их активность в экспортировании технологий превышает другие предприятия в среднем в 8 раз. По данным Госкомстата РФ, наиболее высокий показатель рентабельности продаж в последние годы зафиксирован в экспортно-ориентированных отраслях.

Важно отметить, что развитие международных экономических связей возможно лишь при наличии благоприятной среды. Чтобы участвовать в разворачивающейся международной конкуренции, требуется создать эффективную систему поддержки интернационализации.

На региональном уровне предпринимаются попытки построения и внедрения таких систем. Главное внимание в них сосредотачивается на оказании содействия предприятиям во внешнеэкономической деятельности, развитии территориального маркетинга, поиске и привлечении иностранных инвесторов.

Как показал опрос руководителей ряда промышленных предприятий, при подготовке к реализации проектов интернационализации появляется большая потребность в информации об иностранных рынках, в установлении деловых контактов с потенциальными партнерами, в продвижении компании за рубежом. Им не хватает опыта в оценке экономических рисков и угроз, возникающих в международной деятельности. Поверхностные исследования рынка или плохое знание условий страны партнеров приводит к заключению сделок с повышенным стратегическим риском или низкой их эффективностью. Российские компании, намеревающиеся установить международные хозяйственные связи, как правило, не знают возможностей государственного стимулирования. Эти и другие проблемы обуславливают потребность во всесторонней и систематической помощи и поддержке в процессе интернационализации хозяйственной деятельности.

Необходимыми условиями реализации стратегии интернационализации с учетом современных тенденций, определяющих успешное развитие хозяйствующих субъектов международного рынка, являются:

- достаточность финансовых ресурсов;
- обеспеченность производственными и маркетинговыми активами;
- соответствие стандартов качества производства и управления международному уровню;
- развитая информационно-методическая база для принятия управленческих решений;
- благоприятная государственная политика в области международных экономических отношений и повышения конкурентоспособности национальных предприятий;
- наличие квалифицированных кадров, владеющих необходимыми знаниями и навыками международной деятельности;

- развитая система коммуникаций и продвижения предприятия на международном рынке;
- наличие гарантий, позволяющих избежать, смягчить или компенсировать потери в случае реализации рисков;
- справедливое решение споров и конфликтов, возникающих между участниками интернационализации.

В связи с существенным влиянием институциональных факторов на развитие интернационализации наиболее целесообразно применение институционального подхода к созданию системы поддержки интернационализации предприятия, содержащей систему внутренней поддержки интернационализации предприятия и систему региональной поддержки.

На основе функционального подхода и результатов наблюдений за работой отделов внешнеэкономических связей ряда промышленных предприятий Ивановской области, нами предложена структура корпоративной системы поддержки интернационализации, включающая в себя несколько главных обеспечивающих реализацию концепции интернационализации подсистем: система стратегического планирования, мониторинга и контроля; система внутренних и внешних коммуникаций; система обучения персонала; информационная система поддержки решений; система бюджетирования и финансовой поддержки; система мотиваций; административная система поддержки; система правового обеспечения.

Опыт институциональной организации систем содействия интернационализации предприятий в развитых странах (Италии, Германии, Японии, Великобритании, Франции, Испании и Финляндии) свидетельствует о том, что в мировой практике наметился отход от функционального обособления институтов внешнеэкономической деятельности. Основная направленность преобразований заключается в объединении усилий соответствующих государственных органов и финансовых фондов и развитии взаимодействия и координации деятельности сфер различной компетенции.

Было установлено, что в настоящее время в России поддержка интернационализации промышленных компаний в том или ином аспекте осуществляется множеством функциональных и отраслевых органов, действующих обособлено в рамках своих интересов и полномочий. Отсутствует комплексность поддержки формирования и реализации стратегии интернационализации компаний. По нашему мнению, решение проблемы обеспечения единства мер поддержки интернационализации находится в плоскости формирования связующего звена, объединяющего и координирующего деятельность по поддержке ин-

тернационализации различных учреждений и организаций. Такое решение было бы оправданным также с точки зрения усиления мотивации интернационализации российских предприятий и интегрирования их в международную деловую среду в соответствии с общегосударственной внешнеэкономической политикой. Учитывая складывающуюся структуризацию системы поддержки интернационализации предприятий и возрастающую роль государства в создании условий для повышения конкурентоспособности национальных предприятий, координационный центр интернационализации целесообразно включить в структуру регионального правительства. Основной задачей этого органа должно быть создание условий для развития интернационализации, установление тесных связей между организациями, осуществляющими поддержку интернационализации в тех или иных направлениях, с одной стороны, и предприятиями, с другой стороны. В соответствии с этой задачей на региональный центр поддержки интернационализации могут быть возложены функции общего характера.

1. Информационное обеспечение. Предоставление информации российским и иностранным компаниям по общим и конкретным вопросам (о потенциальных партнерах, о законодательстве, о финансовых фондах, о практике ведения бизнеса и пр.)
2. Консультационное содействие. Помощь в выборе деловых партнеров, содействие в направлении в зарубежные страны делегаций российских деловых кругов, поддержка иностранных делегаций при посещении России.
3. Юридическая помощь. Предотвращение и разрешение на досудебной стадии споров между российскими и иностранными партнерами по бизнесу.
4. Индивидуальное сопровождение проекта интернационализации предприятия. Помощь на любом этапе реализации проекта.
5. Содействие в участии в межгосударственных программах сотрудничества.

Основным принципом организации работы и развития взаимоотношений с предприятием должна быть система «единого окна». То есть предприятие, намеревающееся установить международные хозяйственные связи или осуществить проект интернационализации, обращается за помощью в Центр поддержки интернационализации, который оказывает содействие в поиске и использовании ресурсов государственных и неправительственных структур. Такой подход к организации работы позволяет повысить степень оперативности и своевременности решения проблем, возникающих в процессе международной деятельности.

Одной из проблем эффективного функционирования Центра поддержки интернационализации промышленных предприятий является включение этого звена в действенную институциональную «среду», которая позволяла бы осуществлять сбор информации, а также обеспечивала бы управление через центральные структуры и координацию различных организаций. Такая «среда» должна располагать оперативными средствами для разработки и выполнения решений, а также для выявления последствий тех или иных действий или инициатив с помощью механизма обратной связи. Исходя из функциональной структуризации системы поддержки интернационализации, приведенной выше, институциональная среда Центра поддержки интернационализации предприятий представляет собой систему связей со следующими организациями:

1. Министерство экономического развития и торговли.
2. Региональное управление экономического развития и торговли.
3. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии.
4. Региональные службы по стандартизации, сертификации и метрологии.
5. Торгово-промышленная палата.
6. Союз промышленников и предпринимателей.
7. Отраслевые ассоциации и союзы.
8. Центральный банк РФ.
9. Кредитно-финансовые учреждения.
10. Страховые компании.
11. Учебные заведения, осуществляющие обучение в сфере международной экономической деятельности.
12. Научно-исследовательские институты, информационные и консалтинговые агентства.
13. Предприятия.
14. Судебные органы.

Предлагаемая структура системы поддержки интернационализации отличается тем, что базируется на институциональном подходе и учитывает необходимость объединения на региональном уровне ресурсов всех организаций, решающих задачу содействия интернационализации предприятий. Такая структура способна обеспечить тесное взаимодействие государства и промышленных предприятий, поддержку в решении стратегических проблем развития российских компаний и эффективное управление процессом интернационализации на основе объединения усилий различных институтов и комплексного сопровождения проектов международного сотрудничества.

Орлов А.Ю.

Этносоциальная стратификация и мобильность как фактор формирования этнодемографической структуры населения приволжского федерального округа

Перемены, происходящие с большой частотой в последние два десятилетия в ходе политических, экономических и социальных преобразований высветили и обострили демографические проблемы, стоящие перед российским обществом. Несмотря на то, что большинство этих проблем имеют давние социокультурные корни, актуальность их обсуждения с особой остротой проявилась только в последние годы.

Демографические исследования такого значительного по территории и многонационального по составу населения государства как Российская Федерация целесообразно проводить с учетом этнической и региональной специфики. Федеральные округа как территориальный мезоуровень служат в последнее время объектом изучения многих общественных дисциплин. Приволжский федеральный округ в силу своей многонациональности, срединного положения на карте страны, средних позиций по социально-экономическим показателям и по привлекательности для мигрантов можно считать ключевым регионом для изучения этнодемографической ситуации в России.

Раскрыть сущность происходящих в регионе демографических процессов поможет изучение факторов формирования и динамики этнодемографической структуры населения, как статистически наблюдаемых причин. Основными составляющими такого формирования являются естественный прирост и репродуктивное поведение людей, механический прирост и миграционная подвижность населения, идентификационный прирост и психологические установки, направленные на смену идентичности. Каждая из этих составляющих обусловлена действием большого количества факторов, тесным образом связанных между собой: физиологических, брачно-семейных, социально-экономических, культурно-религиозных, политических и т.д. То, какая из этих групп факторов оказывает более значимое влияние, зависит от уровня модернизированности этноса, стадии его экономического развития. Если в архаичном обществе воспроизводство населения зави-

сит в основном от физиологических, а в аграрном от культурно-религиозных, то для народов индустриально развитых стран преобладающей становится группа социально-экономических факторов.

В группу социально-экономических факторов входят такие статистически фиксируемые показатели как уровень урбанизации, уровень образования, профессиональная структура населения, внутри— и межпоколенная социальная мобильность и др. Каждый этнос обладает своим набором социально-экономических характеристик, опосредованно воздействующих на характеристики демографические, в результате чего этнодемографическая структура населения в полиэтническом регионе определяется взаимодействием социально-экономических характеристик каждого отдельного этноса, проживающего на рассматриваемой территории.

В проведенных ранее многочисленных демографических исследованиях [2, 5, 8, 13 и др.] установлено, что уровень образования и социальная активность находятся в обратной зависимости от уровня рождаемости и в прямой от миграционной подвижности населения. От уровня образования обычно зависит вид занятий, что обуславливает дифференциацию рождаемости по видам трудовой деятельности. Повышение доли городских жителей свидетельствует о большей распространенности малой семьи, большей активности женщин во внесемейных отношениях и, как следствие, меньшей рождаемости, но также и о меньшем уровне смертности, в особенности младенческой. Также известно, что повышение уровня образования и доли горожан в общем составе населения выступает одним из существенных факторов стирания межнациональных границ и повышения количества межэтнических браков, что в свою очередь активизирует ассимиляционные процессы.

Следует отметить ряд работ, связанных с исследованиями социально-экономических характеристик, дифференцированных по этническому признаку, которые послужили стимулом к настоящему исследованию. В.С. Белозеров рассматривал уровень образования и профессиональную квалификацию среди титульных этносов республик Северного Кавказа [4]. Доступ к управленческим и образовательным видам деятельности среди северокавказских народов был объектом исследований В.А. Авксентьева [1]. О неравномерности экономического и технологического развития регионов, населенных разными этносами писал А.А. Сусоколов [15]. Вопросы, связанные с социальной мобильностью некоторых постсоветских народов освещались Ю.В. Арутюняном [3]. Формирование этнического предпринимательства, сегментация доходных сфер деятельности в иммигрантской среде рассматривались Г.А. Пядуховым [12], К.П. Сергеевой [14], В.Н. Петровым [11] и др.

Во всех вышеперечисленных работах связи между социально-экономическими и демографическими процессами, происходящими в различных этнических средах упоминались, но не артикулировалась. В данной работе мы попробуем проследить такую зависимость на примере основных этносов, проживающих в Приволжском федеральном округе.

В качестве основных социально-экономических характеристик, условно названных этносоциальная стратификация и мобильность, нами взяты уровень образования (доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием), уровень урбанизации (доля городских жителей) и отраслевая структура занятости населения. Одним из ярких маркеров этносоциальной стратификации могла бы послужить динамика этнопрофессиональной структуры, но ввиду отсутствия практической надобности текущая статистика не уделяла большого внимания градации населения по этому признаку. Если до 1997 года такая возможность все же была на основе использования паспортных данных при заполнении анкет при приеме на работу, то после отмены пятой графы в российском паспорте эта возможность практически исчезла.

В качестве демографических показателей выбрано среднее количество детей, рожденных каждой женщиной старше 15 лет определенной национальности, которое по смыслу и репрезентативности мы будем ассоциировать с широко принятым в демографических исследованиях суммарным коэффициентом рождаемости (СКР), определяющим среднее количество детей, рожденных каждой женщиной условного поколения за всю жизнь (в реальности среднее количество детей, рожденных каждой женщиной несколько выше, чем СКР, но, в силу специфики нашего исследования, основанного на методе сравнения, этим отличием мы будем пренебрегать).

Поскольку участие в миграционных потоках различных этносов неравномерно, целесообразно будет ввести численный показатель, характеризующий миграционную подвижность населения. Мы предлагаем в качестве такого показателя коэффициент миграционной подвижности этноса (КМПЭ), исчисляемый следующим образом:

$$КМПЭ = \frac{M}{P} \cdot 1000, \text{ где}$$

M — численность населения определенной национальности, участвовавшего в миграционных потоках в определенный период, в отношении рассматриваемого региона; P — средняя численность населения определенной национальности в рассматриваемом регионе в определенный период.

Таким образом, КМПЭ будет выступать следующим нашим критерияльным параметром, определяемым как отношение между абсолютной численностью миграционного прироста данного этноса за период 1997–2001 гг. к его общей численности в округе в 2002 году на 1000 человек населения, выявляющий роль миграции в формировании этнодемографической структуры населения (так как современные миграционные реалии таковы, что выезд из округа представителей большинства этносов незначителен, нами рассматривается только прирост). Период исчисления миграционного прироста с 1997 по 2001 год нами выбран в силу того, что во второй половине 90-х годов сошли на нет вынужденные миграции, нарушающие естественную природу причин перемещения населения.

В качестве условного показателя склонности к ассимиляции того или иного этноса мы выберем степень его владения русским языком и не владения языком своей национальности как (конкретных ассимиляционных показателей просто не существует из-за сложности, тонкости и деликатности самого процесса).

Неотъемлемой составляющей этносоциальной стратификации является социальная мобильность населения, то есть перемещение представителей конкретного этноса в социальной структуре общества, отражающая ориентации людей на желаемый уровень образования, профессиональной подготовки и, в конечном счете, уровень доходов. Доказано, что рост ориентации на мобильность отражает ослабление ориентации на семейные ценности [2]. Более социально активное население является как правило и более подвижным. В качестве индикатора социальной мобильности этноса нами выбран уровень образования, являющегося основным каналом социальных перемещений. Динамика уровня образования определяет снижение или повышение социального статуса этноса. Особую, наиболее показательную разновидность социальной мобильности представляет мобильность межпоколенная, относящаяся к изменению статуса детей по отношению к статусу родителей. В качестве показателя такого вида мобильности мы определим изменение уровня образования этносов в 2002 году по сравнению с 1979 годом, а временной лаг в 23 года будем условно принимать как период смены поколений.

Основные народы, формирующие этнодемографическую структуру ПФО (те, чья доля в общей численности превышает 0,1%) целесообразно разделить на две группы — титульные и нетитульные из-за различий в некоторых характеристиках. Речь идет, прежде всего, о миграционной подвижности, имеющей различную природу у коренного и некоренного населения.

Первым шагом рассмотрим изменение численности за межпереписной период 1989–2002 гг. и современные социально-демографические характеристики титульного населения ПФО (таблица 1 и 2).

Таблица 1

Динамика численности титульного населения ПФО, 1989–2002 гг.

Этносы	Численность населения, 1989 г. тыс. чел	Численность населения, 2002 г. тыс. чел	Динамика численности населения, %
Русские	21781,8	21148,1	–2,91
Татары	3933,6	4063,7	+3,31
Чуваши	1480,2	1417,3	–4,25
Башкиры	1008,2	1349,6	+33,86
Мордва	795,2	655,9	–17,52
Удмурты	611,1	560,8	–8,23
Марийцы	533,8	511,9	–4,10
Коми-пермяки	126,5	106,6	–15,73

Источник: данные Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Таблица 2

**Социально-демографические характеристики
титульного населения ПФО, 2002 г.**

Этносы	Доля городского населения, %	Доля лиц с высшим и неполным высшим образованием (ВО и НВО), %	Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	Коэффициент миграционной подвижности этноса (КМПЭ)	Доля владеющих русским языком, %	Доля не владеющих языком своей национальности, %
Русские	77,64	16,59	1,446	8,5	99,75	0,25
Татары	64,85	15,38	1,711	14,4	96,05	19,20
Чуваши	48,69	11,81	1,884	5,4	96,81	23,46
Башкиры	42,37	11,89	1,969	7,6	94,47	28,70
Мордва	46,74	10,80	1,986	3,8	99,31	32,63
Удмурты	44,03	9,88	1,930	4,6	99,18	32,58
Марийцы	38,38	9,29	1,917	5,1	97,21	23,16
Коми-Пермяки	34,31	7,60	2,145	7,0	98,31	16,88

Источник: расчеты на основе данных Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 года и Центра миграционных исследований (Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж.Зайончковской. М., 2004.)

Согласно данным таблиц 1 и 2, отчетливо прослеживается прямая зависимость между общей численностью народа, уровнями его урбанизации и образования с одной стороны и коэффициентом суммарной рождаемости с другой. У наиболее модернизированных этносов — русских и татар самые низкие показатели СКР, у менее урбанизированных чувашей, башкир и финно-угорских народов показатели выше, причем у коми-пермяков он достигает того значения, при котором происходит простое замещение поколений.

На динамику абсолютной численности населения того или иного этноса влияет помимо рождения детей еще большое количество факторов, таких как возрастная структура населения, обуславливающая уровень смертности, ассимиляционные процессы или, наоборот, рост этнического самосознания и множество других. Поэтому можно видеть некоторую парадоксальность в том, что у финно-угорских народов с более высоким коэффициентом суммарной рождаемости абсолютная численность снижается, тогда как, к примеру, татары, имея СКР значительно ниже, демонстрируют рост. Также влияние оказывает величина временного лага исчисляемых показателей. Так у татар наблюдается естественная убыль населения с 1993–94 гг. [16], но за межпереписной период с 1989 по 2002 год в целом их численность увеличилась, и если не делать замеров между этими датами, то может сложиться впечатление, что численность этноса непрерывно растет.

Следует отметить, что повышение уровней урбанизации и образования в естественном движении населения играет неоднозначную роль. Наряду со снижением рождаемости с ростом урбанизации снижается младенческая смертность и, следует считать, что для людей с более высоким уровнем образования «...характерна и более низкая, более «продвинутая» по своей структуре смертность. Во всяком случае, в 1989 году дожитие от 20 до 70 лет в группе лиц с высшим образованием находилось в России примерно на том же уровне, что во всем населении западных стран, тогда как во всех остальных группах этот показатель был более низким» [8, с. 302].

Зависимость между модернизационными показателями и миграционной мобильностью этносов не столь явная, но все-таки та же тенденция, только с отрицательным знаком, прослеживается — самые высокие показатели КМПЭ у русских и татар, самые низкие — у мордвы и удмуртов. У остальных народов миграционная подвижность умеренная и варьирует в небольших пределах.

Образовательный уровень населения свидетельствует о его социальном развитии, органическим элементом которого является повышение его подвижности. Рост уровня образования означает рас-

ширение потребностей, а их неполная удовлетворенность оказывает влияние на принятие решения о миграции. Миграции обуславливаются потребностями в изменении социально-экономического статуса, возникающими, как правило, у той части населения, которая наиболее образована. [13]

Следует оговориться, что вышесказанное не относится к миграциям вынужденным, природа мотивов которой совсем иная. Также при состоявшемся перемещении желаемое изменение в статусе не обязательно происходит, так как в большинстве принимающих регионов возникают сложности с трудоустройством мигрантов. Для нашего исследования важен установленный факт, что самые «образованные» и «урбанизированные» в ПФО этносы — русские и татары — являются и самыми подвижными.

Доля лиц, владеющих русским языком, является высокой для всех без исключения титульных этносов. Немного выше она у финно-угорских народов и ниже у тюркских, но различия не существенны. Данная характеристика если и зависит от социально-экономических показателей, то незначительно и неоднозначно. Владение языком межнационального общения в полиэтническом регионе является важным элементом в жизни всех народов без каких-либо модернизационных отличий.

Не слишком показательной является и доля населения, не владеющая языком своей национальности. Среди финно-угорских народов, которые принято считать склонными к ассимиляции, данный показатель высок у мордвы и удмуртов, но низок у коми-пермяков. Среди тюркских народов, находящихся в процессе внутренней этнической консолидации, доля не владеющих языком своей национальности у татар невелика, тогда как среди башкир почти треть населения не знает башкирского языка. (Справедливости ради следует отметить, что почти для 20% башкирского населения, так называемых «западных башкир», родным является татарский язык и в республиканских СМИ Татарстана и Башкортостана ведется острая дискуссия о том, башкиры ли это вообще или все-таки татары.)

Всплеск интереса к этничности и национальным языкам, характерный для 90-х годов начал утихать. Исследования, проведенные Т. И. Герасименко в Оренбургской области свидетельствуют о том, что «...далеко не все представители этнокультурных групп считают необходимым изучение родного языка... Многие понимают, что для карьеры важнее хорошо знать язык межнационального общения. Далеко не все родители стремятся научить детей языку своего народа... А в некоторых национальных семьях родители целенаправленно не учат де-

тей национальному языку, полагая, что это помешает хорошему знанию русского». [6, с. 193]

Таким образом выявить какую либо связь между показателями этносоциальной стратификации и языковой ситуацией в округе не удалось. Если принять за факт то, что знание языка большинства и не знание родного ведет к ассимиляции, то определяется он иными, более сложными причинами, отличными от сугубо социально-экономических. Верно лишь то, что в городах больше предпосылок к межнациональным бракам, дети от которых в подавляющем большинстве случаев выбирают в качестве родного язык межнационального общения.

Динамические показатели урбанизации и уровня образования титульных народов ПФО (таблица 3) имеют различные тенденции изменения со временем. Показатели в таблице приведены по Российской Федерации в целом, так как в этом случае нами ставится задача оценить социальную мобильность титульных этносов ПФО как структурных единиц российской суперэтнической общности без территориальных различий в пределах государства.

Период 1979–1989 гг. обусловлен активным ростом доли городских жителей среди всех народов округа, причем максимальным он был у тех, чьи показатели 1979 года были невысоки — башкир, чувашей, марийцев, тогда как минимальным у наиболее урбанизированных русских и татар. Коми-пермяки, мордва и удмурты занимают промежуточное положение. После 1989 года урбанизационные процессы у всех титульных народов округа приостановились. Незначительно увеличилась доля горожан у татар, чувашей и марийцев, понизилась у башкир, удмуртов и коми-пермяков и фактически не изменилась у русских и мордвы.

Причины прекращения урбанизационных процессов могут носить как конъюнктурный характер — социально-экономический кризис 90-х, когда наблюдался некоторый отток населения из города в село, а также преобразование ряда городских поселений в сельские, так и эволюционный — завершение процесса модернизации и перехода общества в качественно новое состояние. Подробно рассматривать эти причины не входит в задачи нашего исследования, но вероятнее всего, что для русских и, возможно, для татар более характерна вторая группа причин, а для всех остальных народов — первая. Для нашего исследования важен сам факт схожести динамики урбанизационных процессов у всех народов округа.

Динамика доли лиц с высшим и неполным высшим образованием у всех титульных этносов ПФО характеризуется линейным возрастанием за весь период. Минимальное увеличение доли наблюдается

Этносы	Доля городского населения					Доля лиц с ВО и НВО					
	1979, %	1989, %	к 1979	2002, %	к 1989	1979, %	1989, %	к 1979	2002, %	к 1989	к 1979
Русские	72,52	76,71	1,06	76,74	1,00	10,20	14,87	1,46	19,78	1,33	1,94
Татары	58,28	65,79	1,13	68,33	1,04	6,33	12,55	1,98	15,46	1,23	2,44
Чуваши	37,51	49,82	1,33	51,30	1,03	5,02	7,8	1,24	11,97	1,52	2,38
Башкиры	34,55	49,24	1,43	47,47	0,96	5,00	8,42	1,68	11,65	1,38	2,33
Мордва	42,29	52,20	1,24	52,06	1,00	3,68	6,47	1,76	10,79	1,67	2,93
Удмурты	40,98	48,15	1,17	42,39	0,88	4,26	6,96	1,63	9,90	1,42	2,32
Марийцы	30,04	40,69	1,35	42,38	1,04	3,77	6,48	1,72	9,32	1,44	2,47
Коми-Пермяки	31,54	39,83	1,26	38,85	0,98	2,80	5,89	2,1	8,37	1,42	2,99

Источники:

1. Аниканов М.В., Степанов Д.В., Сусоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации. Аналитический справочник. М., 1999.
2. Данные Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 г.

у русских — почти в два раза, максимальное — у коми-пермяков — в три раза. У остальных народов показатель варьирует между этими двумя значениями. Так, с некоторой долей условности, принимая временной лаг в 23 года как период смены поколений, можно сказать, что поколение детей в 2002 году имело в своем составе лиц с ВО и НВО в 2-3 раза больше, чем поколение их родителей в 1979 году. Таким образом на основе динамических показателей русских условно отнесем к народам с умеренной, а все остальные этносы к народам с высокой межпоколенной мобильностью.

Рост уровня образования свидетельствует о росте социальной мобильности населения всех титульных этносов округа. Более высокие динамические темпы у тех, чьи показатели 1979 года были ниже, говорят о некоторой нивелировке модернизированности, как бы «подтягивании» к русским всех остальных народов. Но следует отметить, согласно некоторым исследованиям [7, 10 и др.] в первой половине 90-х годов на территории РФ у всех народов преобладала нисходящая социальная мобильность, вызванная понижением статуса отдельных социальных групп, в частности, интеллигенции, что вызвало некоторую девальвацию престижности высшего образования. Но уже со второй половины прошлого десятилетия общий тренд увеличения доли желающих получить высшее образование восстановился.

Исходя из анализа данных таблиц 1, 2 и 3 можно провести типологию титульных этносов по социально-демографическому основанию.

Тип 1. Высокоурбанизированные этносы с высоким уровнем образования, высокой миграционной подвижностью и низкой рождаемостью, с умеренной межпоколенной мобильностью. К данному типу относится только один этнос среди титульных — русские.

Тип 2. Высокоурбанизированные этносы с высоким уровнем образования, высокой миграционной подвижностью и низкой рождаемостью, с высокой межпоколенной мобильностью. Здесь также представлен один этнос — татары.

Тип 3. Слабоурбанизированные этносы с невысоким уровнем образования, низкой или умеренной миграционной подвижностью и высокой рождаемостью, с высокой межпоколенной мобильностью — башкиры, чуваша, мордва, марийцы, удмурты и коми-пермяки. (В данном случае понятие «высокая рождаемость» условно, так как в реальности не обеспечивает даже простого замещения поколений.)

Одной из важнейших объективных предпосылок формирования этносоциальной стратификации является территориальное размещение этносов в экономически различных регионах. Отраслевая струк-

тура региона определяет экономическое развитие народов в нем проживающих и наоборот. Мигранты же, как правило, заполняют те производственные ниши, которые не были развиты у коренного населения и не грозят для него сужением сферы деятельности.

Нашим следующим шагом будет рассмотрение территориальной дифференциации некоторых социально-экономических характеристик населения ПФО. В качестве таковых выбраны отраслевая структура занятости, поселенческая структура и уровень образования населения в национальных территориальных образованиях округа. Русским национально-территориальным образованием будем условно считать Кировскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую области и Пермский край. Коми-Пермяцкий автономный округ, с 2006 года прекративший существование как самостоятельный субъект федерации, в силу специфики нашего исследования будем продолжать выделять (таблица 4).

Отраслевая структура занятости для удобства сведена к трем показателям:

1. Сельское хозяйство включает сельское и лесное хозяйства, охоту и рыболовство, звероводство и рыбоводство.
2. Промышленность включает добычу полезных ископаемых, все виды обрабатывающего производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство.
3. Сфера услуг включает торговлю, все виды частных и государственных услуг, финансовую деятельность, государственное управление и обеспечение военной безопасности, здравоохранение, науку и образование.

На основе характеристик, рассмотренных в таблице 4, можно составить типологию национальных регионов ПФО. Показатели ранжированы по двум значениям — повышенная или пониженная доля (больше или меньше среднеокружного уровня).

Тип 1. Регионы с повышенной долей населения, занятого в сфере услуг, с высоким уровнем урбанизации и образования — «Русские регионы».

Тип 2. Регионы с повышенной долей населения, занятого в промышленности и сельском хозяйстве, с высоким уровнем урбанизации и образования — республика Татарстан.

Тип 3. Регионы с повышенной долей населения, занятого в промышленности и сельском хозяйстве, с низким уровнем урбанизации и образования — республика Башкортостан, Удмуртская и Чувашская республики.

Таблица 4

**Территориальная дифференциация социально-экономических
характеристик титульного населения ПФО, 2002 г. (%)**

Национальные субъекты ПФО	Доля населения, занятого в экономике			Доля город- ского насе- ления	Доля лиц с ВО и НВО
	Сельское хозяйство	Промыш- ленность	Сфера ус- луг		
Республика Башкортостан	13,20	34,89	51,26	64,00	14,05
Республика Марий-Эл	14,17	31,11	53,38	63,15	16,36
Республика Мордовия	13,90	33,21	52,83	59,80	17,04
Республика Татарстан	11,28	35,92	52,10	73,84	14,54
Удмуртская республика	11,77	36,38	51,19	69,69	15,83
Чувашская республика	15,83	35,08	48,85	60,60	15,64
Коми- Пермяцкий автономный округ	26,66	11,50	61,64	26,26	6,92
Русские ре- гионы	9,41	34,72	54,15	73,24	16,67
ПФО	10,75	34,88	53,71	70,77	16,36

Источник: расчеты на основе данных Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 г.

Тип 4. Регионы с повышенной долей населения, занятого в сельском хозяйстве, с низким уровнем урбанизации и образования — республики Мордовия и Марий Эл, Коми-Пермяцкий автономный округ.

При сравнении показателей таблиц 2, 3 и 4 можно видеть, что территориальные и этнические характеристики во многом схожи. Исключение составляют республики Мордовия и Марий-Эл, вошедшие в группу регионов, чье население имеет повышенный уровень образования, а титульные этносы имеют данный показатель значительно ниже. Очевидно, что при доле мордовцев и марийцев в республиках 31,94 и 42,88% соответственно доля лиц с высшим и неполным высшим образованием формируется в большей степени за счет русского

населения, что дает нам основание включить Мордовию и Марий Эл в группу регионов четвертого типа.

Народы, относящиеся к первым двум типам в этнической типологии — русские и татары — имеют основные места своего проживания в регионах первых двух типов в региональной типологии. Относящиеся к третьему типу башкиры, чуваша, мордва, марийцы, удмурты и коми-пермяки распределены по регионам третьего и четвертого типов. То есть повышенная рождаемость (средний СКР среди титульных этносов ПФО без учета их численности 1,873), умеренная и пониженная миграционная подвижность титульных этносов (средний КМПЭ 0,71) характерна для регионов третьего и четвертого типов, пониженная рождаемость и повышенная миграционная подвижность — для регионов первого и второго типов. Повышенная межпоколенная мобильность характерна для титульного населения регионов второго, третьего и четвертого типов. Для русских, имеющих основные места своего проживания в регионах первого типа характерна более умеренная межпоколенная социальная мобильность.

Исследование было бы неполным, если не рассматривать социально-демографические показатели помимо титульных еще и у других народов, имеющих весомую долю в общей численности населения ПФО (таблицы 5 и 6).

Таблица 5

**Динамика численности нетитульного населения ПФО,
1989–2002 гг.**

Этносы	Численность населения 1989 г., тыс.чел.	Численность населения 2002 г., тыс.чел.	Динамика численности населения, %
Украинцы	554,1	401,6	–27,52
Казахи	208,6	228,0	+9,30
Армяне	25,1	105,1	+318,73
Белорусы	122,8	94,1	–23,37
Азербайджанцы	39,3	84,2	+114,25
Немцы	112,4	71,5	–36,39

Источник: данные Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Зависимость между двумя группами характеристик в этом случае не такая явная, как у титульного населения. Наименьший уровень урбанизации и образования и наибольший СКР наблюдается у казахов. Следом с сохранением той же зависимости идут немцы. Если не брать в расчет миграционную подвижность (у казахов она относи-

Таблица 6

**Социально-демографические характеристики
нетитульного населения ПФО, 2002 г.**

Этносы	Доля городских жителей, %	Доля лиц с ВО и НВО, %	СКР	КМПЭ
Украинцы	73,91	20,16	1,726	65,5
Казахи	21,65	7,83	2,015	29,4
Армяне	72,59	18,35	1,680	89,4
Белорусы	73,82	19,58	1,765	28,7
Азербайджанцы	76,63	14,30	1,830	104,8
Немцы	61,91	12,76	1,864	155,6*

* В данном случае КМПЭ рассчитан по совокупности притока и оттока в отношении к средней численности немцев.

Источник: расчеты на основе данных Госкомстата по Всероссийской переписи населения 2002 г. и Центра миграционных исследований (Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. М., 2004.)

тельно невелика, но у немцев в связи с массовым выездом в Германию имеет высокое значение), то по всем остальным показателям немцы и казахи близки к финно-угорскому и тюркскому титульному населению. Немцы в Поволжье живут больше двух веков (с некоторой поправкой на депортацию), а казахи, расселенные в основном на пограничных с Казахстаном территориях, также проживают на своей родной земле, что объясняет некоторое сходство демографических и социально-экономических трендов с местным населением.

Восточнославянские и закавказские народы в ПФО можно назвать сугубо городскими (доля городских жителей свыше 72%) с относительно высоким уровнем образования (максимален у украинцев, затем следуют белорусы, армяне и минимален у азербайджанцев). СКР невысоки и имеют схожие показатели (максимален у азербайджанцев, далее белорусы, украинцы и меньше у армян). Миграционная подвижность закавказских народов существенно выше, чем у славянских. Украинцы и белорусы в основной своей массе живут на территории округа уже давно, частично с XIX века и потому их социально-демографические характеристики близки к родственным им русским. Основной приток армян и азербайджанцев пришелся уже на постсоветский период, большинство из них проживает на территории округа в первом поколении, многие имеют семьи или их часть у себя на родине, поэтому их миграционные показатели несколько отличаются.

В целом можно видеть, что у подавляющего большинства народов, как титульных, так и нетитульных, социально-демографические тренды различаются несущественно, что и дает нам основание с некоторой долей условности отнести немцев и казахов к третьему типу в нашей типологии, украинцев и белорусов к первому, а закавказские этносы выделить в отдельный тип, формирующийся как иммигрантское сообщество, определяемое преобладанием внутриобщинных связей [11, 12].

На основе проведенных исследований можно сделать ряд заключений и предположений. Приступая к обобщающим выводам мы отдаем себе отчет в том, что исчерпывающий учет всех факторов, оказавших влияние на течение демографических процессов, в рамках статьи проблематичен и использование результатов исследования не гарантирует стопроцентно однозначной оценки ситуации.

Зависимость между модернизационными показателями с одной стороны и рождаемостью и миграционной подвижностью населения с другой, декларированная ранее, подтвердилась. Наиболее «образованные» и «урбанизированные» этносы ПФО являются самыми подвижными и самыми «малородящими». Какой-либо четко артикулированной связи уровней урбанизации и образования со степенью владения русским языком и невладения языком своей национальности не обнаружено.

Более высокие темпы динамики образовательного уровня у менее «образованных» народов говорят о некоторой нивелировке социально-экономических характеристик, вместе с которой следует ожидать и нивелировку характеристик демографических. Коэффициенты рождаемости будут выравниваться, различия в репродуктивном поведении стираться. Возникшая инверсия в случае с высокой рождаемостью и сокращением абсолютной численности финно-угорского населения и ростом численности тюркских народов с более низкой рождаемостью будет в будущем ликвидирована посредством модернизационных процессов. Рождаемость финно-угорских народов снизится, еще более обострив депопуляцию, тогда как численность тюркского населения также начнет сокращаться (об этом неумолимо свидетельствует СКР ниже уровня простого замещения поколений).

Сравнение выделенных этнических типов и типов национальных территорий обнаруживает определенное сходство, из чего можно сделать вывод о непосредственной связи этносоциальной стратификации населения с различием экономических потенциалов территорий проживания.

Среди нетитульного населения можно условно провести раздельную линию. Одна часть встроена в этнодемографическую и социально-экономическую структуру коренного населения и функционирует вместе с ней. Другая часть определяется как отдельная структура с особыми принципами формирования, как иммигрантское сообщество со своей специфической отраслевой структурой занятости. Вероятно, со временем, посредством процессов этнодемографической нивелировки и этнической конвергенции в целом, и эта часть населения войдет в структуру коренных народов округа.

Литература

1. *Авксентьев В.А.* Проблемы этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Тезисы междунар. Науч. конфер. «Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона». — Ставрополь, 1998. — С. 9–10.
2. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996.
3. *Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003.
4. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
5. *Борисов В.А.* Демография. М., 1999.
6. *Герасименко Т.И.* Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб, 2005.
7. *Громова Р.Г.* Социальная мобильность в России: 1985 — 1993 годы // Социологический журнал. — 1998. — №1/2.
8. Демографическая модернизация России, 1900 — 2000. / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
9. Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. М., 2004.
10. *Мостовая И.В.* Российское общество: социальная стратификация и мобильность. — Ростов-на-Дону, 1995.
11. *Петров В.Н.* Этнические миграционные процессы как фактор социальных взаимодействий в регионе. Теоретико-методологический и эмпирический анализ / Дисс... докт. социол. наук, 22.00.04. М., 2004.
12. *Пядухов Г.А.* Межэтническое взаимодействие в инокультурной среде (на примере республики Мордовия, Пензенской и Саратовской областей) // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: Приволжский федеральный округ. Материалы регионального семинара. 10 — 11 апреля 2003, Чебоксары / Под общ. ред. Ж. Зайончковской. М., 2004.

13. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). 2001 // www.vusnet.ru/biblio/archive/migracia/
14. *Сергеева К.П.* Кавказцы в Нижегородской области // Горные страны: Расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: Материалы международной конференции. Ставрополь — Домбай, 25–30 сентября. Москва — Ставрополь, 2005.
15. *Сусоколов А.А.* Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006.
16. Этнография переписи — 2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М., 2003

Литвиненко (Ханташкеева) Т.В.

Пространственные исследования воздействия туризма и рекреации на окружающую среду в регионе озера Бива, Япония¹

Небольшое по сравнению с Байкалом и другими крупными озерами мира, Бива является самым большим по площади водного зеркала (674 кв. км) пресноводным озером Японии. Оно расположено между 34°58'–35°31'с.ш. и 135°52'–136°17'в.д., его максимальная глубина составляет 104 м, а средняя — 41 м. Водосборный бассейн озера Бива-реки Йодо является одним из наиболее плотно заселенных водосборных бассейнов мира. Находясь вблизи таких крупных городов как Киото, Осака и Кобе, озеро обеспечивает питьевой водой около 12 млн. человек, вода озера используется для орошения и промышленных нужд [1].

В период быстрого экономического роста Японии с конца 1950-х по 1960-е годы гармоничное сосуществование человека и природы в регионе озера Бива (префектура Шига) стало нарушаться вви-

¹ Исследования выполнены в рамках проекта «Multi-Disciplinary Research for Understanding Interaction between Humans and Nature in the Lake Biwa –Yodo River», Research Institute for Humanity and Nature, Kyoto, Japan.

ду роста численности промышленных предприятий, увеличения использования химических удобрений, пестицидов, гербицидов, широкого использования синтетических моющих средств, роста жилищного строительства и строительства дамб. Уже в начале 1960-х качество воды в озера стало ухудшаться. Несмотря на проводимые правительством Японии и префектурой Шига меры направленные на улучшение окружающей среды начиная с 1970-х годов, полностью решить проблему не удастся. В настоящее время усилия научной общественности, правительства префектуры и местного населения направлены на поиск путей более устойчивого развития региона. Несмотря на вышеизложенные проблемы, водосборный бассейн озера Бива в настоящее время является продуктивной экосистемой обеспечивающей возможности для различных видов туризма и рекреации.

Общая оценка состояния развития туризма и рекреации в регионе озера Бива

Основываясь на результатах интервьюирования представителей отдела коммерции и туризма правительства префектуры Шига (20 июня 2006 г.) и предоставленных статистических данных [2-4], была проведена общая оценка состояния развития туризма и рекреации в регионе. На макро уровне исследуемый регион включает регион озера Бива в пределах префектуры Шига, где выделяется 7 экономико-географических района: Отцу/Шига и Конан на юге, более плотно заселенные, с небольшой площадью земель покрытых лесом и горами; и остальные сравнительно менее плотно заселенные районы, в основном покрытых лесами и горами — Косеи, Кохоку, Кото, Хигашиоми и Кока. На мезо уровне объектами исследования явились 50 муниципальных округов префектуры Шига (административное деление 2004 года) с населением более 1,4 человек. Выявлено, что ежегодно около 40 миллиона человек посещает регион озера Бива. Рекреационные ресурсы исследуемой территории используются главным образом населением префектуры Шига (60% общего рекреационного потока) или близлежащих префектур как Киото и Осака. Последние 25 лет имеет место устойчивый рост потока туристов и отдыхающих, хотя среднегодовые темпы роста весьма незначительны в сравнении с мировым показателем и составляют всего около 2,4%. Однодневный отдых и однодневные туры преобладают насчитывая 93,1% от общего числа прибытий. Регион озера Бива слабо вовлечен в международный туризм, удельный вес иностранных туристов в общем рекреационном потоке составляет всего 0,0026 (средний по Японии — 0,019). Тем не менее, темпы роста потока иностранных туристов весьма ве-

лики вследствие проводимой как префектурой Шига, так и правительством Японии меры по поддержке въездного иностранного туризма и составили в период 1996–2004 около — 31,6%, что намного больше чем общего потока за этот же период.

В отличие от Байкальского региона и других водосборных бассейнов мира, туристский продукт исследуемого региона характеризуется зрелостью, пространственной дифференциацией и мозаичность. Особенностью является то, что каждый муниципальный округ префектуры представляет свой, отличный от других турпродукт. Положительным моментом в развитии индустрии отдыха и туризма исследуемого региона с экономической точки зрения является слабо-выраженная сезонность в туризме, являющейся большой проблемой для Байкальского региона и других водосборных бассейнов мира.

Воздействие туризма и рекреации на окружающую среду

В связи с актуальностью задач сохранения окружающей среды водосборного бассейна озера Бива, были проведены пространственные исследования воздействия туризма и рекреации на окружающую среду. Используя методику представленную в работе *Biodiversity and Tourism: Conflicts on the World's Seacoasts and Strategies for Their Solution* (1997) [5], исследованы 3 индикатора: интенсивность туризма и рекреации, плотность туристско-рекреационных средств размещения и темпы роста потока туристов и отдыхающих в муниципальных округах префектуры Шига. Интенсивность туризма и рекреации была определена как численность туристов и отдыхающих [4] на квадратный километр площади. Вместимость туристско-рекреационных средств размещения на квадратный километр площади явилась индикатором плотности туристско-рекреационных средств размещения. Расчеты были сделаны на основе доступных данных о вместимости частных и государственных гостиниц, средств размещения домашнего типа и кемпингов [2]. Темпы роста рекреационного потока рассчитывались за 10 лет с 1994 по 2004 (%). Была произведена количественная и качественная оценка этих показателей. Для качественной оценки по всем индикаторам были разработаны шестиступенчатые шкалы. Качественная оценка (по степени) воздействия туризма и рекреации на окружающую среду определялась как сумма качественных оценок 3 индикаторов: интенсивность туризма и рекреации, плотность туристско-рекреационных средств размещения и темпы роста рекреационного потока. Для этой цели мы: (1) превратили качественные показатели этих индикаторов в условные единицы: максимальный — 6, очень высокий — 5, высокий — 4, средний — 3, низкий — 2,

и очень низкий (или уменьшение) — 1, и (2) подсчитали воздействие туризма и рекреации на окружающую среду как сумму этих трех индикаторов в условных единицах. В результате была получена качественная оценка воздействия туризма и рекреации на окружающую среду в муниципальных округах префектуры Шига. Результаты исследований представлены в матричной таблице 1 и на рисунках 1–4.

Интенсивность туризма и рекреации

В целом, интенсивность туризма и рекреации коррелирует с уровнем социально-экономического развития территории: наибольшая интенсивность туризма и рекреации имеет место в районах Отцу/Шига и Конан, наиболее плотно заселенных, с наименьшим удельным весом земель покрытых лесом и горами; относительно низкая интенсивность туризма и рекреации наблюдается в сравнительно менее плотно заселенных районах Косеи и Кока, в основном покрытых лесами и горами. Качественные оценки этого индикатора в муниципальных округах представленные в таблице 1 и рисунке 1 демонстрируют, что интенсивность туризма варьирует очень сильно в пределах префектуры Шига. Разница между максимальным (106, 802,1 человек на кв.км в Нагахаме) и минимальным (276,2 человек на кв.км в Торахимэ) показателями этого параметра составляет 386,6 раз. Это можно объяснить большой разницей в степени вовлечения муниципальных округов в организацию индустрии отдыха и туризма, а также неравномерностью развития туризма и рекреации в регионе озера Бива. Около 59,3% территории префектуры Шига слабо вовлечены в индустрию отдыха и туризма, для них характерна очень низкая или низкая интенсивность туризма. Эти муниципальные округа или имеют более бедные рекреационные ресурсы (особенно для пляжного отдыха или культурного туризма), или сравнительно удалены от основных поставщиков туристов и отдыхающих таких как Осака и Киото, или от основных транспортных магистралей. Инфраструктура туризма здесь менее развита и администрации муниципальных округов не предпринимают достаточных усилий для развития туризма и рекреации.

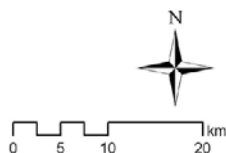
Максимальная, очень высокая и высокая интенсивность туризма имеет место на 21,4% площади исследуемого региона и наблюдается в муниципальных округах районов Отцу/Шига и Конан (за исключением Ритто), четырех муниципальных округах (Омихачиман, Рйуо, Азучи, Гокашо) района Хигашиоми и только в Нагахаме и Кохоку в районе Кохоку и Хиконэ в Кото. Сравнительно высокая интенсивность туризма и рекреации определяется совокупностью нескольких факторов: (1) богатством природных и/или историко-культурных ресурсов для туризма и рекреации; (2) выгодным транспортно-географическим положе-

Интенсивность туризма и рекреации в муниципальных округах префектуры Шига, Япония

(число туристов и отдыхающих на кв. км площади)

Легенда	Качественная оценка	Число туристов и отдыхающих на кв. км площади (2004)
	очень низкая	0 - 6.999.9
	низкая	6,000 - 11,999.9
	средняя	12,000 - 17,999.9
	высокая	18,000 - 23,999.9
	очень высокая	24,000 - 29,999.9
	максимальная	30,000 и более

нием; (3) существующей инфраструктурой для туризма и рекреации; (4) усилиями муниципального правительства направленными на развитие туризма и рекреации. Факторы 1–3 нашли отражение в муниципальных округах районов Отцу/Шига и Конан, обладающих хорошими пляжами, возможностями для водно-спортивных видов рекреации, благоприятным транспортно-географическим положением и инфраструктурой для туризма и рекреации. Примером для фактора 4 являются Нагахана и Рйуо, чья высокая интенсивность туризма и рекреации является не только следствием наличия природных и историко-культурных ресурсов для туризма, но и политикой туризма успешно проводимой местными правительственными органами.

Плотность туристско-рекреационных средств размещения (таблица 1, рисунок 2) варьирует в исследуемом регионе от 113,8 на кв. км в Чузу до отсутствия средств размещения (или отсутствие информации о таких средствах размещения в имеющихся источниках) в Ишибэ, Косэи, Гокашо, Айто, Нотогава, Гамо, Азучи, Эчигава, Тойосато, Хаташо, Коура, Маихара, Оми, Азай, Бива и Такатсуки. Туристско-рекреационных средств размещения, важнейший элемент туристской инфраструктуры, сконцентрированы главным образом в 5 муниципальных округах: Отцу, Чузу, Нагахана, Макино и Адогаве. Они обладают высокой, очень высокой и максимальной плотностью туристско-рекреационных средств размещения и занимают около 12,3% территории префектуры. Средства размещения в Отцу, Чузу, Макино и Адогаве удовлетворяют главным образом спрос на пляжный и водно-спортивный туризм, в то время как в Нагахана — культурный и событийный. Среди упомянутых выше пяти муниципальных округов, Отцу, Чузу и Нагахана имеют высокие степени как по интенсивности туризма, так и плотности средств размещения. Около 71,1% площади префектуры Шига имеют или очень низку (включая отсутствие средств размещения) или низкую плотность туристско-рекреационных средств размещения.

Темпы роста потока туристов и отдыхающих в префектуре Шига с 1994 по 2004 (таблица 1, рисунок 3) варьируют от уменьшения на 45,6% в Ишибэ до роста на 2304,8% в Эчигаве. Высокий или максимальный рост числа рекреантов наблюдался только в Чузу, Айто, Эчигава, Тойосато и Торахимэ (6,2% общей площади), в то время уменьшение наблюдалось в 12 муниципальных округах (21,9% общей площади) и низкий рост в 27 (53,9%).

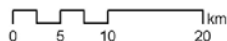
Такие муниципальные округа такие как Отцу, Шига, Хиконэ, Нагахана, Кусатсу, Омичачиман, Морияма, Ясу, Азучи, Макино, Адогава для которых характерна и/или степень интенсивности туризма от вы-

в муниципальных округах префектуры Шига, Япония

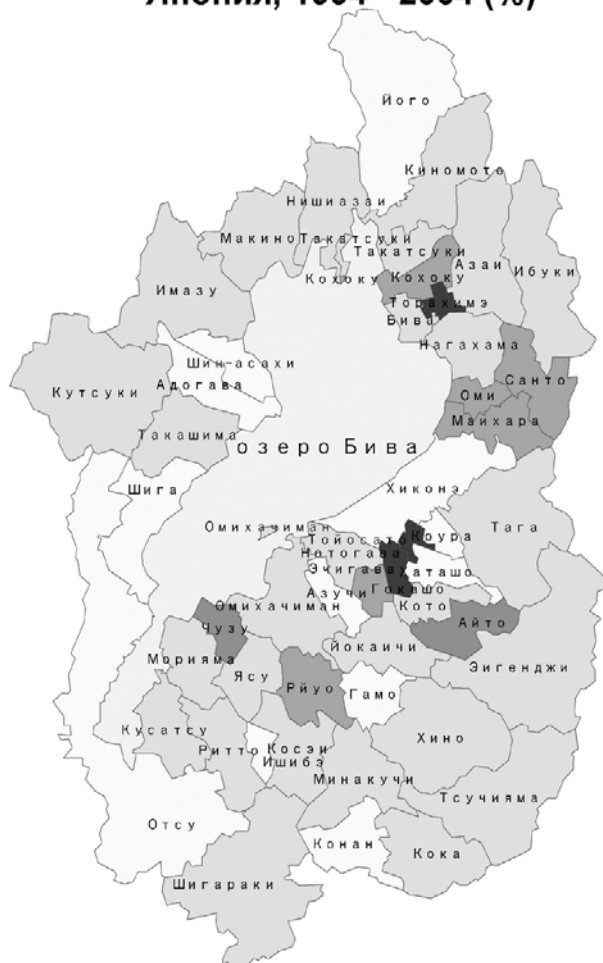
(вместимость туристско – рекреационных средств размещения на кв. км площади)

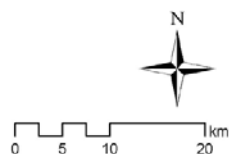
Легенда	Качественная оценка	Едновременная вместимость туристско-рекреационных средств размещения на кв. м площади
	очень низкая	0 - 10,9
	низкая	11 - 21,9
	средняя	22 - 32,9
	высокая	33 - 43,9
	очень высокая	44 - 54,9
	максимальная	55 и более

Темпы роста потока туристов и отдыхающих в муниципальных округах префектуры Шига, Япония, 1994 - 2004 (%)

Легенда	Качественная оценка	Темпы роста, 1994 - 2004 (%)
	уменьшение	- 250 - 0
	низкий рост	0 - 249.9
	средний рост	250 - 699.9
	высокий рост	500 - 949.9
	очень высокий рост	750 - 999.9
	максимальный рост	1,000 и более

сокой до максимальной, и/или максимальная плотность туристско-рекреационных средств размещения демонстрируют уменьшение или низкие темпы роста рекреационного потока за 10 лет. Муниципальные округа с очень низкой или низкой интенсивностью туризма и плотностью средств размещения такие как Тойосато, Эчигава и Торахимэ имеют максимальный рост потока туристов и отдыхающих. Такая обратная ситуация может быть объяснена вовлечением новых территорий в развитие туризма и рекреации, а также развитием альтернативных видов туризма как экотуризм, зеленый, сельский и агротуризм, главным образом в более удаленных, менее плотно заселенных территориях. Муниципальный округ Чузу имеет максимальные интенсивность туризма и плотность туристско-рекреационных средств размещения, а также высокие темпы роста числа туристов и отдыхающих. Для других округов наблюдается или одинаковые качественные оценки, или одна-две ступени разница (обычно выше в темпах роста по сравнению с интенсивностью и плотностью) для всех индикаторов относящихся к воздействию туризма и рекреации на окружающую среду.

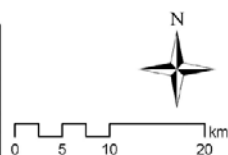
Воздействие туризма и рекреации на окружающую среду

Результаты исследований воздействия туризма и рекреации на окружающую среду представлены в таблице 1 и рисунке 4. Выявлено, что негативное воздействие туризма на окружающую среду может быть проблемой в будущем в муниципальном округе Чузу ввиду как максимальной интенсивности туризма и плотности туристско-рекреационных средств размещения, так и высоких темпов роста числа туристов и отдыхающих. Воздействие туризма на окружающую среду было оценено как очень сильное в муниципальных округах Отцу, Нагахама и Рйуо. Несмотря на снижение потока туристов и отдыхающих в Отцу и незначительное увеличение в Нагахаме, некоторые экологические проблемы могут возникнуть вследствие максимальной интенсивности туризма и высокой плотности туристско-рекреационных средств размещения. В Рйуо очень сильная степень воздействия туризма и рекреации на окружающую среду объясняется главным образом максимальной интенсивностью туризма, плотность туристско-рекреационных средств размещения и темпы роста рекреационного потока оцениваться как средние. Как сильная оценивается степень воздействия туризма и рекреации на окружающую среду в Макино, Эчигаве, Омихачиман, Морияме и Кусатсу. В Макино это объясняется максимальной плотностью туристско-рекреационных средств размещения, в Кусатсу и Омихачиман их максимальной и очень высокой интенсивностью туризма и рекреации соответственно; два других пока-

Воздействие туризма и рекреации на окружающую среду в муниципальных округах префектуры Шига, Япония

Легенда	Качественная оценка	Воздействие туризма и рекреации на окружающую среду в условных единицах
	очень слабое	3 - 4
	слабое	5 - 6
	среднее	7 - 8
	сильное	9 - 10
	очень сильное	11 - 12
	максимальное	13 и более

зателя этих территорий оценивались как низкие или очень низкие. Для Мориямы характерна высокая интенсивностью туризма и рекреации и средняя плотность туристско-рекреационных средств размещения при низких темпах роста потока туристов и отдыхающих. В будущем требуется больше исследований на локальном уровне в ареалах сильного, очень сильного и максимального воздействия туризма и рекреации на окружающую среду для исследований возможного негативного воздействия туризма и рекреации на окружающую среду в регионе озера Бива.

Воздействие туризма и рекреации на окружающую среду оценивается как слабое и очень слабое для 57,5% территории префектуры Шига. Эти 31 муниципальных округа слабо вовлечены в индустрию отдыха и туризма и, следовательно, имеют низкую интенсивность туризма, плотность туристско-рекреационных средств размещения и темпы роста рекреационного потока.

В итоге, можно сделать вывод, что туризм и рекреация в настоящее время локализируются в регионе озера Бива в определенных ареалах, которые главным образом (но не полностью) расположены возле озера Бива. Территория, где воздействие туризма и рекреации на окружающую среду оценивается как максимальное, очень сильное и сильное составляет около 16% площади префектуры Шига. Эти муниципальные округа обладают сравнительно богатыми природными и культурно-историческими ресурсами для организации туризма и рекреации, инфраструктура туризма сравнительно хорошо развита, и туристский продукт хорошо продвинут. Эти территории нуждаются в мониторинге, так как туризм и рекреация являются дополнительной нагрузкой на окружающую среду этих плотно заселенных территорий. Туризм и рекреация не являются источниками экологических проблем для 57,5% территории префектуры вследствие слабой вовлеченности в индустрию отдыха и туризма.

Представленные результаты исследований могут быть полезны для мониторинга туристско-рекреационного развития региона озера Бива и могут внести вклад в поиск не только экономических, но и экологических перспектив для туризма.

Литература

1. *Murota T.* Historical changes of socio-economic issues in the lake Biwa-Yodo river catchment area (2002) New scope on sustainable watersheds in East Asia. Proceedings of the international workshop. Published by "Nauka-Center", Novosibirsk.

2. Convenient data for tourists (2005) Shiga Prefecture Sightseeing Guide Book. Biwako visitors Bureau Publications (на японском языке).
3. Shiga Prefecture Tourism Promotion Policy (2001) Shiga Prefecture Publishing, Otsu, 59 pp. ().
4. Statistics of Tourists and Visitors in Shiga Prefecture in 2004 (2005) Shiga Prefectural Government, Department of Promotion for Commerce and Tourism. (на японском языке).
5. Biodiversity and Tourism: Conflicts on the World's Seacoasts and Strategies for Their Solution (1997) German Federal Agency for Nature Conservation (Ed.). Berlin, Heidelberg; New York; Barcelona; Budapest; Hong Kong; London; Milano; Paris; Santa Clara; Singapore; Tokyo: Springer.

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.

Региональное развитие Северо-запада: особенности и проблемы

Одной из ключевых проблем современной России является проблема регионального, или пространственного, диспаритета. Эта проблема характерна не только для страны в целом, но и для её крупных регионов, в качестве которых в настоящее время воспринимаются федеральные округа.

Перед тем, как рассматривать проблемы регионального развития Северо-запада России, следует отметить, что они представляют собой лишь частный случай пространственного развития всей современной цивилизации. А для цивилизации свойственно нарастание уровней региональной контрастности при переходе от одного уровня к другому, определяемое усложнением условий и факторов развития.

На присваивающем и аграрном этапах основным и в сущности единственным фактором, определявшим развитие общества, были природные условия. С переходом к торговому этапу цивилизационного развития большое значение приобретает экономико-географическое положение, благодаря которому одни страны и регионы получают преимущество над другими. Соответственно оптимальными становятся условия для развития тех стран и регионов, которые сочетают благоприятные природные условия и выгодное экономико-географическое положение. С переходом к индустриальному этапу развития

общества жизненно важное значение приобретают природные ресурсы, и вперёд выходят регионы, сочетающие выгодные природные условия, благоприятное экономико-географическое положение и богатые природными ресурсами.

Переход к постиндустриальному обществу, которое можно определить как общество самореализации, связан с усилением значения ранее созданной инфраструктуры, благодаря которой знания, умения и ценности, накопленные предшествующими поколениями, передаются настоящим и последующим. Постиндустриальное общество становится возможным тогда, когда человек обретает возможность работать не ради куска хлеба — каждый человека в этом обществе уверен в том, что чем бы он не занимался, с голоду не умрёт. Соответственно в таком обществе постепенно снижается значение традиционной экономической мотивации, которую можно обозначить одним словом «деньги», и растёт значение социальной мотивации — человек стремится достичь наибольших высот в избранной им сфере деятельности, невзирая на то, какие доходы это приносит или каких расходов требует. Так, например, в качестве одного из критериев постиндустриальности часто рассматривают численность пользователей сети Интернет [см., например, Горкин, 2007]. Но очевидно, что подавляющее большинство пользователей использует «всемирную паутину» вовсе не для экономических целей — в Интернете общаются, смотрят фильмы, слушают музыку, читают и качают книги, играют и т.д. Деятельность, традиционно относимая к экономической (например, торговля), занимает очень небольшую часть Интернета.

В этом случае будущее постиндустриальное общество обнаруживает большое сходство с тем коммунистическим обществом, которое так и не было построено, и лозунгом которого должно было быть «От каждого по способностям — каждому по потребностям». «От каждого по способностям» — это и есть самореализация. «Каждому по потребностям» — каждый получает ту долю ресурсов, которую он желает получить. Но поскольку экономическая мотивация, характерная для индустриального и более ранних обществ, на постиндустриальном этапе развития теряет свою силу, полное удовлетворения потребностей личности вовсе не означает потребление как можно большего объёма экономических благ — самореализовываться можно в любой сфере деятельности, равно как и в бездеятельности. Человек в таком обществе будет просто жить в своё удовольствие, каким бы не научным не казалось такое определение пост-индустриализации.

Но важно понимать, что переход на новую стадию развития не означает прекращения или даже сокращения экономической деятельности, характерной для более ранних стадий. Сокращается их до-

ля в производстве продукции экономики, но абсолютные объёмы чаще всего растут. В качестве примера можно привести США, со всей несомненностью вступившие на постиндустриальную стадию развития, и при этом являющиеся крупнейшим в мире производителем продукции как промышленности, так и сельского хозяйства.

С переходом к постиндустриальному этапу развития на лидирующие позиции выходят регионы с благоприятными природными условиями, выгодным экономико-географическим положением, богатые природными ресурсами и имеющие мощную инфраструктуру, созданную трудом предшествующих поколений. Естественно, может возникнуть вопрос — а как же тогда информационные технологии, явление, вроде бы не имеющее аналогов в предшествующей истории? Но нетрудно заметить, что пространственная структура, формируемая глобальными информационными и вообще коммуникационными системами, нанизывается на существующую пространственную структуру общества, как перчатка на руку. Предельно простой пример — крах всех коммерческих проектов создания глобальных систем спутниковой связи, способной охватить все районы Земли, и скачкообразный рост сотовой связи, подчиняющейся в своём развитии уже созданным пространственным структурам.

При переходе от одного этапа развития к другому требования к местам размещения и рабочей силе, необходимой экономике, всё более усложняются. Оставшиеся «за бортом» территории начинают отставать, а их удельный вес в численности населения сокращаться. Но если на более ранних этапах развития проблему «избыточного» населения удавалось решить либо за счёт покидания им старых территорий и переселения на новые, либо вследствие перемещения избыточного населения в в регионы, уже перешедшие на новую стадию развития. При этом на новых территориях люди занимались или пытались заниматься тем же делом, что и на покинутых ими территориях, а при переселении в более «удачливые» регионы меняли род занятий, чаще всего коренным образом. Но на рубеже 60–70-х гг. в развитой части мира межгосударственный миграционный обмен значительно сокращается. Стран и регионов, которые испытывали бы необходимость в притоке рабочей силы извне, остаётся очень мало. Таким образом, главным направлением миграций «избыточного» населения становятся динамичные регионы своих собственных стран, но они также не испытывают потребности в новой рабочей силе.

Соответственно «избыточное» для материального производства население вытесняется в сферу услуг и сферу обращения. Процесс сокращения численности рабочей силы в материальном производстве продолжается и сейчас. Так, по утверждению А. Бородаевского,

«Обрабатывающая промышленность обеспечивает занятость лишь каждому девятому работающему американцу, в то время как в 1950 г. в ней трудился каждый третий. Причём это — свидетельство не деградации экономической структуры, а её совершенствования и огромного прогресса в области производительности. Сегодня сталелитейная промышленность выпускает больше продукции, чем в 80-е годы, хотя и утратила 2/3 рабочих мест. За 1990–2000 гг. объём выпуска обрабатывающей промышленности вырос на 61%, хотя занятость в ней снизилась на 2%» [Бородаевский, 2007, с. 19-20]. Одной из основных задач, которые встают перед развитыми странами в связи с ростом производительности труда и соответственно снижением численности занятых в материальном производстве, становится

Одним из способов реализации этой задачи становится ликвидация в середине 70-х гг. какого-либо материального содержания валют стран современного мира (Кингстонские соглашения). Деньги теряют функции «представителей» тех или иных видов природных ресурсов (главным образом золота), и становятся в сущности просто счётными единицами. Традиционная формула товарно-денежных отношений «товар — деньги — товар» значительно усложняется, приобретая вид «товар — услуга — деньги — товар», при этом количество и удельный вес стадий «услуги» постоянно увеличиваются. Особенности услуг: во-первых, то, что себестоимость чаще всего мала по отношению к цене, во-вторых, при обмене услуг на услуги в денежном эквиваленте чаще всего не расходуются какие-либо природные ресурсы, и, в-третьих, при оказании услуги само понятие добавочной стоимости в значительной мере теряет смысл. Этими тремя обстоятельствами определяется скачкообразный рост доли услуг в производстве продукции экономики, наблюдаемый с начала 70-х гг.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что переход к новым этапам развития общества характеризуется резким, зачастую скачкообразным усилением региональной контрастности, когда из тысяч равномерно развитых регионов вперёд вырываются сотни, потом десятки, потом единицы. Особенно явно это проявляется на современном этапе развития. Естественно, что в число стран и регионов-лидеров входят почти исключительно те страны, которые благополучно развивались на предшествующих этапах. Предельно простой пример — страны и регионы Юго-Восточной Азии, буквально «в прыжке» опередившие своих соседей и вышедшие на индустриальную стадию развития.

Переход на постиндустриальную стадию развития должен характеризоваться тем, что, во-первых, общие показатели социально-экономического развития очень высоки, во-вторых, резко увеличивается

доля занятых в непроеизводственной сфере, в-третьих, растёт доля и значение этой сферы в экономике региона, в-четвёртых, страны и регионы, переходящие на новую стадию, резко вырываются вперёд от-носительно стран и регионов, находящихся на более ранних стадиях развития.

Попытаемся разобраться, насколько проявляются эти тенден-ции в развитии Северо-запада, под которым в данном случае понима-ется Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Прежде всего следует отметить то, что никаких «революционных» тенденций в реги-ональном развитии СЗФО не отмечается. Уровень региональной кон-трастности в регионе высок, но он остаётся таким на протяжении дли-тельного времени. Сейчас очень модно стало говорить о том, что уро-вень региональной контрастности в современной России в сравнении с советским временем вырос. Честно говоря, собственные глаза убеждают в обратном, но мы не располагаем официальными данны-ми об уровнях развития регионов страны в советские годы. Расчёт-ные же данные, полученные одним из авторов, утверждают скорее об-ратное — уровень региональной контрастности в стране в 70–90-е гг. если и менялся, то исключительно за счёт освоения новых месторож-дений полезных ископаемых (это касается, например, автономных округов Западной Сибири). В рассматриваемом же регионе регио-нальная контрастность очень сильна, но в целом неизменна. Попыта-емся разобрать её с использованием нескольких показателей для первых лет XX в.

Рассматривать показатель валового регионального продукта на протяжении длительного времени не имеет смысла. Это показатель стоимостной, в рублях он менялся очень сильно, пересчёт в доллары большого смысла не имеет, поскольку реальный курс американской валюты значительно изменился за эти годы. Попытаемся разобрать особенности экономического развития регионов СЗФО с использо-ванием частных показателей.

Показатель, который важен для понимания процессов экономи-ческого развития, происходящих в регионе — общий объём инвести-ций (рис. 1).

Безусловно, для большей объективности стоило бы сравнить не два года, 2000 и 2006 гг., а проследить, как менялась доля каждого субъекта Федерации в общероссийском объёме инвестиций на про-тяжении всего исследуемого периода, но даже в этом случае соотно-шение регионов остаётся в целом неизменным.

Доля С.-Петербурга в общероссийском объёме инвестиций на протяжении всего исследуемого периода выросла с 3,5% до 4%, доля

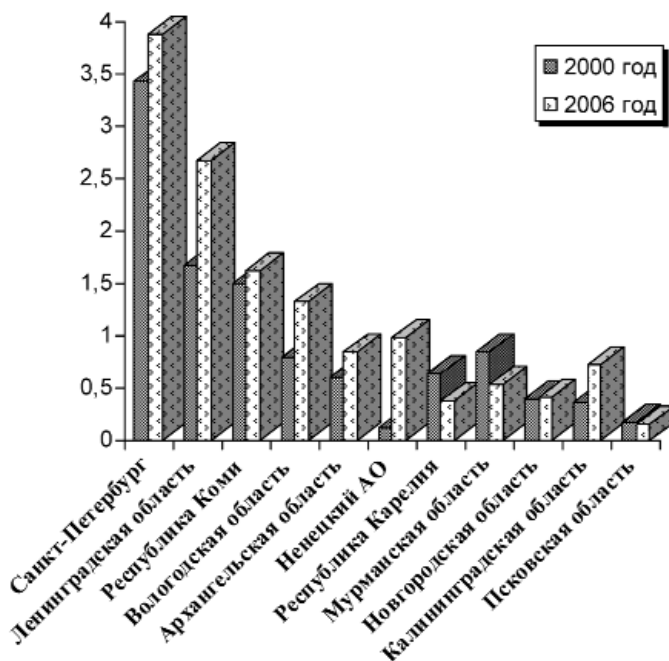

Рис. 1. Доля северо-западных субъектов Федерации в общероссийском объёме инвестиций, 2000 и 2006 годы.

Составлено по: [Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2000 году//режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/GosComStat/200_1.shtm; Где в России жить хорошо // Российская газета (Федеральный выпуск) N4314 от 14 марта 2007 г.

Ленинградской области в 2006 г. приблизилась к 3%. Как в 2000, так и в 2006 году эти два субъекта Федерации занимают лидирующие позиции в общем объёме инвестиций. Следует отметить, что Ленинградская область как таковая инвесторов интересовала и интересуется мало — основные вложения осуществляются в те части области, которые непосредственно примыкают к С.-Петербургу, либо в объекты федерального значения (морские порты и ведущие к ним пути).

Доля большей остальных регионов Северо-запада колеблется в значительных пределах, что чаще всего связано с реализацией каких-либо крупных проектов. Но как в 2000, так и в 2006 году на последних местах — Новгородская и Псковская области. Доля Псковской области в 2000 г. составляла 0,17%, в 2006 году — 0,16% общероссийского объёма инвестиций.

Нетрудно заметить, что каких-либо «прорывных» тенденций не отмечалось по крайней мере на протяжении первых лет XXI в. Но при этом следует учитывать, что объём инвестиций является скорее показателем будущего экономического благополучия, и инвестиции могут вовсе никак не сказаться на жизни населения, что бывает очень часто.

Для населения гораздо более значимым показателем является уровень доходов, который в большинстве регионов России зависит главным образом от заработной платы. Рассмотрим, как менялась заработная плата в 2000–2006 годах (рис. 2).

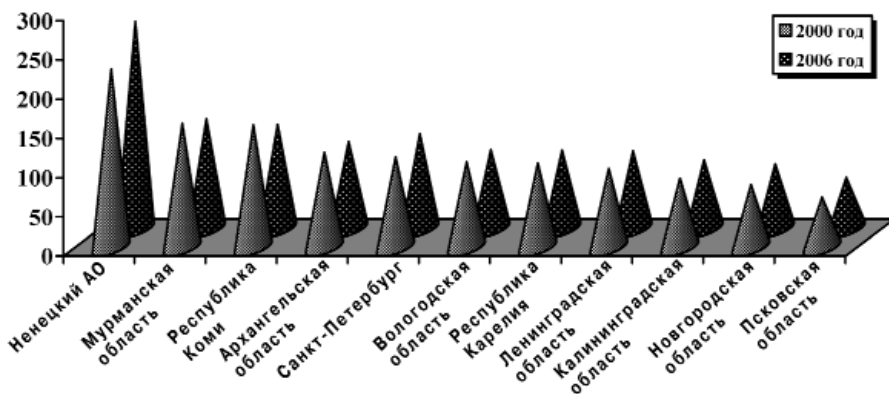

Рис. 2. Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника в северо-западных субъектах Федерации, в % к среднероссийской.

Таблица рассчитана по: [Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2000 году//режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/GosComStat/200_1.shtm; Где в России жить хорошо // Российская газета (Федеральный выпуск) N4314 от 14 марта 2007 г.]

Если в 2000 г. средняя заработная плата в Ненецком АО составляла 226% от среднероссийской зарплаты того же года, то в 2006 году — 264%. Для С.-Петербурга этот показатель менялся следующим образом: 2000 г. — 115% от среднероссийского, 2006 г. — 121%. В Псковской области ситуация менялась так: 2000 г. — 63% среднероссийской зарплаты, 2006 г. — 65%.

Объём заработной платы можно сравнивать не только в процентах к средней по России, но и пересчитывая её в более устойчивую валюту, чем российский рубль (рис. 3).

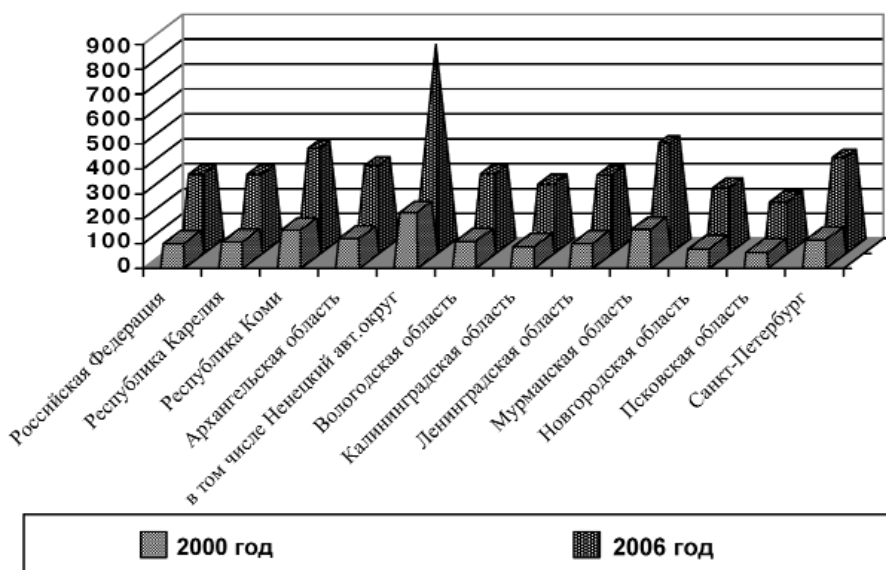

Рис. 3. Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника в евро по курсу Центробанка на конец года.

Рассчитано по: [Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2000 году//режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/GosComStat/200_1.shtml; Где в России жить хорошо // Российская газета (Федеральный выпуск) N4314 от 14 марта 2007 г.]

Если в 2000 г. средняя зарплата в России составляла по официальному обменному курсу 96 евро, то в 2006 г. — 307 евро, увеличившись более чем втрое. В Санкт-Петербурге в 2000 г. средняя зарплата составляла примерно 110 евро, в 2006 г. — 371 евро. В Ненецком автономном округе, устойчиво занимающем первое место по величине средней заработной платы на Северо-западе, этот показатель в 2000 г. составлял 217 евро, в 2006 г. — 808 евро. В Псковской области, занимающей последнее место на Северо-западе практически по всем экономическим, социальным и демографическим показателям — 61 и 199 евро соответственно.

Отмечается устойчивый рост средней начисленной заработной платы как в номинальном, так и в реальном выражении, но этот рост примерно равномерен во всех северо-западных субъектах Федерации. Уровень благосостояния основной массы населения растёт, и отрицать это по меньшей мере глупо. Однако даже в самом благополучных с этой точки зрения регионах Северо-запада он ещё очень и

очень далек от европейского. Даже в Ненецком АО среднемесячная начисленная заработная плата примерно соответствует западноевропейскому пособию по безработице. К сожалению, обычный россиянин пока не может позволить себе работать ради удовольствия — он должен зарабатывать деньги, чтобы выживать, и зарабатывать зачастую очень тяжёлым трудом очень малые деньги. Уже из этого понятно, что до постиндустриального общества нам ещё очень и очень далеко.

Продолжать сравнение разного рода экономических и социальных показателей регионов Северо-запада можно и дальше, но на наш взгляд, очевидно одно — сохранение существующей пространственной структуры общества при отсутствии ярко выраженного стремления какого-либо региона к «смене эпох», т.е. переходу к постиндустриальному развитию. Северо-запад представляет собой в целом индустриальный регион, и все перемены, которые происходили в первые годы XXI века и продолжают происходить сейчас, связаны главным образом с усилением индустриальной составляющей развития (строительство новых предприятий в С.-Петербурге и его ближайших окрестностях, освоение нефтяных и газовых месторождений Ненецкого АО, бокситов Республики Коми, лесных ресурсов Архангельской области, развитие Череповецкого металлургического комбината и т.д.).

Если же рассматривать вторую составляющую экономического развития — усиление абсолютных и относительных показателей сферы услуг и сферы обращения, то здесь тоже наблюдаются существенные проблемы. Рассмотрим это на примере туризма, который обычно рассматривается как одна из важнейших составляющих постиндустриальной экономики, поскольку даёт возможность самореализации в путешествиях. Туризм в данном случае используется просто потому, что его характеристики с той или иной степенью достоверности отражены в официальной статистике в отличие от, например, численности пользователей Интернета или объёма средств, отпускаемых на НИ-ОКР.

В валовом региональном продукте С.-Петербурга доля туризма невысока и мало изменчива на протяжении длительного времени. В других субъектах Федерации на Северо-западе она ещё меньше, хотя «деклараций о намерениях» провозглашалось множество. Но соотношение числа ночёвок туристов в С.-Петербурге и других субъектов Федерации на Северо-западе говорит само за себя. Собственно, только ленивый не заявлял о намерении развивать туризм и не вёл подсчётов использования туристского потенциала, который, дескать, используется не в полной мере. Но никто не пытался объяснить, как его в полной мере использовать. Но в туризме, как и в других направ-

лениях деятельности, существенных изменений территориальной структуры не происходит. Основной поток туристов направлен в С.-Петербург, доля всех остальных северо-западных субъектов Федерации в туристских потоках меньше, чем доля «северной столицы», и это соотношение сохраняется в целом неизменным на протяжении длительного времени (рис. 4).

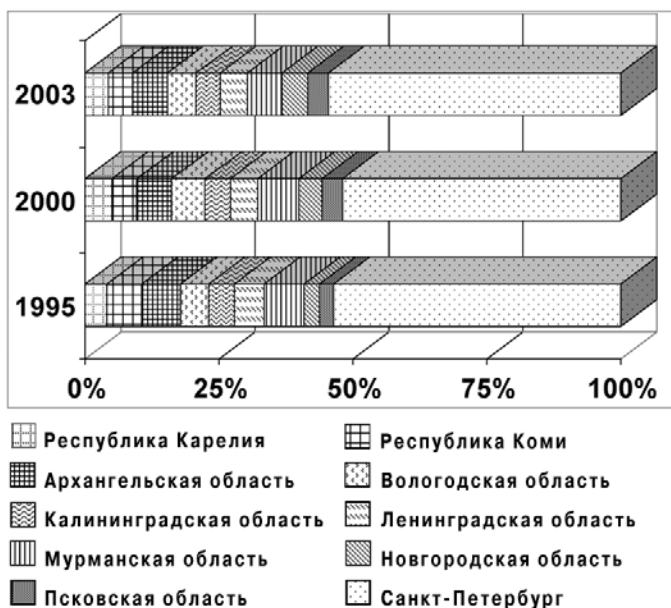

Рис. 4. Доля регионов Северо-Западного федерального округа в общем числе ночёвок в гостиницах и аналогичных средствах размещения рассчитано по [Туризм и туристические ресурсы в России. 2004: Стат.сб./Росстат. — М., 2004.]

Какие же проблемы сдерживают развитие туризма? Первая проблема — это в целом низкий уровень доходов населения. По уровню доходов страна отстаёт даже от бывших советских республик Прибалтики, не говоря уже о государствах Западной Европы. Средняя зарплата в странах — новых членах Евросоюза составляет примерно 600–700 евро, в старых — 2500–3500 тысячи евро. Но рост внутреннего туризма сдерживается не только низкими доходами, но и тем, что у значительной части населения страны просто нет потребности в путешествиях. Это утверждение подтверждается данными о соотношении численности населения страны и числе ночлегов туристов-резиден-

тов (т.е. жителей данной страны) в гостиницах (число ночлегов туристов-резидентов на 1000 человек населения) (рис. 5).

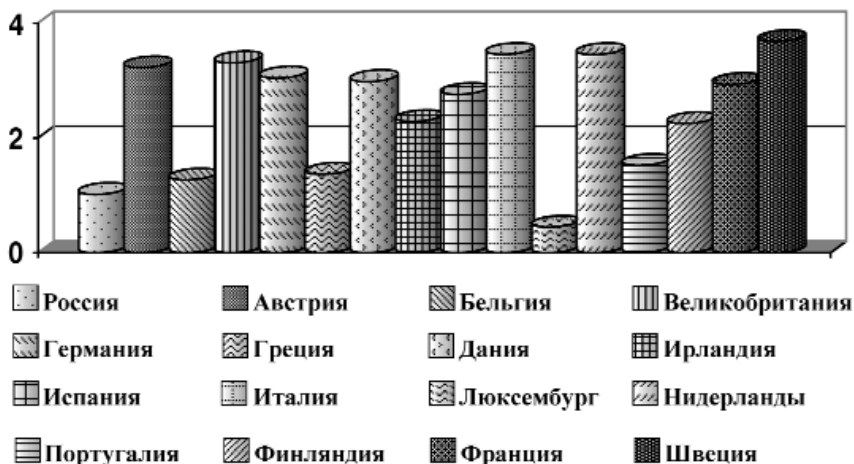

Рис. 5. Число ночлегов туристов-резидентов в гостиницах и аналогичных местах размещения в расчёте на 1000 человек населения в России и «Европе 15», 2002 год

Рассчитано по [Туризм и туристические ресурсы в России. 2004: Стат.сб./Росстат. — М., 2004.]

В Европе есть страны, где относительное число ночлегов туристов-резидентов ниже, чем в России. Такой страной является Люксембург. Но у его жителей нет никакой необходимости останавливаться на ночлег в пределах своего государства — от одной границы Люксембурга до другой примерно полчаса езды.

Третья проблема развития внутреннего туризма — если у жителя России есть деньги на путешествия и потребность в них, то ездить он предпочитает за границу. Заграничные государства столько лет были фактически закрыты для граждан нашей страны, что винить их в недостаточном патриотизме как-то глупо.

Даже если сосредоточиться только на Северо-западе, то цены такие: однодневная поездка из С.-Петербурга в Великий Новгород стоит 720 руб., такая же поездка в Хельсинки, Лаппеенранту или Иматру — 15–18 евро (525–630 руб.). Поездка в Хельсинки с одним ночлегом (т.е. на два дня) обойдётся по минимуму примерно в 1600 руб. Поездка по маршруту С.-Петербург — Печоры — Пушкинские Горы (те же два дня) стоит минимум 1990 руб. Трёхдневная поездка по маршруту

С.-Петербург — Турку — Стокгольм и обратно минимально обойдётся в 1914 руб. Во столько же обойдётся трехдневное путешествие по маршруту Псков — Пушкинские Горы — Великий Новгород, без стоимости дороги до Пскова. Все цены взяты из информационных сообщений турфирм этого года, и легко могут быть проверены. Но при таком соотношении цен надо быть очень большим патриотом, чтобы путешествовать по родной стране.

Но все указанные выше проблемы касаются исключительно внутренних туристов. Для иностранцев главная проблема — визовый режим. Наши средства массовой информации активно убеждают, что именно зарубежные страны чинят препятствия на пути российских граждан в Европу. Но получение шенгенской визы гражданином России — намного более простой процесс, чем получение российской визы гражданином шенгенской страны. В С.-Петербурге и в целом на Северо-западе проще всего оформить шенгенскую визу через консульскую службу Финляндии. Для получения любой финской визы (одно— и многократной, на срок до 1 года) с целью туризма гражданину России нужно предоставить три документа: заграничный паспорт, действующий по крайней мере 3 месяца после окончания срока планируемой поездки, заполненную анкету-заявление и медицинскую страховку. Никаких приглашений, бронирований гостиниц и т.д. не требуется.

Гражданин Финляндии вообще не имеет права просить многократную визу в Россию с целью туризма, многократная виза даётся только в деловых целях. Ему нужно собрать множество бумаг, доказывающих цель его пребывания в нашей стране. В визу обязательно вписывается название приглашающей стороны, официально ограничивается число населённых пунктов, которые можно посетить за одну поездку (в приглашении не может быть указано более 5 городов, в которых намерен побывать иностранец). Может возникнуть вопрос — а как они тогда получают наши многократные визы? Предельно просто — с помощью туристических агентств. Объявления о торговле российскими визами (типа «годовая российская виза — всего 99 евро») в восточно-финляндских городах можно встретить буквально на каждом шагу.

Неудивительно, что число иностранцев, желающих посетить Россию в качестве туристов, сокращается. Если в 2004 году Россию с целью туризма посетило 2637 тыс. граждан иностранных граждан (без СНГ), то в 2005 году 2251 тыс. Но при этом следует учитывать, что в качестве частных лиц в 2004 году въехало 3016 тыс. чел., а в 2005 г. 3516 тыс. чел. [Россия в цифрах. 2006]. Смело можно предположить, что большая часть этих частных посетителей имело целью просто путеше-

ствие по России. А если гражданин той же Финляндии въезжает в Россию по многоразовой визе, он просто обязан декларировать исключительно деловую цель поездки, даже если он едет на велосипеде из Иматры в Светогорск (4 км) водки выпить (хотя и это, пожалуй, дело).

В целом подводя итоги, можно отметить, что сейчас перед Северо-западом, как и перед всей Россией, стоит проблема выбора путей дальнейшего развития, в том числе и пространственного. Но следует чётко понимать, что главная задача социально-экономической географии — выявление естественных тенденций пространственного развития общества и определение того, как эти тенденции использовать. Хватит придумывать схемы и модели, которыми, по нашему просвещённому мнению, должно соответствовать общество.

Надо осознать, что интересы общества — это общность интересов людей, в него входящих. И никаких интересов у общества и его структур, включая государство, сверх этих просто не должно быть. «Проблема общественного счастья не может быть поставлена так, как её часто ошибочно ставят: осчастливьте общество, и каждый его член будет счастлив. Опытов осуществления этой программы в такой постановке было много, и все они были неудачны. Здесь необходимо сделать обратную перестановку: если каждый в отдельности член общества счастлив, то и общественная жизнь счастлива. ... Счастливое общество есть сумма счастливых людей» [Святитель Василий, 2007, с. 363].

Литература

- Бородаевский А.* Тенденции социально-экономического развития в разных регионах мира // Мировая экономика и международные отношения, 2007, №4, с. 18–28.
- Где в России жить хорошо // Российская газета (Федеральный выпуск), 2007 — 14 марта (№4314)
- Горкин А.П.* Уровень постиндустриальности экономики стран мира (концепция и оценки) // Известия РАН, серия Географическая, 2007, №2, с. 9–19.
- Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2000 году//режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/GosComStat/200_1.shtm
- Россия в цифрах. 2006: Стат.сб./Росстат. — М., 2006.
- Святитель Василий исповедник, епископ Кинешемский (Преображенский). Беседы на Евангелие от Марка. — М.: изд-во «Отчий дом», 2007, 848 с.
- Туризм и туристические ресурсы в России. 2004: Стат.сб./Росстат. — М., 2004.

Рухманова Н.А.

Взаимодействие экономики и трудового потенциала региона: проблемы и пути оптимизации

В последние годы при исследовании региональных социально-экономических систем и потенциалов значительно усилился интерес к изучению проблем трудового потенциала. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что трудовой потенциал традиционно рассматривается в качестве основного ресурса и главной движущей силы, которая может и должна обеспечить динамичное и эффективное социально-экономическое развитие регионов России. С другой стороны, определенная инертность и консерватизм в действиях структур, призванных регулировать этот процесс, свидетельствуют о необходимости построения в единой системе региональной экономики подсистемы воспроизводства трудового потенциала, адекватной требованиям рынка и особенностям территориальной и отраслевой структуры хозяйства.

Особенно остро проблемы несогласованного развития экономики и трудового потенциала проявляются на региональном уровне и в первую очередь в субъектах РФ, значительно отстающих от большинства территорий России по основным социально-экономическим параметрам. Опыт развития Ивановской области за годы рыночных реформ свидетельствует, что трудовой потенциал региона, который обычно относили к числу сильных сторон экономического потенциала области, существенно утратил роль ведущего фактора развития региональной экономики. Наоборот, длительное депрессивное состояние региональной системы хозяйства отрицательно сказалось на состоянии и развитии трудового потенциала: значительно уменьшились и продолжают сокращаться его количественные параметры вследствие высокой естественной убыли населения, на низком уровне находятся физическая и социальная составляющие ресурсов труда, наблюдается нерациональное использование интеллектуальной компоненты трудового потенциала, усиливается структурный дисбаланс регионального рынка труда, происходит отток наиболее квалифицированной рабочей силы за пределы области. В результате взаимодействие экономики региона и ресурсов труда имеет в настоящее время в большей степени негативную, чем позитивную направленность и развивается по замкнутому кругу: ухудшение финансово-экономическо-

го состояния региона привело к ослаблению его трудового потенциала, а это, в свою очередь, сокращает возможности человеческого фактора в развитии экономики. Чтобы разорвать этот порочный круг, необходимо обеспечить согласованное, динамичное и эффективное развитие экономики региона и ее трудового потенциала как единой системы. Практическая реализация такого подхода предполагает более четкое определение места, роли, содержания регионального трудового потенциала и путей оптимизации его взаимодействия с другими элементами социально-экономической системы региона.

При определении места и роли трудового потенциала региона мы исходим из того, что трудовой потенциал, с одной стороны, выступает в роли *самостоятельного интегрального экономического ресурса*, который отражает степень текущей и перспективной обеспеченности экономики рабочей силой и, соответственно, определяет возможности экономического роста в регионе. С другой стороны, он является тем *элементом социально-экономического потенциала*, который соединяет и вовлекает в хозяйственную деятельность все остальные его составляющие и тем самым определяет конкурентоспособность экономической системы региона. Такой подход позволяет рассматривать региональную экономику в более широком смысле — как сферу жизнедеятельности в целом, включая не только производство благ, но и процесс потребления, распределения и обмена и даже среду обитания человека. Трудовой потенциал в данном контексте выступает как *социально-экономическая подсистема экономики*, причем социальные аспекты его функционирования и развития важны не меньше экономических аспектов.

Но, включая трудовой потенциал составной частью в хозяйственные системы различного уровня, многие исследователи существенно обедняют его содержание, отождествляя понятия «трудовой потенциал» и «трудовые ресурсы». Более обоснованной представляется позиция ученых, выводящих социально-экономические категории потенциального типа за рамки чисто ресурсного подхода. Достижение более высокого потенциала хозяйственными системами различного уровня является вместе с тем одной из главных результирующих характеристик их развития. Это означает, региональный трудовой потенциал является важнейшей *социально-экономической подсистемой ресурсно-результирующего характера* и в этом качестве он призван обеспечить сбалансированность всех составляющих региональной экономики, а также ее стабильное и динамичное развитие.

Изучение и обобщение предлагаемых в литературе подходов к определению сущности регионального трудового потенциала свидетельствует, что они не отражают всего многообразия его содержания.

По нашему мнению, сущность регионального трудового потенциала определяют четыре основополагающих принципа, объединяющих различные аспекты его содержания и конкретные формы их проявления в процессе взаимодействия региональной экономики и трудового потенциала.

Принцип иерархичности, в соответствии с которым трудовой потенциал региона рассматривается как многоуровневое понятие, интегрирующее более низкие уровни трудового потенциала (отдельного человека, предприятия, отрасли, муниципального образования) и входящее составным элементом в потенциалы и системы более общего типа или более высокого уровня (трудовой потенциал страны, экономический потенциал региона). При этом региональный трудовой потенциал не является простой суммой более низких потенциалов, так как при их объединении и системном использовании появляются дополнительные возможности и ресурсы, вызванные эффектом синергии. Но при отсутствии скоординированности в развитии частных трудовых потенциалов этот эффект может иметь отрицательную направленность, что указывает на двойственный характер принципа иерархичности и необходимость разработки регулирующих механизмов, с помощью которых будет обеспечено эффективное и сбалансированное взаимодействие всех уровней регионального трудового потенциала.

Принцип композиционности означает наличие в составе регионального трудового потенциала различных компонент (составляющих), тесно взаимосвязанных и взаимодействующих как между собой, так и с региональной системой экономики. В наиболее обобщенном виде содержание трудового потенциала представляет органическое единство трех основных компонент: психофизической, социальной и образовательно-интеллектуальной, которые являются его качественными характеристиками. Психофизическая компонента отражает физические и психологические возможности людей, зависящие от здоровья человека и непосредственно влияющие на продолжительность периода экономической активности и качество трудовой деятельности населения. Социальная компонента характеризует уровень социального благополучия населения, социальной защищенности и социальной справедливости в регионе. Но наиболее существенной характеристикой качества трудового потенциала выступает образовательно-интеллектуальная составляющая, отражающая уровень и скорость накопления и совершенствования знаний и опыта по различным аспектам развития природы и общества, научно-технических, экономических и культурных достижений.

Сравнительная характеристика современных параметров психофизического состояния трудового потенциала Ивановской области свидетельствует о значительном отставании региона по этим параметрам. Особенно большой разрыв наблюдается в отношении смертности трудоспособного населения, которое является наиболее продуктивной частью трудового потенциала. Интегральный показатель психофизической компоненты свидетельствует, что ее уровень составляет только 48% от максимально достигнутых в стране значений, причем ни по одному из индикаторов этой компоненты Ивановская область не достигает даже среднероссийского уровня. В значительной мере это является следствием низкого качества жизни населения в регионе, о чем свидетельствуют индикаторы социальной компоненты трудового потенциала региона. Анализ индикаторов социальной составляющей показал, что она имеет еще более негативные параметры. Очень высокое значение имеет показатель бедности населения — более половины жителей области живет за порогом бедности и уровень их доходов не в состоянии обеспечить даже простого физического воспроизводства рабочей силы. Эту крайне неблагоприятную социальную картину дополняет относительный показатель уровня жизни трудоспособного населения, характеризующий соотношение его доходов и величины прожиточного минимума. Этот показатель в Ивановской области едва достигает двукратного значения, то есть минимального норматива. Структура расходов показывает, что половину потребительских расходов составляют расходы на питание, а это, в свою очередь, сокращает финансовые возможности населения по приобретению предметов длительного пользования и накоплению денежных средств. Интегральная оценка социальной компоненты показала, что в целом ее современное состояние отстает от эталонных (лучших) значений почти на 70%. Ранжирование регионов России по анализируемым социальным индикаторам выявило, что большая часть мест, занимаемых показателями социальной составляющей трудового потенциала Ивановской области (коэффициент уровня жизни, уровень бедности и доля расходов на питание), находится в последней десятке регионов РФ. Эти показатели непосредственно зависят от уровня доходов населения, который, в свою очередь, определяется низким уровнем развития экономики региона. Принимая во внимание тесную взаимосвязь показателей уровня и качества жизни с индикаторами психофизической и интеллектуально-образовательной компонент, подобная тенденция ведет к разрушению накопленного регионом трудового потенциала и требует принятия серьезных мер по его развитию в единстве с комплексом мер по развитию экономики региона в целом.

Важной характеристикой качества трудового потенциала в современных условиях выступает его образовательно-интеллектуальная составляющая, которую традиционно относили к числу наиболее сильных сторон трудового потенциала Ивановской области. Исследование показало, что трудовой потенциал региона по большинству параметров этой компоненты также имеет низкие значения. Данные свидетельствуют, что за период рыночных реформ регион потерял значительную часть накопленного ранее инновационного потенциала и достаточно сильный в прежние годы сектор науки по существу оказался разрушенным. Образовательно-квалификационный уровень трудового потенциала области, несмотря на высокий уровень и темпы развития региональной системы высшего профессионального образования, также отстает от среднероссийских значений. Такая ситуация косвенно свидетельствует об оттоке наиболее образованной и квалифицированной рабочей силы за пределы региона. Определяя место образовательно-интеллектуальной компоненты трудового потенциала региона в диапазоне между лучшими и худшими значениями, следует констатировать, что и эта компонента находится на очень низком уровне и отстает от эталонных значений на 75%.

Обобщая результаты оценки современных параметров состояния трудового потенциала Ивановской области, можно сделать общий вывод о существенном ухудшении его качественных параметров и отставании от большинства регионов России. Динамика показателей, характеризующих состояние трудового потенциала Ивановской области за 1995-2005 годы, свидетельствует, что, несмотря на значительные темпы роста экономики региона в последние годы, значительная часть качественных параметров трудового потенциала продолжает оставаться на низком уровне. Накопительный характер большинства индикаторов дает основания предполагать, что для преодоления этих негативных тенденций потребуется значительное время и серьезные усилия по улучшению трудового потенциала и оптимизации его взаимодействия с региональной системой хозяйства.

Принцип генезиса характеризует региональный трудовой потенциал с позиции образования и становления его как развивающейся подсистемы региональной экономики в динамическом и воспроизводственном аспектах. Многие исследователи рассматривают динамизм трудового потенциала как способность к быстрому, интенсивному росту количественных и, особенно, качественных его характеристик. Но, по нашему мнению, накопительно-инерционный характер регионального трудового потенциала подразумевает высокую динамичность его развития только при создании и сохранении в течение достаточно длительного периода благоприятных условий для реализа-

ции и дальнейшего улучшения его характеристик. Рассмотрение трудового потенциала в воспроизводственном аспекте подразумевает максимально широкий охват и взаимосвязанное изучение всех стадий (фаз) его воспроизводства, поскольку конечная эффективность взаимодействия трудового потенциала с экономикой региона зависит от успешности функционирования и единства этих стадий.

Принцип дуализма отражает важнейший аспект содержания регионального трудового потенциала и проявляется, во-первых, в виде присутствия в человеке как субъекте экономической жизни и исходной структурообразующей единицы двух самостоятельных начал — идеального и материального, во-вторых, в виде двойственности (раздвоенности) его внутреннего содержания. Данный принцип рассматривается нами в сложном переплетении его многочисленных проявлений как между собой, так с остальными принципами содержательности регионального трудового потенциала, а также в качестве главной предпосылки существующих противоречий во взаимодействии экономики и трудового потенциала региона. Выявление и систематизация различных проявлений принципа дуализма позволяют обосновать такие специфические характеристики понятия «региональный трудовой потенциал», как: *накопительно-инерционная; факторно-результативная; прогрессивно-регрессивная, подлежащая управлению и осуществляющая управление; отражающая как реальные, так и возможные ресурсы труда; категория, как общего, так и частного типа.*

Накопительно-инерционный характер регионального трудового потенциала означает, что накопление рабочей силой знаний, опыта, квалификации как главных качественных характеристик трудового потенциала происходит в течение длительного времени, что, в свою очередь, определяет инерционность их сохранения даже при негативных тенденциях экономического развития. Но в долговременной перспективе это означает, что утраченные вследствие длительного экономического спада эти качественные характеристики потребуют значительного времени и средств, а также активных мер по их восстановлению. Нами были построены лаговые модели, отражающие взаимосвязь между развитием основных экономических индикаторов (объем валового регионального продукта, размер инвестиций в основной капитал) и рядом наиболее важных параметров трудового потенциала Ивановской области. Анализ полученных результатов свидетельствует, что воздействие инвестиций в региональную экономику на такие параметры рабочей силы как уровень экономической активности населения, численность занятых экономической деятельностью, доходы населения проявляется уже через 1–2 года, причем степень тесноты связи между ними очень высокая — более 0,8. Примени-

тельно к индикаторам накопительного типа (продолжительность жизни, уровень занятости в науке) величина временного лага значительно больше — около 4 лет.

Влияние динамики валового регионального продукта (ВРП) на количественные и качественные параметры трудового потенциала области носит несколько иной характер. В частности, изменение ВРП, занятости и доходов населения происходит синхронно, но связь между темпами физического объема товаров и услуг и реальными доходами населения невысока, что свидетельствует о недостаточной сбалансированности результатов и оплаты труда. Следовательно, при разработке региональных и отраслевых программ социально-экономического развития региона необходимо разработать механизмы по обеспечению согласования уровней оплаты труда и экономических результатов, что, в свою очередь, является необходимым условием улучшения как экономических, так и социальных параметров развития региона. Следует также отметить, что воздействие ВРП на физические характеристики трудового потенциала (уровень заболеваемости и смертности) проявляется значительно позднее — через 4–5 лет.

Прогрессивно-регрессивный характер также связан с фактором времени. Благоприятные изменения в экономике (внедрение новой техники и технологии, улучшение условий труда и т.д.) приводят к прогрессивным изменениям в трудовом потенциале, и наоборот. Данный аспект двойственного характера регионального трудового потенциала тесно переплетается с признанием факторно-результативного его содержания. С одной стороны, трудовой потенциал как главная движущая сила экономики имеет возможность оказывать серьезное влияние на эффективность использования совокупного экономического потенциала и темпы социально-экономического роста в регионе благодаря способности к постоянному развитию и совершенствованию, к взаимозаменяемости отдельных его элементов. С другой стороны, количественные и качественные параметры трудового потенциала производны от динамичности и гибкости механизма взаимосвязи стадий его воспроизводства со всеми компонентами и стадиями экономического кругооборота. Отсутствие отлаженной и регулируемой связи между этими процессами приводит к появлению и укреплению отрицательных тенденций в их развитии вследствие несоответствия параметров трудового потенциала особенностям (уровню, структуре, темпам) развития экономики региона. Важным представляется и рассмотрение регионального трудового потенциала как подлежащего управлению и осуществляющего управление с целью выявления путей и методов регулирования его состояния и развития в соответст-

вии с экономическими потребностями региона и для оценки его управляющего воздействия на развитие экономики.

Анализ причин негативных тенденций в развитии трудового потенциала Ивановской области позволил выявить и систематизировать наиболее важные проблемы, препятствующие разработке и реализации региональной стратегии в сфере воспроизводства регионального трудового потенциала: *организационно-управленческие проблемы*, связанные с несовершенством структуры и функций региональных органов управления; *проблемы информационного обеспечения*, вызванные неполнотой и недостаточной достоверностью сведений о трудовом потенциале; *проблемы научно-методического обеспечения исследований*, связанные с отсутствием методик, позволяющих провести его всестороннюю и объективную оценку. Для решения этих проблем необходимо кардинальное совершенствование информационной базы как с точки зрения обеспечения качества и полноты информации, так и в части источников и методов ее оперативного сбора, обработки и анализа на основе создания региональной системы мониторинга состояния и развития регионального трудового потенциала в условиях и границах рынка труда. По нашему мнению, этот мониторинг как *информационно-оценочная система* призван решать не только задачи создания необходимой информационной базы, но также: разрабатывать и совершенствовать методики оценки текущего и перспективного состояния трудового потенциала региона; проводить независимую оценку перспектив развития экономики региона с учетом внутренних ресурсов труда и возможностей их привлечения извне; оперативно выявлять результаты воздействия на состояние и развитие трудового потенциала различных процессов и факторов; разрабатывать предложения по его оптимизации и оценивать эффективность мер по регулированию взаимодействия экономики и трудового потенциала.

Глава 3. ОТРАСЛЕВЫЕ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вардомский Л.Б.

Некоторые особенности экономического развития российско-украинского порубежья

Целью настоящей работы является оценка влияния приграничного положения на экономическое развитие смежных областей России и Украины. В первые годы после распада СССР причины экономического спада в новых независимых государствах во многом связывали с появлением новых государственных границ. Действительно, превращение административных границ бывшего СССР в государственные, требующие для своего преодоления значительных денежных и временных затрат, внесло свой вклад в многолетнюю рецессию во всех постсоветских государствах. В условиях экономического роста действие новых границ на экономическое развитие регионов не столь однозначно. Издержки коммерческих компаний по преодолению государственных границ (с постоянно меняющимися таможенными правилами, техническим, фитосанитарными, миграционными и прочими требованиями) — прямой вычет из их прибыли, а, в конечном итоге, из валового внутреннего продукта новых независимых государств. Удорожание взаимных связей связано также и с тем, что международные транспортные тарифы существенно выше, чем внутренние, с необходимостью валютных конвертаций, с различиями в национальных правилах ведения бизнеса.

В то же время появление пограничных барьеров повышает шансы для развития отдельных секторов экономики приграничных регионов, которые в условиях существования единого народнохозяйственного комплекса СССР из-за конкуренции соседей были существенно ниже. Некоторые компании получили возможность строить бизнес на существующих между странами различиях по уровню зарплаты, налогов, энерготарифов и т.д.

Отчасти по этой причине предпринимающиеся до сих пор попытки в разных интеграционных форматах смягчить барьерное действие новых границ не дали заметного результата. Режим свободной торговли, зафиксированный в двусторонних торговых соглашениях, многосторонние зоны свободной торговли действуют со значительными изъятиями и исключениями. Широко используются ограничения нетарифного характера. Концепции единого экономического пространства, возникавшие в ННГ, оказывались менее привлекательными, чем возможность защитить национального производителя или использовать внешнеэкономические рычаги в качестве инструмента достижения политических целей.

Другая цель статьи — оценить степень взаимосвязанности экономического роста приграничных регионов, которые в силу своего геоэкономического положения выступают в качестве естественных «мостов» экономического сотрудничества соседних стран. При этом важно отметить, что порубежные регионы наиболее сильно зависят от характера экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне, от соотношения контактных и барьерных функций новых границ. Двусторонние отношения многих стран СНГ характеризуются противоречиями, проблемами и нестабильностью, что отражает молодость государств, слишком короткую историю взаимных отношений на государственном уровне при долгой истории существования в одном государстве, различиями в видении своего будущего. В особой мере это касается отношений России и Украины.

Геоэкономические особенности приграничных регионов России и Украины

Межгосударственная граница, разделившая Россию и Украину после распада СССР, имеет протяженность 2245,8 км, в том числе 1500,2 км сухопутных, 425,6 км — речных и озерных, 320 км — морских. В общей протяженности государственной границы России украинский участок составляет 3,7%. Среди новых границ — на долю Украины приходится 16,8%. С Украиной граничат 6 субъектов РФ. Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская имеют границу по земле, Краснодарский край граничит с Украиной по Азовскому морю и Керченскому проливу, а Ростовская область имеет комбинированную границу — по земле и Азовскому морю. С Россией граничат 8 регионов Украины. Черниговская, Сумская, Харьковская и Луганская области граничат по земле, Запорожская и Херсонская области — по Азовскому морю, Республика Крым — по Азовскому морю и Керченскому проливу. Донецкая область имеет сухопутную границу и границу по Азов-

скому морю. В данной работе мы ограничимся анализом регионов, имеющих общую сухопутную границу, поскольку через нее осуществляется подавляющая часть трансграничного движения. Пограничные пункты пропуска, их плотность и техническая оснащенность, вместе с национальными правилами трансграничного движения определяют условия осуществления экономических и социальных связей, как на государственном, так и региональном уровнях.

Геоэкономической особенностью¹ приграничных регионов, как правило, является то, что они в большинстве случаев удалены от национального рынка, но приближены к рынкам соседних стран. Однако это особенность не касается российско-украинского порубежья. Большая часть приграничных с Украиной регионов России относится к Центральному федеральному округу. То есть они весьма близки к ядру российского рынка, который составляет Московский регион (Москва и область) на который приходится более 1/4 ВРП России, что в долларовом выражении составляет примерно 160 млрд. долл. Всего в ЦФО был произведен ВРП в 214 млрд. долл.².

Украинские соседи России сами составляют весомую часть украинского рынка — около 26% населения страны и 27% общего ВРП страны в 2005 г. Это более чем в 5 раза больше, чем доля российских регионов, граничащих с Украиной — около 4% от общего ВРП страны. В долларовом выражении на общее порубежье России и Украины приходится примерно равные по объему ВРП — около 24 млрд. долл. произвели российские регионы приграничные с Украиной и около 23 млрд. долл. украинские приграничные регионы. При этом в украинской части общего приграничья проживало 12,3 млн. чел., а в российской — 10,6 млн. чел. (по состоянию на начало 2006 г.). На рассматриваемой территории находятся крупнейшие города обеих стран Донецк, Ростов, Харьков с населением, превышающим 1 млн. чел. Причем Донецк и Ростов разделяет расстояние всего в 300 км.

Таким образом, данный трансграничный регион удобно расположен как относительно национальных рынков, так и рынков друг друга. Это подчеркивает рисунок главных коммуникаций, пересекающих российско-украинское порубежье. Наиболее важные из них Москва — Киев, через Брянскую, Черниговскую и Сумскую области и Москва

¹ Под геоэкономическими особенностями понимается положение региона (или страны) относительно реальных и потенциальных рынков, оказывающие влияние на ход его экономического развития.

² Здесь и далее пересчет в доллары сделан по официальному курсу национальной валюты к доллару на конец года.

— Харьков — Крым, через Белгородскую и Харьковскую области, Харьков — Донецк — Ростов.

Важной стороной геоэкономического положения является количество приграничных соседей. Брянская область граничит с Черниговской и Сумской областями Украины, Курская область — с Сумской областью, Белгородская область — с Сумской, Харьковской и Луганской областями, Воронежская область — с Луганской областью, Ростовская область — с Луганской и Донецкой областями. Количество соседей отражается в размещении таможенной инфраструктуры: в Белгородской области находится 15 таможенных постов, в Брянской — 5, Курской — 4 и в Воронежской — 2. В Ростовской области действует 3 таможни, 22 таможенных постов, в том числе, 12 на российско— украинской границе. Пограничные пункты пропуска с сопутствующими видами деятельности превратились в значимый элемент экономики приграничных регионов.

Наиболее крупный ВРП среди регионов российско-украинского порубежья в 2005 г. был создан в Донецкой области — 11,5 млрд. долл. Более 2 млрд. долл. ему уступала Ростовская область — 9,2 млрд. долл. При этом в Донецкой области проживает около 4,6 млн. чел., а в Ростовской — 4,3 млн. чел. Примерно равные по объему ВРП создаются в Воронежской, Белгородской и Харьковской областях, соответственно, 4,7, 5,1 и 5,1 млрд. долл., Курской и Луганской областях — 3,0 и 3,9 млрд. долл. Заметно уступают этим регионам Брянская область -2,3 млрд. долл., Сумская и Черниговская области, в которых было произведено по 1,3 млрд. долл. ВРП.

По ВРП в расчете на душу населения российские регионы заметно превосходят украинские. Самая благополучная Белгородская область в 2,6 раза превосходит соседнюю Сумскую область. А наименее благополучная из российских областей — Брянская — уступает Донецкой и совсем немного Харьковской области.

В целом среди пар соседей только Донецкая область опережает Ростовскую. (Таблица 1). Во всех остальных парах российские регионы имеют более высокие показатели. Вместе с тем все 5 российских регионов имели этот показатель ниже среднероссийского уровня. При этом Брянская область в 2,5 раза уступала среднему по России уровню. На украинском порубежье иная ситуация. Донецкая области превосходит среднеукраинский уровень. А наименее благополучные Сумская и Черниговская области уступают среднему уровню всего в 1,4 раза.

Структуры экономики у соседних регионов России и Украины весьма схожи. Это можно сказать о Брянской, Черниговской и Сум-

Таблица 1

**ВРП на душу населения в приграничных регионах
России и Украины в 2005 г.**

Украинские при- граничные регио- ны	Долл.\чел.	Российские при- граничные Регионы	Долл.\чел.
Черниговская обл.	1282	Брянская обл.	1734
Сумская обл.	1287	Курская обл.	2543
Харьковская обл.	1787	Белгородская обл.	3383
Луганская обл.	1610	Воронежская обл.	2036
Донецкая обл.	2473	Ростовская обл.	2124
Украина в среднем	1856	Россия в среднем	4370

Рассчитано на основе данных из сайтов Федеральной службы государственной статистики РФ — <http://www.gks.ru> и Государственного комитета статистики Украины — <http://www.ukrstat.gov.ua>.

ской областях, о Луганской и Ростовской областях, Харьковской и Воронежской областях. В то же время среди российских приграничных регионов нет аналога Донецкой области. Это крупнейший промышленный регион Украины, с резким преобладанием в структуре производства черной металлургии, а также угольной и химической промышленности. В 2005 г. Донецкая область экспортировала на 8,2 млрд. долл., что составило почти 1/4 украинского экспорта. Самый крупный объем экспорта среди российских регионов в 2005 г. был у Ростовской области и равнялся 1,8 млрд. долл. (Таблица 2)

По объему экспорта помимо Донецкой области среди приграничных областей Украины выделяется Луганская область. У российских областей объем экспорта, превышающий 1 млрд. долл., помимо Ростовской имеет место в Белгородской области. И Ростовская и Белгородская области имеют крупные объемы импорта. Среди украинских областей крупным импортом выделяются Донецкая и Харьковская области.

Отрицательное сальдо внешней торговли имеют — среди украинских регионов только Харьковская область, а среди российских — Брянская, Белгородская и Ростовская области.

Во внешней торговле рассматриваемых приграничных регионов ведущее место занимают соседние с ними страны. Доля Украины во внешнеторговом обороте приграничных областей России составляет от 30 до 60%. Примерно в таких же пределах колеблется доля России у приграничных с ней областей Украины. Приграничные регионы дают значительную часть взаимной торговли рассматриваемых стран. Они являются не только прямыми поставщиками и потребителями продук-

Таблица 2

**Внешняя торговля приграничных регионов
России и Украины в 2005 г.**

Украинские приграничные регионы	Млн. долл.		Российские приграничные Регионы	Млн. долл.	
	экс- порт	Импорт		экс- порт	импорт
Черниговская	250	247	Брянская обл.	260	677
Сумская обл.	577	252	Курская обл.	344	256
Харьковская обл.	721	1419	Белгородская обл.	1412	1920
Луганская обл.	2167	538	Воронежская обл.	620	385
Донецкая обл.	8198	2585	Ростовская обл.	1819	2045
Украина в сред- нем	34228	36136	Россия в сред- нем	241163	98687

Источники: Российский статистический ежегодник 2006, ФСГС, М., 2006; Статистичний щорічник України 2005, Держаний комітет статистики України, Київ, 2006.

ции, но и осуществляют торгово-посреднические функции для этих стран.

**Сравнительная характеристика экономического развития
приграничных регионов**

Регионы российско-украинского порубежья довольно сильно различаются по экономической динамике, что характерно как для периода резкого экономического спада 1990-х гг., так и для периода экономического подъема текущего десятилетия. Интересно отметить, что промышленный спад регионов России приграничных с Украиной в 1991–1994 гг. был на среднероссийском уровне. (Таблица 3). Иными словами, в среднем особого сильного влияния новые государственные границы на промышленное производство в российских приграничных регионах в начальный период рыночных реформ и адаптации к новой геополитической ситуации не оказали. Значительно сильнее новые границы повлияли на регионы, расположенные по границам с Эстонией, Белоруссией и Грузией.

Однако в разных регионах рассматриваемого приграничья ситуация была неодинаковой. Так, в Брянской области индекс за 1991–1994 гг. составил 39,7, а в Белгородской — 76,8.

Таблица 3

**Индекс физического объема промышленного производства
в приграничных регионах РФ в 1994 г. (1991 = 100)**

Регионы, граничащие с:	Индекс
Монголией	54,6
Казахстаном	53,7
Финляндией	53,0
Украиной	52,8
Россия в среднем	52,5
Китаем	47,8
Белоруссией	41,9
Эстонией	40,2
Грузией	36,3

Источник: Л.Б. Вардомский, В.И. Часовский — Дезинтеграция «союзного» экономического пространства и пограничные регионы России (пример Брянской области), «Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы» ГАН РАН, РГНФ, центр изучения российских земель журнала «Ваш выбор», Серия Россия 90-х: проблемы регионального развития. Выпуск 2, М. 1995, с. 67.

Такие большие различия по уровню рецессии обусловлены в основном структурными причинами, поскольку таможенный режим был одинаков для всех приграничных регионов данного пограничного сегмента. На Белгородчине сложилась крупная железорудная база России, сохранившая довольно устойчивый внутренний и внешний спрос на руду, концентрат и окатыши. Сравнительно стабильно работал Оскольский металлургический завод. В Брянской области в промышленном производстве в конце 80-х гг.), тесно связанное с ОПК, которое наиболее сильно пострадало от рыночной трансформации.

На украинском приграничье промышленный спад был сильнее, чем в среднем по Украине. Среднеарифметическая рецессия для Востока составила 45% от уровня 1990 г. и была заметно сильнее, чем для страны в целом. (Таблица 4)

Для западного порубежья среднеарифметический индекс составил 51% и был примерно на среднеукраинском уровне. Это позволяет предположить, что фактор новых границ для украинских регионов приграничных с Россией действовал в среднем сильнее, чем для российских регионов приграничных с Украиной и сильнее, чем фактор старых границ для западных областей этой страны. Как справедливо отмечал украинский ученый А.У. Хомра «Распад СССР... в основном угнетающе сказался на экономике прилегающих территорий, чему спо-

Таблица 4

**Индекс физического объема промышленного производства в
приграничных регионах Украины в 1995 и 2006 гг. (1990 = 100)**

Регионы Украины приграничные: с Россией:	1995	2006
Донецкая	49	76
Черниговская	47	73
Сумская	45	68
Харьковская	44	85
Луганская	38	82
со странами ЦВЕ:		
Ивано-Франковская	68	95
Волынская	64	140
Черновицкая	44	91
Львовская	40	64
Закарпатская	38	178
Украина в целом	52	101

Источник: Статистичний щорічник України 2005, Держаний комітет статистики України, Київ 2006, с. 108; сайт Госкомитета статистики Украины — <http://www.ukrstat.gov.ua>.

способствовали разрыв сложившихся связей между близко расположенными предприятиями, слабое развитие пограничной инфраструктуры и т.п. В то же время возрастание открытости старых границ и либерализация внешней торговли дали импульс развитию экспортно-импортных связей западных приграничных регионов Украины с соседними странами».³

На этапе экономического роста фактор новых границ превратился в некое заданное условие деятельности производителей и потребителей. Предприятия, не выдержавшие изменившихся условий, либо прекратили свое существование, либо изменили профиль деятельности. Одновременно возникли новые производства с ориентацией, как на внутренний, так и внешние рынки. На деятельность компаний в настоящее время влияют не столько пограничные барьеры, сколько взаимная конкуренция и особенно конкуренция компаний третьих стран, инвестиционная привлекательность этих регионов, уровень менеджмента компаний и региональных администраций.

³ Хомра А.У. Трансформация внешнеторговых связей регионов Украины с соседними странами. В сборнике материалов конференции «Россия и СНГ в новейших европейских интеграционных процессах» 17-18 октября 2002 г., ИМЭПИ РАН, М. 2003, с. 325ю

Темпы роста промышленности в приграничных регионах России в 2000-2006 гг. были сильно дифференцированы. Наиболее быстро развивается индустрия Белгородской области. Во все годы периода 2000-2006 гг. индекс промышленного производства области превышал средний по стране. (Таблица 5). Наиболее низкая динамика наблюдалась в Воронежской и Курской областях. Однако в 2005-2006 гг. во всех регионах российского приграничья темпы роста промышленности существенно превышали среднероссийские.

Таблица 5

**Индексы промышленного производства
в приграничных регионах России**

Регионы	Индекс промышленного производства в % к предыдущему году						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Брянская обл.	117,3	112,9	105,3	104,5	104,7	116,1	111,4
Курская обл.	102,5	86,3	103,9	119,3	104,9	104,5	107,4
Белгородская обл.	112,9	106,3	108,3	114,5	108,7	112,4	109,5
Воронежская обл.	105,4	101,1	98,7	106,3	106,9	111,0	105,1
Ростовская обл.	112,7	118,3	101,9	104,3	116,0	116,1	114,1
Россия	<i>108,7</i>	<i>102,9</i>	<i>103,1</i>	<i>108,9</i>	<i>108,3</i>	<i>104,0</i>	<i>103,9</i>

Жирным шрифтом выделены значения индекса выше среднероссийского показателя

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2006, ФСГС, М., 2007; <http://www.gks.ru>

Среди украинских регионов в 2001-2006 гг. наиболее динамично развивалась промышленность Харьковской области. В среднем индексы развития промышленности в украинском порубежье были примерно такими же, как в российском, но были ниже среднеукраинского индекса (Таблица 6). В частности в 2006 г. ни у одного региона индекс не превышал средний по Украине. Это означает, что промышленность приграничного востока развивается медленнее, чем в стране в целом. Это подчеркивает и тот факт, что промышленность на западном порубежье растет стабильно быстрее, чем индустрия Украины в целом. Промышленная динамика Волынской и Закарпатской областей схожа с динамикой Белгородской области. При этом Волынская и

Таблица 6

**Индексы промышленного производства
в приграничных регионах Украины**

Приграничные ре- гионы	Индекс промышленного производства в % к предыдущему году					
	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Черниговская обл.	113	105	110	110	111	103
Сумская обл.	107	103	117	108	113	104
Харьковская обл.	117	105	111	116	113	106
Луганская обл.	130	104	112	111	102	102
Донецкая обл.	106	104	119	112	92	106
Волинская обл.	121	112	122	123	122	119
Закарпатская обл.	122	112	144	127	108	127
Ивано- Франковская обл.	125	123	128	111	105	91
Львовская обл.	143	114	114	109	93	109
Черновицкая обл.	112	103	127	106	110	108
<i>Украина</i>	<i>114</i>	<i>107</i>	<i>116</i>	<i>113</i>	<i>103</i>	<i>106</i>

Жирным шрифтом выделены значения индекса выше среднеукраинского показателя

Источник: Статистичний щорічник України 2005, Держаний комітет статистики України, Київ 2006, с. 108; сайт Госкомитета статистики Украины — <http://www.ukr-stat.gov.ua>.

Закарпатская область по объему производства превысила уровень 1990 г. (таблица 4)

Необходимо отметить, что промышленный рост в большинстве регионов российско-украинского порубежья имеет преимущественно восстановительный характер, то есть опирается на имеющийся основной капитал и его более полную загрузку. Инвестиции в основной капитал пока недостаточны для модернизации региональной экономики, развития новых производств, диверсификации хозяйства с учетом требований участия в глобальной экономике. В моем представлении некое пороговое значение составляет уровень инвестиций в основной капитал в объеме 1000 долл. на душу населения, с которого начинается устойчивое обновление экономики.

Российские регионы по объемам инвестиций в основной капитал на душу населения заметно превосходят украинских соседей, но при этом различия между ними заметно сильнее. (Таблица 7)

Таблица 7

**Инвестиции в основной капитал в приграничных регионах
России и Украины в долларах на одного жителя в 2000 и 2006 гг.**

Украинские приграничные регионы	Долл.\чел.		Российские приграничные Регионы	Долл.\чел.	
	2000	2006		2000	2006
Черниговская	62	259	Брянская обл.	70	319
Сумская обл.	83	245	Курская обл.	151	677
Харьковская обл.	86	563	Белгородская обл.	218	1228
Луганская обл.	72	457	Воронежская обл.	121	601
Донецкая обл.	109	505	Ростовская обл.	179	802
Украина в среднем	88	530	Россия в среднем	283	1221

Рассчитано по источникам, приводимым к таблицам 5 и 6

Обращает также на себя внимание то, что большинство и российских, и украинских регионов уступают средним по странам показателям. В украинском приграничье в 2006 г. только Харьковская область имела инвестиции в основной капитал на душу населения выше среднего показателя, а в российском — соседняя с ней Белгородская область.

За 2000–2006 гг. инвестиции в основной капитал на душу населения в среднем в Украине выросли сильнее, чем в России (6 раз против 4,3 раза). Но если в России динамика инвестиций во всех приграничных регионах была выше средней по стране, то в Украине у трех регионов Сумской, Черниговской и Донецкой областей — она была ниже. Необходимо отметить, что за рассматриваемый период на западе инвестиции росли более высокими темпами, чем на востоке Украины и по объемам на душу населения они сейчас во всех регионах западного порубежья превышают уровень Сумской и Черниговской области. Обращает на себя внимание, что различия в росте инвестиций в украинских регионах был значительно сильнее, чем в российских. За 2000–2006 гг. в Харьковской области они увеличились в 6,5 раза, а в Сумской — менее чем 3 раза. Среди российских регионов самый высокий рост был у Белгородской области — 5,6 раза, а самый низкий в Курской и Ростовской областях — в 4,5 раза.

Более глубокий спад экономики в 1990-ые гг. и сравнительно низкая инвестиционная деятельность объясняет снижение доли российского порубежья в промышленном производстве и ВРП в 2005 г. по сравнению с 1995 г. Сравнительно высокие темпы развития про-

мышленности в последние 5 лет позволили отыграть часть потерянной ими доли в промышленном производстве России (таблица 8). В ближайшие годы можно ожидать достижения доли 1995 г.

Доля рассматриваемых регионов в ВРП устойчиво снижалась. Она снизилась во всех регионах, кроме Белгородской области. Это объясняется отставанием в объемах инвестиций, которые превращаются в главный фактор экономического развития в стране и недостаточным развитием рассматриваемых регионах сферы услуг, которая дает большую часть прироста ВРП.

Таблица 8

Изменение долей приграничных регионов в объеме промышленной продукции и валовом региональном продукте России

Приграничные регионы	Доля в промышленном производстве, %			Доля в общем ВРП, %		
	1995	1999	2005	1994	1999	2005
Брянская обл.	0.4	0.3	0.3	0.6	0.4	0.4
Курская обл.	0.7	0.6	0.6	0.7	0.6	0.5
Белгородская обл.	1.0	1.0	1.2	0.8	0.8	0.8
Воронежская обл.	0.9	0.8	0.7	1.1	0.9	0.8
Ростовская обл.	1.6	1.2	1.5	1.8	1.6	1.5
<i>В сумме данные регионы</i>	4.6	3.9	4.3	5.0	4.3	4.0

Источники: См. таблицу 5

При наращивании инвестиционной деятельности возможна стабилизация доли рассматриваемых регионов на уровне 4% с последующим возможным увеличением. Для этого необходимо повышение их инвестиционной привлекательности. Важным компонентом улучшения инвестиционного климата является устойчивый рост экономики Украины и ее соседних регионов. Пока нет явных признаков перелома ситуации к лучшему. Доля востока Украины в общем ВРП, промышленности и инвестициях сокращается.

Необходимо подчеркнуть, что почти 2% сокращение доли регионов восточного порубежья в общем ВРП Украины произошло при росте доли Донецкой области. Положительная динамика региона связана с крупномасштабным экспортным производством. Для регионов с ограниченной экспортной базой характерны более низкие темпы экономического роста, поскольку в Украине при ограниченном внутреннем потреблении и слабой инвестиционной деятельности вывоз вы-

Таблица 9

Изменение долей приграничных регионов в объеме промышленной продукции и валовом региональном продукте Украины

Приграничные регионы	Доля в общем ВРП, %		
	1996	2000	2005
Черниговская обл.	2,5	2,5	1,7
Сумская обл.	2,7	2,5	1,8
Харьковская обл.	6,3	6,0	5,8
Луганская обл.	5,0	4,6	4,5
Донецкая обл.	12,3	12,5	13,1
<i>В сумме регионы востока</i>	28,8	28,1	26,9
Волинская обл.	1,5	1,6	1,5
Закарпатская обл.	1,3	1,6	1,5
Ивано-Франковская обл.	2,1	2,3	2,2
Львовская обл.	4,4	4,2	3,9
Черновицкая обл.	1,2	1,0	1,0
<i>В сумме регионы запада</i>	10,5	10,7	10,1

Источники: см. Табл. 6

ступает «мотором» экономического развития. Для российских регионов в качестве такого мотора выступает импортозамещение.

Более высокая промышленная динамика на западном приграничье Украины объясняет сравнительно меньшее сокращение доли этого приграничного сегмента в ВРП страны. На Украине, также как в России, большую часть прироста ВРП дает сфера услуг, которая концентрируется в Киеве. Доля Киева в ВРП страны возросла с 7% в 1996 г. до 18%.

Можно предположить, что от новой границы на данном этапе развития меньше страдают российские регионы, экономика которых шире ориентируется на внутренний рынок, чем украинские — развитие которых относительно сильнее связано с экспортом. Рост экономики России и спроса на ее рынке оказывает благоприятное влияние на экономику Украины, особенно на производства, производящие инвестиционные и потребительские товары. Но тарифные и нетарифные ограничения сдерживают украинский экспорт и тем самым ухудшают условия для развития агропродовольственной сферы, промышленности строительных материалов и других отраслей в российском порубежье, в которых сильна Украина. Не случайно существенное сокращение доли в ВРП Черниговской, Сумской и Харьковской облас-

тей, в которых преобладает пищевая промышленность и машиностроение.

Кроме того, конкурентоспособность украинской промышленности понижается в связи с ростом цен на энергоносители и известной неопределенностью в динамике этих цен. При сохранении существующей динамики в ближайшие годы у украинских соседей России, вероятно, сохранится тенденция к сокращению доли в ВРП. Это связано с тем, что на украинском востоке не началась активная модернизация экономики. Традиционные отрасли с высокими объемами экспорта, прежде всего металлургия и химия, обеспечивают через бюджет финансовыми ресурсами модернизацию центральных и западных областей Украины. Сами же эти отрасли сильно зависят от колебаний мировых цен на металл и продукцию основной химии и на импортируемое для металлургии и химии сырье и топливо.

Из проведенного анализа можно также сделать вывод о том, что режим западных границ Украины более дружествен к бизнесу, нежели режим восточных. Ускоренный промышленный рост западного порубежья следует рассматривать как отражение большей позитивной энергетики соседства с ЕС и как результат политики руководства страны по ускоренному развитию западного приграничного сегмента.

О взаимозависимости экономического развития приграничных регионов

Как отмечалось выше, во внешней торговле приграничных регионов отмечается значительно более высокая доля соседних стран. Причем наиболее рельефно это прослеживается у российских регионов. Так, из общего внешнего товарооборота Белгородской области в 2006 г. в 4,3 млрд. долл. на долю Украины пришлось 2,3 млрд. долл. или более 53%, против 5% доли этой страны во внешней торговле России. В том же году внешнеторговый оборот Харьковской области с Россией равнялся 0,9 млрд. долл. или 32% от общего объема внешней торговли товарами. Это немногим выше доли России во внешней торговле Украины — 26,9%.

В то же время объемы взаимной торговли соседних регионов в целом невелики. По данным администрации Харьковской области в 2006 г. экспортно-импортные связи с Белгородской областью составили 129,3 млн. долл., в т.ч. экспорт харьковских предприятий — 94,6 млн. долл., а белгородских — 34,7 млн. долл. Взаимная торговля соседних областей составила 4,6% внешнеторгового оборота Харьковской области и 3% — Белгородской области. Главные статьи экспорта Белгородской области — металлургическое сырье и металлы, в ос-

новном потребляются в Донецкой, Днепропетровской, Запорожской областях. Основу экспорта Харьковской области образуют машины, оборудование, запасные части и комплектующие, которые имеют широкую географию потребления в России. Поэтому взаимозависимость экономического развития Харьковской и Белгородской областей, измеряемая объемами взаимных торговых связей, многократно слабее, чем зависимость их развития от рынков, соответственно, России и Украины в целом.

Вместе с тем за годы действия новых границ в приграничных областях сложилась система экономических отношений, играющих важную роль в экономике каждой из них. Одна из них связана с развитием посреднических функций по продвижению товаров на рынки соседей. Регионы продвигают на рынки соседних стран товары, произведенные как у себя, так и в других регионах по разную сторону границы, используя выставки, ярмарки, торговые дома, специализированные торговые предприятия. Важную роль в этом посредничестве играют совместные предприятия, которые являются частью товаропроводящих сетей на рынки друг друга. Во всех регионах российского приграничья среди предприятий с иностранным участием преобладают компании с украинским участием. Появление совместных предприятий в приграничье также отражает необходимость преодоления с наименьшими издержками пограничного барьера и минимизации транспортных издержек выхода на рынки соседей. В Белгородской области действует около 200 СП, созданных с участием харьковского бизнеса. В Харьковской области значительно меньше предприятий с участием российского, в том числе белгородского бизнеса. В моем представлении, это объясняется не только структурными особенностями взаимной торговли, но и тем, что для украинских товаров российский таможенный барьер несколько выше, чем украинский для российских.

Именно с посредническими функциями связан быстрый рост импорта из Украины в Белгородскую, Ростовскую и Брянскую области, имеющим наиболее развитую таможенную инфраструктуру. На эти три региона сегодня приходится около половины украинского ввоза в Россию. С торгово-посредническими функциями тесно связаны логистические функции приграничья, обеспечение хранения и доставки товаров по регионам предназначения внутри стран и от регионов производства к приграничным логистическим центрам.

Другой важный аспект сотрудничества и экономического развития приграничных регионов — миграционный. Приграничные регионы находятся в центре миграционных потоков обеих стран. В 2005 г. на долю рассматриваемых регионов РФ пришлось 15% от всего количе-

ства прибывших из Украины и 14% всего количества выбывших в эту страну. У России в 2005 г. было положительное сальдо в миграционном обмене с Украиной. При этом положительное для России сальдо по этим регионам составило 2362 чел. или 13% общего положительного сальдо миграций между Россией и Украиной.

Помимо миграционного обмена населением для приграничных регионов характерны значительные трудовые миграции, посредством которых в регионах решаются проблемы дефицита кадров в отдельных специальностях. Развитие Белгорода, его университета, компаний с инновационным профилем деятельности во многом опирается на привлекаемые из Харькова квалифицированные кадры преподавателей, инженеров, строителей. Кроме того, значительная часть сельхозпредприятий привлекает на сезонные работы рабочих из соседних районов Харьковской области. В основе этих миграций лежит не только недостаток рабочей силы у российского соседа, но и возможность выплачивать им значительно большую зарплату. То есть в своем динамичном развитии Белгородская область в немалой степени обязана близости Харькова.

Весьма важно то, что трудовые миграции в приграничных регионах могут иметь суточный, сезонный и вахтовый характер. Этому способствует подписанное в мае 2006 г. Межгосударственное соглашение «О порядке пересечения российско-украинской границы жителями приграничных районов», создавшее правовую основу упрощенного порядка государственной границы жителями примыкающих к границе районов.

Важность сотрудничества приграничных регионов для их экономического развития осознается местными властями, что отражает подписание соглашений между ними об учреждении еврорегионов. Всего на российско-украинском порубежье созданы еврорегионы «Днепр» с участием Брянской, Гомельской и Черниговской областей, «Ярославна», с участием Курской и Сумской областей и «Слобожанщина» с участием Белгородской и Харьковской областей. Планируется учреждение еврорегиона «Донбасс» с участием Ростовской и Луганской областей. Необходимо отметить, что Украина проводит более активную политику в отношении создания необходимых правовых условий развития приграничного сотрудничества, чем Россия. Это объясняется, с одной стороны, желанием Украины включиться в европейский интеграционный процесс и активизировать приграничные связи со странами — кандидатами на членство в ЕС. С другой стороны, учитывая экономическую и внутривнутриполитическую важность восточного пограничья, руководство Украины стремится к созданию благоприятных условий для развития приграничных связей с Россией.

По мнению российских исследователей О. Вендиной и В. Колосова, подробно изучавших еврорегион «Слобожанщина», «российская сторона в этой ситуации выступает в непривычной роли ведомого. Однако создание этого еврорегиона отвечает и российским амбициям, поскольку поддерживает усилия пророссийски настроенной части харьковчан, выступающих за превращение Харькова в столицу русской культуры в Украине, выполняющую функции посредника в экономических и политических отношениях между двумя странами — неотъемлемое условие процветания города и связанных с ним приграничных территорий».⁴

Однако эта хорошо зарекомендовавшая себя в ЕС для целей модернизации экономики регионов-участников форма межрегионального и приграничного сотрудничества в конкретных условиях России и Украины пока не стала существенным фактором экономического роста. Деятельность еврорегионов, должна опираться, как показывает опыт ЕС, на достаточно широкие полномочия местных и региональных властей, на местные инициативы и институты сотрудничества, пронизывающие приграничные социумы, на финансовую поддержку из центра. В государствах с высокой степенью централизации власти, к которым относятся и Россия, и Украина, таких условий пока нет. Кроме того, деятельность такого рода трансграничных образований вызывают «настороженное отношение центральных властей, которые опасаются, что самостоятельная внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность еврорегионов может ослабить влияние столиц»⁵ и создать угрозу территориальной целостности стран.

В силу этого действующие институты приграничного сотрудничества (не только еврорегионы, но и двусторонние соглашения, Совет глав приграничных регионов и т.д.) больше ориентируются на сокращение социальных издержек преодоления новых границ (например, создание пунктов упрощенного пропуска для местного населения) чем на экономический рост порубежья. Для целей активизации межрегионального и приграничного сотрудничества с ориентацией на устойчивый рост экономический рост регионов приграничья целесообразно усилить его проектной направленности, то есть совместной деятельности центральных и региональных властей, бизнеса, общественных, образовательных и научных организаций по решению проблем развития сотрудничающих территорий.

⁴ О. Вендина, Колосов В. — Партнерство в обход барьеров. «Россия в глобальной политике», январь-февраль 2007 г.

⁵ О. Вендина, Колосов В. — Партнерство в обход барьеров. «Россия в глобальной политике», январь-февраль 2007 г.

Атаев З.А.

Централизация и децентрализация как современные тенденции развития электроэнергетики

В современной электроэнергетике обозначились две основные и одновременно противоречивые тенденции развития: централизация и децентрализация. На самом деле их кажущаяся полярность есть закономерный результат сопряженного влияния свойств конкретной территории. С одной стороны, происходит объединение мировых энергетических рынков, рост значимости транснациональных компаний. В этом контексте появляется перспектива формирования и развития глобальной электроэнергетической системы, где место России оценивается не только богатством ее топливно-энергетических ресурсов, но и уникальной ролью своеобразного пространственного моста «Запад — Восток», соединяющего целые континенты. Этот уровень можно признать приоритетным направлением федеральной (международной) стратегии развития энергетического сектора экономики. С другой стороны, происходит рост значимости малой энергетики, что является следствием наличия емкого рынка для развития децентрализованных систем небольшой мощности. Стратегия развития локальной энергетики замыкается на региональном уровне, где наиболее перспективным направлением признано использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Вместе с тем такая позиция одновременно является предметом достаточно острых дискуссий. На сегодняшний день по существу проблемы развития локальных энергосистем и использования ресурсов ВИЭ, видения путей ее решения существуют разные точки зрения, вплоть до их полной полярности и взаимного отрицания. В ходе анализа разных мнений интересно проследить разночтения взглядов на «большую» топливную энергетику и «малую» на основе ВИЭ, признание ее места и значимости в энергетическом балансе России. Эти мнения можно рассматривать как условный водораздел позиций по отношению к централизации и децентрализации энергетики.

Первая точка зрения наиболее широко распространена и, как ни странно, доминирует в среде специалистов энергетиков-практиков, они полностью отрицают необходимость развития малой энергетики на основе ресурсов возобновляемых источников энергии. В качестве

аргументации своей позиции указывается на неэффективность возобновляемой энергетики в силу ее маломощности, также подчеркивается слабая адаптивность России к таким источникам энергии. Самым широко используемым аргументом является тезис об относительно низкой концентрации энергии в ВИЭ. Но аргументация игнорирует особенности пространственной организации общества, реальное влияние на энергетику множества прямых и косвенных географических факторов. Этот вопрос следует рассматривать шире.

По законам физики использование ресурсов ВИЭ — это утилизация рассеянной энергии (децентрализация), сжигание же органического топлива, наоборот, утилизация энергии, с высокой концентрацией в ископаемом ресурсе (централизация). С технологической точки зрения (технический аспект) процесс сжигания высококалорийного органического топлива в большей степени способствует концентрации производства, ведет к снижению издержек на единицу продукции и соответственно к повышению доходности (экономический аспект). Такой чисто технико-экономический подход показателен в анализе причин «замораживания» проектов создания локальных энергосистем в бывшем СССР на основе малых-ГЭС (1960-е гг.).

Но концентрация производства в традиционной энергетике оправдана только при наличии минимум двух важных условий. Во-первых, существованием возможности неограниченного использования дешевых и энергоэкономичных видов органического топлива; и, во-вторых, законодательно слабо выраженными экологическими ограничениями. Именно эти факторы оказались наиболее динамичными и повлияли на кардинальное изменение ситуации, но не по причине истощения топливных запасов как таковых, а по причине роста цен на них при одновременном обострении экологических проблем на разных таксономических уровнях пространства (от локального до глобального уровня оценки). При этом, говоря о физических пределах запасов (ресурсов) топлива, необходимо подразумевать лимит экономической целесообразности добычи и использования истощаемых энергоносителей ископаемого происхождения. Сама дискуссия о преимуществах того или иного типа электростанции и вида первичного энергоносителя изначально беспочвенна, так как их конкретный выбор должен опираться на критерий оптимального пространственного сочетания в энергетической системе.

Согласно второй точке зрения, малая энергетика, в том числе и на основе ресурсов ВИЭ — это альтернатива централизованной энергетике в малообжитых регионах (1993 г.) [5. С. 8]. Несмотря на некоторую категоричность общей формулировки, у позиции существуют свои вариации. Например, необходима всемерная поддержка ис-

пользования ВИЭ в зонах рекреации и экологических бедствий, а также в удаленных и изолированных районах (1993 г.) [6. С. 11]. Схожим является и мнение, что ресурсы ВИЭ необходимо рассматривать как средство решения проблем энергоснабжения в труднодоступных регионах, или как средство решения экологических проблем и как средство энергосбережения (2003 г.) [4. С. 5]. С позицией альтернативности энергоснабжения согласуется и такая точка зрения: внедрение децентрализованных источников энергии не означает отказ от централизованного энергоснабжения, однако предполагает, что в ряде случаев ему имеется обоснованная альтернатива (2003 г.) [3. С. 15]. Здесь важно отметить эволюционную значимость некоторой модификации альтернативной точки зрения, а именно, признание возможности одновременного развития централизованных и децентрализованных систем энергоснабжения на конкретной территории.

Третья позиция заметно корректирует все предыдущие мнения, считая, что создание местных энергосистем позволяет дополнительно сочетать надежность энергоснабжения с более высокой степенью использования речного стока при значительном снижении себестоимости производства энергии (1989 г.) [7. С. 13]. С учетом доминанты социально-экологической парадигмы здесь важен следующий аспект этой позиции: реальная конкуренция в энергетике может появиться только с созданием новых, оснащенных современным оборудованием и высокоэкономичных локальных энергосистем. Население станет союзником развития малой гидроэнергетики, которые более безопасны и в экологическом плане. Остается добавить, что если потребители получают еще и экономическую выгоду в форме более низких тарифов на электроэнергию от объектов возобновляемой энергетики, то тогда поддержка общества будет материально закреплена, в том числе и на уровне местной муниципальной власти.

Энергетическая система любого иерархического уровня, замкнутая на один вид первичного энергоносителя, всегда характеризуется низкой надежностью энергоснабжения для потенциальных потребителей. Взаимное дополнение тенденций централизации и децентрализации энергосистем — это возможность увеличить реальное многообразие форм территориальной организации системы энергоснабжения. Как следствие, видовое разнообразие ресурсной основы локальной энергосистемы повышает морфологическое богатство организации энергетического пространства и разнообразие выполняемых системой функций. В конечном итоге, повышается надежность (устойчивость) энергообеспечения территории и, наоборот — потеря видового разнообразия в энергоснабжении приводит к вытекающим

из них негативным социально-экономическим последствиям и сбоям в системе.

Следующий тезис заимствован из работы Г.А. Приваловской и И.Н. Волковой: «Помимо курса на удовлетворение уникальных или стратегических функциональных интересов, связанных с позиционными интересами территории, целесообразно создавать «запасной» ряд функций на случай экономических кризисов» [10. С. 24]. Такой подход дает возможность целенаправленного выявления предпосылок и последующего обоснования оптимальных направлений формирования специфичной «территориальной общности» (различного уровня и качественного состава). Схема рациональной организации энергоснабжения такой общности определяется степенью создавшейся социально-экономической и экологической ситуации. В каждом конкретном случае приоритет следует отдавать определенным формам территориальной организации энергетики, исходя из потребностей общества, а также из значения природных свойств территории для выполнения тех или иных функций. Выбор оптимального варианта энергоснабжения необходимо определять не только с позиции учета отдельных функций на настоящий момент, но и с учетом нескольких или сочетающихся, или даже взаимоисключающих функций в течение длительного времени.

Учет этих аспектов применительно к теплоснабжению и дифференциации плотности расселения подчеркивается в следующем суждении: в России даже на перспективу большая доля населения, проживающего преимущественно в сельской местности, а также в малоэтажных постройках городов, останется не охваченной централизованным теплоснабжением. В сельской местности России живет почти 1/3 населения, но учитывая отечественную специфику расселения по принципу «ни село, ни город» реально речь идет о других цифрах. Так по расчетам Т.Г. Нефедовой, доля россиян которых не отнесешь ни к сельским, ни городским, превышает 1/5, а вместе с горожанами, сезонно погруженными в сельские заботы (дачи, огороды, дом в деревне и т.д.), в сумме это составляет около 4/5 населения страны [9. С. 8].

Но чем более дискретно расположен потребитель и, чем меньше его потребности (по объему, мощности), тем выше должен быть уровень качества энергоносителя и степень надежности энергоснабжения. Это правило все чаще игнорируется, поскольку при технической возможности укрепления надежности энергоснабжения в зонах социально-экономической депрессии, эти меры экономически нецелесообразны. Но тогда игнорируется и социальная сущность энергетики. Именно здесь наиболее ярко проявляется цементирующая роль ло-

кальных энергосистем, а их сопряженное развитие способствует решению важной экономико-географической задачи: «каркасной экономики расстояний в море периферии» [13. С. 32]. В противном случае неминуем рост площади охваченной зонами социально-экономической депрессии, что наглядно демонстрируют регионы России на примере сельской местности [9, 11; 14].

Площадь «моря периферии» и особенно в староосвоенных регионах России имеет устойчивую тенденцию к росту. Об этом свидетельствуют результаты расчетов А.В. Петрикова. По состоянию на 2002 г. более 3/4 всех пустующих сельских поселений страны приходилось на Центральный и Северо-Западный экономический район. Показательно, что если в целом по стране доля сельских поселений без постоянного населения и с числом жителей до 10 чел. составляло 30,8 %, то в ЦЭР России — 38,5 %, а в таких областях как Костромская — 58,3 %, Тверская — 51,9 %, Ивановская — 47,7 %, Смоленская — 46,2 % [14. С. 231]. Частичное решение проблем теплоснабжения такой категории населения возможно при широком использовании электрического отопления (1995 г.) [1. С. 99]. В связи с этим уместно вспомнить классическое и подтвержденное практикой «золотое» правило энергоэкономики, сформулированное Д.И. Менделеевым еще в XIX в.: «Топить нефтью — это все равно, что топить ассигнациями» [8. С. 17].

Использование электроэнергии на теплоснабжение эффективно только при условии дешевизны первичных энергоносителей или полном отсутствии топливного цикла. Это и есть тот случай, когда источником генерации являются объекты возобновляемой энергетики, в том числе и в районах давнего и интенсивного освоения. Такая позиция подчеркивается в следующем мнении: заслуживает внимания восстановление ранее действовавших малых-ГЭС в зонах централизованного энергоснабжения, поскольку ввод в эксплуатацию ранее списанных малых-ГЭС будет не только содействовать решению проблем энергоснабжения удаленного от энергосистемы потребителя, но и являться важной составной частью энергоснабжения в больших системах (2004 г.) [12. С. 203]. Наиболее востребован такой подход в зонах неустойчивого энергоснабжения, а создание на базе возобновляемых источников энергии и местных видов топлива независимых производителей энергии позволит значительно повысить надежность энергоснабжения, избежать потерь от недоотпуска электроэнергии, а также снизить потери в сетях общего пользования. Особенно актуально создание местных энергетических систем и малых электростанций на «концах» наиболее протяженных линий электрических передач низкого напряжения 6-10 кВ (2004 г.) [2. С. 29].

Из анализа вышеизложенных точек зрения вытекает, что в России существуют благоприятные предпосылки для развития обеих энергетических тенденций — централизации и децентрализации. Принципиально важна установка не на противопоставление (отрицание или альтернатива), а на возможность рационального взаимного дополнения централизованных и децентрализованных (локальных) энергосистем в рамках разных уровней единого энергетического пространства. Такой дуализм является объективным результатом масштабной централизации энергетики на предыдущих этапах развития страны и специфики проявления региональных энергетических проблем на огромной и разнообразной территории страны. Тем более что в России окончательно так и не решена проблема обеспечения опережающего роста потенциала электроэнергетики, отвечающая темпам роста энергетических потребностей общества даже в староосвоенных регионах.

Литература

1. Антонов Н.В. Анализ различий в бытовом электропотреблении России и США // Энергетика. — 1995. — № 4 — С. 94—100.
2. Безруких П.П. Состояние и перспективы развития возобновляемых источников энергии // Энергообеспечение и энергосбережение в сельском хозяйстве: Труды 4-й Международной научно-технической конференции, 12—13 мая 2004 г., Москва. — Ч. 1. Проблемы энергообеспечения и энергосбережения / ГНУ ВИЭСХ. — М., 2004. — С. 28—36.
3. Данилевич Я. Децентрализованные источники энергии: будущее энергетики в ее прошлом // Энергетика и промышленность России. — 2003. — № 10 (окт.). — С. 15.
4. Дьяков А.Ф. Некоторые аспекты обеспечения энергетической безопасности страны и развития малой энергетики // Энергетик. — 2003. — № 4. — С. 4—6.
5. Канакин Н.С. Условия эффективного применения местных электростанций как альтернатива системе централизованного электроснабжения удаленных малообжитых районов России // Электрические станции. — 1993. — № 9. — С. 8—13.
6. Макаров А.А. Концепция энергетической политики Российской Федерации в новых экономических условиях (Продолжение) // Электрические станции. — 1993. — № 4. — С. 2—11.
7. Малая гидроэнергетика / Л.П. Михайлов, Б.Н. Фельдман, Т.К. Марканова и др.; Под ред. Л.П. Михайлова. — М.: Энергоатомиздат, 1989. — 184 с.

8. *Менделеев Д.И.* Проблемы экономического развития России. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — 615 с.
9. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003. — 408 с. — (Новая история).
10. *Приваловская Г.А., Волкова И.Н.* Эколого-географические противоречия природопользования // Известия РАН. Сер. География. — 1997. — №1. — С. 19–28.
11. Россия и ее регионы в XX веке — территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. поляна. — М.: ОГИ, 2005. — 816с. — (Нация и культура / Новые исследования: Социальная география).
12. *Сокольский А.К., Каргиев В.М., Пинова З.А.* Малая гидроэнергетика России — новое строительство и проекты реконструкции // Энергообеспечение и энергосбережение в сельском хозяйстве: Труды 4-й Международной научно-технической конференции, 12–13 мая 2004 г., г. Москва / ГНУ ВИЭСХ. — Ч. 4. Возобновляемые источники энергии. Местные энергоресурсы, экология. — М., 2004. — С. 200–206.
13. *Трейвиш А.И.* Географическая полимасштабность развития России (город, район, страна и мир). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности: 25.00.24 — Экономическая, социальная и политическая география / Институт Географии РАН, г. Москва, 2006. — 50 с.
14. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. — Вып. 2. — 615 с.

Горкина Т.И.

Либерализации электроэнергетики США в процессе постиндустриального развития*

США занимают первое место в мире по установленным мощностям электростанций — 966 ГВт в 2005 г., что составляет 1/4 от итога по миру. Эта отрасль экономики США до начала 1990-х гг. была наиболее подвержена политике государственного регулирования или, по выра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398)

жению одного американского экономиста, имела ярко выраженный «социалистический» тип развития. Этому способствовал закон 1935 г. (РИНСА) о гос. регулировании в электроэнергетике для устранения недостатков и злоупотреблений со стороны частных компаний. До принятия этого закона управление электроэнергетикой осуществлялось энергетическими холдингами. Однако в докладе энергокомиссии США 1928 г. был сделан вывод, что они представляют собой угрозу как для инвестора, так и для потребителя, т.к. не имеют достаточных полномочий и ресурсов для управления своими объектами, часто расположенными во многих штатах. В 1932 г. три группы таких холдингов контролировали 45% производимой электроэнергии. Мировой кризис 1930-х гг. привел к краху холдингов, т.к. из-за снижения спроса на электроэнергию резко ухудшилось их финансовое положение.

Закон РИНСА «привязал» частные компании к определенным территориям, им разрешалось действовать в разных районах, если их объекты располагались в соседствующих штатах или на территории иностранного государства, граничащего с США. С одной стороны этот закон ввел гос. контроль за отраслью, но, с другой стороны, значительно увеличил ее монополизацию, т.к. крупные компании стали единственными производителями на определенной территории. Это положение хорошо характеризует цитата из книги «Экономика США в будущем»: «Поскольку район потребления ее не меняется, поэтому электроэнергетические компании являются неотделимой частью районов их размещения и национальной экономики, а перспективы отрасли тесно связаны с перспективами национального и регионального хозяйства». (6). Таким образом, в США к 1960-м гг. сложилась территориально-производственная структура (ТПС) электроэнергетики, интегрированная с Канадой и, в значительно меньшей степени, связанная с Мексикой. Это стало одним из факторов создания североамериканского энергетического рынка, взаимозависимого от своих субъектов.

Раздел территории между частными компаниями был официально закреплен в National Power Survey 1960 и National Power Survey 1970 (2, 3). К этому времени в стране на основе энергосистем компаний было сформировано 8 энергетических районов, границы которых часто не совпадают с административными — Northeast, East Central, Southeast, North Central, South Central, Northwest, Southwest. Внутри каждого из этих районов энергокомпании были объединены в пулы или территориальные группы. Например, в Northeast входил New York Pool, объединяющий частные компании Niagara Mohawk Power Corp., Rochester Gas and Electric Corp. и New York State Electric and Gas Corp., принадлежащая властям шт. Нью-Йорк. Энергосистемы, входящие в

эти районы были слабо связаны как на уровне компаний, так и на уровне самих энергорайонов. Энергосистемы Востока и Запада имели лишь соединения в штатах Небраска и Монтана, но не для передачи электроэнергии, а на случай крупных аварий. Энергосистема шт. Техас работала обособленно вплоть до настоящего времени.

После энергокризиса 1970-х гг. и трехкратного роста цен на электроэнергию в 1978 г. был принят еще один закон о гос. регулировании (National Energy Act 1978), ограничивающий рост цен для потребителей. В это время возросла роль муниципальных компаний и сельских кооперативов, которые до энергокризиса в основном занимались лишь распределением электроэнергии, купленной у энергопроизводящих компаний. После закона 1978 г. они стали строить собственные электростанции, что позволило им удержать цены на приемлемом для потребителей уровне. Благодаря таким ценам они значительно увеличили число своих клиентов, прежде всего за счет домохозяйств, расположенных в периферийных частях городских агломераций. National Energy Act 1978 способствовал повышению энергоустойчивости экономики. (8), т.к. снижение или рост темпов потребления требуют существенного увеличения тарифов для сохранения способности энергокомпаний к эффективной работе. В противном случае происходят замораживание нового строительства, дефолты и банкротства.

Как и в большинстве стран мира электроэнергетика США относится к естественным монополиям, сконцентрировавшим в своих руках производство, передачу и сбыт электроэнергии. Гос. регулирование распространялось в основном на установление тарифов. В условиях постоянного удорожания топлива и опережающего роста спроса на электроэнергию такая модель оказалась недостаточно эффективной, т.к. не успевала своевременно реагировать на происходящие изменения. При этом обходилось слишком дорого эксплуатировать существующие и строить новые мощности без увеличения тарифов, чему препятствовало гос. регулирование. Положение усугублялось ужесточением экологического законодательства, что требовало ускоренной модернизации существующих энергосистем. Поэтому в конце XX в. в США, как и в большинстве стран мира, назрела необходимость перемен, начался процесс либерализации электроэнергетики, вызванной как проблемами отрасли, перечисленными выше, так и процессами, происходящими вне ее, а именно: развитие высокоэффективных и относительно недорогих технологий генерации, в т.ч. газотурбинных; внедрение информационных технологий, средств учета и контроля, способствующих увеличению и усложнению энергопотоков; усиление экономической и политической интеграции. Все это

предоставило новые возможности для создания конкурентных оптовых рынков электроэнергии. Впервые такой рынок заработал в Англии и Уэльсе в 1990 г., а режим неограниченной конкуренции на оптовом рынке был введен в 1991 г. в Норвегии.

Либерализация предусматривала разделение монополий с выделением из них конкурирующих компаний или допуском в отрасль новых участников — независимых производителей. Новая структура требовала и новых правил игры. Для независимых производителей были необходимы недискриминационный доступ к электроэнергетической инфраструктуре и возможность самостоятельно устанавливать цены. Все это было закреплено законодательно. В результате в ряде стран появился свободный рынок, цены на котором устанавливались в зависимости от спроса и предложения.

Наиболее активно процесс либерализации пошел во второй половине 1990-х гг. Если в 1990-95 гг. к реформированию отрасли приступило 8 стран (Великобритания, Норвегия, Аргентина, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Франция), то после 1996 г. реформы начались во всех европейских странах, Японии, ЮАР, Бразилии, России, Казахстане и Украине.

США реформу своей электроэнергетики начали одними из первых в мире после принятия Energy Policy Act 1992 об энергетической политике, направленной на усиление конкуренции путем создания новых субъектов — независимых производителей, которые должны продавать электроэнергию на оптовых рынках, не контролируемых государством. Благодаря этому закону независимые производители получили право не только на создание своих энерго мощностей, но и доступ к ЛЭП, которые, как правило, принадлежат крупным компаниям, как частным, так и государственным.

Основными причинами для либерализации в США стали:

- недостаточное число межсистемных связей в сложившейся ТПС отрасли и рынков сбыта;
- существенные законодательные ограничения на деятельность субъектов отрасли: невозможность осуществить полное разделение видов деятельности; изменить структуру собственности; подчинить субъекты рынка единому системному оператору;
- трудности с реализацией единой концепции реформы в силу ограниченности сферы компетенции федерального центра при существенно различной позиции властей разных штатов в отношении реформирования.

Электроэнергетика играет все большую роль в разных секторах экономики США. Особенно возросло ее значение в штатах, которые

стали лидерами в развитии постиндустриального комплекса, замещающая традиционные отрасли новыми производствами. Не случайно поэтому, что либерализация электроэнергетики наиболее энергично проводится в штатах Севера и южной Калифорнии, которые являются лидерами в постиндустриальном развитии, не только в общегосударственном масштабе, но и в мировом.

Отрасли, определяющие постиндустриальное развитие, не только способствуют реформированию электроэнергетики, но и значительно удорожают проведение реформ за счет постоянного усовершенствования программного обеспечения и технического переоснащения. Электрокомпании предполагали, что модернизация будет в значительной степени проводиться за счет потребителей путем повышения тарифов и за счет расширения ареала обслуживания. Однако Министерство энергетики США предполагает пересмотреть закон, разрешающий продавать электроэнергию в районы, не входящие в ареал обслуживания, а снабжать только свой район. Это делается в целях предотвращения кризисных ситуаций в районах обслуживания. (7).

К началу реформ в электроэнергетике работало более 3000 компаний, но лишь треть из них принадлежала к вертикально интегрированным, осуществлявшим все стадии — производство, передачу и сбыт электроэнергии. Остальные, как правило, занимались передачей и/или сбытом. Структура установленных мощностей по принадлежности электростанций была следующей (в %): частные — 75,4; федеральные — 9,9; муниципальные — 5,7; кооперативные — 9,0.

После энергокризиса 1970-х гг. произошло снижение темпов роста потребления электроэнергии из-за проводимой в стране политики по уменьшению электропотребления благодаря экономии и внедрению энергосберегающих технологий. В результате образовался значительный резерв мощностей (порядка 30%), что не стимулировало новое строительство. После принятия закона 1992 г. в стране впервые за последние 30 лет возросли темпы нового строительства, причем не только на территории самих США, но и в других странах, где американские компании стали независимыми производителями. В то время как американские компании осваивали Азию и Латинскую Америку, к ним пришли европейские, азиатские и латиноамериканские компании. (1). На американском рынке стали действовать европейские Tractabel SA, National Power LTD и др. Чилийская Chilgener предполагает вложить в строительство электростанций на северо-востоке США около 1 млрд. долл. (5).

После начала процесса дерегулирования в США произошло две крупные аварии — в Калифорнии в 2000 г. и в штатах Севера в 2003г.

До начала реформ в Калифорнии имелся 30%-ный резерв мощностей, потом вывели из эксплуатации 11 гВт по причине дороговизны производимой ими электроэнергии и высоких амортизационных платежей. Резерв был сведен к минимуму. Кризис начался в августе 2000 г. из-за нетипично жаркого лета, что послужило более активному использованию кондиционеров, потребляющих много электроэнергии. Образовался дефицит в размере 5-6 гВт, который с трудом восполнялся за счет других штатов. Тарифы увеличились более, чем в 5 раз — с 3 ц/кВт.ч до 16. В Сан-Диего высокий спрос и ограниченное число поставщиков привели к удвоению месячных счетов за электроэнергию для большинства домохозяйств — с 50 до 100 долл. Вследствие этого выросло число противников дерегулирования, которые призывали к введению федерального контроля над оптовыми ценами.

Во время аварии на Севере было прервано электроснабжение крупных городов в штатах Нью-Йорк, Огайо, Мичиган, Пенсильвания, Коннектикут, Нью-Джерси, а также в канадских Торонто и Оттава, имеющих общую с США энергосистему. В ходе аварии отключились 263 электростанции, в т.ч. 10 АЭС. Без электроснабжения остались более 50 млн. чел. Причины аварии здесь были совершенно другие, а именно: совпадение ряда сбоев в энергосистеме (в компьютерной системе предупреждения аварийных ситуаций, замыкания ЛЭП на деревьях, ошибках персонала), которые осложнились системными особенностями электроэнергетики страны (недостаточное развитие межсистемных связей, несоответствие масштабов оперативно-диспетчерского управления коммерческими операциями и перетоками электроэнергии), т.е. не отработанными в должной мере стандартами надежности для оптовых рынков.

Аналогичными были причины и крупнейшей для США аварии 1968 г., произошедшей в этом же районе. Тогда положение усугублялось еще и отсутствием долгосрочных контрактов на передачу электроэнергии между компаниями, даже связанными между собой. Поэтому, в то время как графства г. Нью-Йорка, расположенные в шт. Нью-Йорк, были полностью лишены энергоснабжения, ньюджерсийская часть города не испытывала никаких трудностей с снабжением электроэнергией.

Исходя из опыта, полученного в ходе ликвидации этих аварий, гос. регулирование предусматривает различные варианты реформирования в зависимости от местных условий. При этом структурные

изменения должны происходить постепенно в течение длительного времени для адаптации потребителей и производителей к новым условиям.

Помимо федеральных органов при реформировании важная роль отводится Североамериканскому совету по надежности (North American Electric Reliability Council — NERC) — некоммерческой организации, объединяющей 10 Региональных советов по надежности. Основная цель этого Совета — выработка, согласование и контроль за соблюдением стандартов надежности функционирования энергосистем и оптовых рынков. Если прежде эти стандарты имели рекомендательный характер, то с недавних пор они стали обязательными для субъектов отрасли. Важнейшей тенденцией дальнейшего развития оптовых рынков стали унификация их модели и усложнение структуры, что должно повысить надежность и создать предпосылки для объединения некоторых рынков.

Разделение деятельности в отрасли идет постепенно и до сих пор носит ограниченный характер. Происходит расширение нового сектора оптовых поставщиков — независимых производителей, доля которых в течение реформ в установленных мощностях увеличилась с 6 до 30% и продолжает расти. Таким образом, происходит обособление генерации в самостоятельный вид деятельности, который осуществляется эволюционным путем.

Для перехода к реформированию электроэнергетики на уровне компаний потребовалось разделение их деятельности. Такая диверсификация не требует корпоративной продажи активов. Монополии могут продолжать собственное производство, передачу и распределение электроэнергии, но учет их должен производиться отдельно. Это особенно характерно для штатов Севера с присущей им ранее высокой монополизацией. За десять лет реформ с 1993 по 2002 г. такой диверсификации подверглось большинство компаний Индустриального Востока. В ряде штатов (Мэн, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Джерси и Иллинойс) доля независимых производителей в генерации превышает 90%. (4). На таком же уровне находятся штаты Мэриленд и Делавэр (Южно-Атлантические штаты). В целом же разброс этого показателя по штатам очень значителен: от 0,3% в шт. Небраска до 100% в шт. Южная Дакота. Диверсификация деятельности наиболее характерна для частных компаний, работающих почти во всех штатах страны, и практически не ведется в графствах тех штатов, где имеются муниципальные и кооперативные электростанции (Небраска, Канзас и др.) В штатах с высокой долей федеральной собственности (Юго-Восточный центр, штаты Вашингтон, Орегон, Северная Дакота и Аляска) доля независимых производителей состав-

ляет 11-17% при среднем значении для страны в 38% в 2003 г. Поскольку такие штаты находятся вне ведения Федеральной комиссии по регулированию энергетики (FERC), это затрудняет создание унифицированных планов развития отрасли в целом и оптовых рынков в частности.

Независимые производители сооружают в основном газотурбинные или парогазовые ТЭС, т.е. используя новейшие технологии, поэтому сюда активно идут венчурные компании. В результате появилась новая категория — merchant plant, которые не заключают долгосрочных контрактов, а работают за счет краткосрочных сделок при резком увеличении спроса, что приносит высокую прибыль. Таких компаний мало, а после кризиса в Калифорнии инвесторы потеряли интерес к ним.

В настоящее время на территории США можно выделить два типа районов: имеющие оптовые рынки и не имеющие таковых. Сформированные рынки охватывают территорию, где проживает 70% населения страны. К ним относятся следующие объединенные энергосистемы:

- ISONE (Новая Англия);
- NYISO (шт. Нью-Йорк);
- PJM (штаты Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр, Виргиния, Западная Виргиния, Огайо, Иллинойс, Мичиган, часть шт. Индиана);
- ERCOT (шт. Техас);
- CAISO (шт. Калифорния).

В остальных штатах пока нет организованного рынка, а работа энергосистем часто строится на двусторонних договорах (Юго-Восточный центр, Северо-Западный центр, часть Южно-Атлантических штатов и часть штатов Юго-Западного центра). Кроме этого, ряд штатов (Невада, Нью-Мексико и Арканзас) отказались от реструктуризации, а Монтана и Оклахома приняли законодательные акты, откладывающие процесс реструктуризации частных компаний. В Калифорнии после энергокризиса 2000 г. под давлением противников реформ внесены законодательные изменения, приостанавливающие либерализацию.

Таким образом, в США функционируют оптовые рынки, диаметрально различные друг другу — полностью монополизированные, как, например, на Юго-востоке страны, и полностью либерализованные, имеющие биржевую и дистанционную торговлю в режиме реального времени, на Северо-востоке. Отсутствие единых стандартов для работы оптовых рынков вызвало появление т.н. «балансирующих» рын-

ков. Для дальнейшего проведения реформ необходимо было унифицировать условия их работы законодательным путем. Был принят ряд документов, которые легли в основу т.н. «Белой книги» (апрель 2003 г.), которая представляет собой декларацию о намерении дальнейшего регулирования отрасли. Основные идеи «Белой книги» следующие: 1. создание новых структур для управления оптовыми рынками — региональных передающих компаний (РПО) в каждом районе с передачей в их управление магистральных ЛЭП, независимо от их принадлежности; 2. вступление всех электрокомпаний в РПО; 3. перспективное планирование осуществляют РПО, а не отдельные компании.

Новые субъекты — РПО — должны улучшить снабжение потребителей как по объемам, так и по качеству электроэнергии. Они имеют функциональное обособление (только передача и сбыт электроэнергии) и централизацию на уровне отдельных регионов (диспетчерское управление). Благодаря такой централизации в управлении потоками увеличилось число компаний, занимающихся только сбытом, а объем их торговли увеличился на несколько порядков. РПО управляют ЛЭП данного района, им дано право использовать сети, не принадлежащие им на правах собственности, т.к. законы США не позволяют собственникам инфраструктуры продавать свои объекты. РПО осуществляют управление пропускной способностью сетей для осуществления сделок между контрагентами как внутри территории РПО, так и за ее пределами.

РПО не владеет энергоактивами, им принадлежат только пункты оперативно-диспетчерского управления. РПО являются в большой степени аналогами независимых системных операторов на либерализованных рынках других стран. Но, в отличие от них, РПО осуществляют перспективное планирование ЛЭП, причем их предписания являются обязательными для тех, кто входит в определенное РПО. Это является важнейшим условием для развития и создания межсистемных связей, крайне необходимых электроэнергетики США.

В дальнейшем предполагается объединение всего сетевого хозяйства США в четыре мега-РПО путем слияния формирующихся на данном этапе. Важнейшей задачей РПО становится устранение исторически сложившейся обособленности и автаркии энергосистем страны. Для достижения этого РПО должны быть независимыми от субъектов рынка, иметь региональный масштаб деятельности, однако границы и площадь районов точно не оговариваются. Территория обслуживания РПО должна быть такой, чтобы позволяла РПО эффективно осуществлять возложенные на нее функции: мониторинг рын-

ка, планирование и развитие сетевого хозяйства, координация потоков между районами при соблюдении высокого уровня надежности.

В ходе реформ изменились задачи гос. регулирования, основными стали следующие — изменение структуры отрасли и взаимоотношения между ее субъектами. Реформа заключается прежде всего в развитии конкурентных отношений и, следовательно, формирования межрегиональных конкурентных рынков на основе разделения видов деятельности, формирования единого оперативно-диспетчерского управления, управления перетоками электроэнергии как в пределах регионов, так и на межрегиональном и межстрановом уровне.

При всем различии электроэнергетических систем и путей их формирования в США, Европейском Союзе и др. регионах мира задачи, стоящие перед ними, сводятся к следующему: разграничение естественных монополий, демополизация отрасли с параллельным развитием антимонопольного регулирования, создание независимых производителей и недискриминационный допуск их к энергетической инфраструктуре, либерализация рынков электроэнергии. Государств, полностью открывших рынок электроэнергии, становится все больше. Такие радикальные преобразования отрасли стали мировой тенденцией. Либерализация отрасли приводит к качественному расширению рынков, приобретает межрегиональный и международный масштаб. Электроэнергетика из отрасли, связанной границами национальных государств, превращается в отрасль, имеющую свой мировой рынок.

Литература

1. Global Energy Business. — 2000. — vol.2. — № 4.
2. National Power Survey 1960. — Wash., 1964. — 475 p.
3. National Power Survey 1970. — Wash., 1972. — 502 p.
4. State Electricity Profiles 2002. — Wash., 2004. — 242 p.
5. Мировая электроэнергетика. -1998. — № 3.
6. Экономика США в будущем (проблемы и прогнозы). — М.: Прогресс. — 1982.
7. Эксперт. — 2003. — № 31.
8. Энергорынок. — 2005. — № 8.

Лейзерович Е.Е.

Различия в соотношении числа мужчин и числа женщин на территории России (статистический обзор)

По последней Всероссийской переписи населения 2002 года постоянное население РФ, находившееся на территории страны, состояло из 67605 тыс. мужчин и 77562 тыс. женщин (1). Таким образом на 1000 мужчин приходилось 1147 женщин.

Соотношение численности мужчин и женщин было достаточно неодинаковым в различных частях страны, а тем более районах и населенных пунктах. Общая картина различий выглядит достаточно калейдоскопичной. Однако просматриваются и некоторые общие тенденции на всех территориальных уровнях.

Макроуровень — экономические районы (см. таблицу 1)

Таблица 1

Соотношение мужчин и женщин по экономическим районам

Экономический район	Численность (тыс.чел)		Количество женщин на 1000 мужчин
	Мужчин	Женщин	
Северо-Западный	3982	4759	1195
Центрально-Чернозёмный	3441	4076	1184
Волго-Вятский	3652	4306	1179
Центральный	14105	16377	1161
Поволжский	7645	8875	1160
Уральский	9187	10596	1153
Северо-Кавказский	8874	10036	1131
Западно-Сибирский	6957	7835	1126
Восточно-Сибирский	4032	4504	1117
Северный	2475	2760	1115
Дальневосточный	3255	3438	1056

Как видно из таблицы 1, экономических районов с преобладанием мужского населения в РФ нет. Однако достаточно заметно расхождение между экономическими районами в численности женщин, при-

ходящейся на 1000 мужчин. Максимальное расхождение 139 человек — 11,6% от наивысшего показателя. Это немалая величина. В отмеченном расхождении просматриваются две тенденции географического характера. Первая: в центральных экономических районах число женщин на 1000 мужчин выше среднего по стране и заметно больше, чем в периферийных районах. Вторая: в северных и восточных районах, более суровых по климатическим условиям, число женщин на 1000 мужчин меньше, чем в центральных и западных экономических районах. В результате заметно снижение степени превосходства числа женщин над числом мужчин при движении с запада на восток по линии Санкт-Петербург — Москва — Хабаровск.

Среди центральных районов страны по превосходству числа женщин над числом мужчин первенствует Северо-Западный экономический район. Санкт-Петербург, где на 1000 мужчин приходится 1225 женщин, занимающий по этому показателю первое место среди городов-миллионеров, влияет на средние показатели своего экономического района, причём гораздо сильнее, чем другие города-миллионеры в своих экономических районах. Ведь в городе живет более половины всего населения Северо-Западного экономического района.

Мезоуровень — субъекты РФ

У большей части субъектов РФ — пятидесяти девяти, по состоянию на момент переписи число женщин на 1000 мужчин отклонялось от среднего показателя по стране не более чем на 5%, то есть было в диапазоне 1090–1204 человека. Число женщин на 1000 мужчин, было выше 1204 в семи субъектах РФ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Субъекты РФ, имеющие максимальную численность женщин на 1000 мужчин

Субъект РФ	Число женщин на 1000 мужчин	Субъект РФ	Число женщин на 1000 мужчин
Ивановская область	1229	Тульская область	1219
Санкт-Петербург	1225	Ярославская область	1214
Тверская область	1222	Владимирская область	1209
Новгородская область	1221		

Группа субъектов РФ, находящихся на другом «полюсе», в которых число женщин, приходящееся на 1000 мужчин, меньше 1090 человек, более многочисленна (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Субъекты РФ, в которых численность женщин
на 1000 мужчин наименьшая**

Субъект РФ	Число женщин на 1000 мужчин	Субъект РФ	Число женщин на 1000 мужчин
Чукотский АО	902	Еврейская авт. об- ласть	1061
Корякский АО	962	Сахалинская область	1064
Камчатская область (без АО)	963	Приморский край	1065
Ямало-Ненецкий АО	988	Читинская область (без АО)	1068
Эвенкийский АО	993	Хабаровский край	1069
Ханты-Мансийский АО – Югра	1011	Чеченская Республика	1071
Ненецкий АО	1022	Амурская область	1073
Магаданская область	1033	Республика Дагестан	1074
Республика Саха (Якутия)	1045	Усть-Ордынский	
Мурманская область	1051	Бурятский АО	1077
Таймырский АО	1055	Республика Коми	1086
Агинский Бурятский АО	1057	Республика Калмыкия	1087

Все семь субъектов РФ, перечисленных в таблице 2, расположены в Центральной России. А из 23 субъектов РФ, перечисленных в таблице 3, десять — на Дальнем Востоке, семь в Сибири. И лишь шесть — периферийные районы Европейской России, причём три из них — северные, и три — горно-пустынные южные.

Таким образом, налицо тенденция, отмеченная выше — уменьшение превосходства числа женщин над численностью мужчин при переходе от центральных районов РФ к периферийным, в первую очередь северным и восточным. Для последних характерна повышенная численность военных, моряков, рыбаков, охотников, геологов и рабочих горнорудных предприятий, лесников и лесоразработчиков — представителей чисто мужских профессий.

Субъектов РФ с преобладанием мужского населения над женским в 2002 году было пять (см. таблицу 3). Однако превосходство числа мужчин над числом женщин среди городского населения имело место лишь в Ямало-Ненецком АО, Камчатской области и Чукотском АО. Среди сельского населения такое явление наблюдается в целом ряде северных и восточных субъектов РФ. Это Ненецкий АО, Мурманская область, Ханты-Мансийский АО — Югра, Ямало-Ненецкий АО, Таймырский АО, Эвенкийский АО, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский АО. В перечисленных субъектах РФ преобладание числа мужчин над числом женщин связано с отмеченной выше «северо-восточной» спецификой трудовых ресурсов.

Географические различия существуют не только в соотношении мужчин и женщин, но и у некоторых других показателей, связанных с половозрастной структурой населения. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что по переписи 2002 года число женщин на 1000 мужчин среди городского населения РФ — 1166 человек, превышало такой же показатель для сельского населения РФ — 1099 человек. При этом важно отметить, что по данным переписей населения 1939, 1959 и 1970 годов в РСФСР картина была обратной. Превышение доли женщин среди городского населения над долей женщин среди сельского населения наблюдается на большей части территории РФ. Лишь в четырёх её субъектах — Республике Ингушетии, Белгородской и Рязанской областях, Чукотском АО — доля женщин в сельской местности выше, чем у городского населения.

Ещё одно наблюдение на мезоуровне. Рождаемость в субъектах РФ, имеющих наибольший перевес в численности женщин над численностью мужчин, ниже, чем в тех субъектах РФ, где перевес численности женщин над численностью мужчин был наименьшим, или число мужчин превышает число женщин. В первой группе субъектов РФ (перечень в таблице 2) средняя рождаемость в 2006 году составляла от 8,0 до 9,8 чел. на 1000 чел. населения, медиана — 9,4 человек (2). А во второй группе субъектов РФ (перечень в таблице 3) средняя рождаемость менялась от 9,9 до 23,8 чел. на 1000 чел. населения, медиана — 13,2 человека (2).

Микроуровень — города, посёлки городского типа, сельские районы

ГОРОДА. Начнём с тринадцати городов-миллионеров. Кроме Москвы, где на 1000 мужчин приходится всего 1096 женщин, во всех

городах-миллионерах число женщин на 1000 мужчин заметно превышает среднероссийский уровень для городов (без посёлков городского типа) — 1172, и составляет от 1185 в Омске до 1225 в Санкт-Петербурге.

В двадцати городах с населением от 500 тыс. до 1 млн. чел. картина несколько иная. В четверти из них число женщин на 1000 мужчин ниже среднероссийского. Это Владивосток, Тольятти, Хабаровск, Набережные Челны, Тюмень — города за Уралом или молодые промышленные центры. Однако в остальных пятнадцати городах численность женщин на 1000 мужчин, как и в городах-миллионерах, превышает среднероссийскую. В восьми из них она выше 1200 чел., самая большая в Ярославле — 1237 человек.

Среди 42 городов с населением от 250 до 500 тыс. чел. картина примерно такая же, как в предыдущей группе, хотя разброс больше — от 1267 женщин на 1000 мужчин в Твери до 1036 женщин на 1000 мужчин в Сургуте. Число женщин на 1000 мужчин ниже среднероссийского в четверти городов этой группы — в Череповце (1171), Нижнем Тагиле (1169), Улан-Удэ (1163), Томске (1159), Мурманске (1146), Владикавказе (1143), Комсомольске-на-Амуре (1129), Чите (1128), Калининграде (1118), Махачкале (1090), Сургуте. В перечне доминируют периферийные пограничные, восточные и северные города. А среди 31 города, в которых число женщин на 1000 мужчин превышает среднероссийский показатель для городов, основную часть составляют 17 городов Центральной России — шестнадцать республиканских и областных центров плюс Дзержинск.

Картина заметно меняется при переходе к группе городов с населением от 100 до 250 тыс. человек. Таких городов в день Всероссийской переписи населения 2002 года было 92.

Число женщин на 1000 мужчин было ниже среднероссийского уже в половине из них. Это косвенно указывает на то, что тяготение женщин к городам с населением свыше 250 тыс. чел. было сильнее, чем к городам с населением менее 250 тыс. человек.

Разброс числа женщин на 1000 мужчин в этой группе снова выше, чем в предыдущей — от 1288 в Великом Новгороде до 987 в Петропавловске-Камчатском — единственном среди 167 городов России с населением свыше 100 тыс.чел., в котором живёт больше мужчин, чем женщин. Среди городов с населением от 100 до 250 тыс. чел. наблюдается заметное снижение величины главного показателя — числа женщин на 1000 мужчин, вдоль отмеченной выше линии Санкт-Петербург — Хабаровск.

Ниже приведены перечни городов России с населением свыше 100 тыс. чел, имеющих самое большое (см. таблицу 4) и наименьшее (см. таблицу 5) число жителей-женщин на 1000 жителей — мужчин.

Таблица 4

**Города России с населением свыше 100 тыс. жителей
с максимальным числом женщин на 1000 мужчин**

Город	Число женщин На 1000 мужчин	Город	Число женщин На 1000 мужчин
1. Великий Новгород	1288	6. Киров	1256
2. Орехово-Зево	1281	7. Петрозаводск	1254
3. Тверь	1267	8. Люберцы	1243
4. Иваново	1262	9. Саранск	1242
5. Тула	1258	10. Смоленск	1241

Отметим, что все перечисленные в таблице 4 города, кроме Петрозаводска, расположены в Центральной России.

Таблица 5

**Самые «мужские» города России из числа имеющих
более 100 тыс. жителей**

Город	Число женщин на 1000 мужчин	Город	Число женщин на 1000 мужчин
1. Петропавловск-Камчатский	987	6. Находка	1043
2. Норильск	1003	7. Уссурийск	1056
3. Нефтеюганск	1027	8. Салават	1074
4. Нижневартовск	1028	9. Дербент	1080
5. Сургут	1036	10. Новотроицк	1082

Абсолютное большинство городов, перечисленных в таблице 5, расположены в восточных районах.

Последняя группа городов — города с населением менее 100 тыс. чел., то есть средние и малые. Самые «женские» из них те, где на 1000 мужчин приходится более 1300 женщин.

Таких городов 14. Из них 11 в Центральном экономическом районе. «Чемпион» — город Плёс в Ивановской области, где на 1000 мужчин приходилось в день переписи 1611 женщин. Далее следуют Козловка в Чувашии (1475) и Дрезна в Подмосковье (1355).

Если среди городов с населением свыше 100 тыс. чел. число мужчин превышает число женщин лишь в одном, то среди 163 средних городов таких уже четыре: Новый Уренгой, Наро-Фоминск, Североморск и Ханты-Мансийск. А среди 768 малых городов мужчины господствуют в пятидесяти шести. «Чемпионы» — Высоцк (Ленинградская область), где мужчины составляют 69,9% всего населения, Мирный (Архангельская область) — 59%, Скалистый (Мурманская область) — 59,5%.

ПОСЁЛКИ ГОРОДСКОГО ТИПА. Среднее число женщин на 1000 мужчин в посёлках городского типа (1107) заметно ниже, чем в городах. Рассмотрение сети городов по типоразмерам показало, что чем меньше поселения и чем больше их количество в типе, тем выше вероятность того, что в них мужское население будет преобладать над женским. Действительно, из 1842 посёлков городского типа, существовавших на территории РФ 9 сентября 2002 года, таких посёлков, в которых мужчин было больше, чем в женщин, насчитывалось 243 (13% от их общего количества). Отчётливо просматривается наличие повышенной доли посёлков с преобладанием мужского населения в восточных и северных районах (см.таблицу 6).

Таблица 6

Распределение посёлков городского типа с преобладанием мужского населения по экономическим районам

Экономический район	Общее число посёлков городского типа	Из них с преобладанием мужского населения	
		Количество в %	% к итогу
Центральный	368	22	6
Северный	105	21	20
Северо-Западный	71	7	10
Волго-Вятский	165	11	7
Центрально-Чернозёмный	78	—	0
Северо-Кавказский	98	8	8
Поволжский	158	5	3
Уральский	225	18	8
Западно-Сибирский	150	23	15
Восточно-Сибирский	188	28	15
Дальневосточный	236	100	42
Итого РФ	1842	243	13

СЕЛЬСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РАЙОНЫ. Доля сельских административных районов, в которых мужчин больше чем женщин, ниже доли посёлков городского типа с аналогичными показателями. Из 1866 сельских административных районов лишь 143 (7,7%) насчитывают больше мужчин, чем женщин. Однако «северо-восточная составляющая» превосходства мужского населения проявляет себя не менее ярко, чем у посёлков городского типа (см. таблицу 7).

Таблица 7

Распределение сельских административных районов, в которых мужское население больше женского, по экономическим районам

Экономический район	Общее число сельских административных районов	Из них с преобладанием мужского населения	
		Количество в %	% к итогу
Центральный	301	5	2
Северный	80	10	12
Северо-Западный	75	1	1
Волго-Вятский	144	8	6
Центрально-Чернозёмный	122	1	1
Северо-Кавказский	199	10	5
Поволжский	214	5	2
Уральский	201	12	6
Западно-Сибирский	229	11	5
Восточно-Сибирский	158	16	10
Дальневосточный	143	64	45
Итого РФ	1866	143	8

На Дальнем Востоке более всего сельских административных районов с преобладанием мужского населения в Якутии — 12, Хабаровском крае — 9, Приморском крае — 8; в Сибири — в Тюменской области (с АО) — 7, Красноярском крае (с АО) и Читинской области (с АО) — по пяти; в Европейской части — в Свердловской области — 6, Чечне — 5, Нижегородской области — 4.

Самые «мужские» сельские административные районы России — Район Новая Земля, где мужчины составляют 75,5% всего населения, Ихтум-Калинский (Чечня) — 67,5%, Гаринский (Свердловская область) — 66,5%, Шмидтовский (Чукотский АО) — 63,5%, Шатоевский (Чечня) — 62,8%. Самые «женские» сельские административные районы России — Кромский (Орловская область), где женщины составляют 57,4% всего населения, Назрановский (Ингушетия) — 56,5%, При-

волжский (Ивановская область) — 56,4%, Новоржевский (Псковская область) и Дивеевский (Нижегородская область) — по 56,3%.

Такая важная особенность половозрастной структуры населения, как наличие более высокой доли женщин среди городского населения, чем среди сельского населения, неодинаково проявляет себя в разных частях России и на уровне сельских административных районов (см. таблицу 8).

Таблица 8

Количество сельских административных районов, в которых доля женщин среди сельского населения выше, чем среди городского населения, а в сельской местности больше мужчин, чем женщин

Экономический район	Число сельских административных районов	Имеющих городское население			С преобладанием мужского населения над женским	
		Общее количество	С более высокой долей женщин среди населения, чем среди городского населения	В % к общему количеству	Всего	В % к итогу
Центральный	301	242	59	24	7	2
Северный	80	53	13	24	6	8
Северо-Западный	75	63	19	30	5	7
Волго-Вятский	144	91	27	30	8	6
Центрально-Чернозёмный	122	80	40	50	1	1
Северо-Кавказский	199	64	14	22	9	4
Поволжский	214	124	27	30	5	2
Уральский	201	69	7	10	11	6
Западно-Сибирский	229	80	8	10	16	7
Восточно-Сибирский	157*	89	17	19	23	15
Дальневосточный	142*	89	19	21	83	58
Итого РФ	1864*	1044	250	24	174	9

* Не имеющие сельского населения Диксонский район Таймырского АО и Северо-Курильский район Сахалинской области из рассмотрения исключены.

Как видно из таблицы 8, на Урале и за Уралом, где в сельской местности имеется повышенная потребность в специалистах и рабочих чисто мужских профессий, уже реже встречаются сельские административные районы, в которых доля женщин в селах выше, чем в городах и посёлках. В центральных экономических районах доля таких сельских административных районов больше, однако лишь в одном из них — Центральном, достигает 50%.

Таким образом, превышение доли женщин в городах и посёлках над долей женщин в сельской местности остается доминирующим на всей территории РФ и на уровне сельских административных районов.

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ. В заключение коротко остановимся на «чистой» сельской местности, то есть рассмотрим только сельское население сельских административных районов. В данном случае из двух основных показателей полового состава населения, подверженных в границах России заметным территориальным изменениям, объектом анализа остаётся лишь один — соотношение мужского и женского населения. Как видно из таблицы 8, сельских административных районов в сельском населении которых мужчин больше, чем женщин, сравнительно немного. Налицо яркая картина того, как в восточных районах увеличивается преобладание в сельской местности числа мужчин, особенно резко в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В Магаданской области и Корякском АО оно имеет место во всех районах, в Хабаровском крае, Сахалинской области, Чукотском АО — более чем в 2/3 районов.

Литература

1. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 1. М.: ИИЦ «Статистика России». 2004 — 575 с.
2. Где в России жить хорошо. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2006 году. «Российская газета» №51 / 4314, 14 марта 2007 года.

Махоткина А.И.

Адаптационные стратегии сельских жителей как фактор трансформации сельской местности

Совокупность объективных процессов, условий и субъективных факторов определяют модели поведения сельских жителей. Человек, предъявляя «спрос» на ту или иную территорию, трансформирует сложившиеся условия. Поэтому необходимо учитывать процесс формирование «спроса», что дает возможность лучше понять процесс изменения функций той или иной территории, в данном случае сельской местности. Понять реальные направления трансформации сельской местности представляется сложным без учета динамики ее функций.

С методической стороны процесс, изменения функций сельской местности, достаточно сложно количественно оценить. Следует значительное внимание уделять субъективным мнениям и оценкам общественной и экономической жизни, мнению непосредственных представителей исследуемых регионов.

Само понятие функции, если посмотреть определение этого слова в словаре, энциклопедии, можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это «назначение» (роль) одного из элементов системы по отношению к «другому» элементу системы или ко всей системе в целом. Характер проявления той или иной функции сельской местности зависит от того, с каким элементом рассматривать взаимодействие сельской местности, в данном случае для чего предназначена сельская местность по отношению: к другим сельским населенным пунктам, городам (в т.ч. крупным городам), отраслям народного хозяйства, населению. Рассматривая второй аспект «функцию», можно определить его как зависимость, вид связи между объектами при которой изменения одного элемента оказывается производным от изменения первого (другого) элемента¹.

¹ Социология: Энциклопедия/ Сост Грацанов А.А., В.А. Абушенко, Г.М. Евелькин. — Мн.: Книжный дом, 2003.

В статье «Функция места и ее изменение»² авторы указывают на большую терминологическую определенность понятия «функция», нежели понятия «места» и функция места, которая рассматривается в большинстве случаев с позиции жизни общества, его деятельности, это процесс удовлетворения общественных потребностей. Таким образом, Минц А.А., Преображенский В.С. соотносят функции места с потребностями общества и отмечают, что к классификации функций необходимо подходить с этой точки зрения. Так как авторы считают, **что функции места детерминированы свойствами места в многомерном пространстве**, то можно сказать, что функция места есть зависимость (функция) от его положения в пространстве. На вопрос, что же является главным механизмом смены функции места — авторы отвечают, что движущей силой выступает *процесс развития общества*. Таким образом, указано на активную роль человека.

В качестве места в данном случае выступает пространство сельской местности (четкого определения которого тоже не существует, поэтому каждый исследователь определяет для себя свой объект изучения исходя из целей исследования), то остановимся на определении функций сельской местности.

Под функциями сельской местности в данной статье подразумевается — проявление свойств территории вне города в зависимости от реализации какого-либо вида деятельности осуществляемого повсеместно населением. Поэтому это понятие несколько отличается от функций сельского населенного пункта (СНП).

Функции сельской местности

Были выделены следующие функции, которые можно отнести к основным функциям сельской местности:

1. *«Воспроизводственная»*. Процесс воспроизводства населения в сельской местности при сложившихся социально-демографических характеристиках населения территории. Оценка уровня возможности осуществлять данную функцию можно путем анализа всех демографических показателей населения сельской местности, социальных особенностей и проблем, которые тем или иным образом оказывают влияние на данные показатели.

2. *Селитебная*. Понятно, что эту функцию сельская местность выполняет всегда и везде, но в данном случае интерес представляет

² Минц А.А., Преображенский В.С., «Функция места и ее изменение» // Известия АН СССР, Сер. Географическая, 1970, №6.

процесс *доминирования* этой функции. Например, в случае совместного развития городских и сельских территорий в результате развития агломераций. В данном случае, индикаторами могут выступать показатели, отражающие взаимосвязь городских функций и уровень потребления их сельскими жителями, их интенсивность, например, количество сельских жителей работающих в городе, количественные показатели маятниковой миграции село-город. Селитебную функцию можно рассмотреть с двух точек зрения. Если сельскую местность рассматривать без влияния города, особенно крупного, а как функционирование отдельного элемента более общей системы, где должны реализоваться жизненные потребности сельских жителей, то она необходимо просто как земельный участок. При совместном рассмотрении сельской местности/город характерны следующие особенности. Если город крупный (характерным примером является Москва и ее территориальное развитие) и ему не хватает территории, при экстенсивном развитии городской среды сельская местность выступает территориальным резервом, источником территории для дальнейшего распространения городского образа жизни. Как только сельские участки включены в территорию города, они начинают в большинстве случаев выполнять опять селитебную функцию, но уже внутри другой подсистемы — города. В случае если крупный город не испытывает острой нехватки земельных ресурсов, но испытывает дефицит трудовых ресурсов сельская местность, особенно при интенсивном развитии агломерации, для города выполняет функцию №3 — «поставщик трудовых ресурсов», а для «самой себя» селитебная роль сельской территории усиливается в списке всех функций данной территории.

3. *Источник трудовых ресурсов.* В течение советского периода эта функция села была одной из лидирующих, в ходе процесса урбанизации. В настоящее время реализация этой функции может происходить в нескольких направлениях:

- во-первых, в пределах места проживания;
- во-вторых, за пределами, но в сельской местности;
- в-третьих, как источник трудовых ресурсов для городов (возвратные и невозвратные миграции).

В этом контексте важен анализ сельского населения, с точки зрения соотношения мест приложения труда в данном пункте, районе и в городах, и других СНП; соотношение отраслевой специализации мест приложения труда и вида и уровня специализации, образования сельского населения.

4. *Производственная.* Сельская местность выступает в данном случае основным фондом, с помощью которого идет производство и

переработка сельскохозяйственной продукции. В этом случае важно сочетание производственных единиц на территории (крупных хозяйств, хозяйств населения, фермерских хозяйств), динамика их ролей, территориальные различия в их сочетании, экономической эффективности. Наряду с этими показателями, необходимо рассматривать показатели динамики состояния «основного фонда» (как земли, так и материальных фондов — зданий и строений, оборудования), характеризующие изменения в структуре производства сельского хозяйства.

5. *Рекреационная.* В основном доминирование, усиление этой функции связано с поведением людей, реализующих периодические потребности на данной территории, но живущих в другом месте. Во многих случаях, необходимо рассматривать совместно с развитием городов, предоставляющие рекреационные услуги и распространяющие «спрос» на сельскую местность; наличие и состояние привлекаемых и уникальных природных объектов; расположения крупнейших городов, для населения которых сельская местность выступает в чистом виде рекреационной территорией. Поэтому можно разделить рекреационную функцию сельской местности на два вида, что было отмечено еще в монографии Алексеева А.И.³:

- рекреационная функция сельской местности, как отрасль хозяйства, туризм, степень развития которой можно оценить отраслевыми показателями. Особую важность наряду с природными предпосылками в данном случае играет размещение, вид, качество фондов в сельской местности
- и рекреационная функция сельской местности, как «самообслуживание», что выражается в виде распространения дач и т.п.

И тот, и другой вид объединяет то, что выполнение данной функции сельской местностью является производной от удовлетворения *потребности* населения в отдыхе, лечении. А так же то, что носителем данной потребности выступает именно городское население.

В своей статье Ковалев С.А.⁴ причислил к функциям сельской местности природоохранную функцию, которая реализуется в двух направлениях и видах. С одной стороны, природоохранные меры реализуются по средствам создания природных парков, заповедников, заказников, то есть выделение территорий с определенным регла-

³ Алексеев А. И. Многоликая деревня, М. 1990.

⁴ Ковалев С.А. Изучение сельской местности в экономической и социальной географии// Вопросы географии сб., 1980.

ментом (более или менее жестким) на ведение какой-либо деятельности. С другой стороны, это территория для захоронения и/или нейтрализации различной вредности отходов. Но если первая реализуется в основном для сохранения и поддержания равновесия экосистемы определенной территории, то второй вариант проявления данной функции в большей степени характерен для системы город/сельская местность, будь то захоронение ядерных отходов или мусорные свалки вокруг городов.

Алексеев А.И. ввел еще и «временной вектор», указав на то, что функции могут быть сезонные и несезонные, и сельская местность также испытывает воздействие трех основных жизненных циклов — годовых, недельных, суточных⁵.

Естественно, что все выделенные функции сочетаются в определенной мере, речь идет об изменении в соотношении функций (усилении или уменьшении) сельской местности в результате ее трансформации, а также о преобладании той или иной функции в зависимости от типа взаимодействия с окружающими населенными пунктами.

Факторы трансформации функций сельской местности

Ряд факторов определяют современное состояние сельской местности, а так же условия жизни сельского населения. К числу таковых факторов отнесены следующие: агроклиматический, комплекс генетико-исторических факторов (тип общины, история развития крепостного права, влияние коллективизации), тип расселения, ЭГП (центр — периферийное положение, транспортно-географическое, положение относительно рынков сбыта, трудовых ресурсов), демографических, экономический уровень развития и тип организации производственной деятельности, «управленческий». Реакция на изменение этих факторов формирует новые модели поведения людей, которые выражаются в адаптационных стратегиях населения. В результате составлены матрицы степени влияния факторов на разные территориальные уровни в сельской местности и характер влияния этих факторов), что представлено в Таблице 1. Акцентируется внимание на наиболее динамичном факторе, оказывающем влияние на трансформацию функций сельской местности — типе адаптационных моделей людей.

Таким образом, предлагается один из способов изучения сельской местности, который формулируется следующим образом: **процесс трансформации сельской местности необходимо исследо-**

⁵ Алексеев А. И. Многоликая деревня, М. 1990.

вать с позиции изменения ее функций, адаптационными стратегиями поведения сельского населения. Таким образом, в данном контексте, если рассматривать понятие «функции» как зависимость, то адаптационные стратегии поведения населения выступают независимой переменной, функция от которой есть изменение роли сельской местности. Адаптационные модели выступают **одним из факторов** развития территории, действующим равносильно с другими факторами.

Экономический кризис способствовал усилению замкнутости процессов жизнедеятельности сельских жителей и/или переориентации многих видов деятельности населения на более низкий территориальный уровень. Но одновременно в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в сельской местности наметился ряд процессов, которые нельзя оценить однозначно, только положительно или отрицательно. Сельские жители адаптируются к изменившимся условиям, что выражается в ряде особенностей экономического и социального поведения.

Схема этого процесса представлена на рисунке:

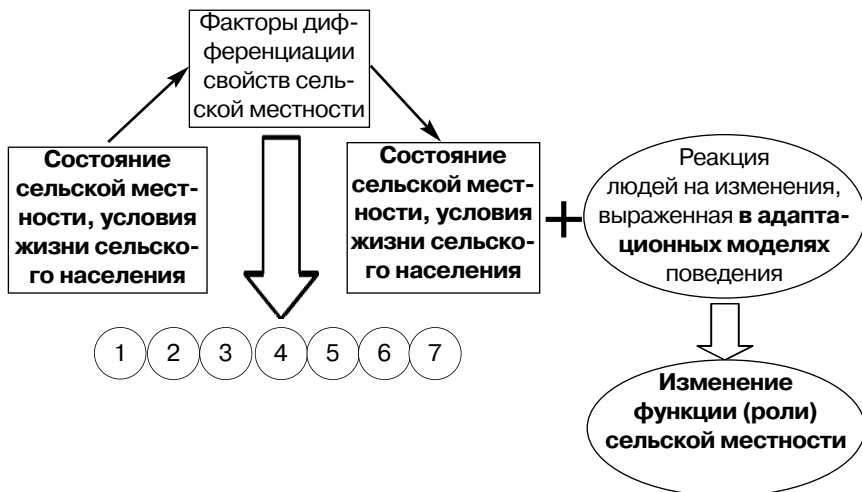

Рисунок 1. Типы экономической и социальной адаптации сельского населения, их влияние на изменение функций сельской местности.

Многие изменения можно выявить и оценить только с качественной точки зрения (на основе глубинных и экспертных интервью с сель-

скими жителями и местными руководителями). Географы и представители смежных наук обращаются в таком случае к методам социологии, таким как массовые опросы населения, глубинные и экспертные интервью, включенное наблюдение, анализ СМИ и т.д. Данные, полученные этими методами, дополняют официальную федеральную и региональную статистику.

Появляется возможность определить субъективные оценки сельских жителей своего социального и материального положения и выявить ряд тенденций, например, в миграционных желаниях и предпочтениях, распределении гендерных ролей в семьях и в общественной жизни, изменение роли личного подсобного хозяйства, жизненные приоритеты, особенно относительно детей. Важным является соотношение материального положения с субъективными оценками населения, что выражается в характеристиках «социального самочувствия»⁶. Часто проблемы озвучиваются самими участниками массового опроса, что позволяет, выявить процессы и механизмы процессов, происходящих в сельской местности, которые нельзя разглядеть за статистическими данными.

Если трансформацию народного хозяйства и общества можно оценить с помощью статистики, то необходимым материалом для выявления реакции на эту трансформацию выступают как раз информация, полученная из социологических опросов и др. методов социологического исследования. Для доказательства и дополнительной иллюстрации статье будут использованы материалы массового социологического опроса жителей сельской местности ряда регионов страны (Калужская, Воронежская области, Ставропольский край).⁷

Эти регионы интересны с точки зрения, что каждый из них при межрегиональном сопоставлении, обладает характеристиками макрорегиона, частью которого он является — Нечерноземья, Черноземья, равнинного Северного Кавказа, что дает возможность распространить выводы относительно частных случаев, на более высокие территориальные уровни (макрорегионы).

⁶ Понятие рассматривалось в диссертационной работе Мадюскина П.Н. «Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России», М. 2005.

⁷ Опрос проведен в 2003 году студентом кафедры «Экономической и социальной географии России» географического ф-та МГУ в ряде регионов России, в т.ч. Калужской, Воронежской областях, Ставропольском крае.

Таблица 1
Степень влияния факторов на развитие территориальных уровней в сельской местности и характер их динамичности.

	Агроклиматический	Комплекс генетико-исторических факторов (община, креп. право коллективизация)	Тип расселения	ЭГП* (ц-п, ТГП, сбыто)	Демографический	Экономический уровень развития региона и тип организации произв. деятельности	Управленческий	Адаптационные модели людей
межрегиональный	++	++	+	+	+	++	+	+/-
внутрирегиональный	+/-	-	-	++	+/-	++	++	++
внутрирайонный	-	-	-	+	++	+	+	+
степень динамичности факторов	минимальна	минимальна	30–50 лет	100 лет	динамично, 25 лет	динамично, 5–10 лет	5 лет	максимально
тип фактора	формирующий	формирующий	результат / предпосылки	формирующий на определенном историческом этапе	результат / предпосылки	результат / предпосылки	формирующий* в зависимости от качества управления	результат предыдущих / предпосылки к изменению функций сельской местности

++ сильное влияние; + значительное влияние;

+ / - низкое влияние; - - практически нет влияния.

* может и не присутствовать, но меняться в зависимости от изменения внешних данных.

Основные направления изменений

Произошли противоположные изменения относительно подвижности (мобильности) сельского населения, что выразилось в одних случаях в резком понижении подвижности (уменьшении количества поездок, их дальности), в других случаях увеличении. Для нечерноземных областей процесс изменения подвижности населения идет в двух направлениях: интенсивная мобильность внутрирайонного уровня (посещение районного центра) и мобильность, основанная на связях с Москвой (способствует хорошая транспортная доступность в пределах двух часов), при пониженной доли межрайонной мобильности населения. В Калужской области реализуется поэтапный процесс трудовых и маятниковых миграций в сельской местности. Так, например, из удаленных сельских администраций едут на работу в районный центр, а из него, находящегося близко к более крупному центру, едут в последний. Этот происходит в Тарусском районе, где Серпухов перенимает на себя ряд функции, вступая более экономически сильным центром, чем Тарусса. Для черноземной области доминирующую роль в подвижности населения играет региональный центр, как место приложения труда, сосредоточения образовательных, торговых учреждений, что выражается в соответствующих типах миграционной подвижности. В основном остальные связи осуществляются так же на нижнем внутрирайонном уровне. Для Ставропольского края «полицентричность», потоки распределяются относительно Ставрополя и Кавминводской агломерацией. Повышение интенсивности межрайонной подвижности способствует притяжения больших торговых рынков («Людмила») около г. Пятигорска, торговые поездки осуществляют жители даже далеко расположенных районов западной части (например, из Красногвардейского района). Этот регион является наиболее ярким примером высокой трудовой маятниковой миграции: более 47% жителей ответили, что в других населенных пунктах работает много (10–25%) и значительная часть (до 50%). Данная интенсивность усиливается в близи концентрации городских центров (на юге и юго-западе края).

Произошел сдвиг приоритетов к **самообеспечению себя и родственников** продуктами питания, за годы реформ, что конечно, является реакцией на изменения в общей социально-экономической ситуации. Но так же четко видна **тенденция к росту товарности хозяйств**, для южных регионов, что выражается в повышении доли хозяйств населения ориентированных на рынок. И статистика и опросы населения однозначно свидетельствуют о натурализации потребления сельского населения, доля тех, кто не вел подсобное хозяйство

уменьшилась ровно на столько, на сколько выросла тех, кто ведет его для собственного потребления в обоих южных регионах. Одновременно отмечен рост товарности хозяйств («ведут для продажи») Воронежской области на 15% при наибольших временных трудовых затратах на его ведение, незначительный в Ставрополье и уменьшение в Калужской области. Именно в черноземной области отмечена максимальная часть населения, которая посвящает ЛПХ по 6-8 и 8 часов в день в летних период, таким образом, увеличение товарности в этом регионе идет параллельно увеличению трудовых затрат, что свидетельствует о невысокой интенсивности способов ведения сельскохозяйственного производства. Такая натурализация сельского образа жизни, резко контрастирует с процессами в городской среде. В то время как определенная часть населения крупных городов приближается к постиндустриальному по образу жизни, по занятости, то российское село, по замечанию Родомана Б.Б. «движется в обратном направлении».

Таблица 2

**Направление использования продукции ЛПХ
в современное время, %.**

	Для себя	Для родственников	На продажу	Нет подсобного хозяйства
Ставропольский край	89,5	35,7	37,8	11,2
Воронежская область	84,1	39,1	58,7	14,5
Калужская область	81,6	20,6	42,6	18,4

Таблица 3

**Направление использования продукции ЛПХ
до начала реформ, %.**

	Для себя	Для родственников	На продажу	Нет подсобного хозяйства
Ставропольский край	79	26,6	36,4	20
Воронежская область	79	34,1	44,2	18,1
Калужская область	78,7	16,9	46,3	18,4

Использованы данные социологического опроса, обработанные Краснослабодцевым В.

В Ставрополье порой складываются удивительные *системы экономического поведения*, на примере жителей Предгорного района, которые трудно объяснить чисто экономической мотивацией. Бывший винодельческий совхоз по весне раздает наделы для жителей поселка, за которые даже не взимается платы, каждый берет, сколько он в состоянии обработать. По личным наблюдениям можно говорить о некоем «спортивном интересе» среди жителей старше трудоспособного возраста, которые «соревнуются» у кого больше поле, кто больше посадил, а о том, что этот надел качественно обработать и сохранить урожай заботятся в меньшей степени, не потому что не хотят, а потому что сил не хватает. Если раньше на обработку надела был задействован весь «семейный» ресурс, то когда он перестает работать, по разным причинам, память о большем урожае не уходит и модель поведения не изменяется при изменившихся внешних условиях. Правда, важное влияние оказывает и *рынок сбыта в непосредственной близости*, крупный курортный центр, который только укрепляет сложившуюся модель, может, не будь его рядом, часть людей оказались бы «гибче» и не стали воспроизводить из года в год не окупающую, при данных возрастных, семейных, материальных показателях, модель экономического поведения. Поэтому на рост товарности подворья влияет как объективные факторы необходимость в увеличении дохода, географическое положение (потенциал для реализации), так и субъективные факторы трудовой мотивации, отражающиеся во фразе «земля не должна пустовать». По данным О. Фадеевой бюджетных обследований сел Привольное в Краснодарском крае и Даниловка в Саратовской области⁸, оценивающих роль ЛПХ в доходах сельского населения, которая составляет около 16% и 35% от общего уровня дохода жителей, соответственно.

Анализ *изменений в структуре занятости сельского населения*, дает значительную возможность оценить процесс изменения экономического поведения населения. Существует проблема оценки сельскохозяйственной занятости на районном уровне. Не унифицированные данные региональных статистических комитетов не позволяют оценить структуру занятости (только в Калужской области приведены данные структуре занятости, и численности работающих, в Воронежской не того не другого, в Ставропольском крае только численность занятых в сельскохозяйственном производстве, что не дает судить о структуре и ее динамике). Из статистических сборников можно получить представление, отражающие общие лишь закономерности:

⁸ Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды// Рефлексивное Крестьяноведение, М.2002.

Таблица 4

Региональные типы сельскохозяйственной занятости.

	Ставрополь- ский край	Воронежская область	Калужская область
Доля от занятых в эконо- мике в <u>сельском хо- зяйстве</u> , 2001г., в %	24,50%	22,60%	11,80%
Доля от занятых в эконо- мике в <u>сельской ме- стности</u> , 2001г., в %	55,56%	59,39%	47,02%

Источник: региональные статистические сборники за соответствующие года

На основе приведенной таблицы 4 можно сделать вывод, что аграрная занятость пока остается пока преобладающим типом занятости в сельской местности.

Ввиду проблем трудоустройства в сельской местности и размера дохода от основной работы, часть населения занято на дополнительной работе. Характер дополнительной занятости более ярко отражает особенности изменения структуры занятости всех регионов. Для «пристоличной» нечерноземной области большая часть занятых дополнительно характерна для строительных организаций, предприятий транспорта, связи (55%); в Воронежской области соответственно в сельском хозяйстве (71%), в Ставропольском крае на предприятиях сферы обслуживания и торговли. Она повышается в летние периоды в рекреационных зонах края для обслуживания прибывающего на отдых населения. Такая временная занятость характеризует основные модели трансформации сельскохозяйственной занятости в регионе, которая обусловлена уровнем развития самого сельского хозяйства и наличия альтернативных источников приложения труда. Анализ интенсивности трудовых связей сельских жителей в регионе отражен в субъективных оценках респондентов на основе знаний и предположений о занятости населения их населенного пункта в других населенных пунктах. Такие данные отражают с одной стороны изменения в территориальной мобильности населения, с другой изменения в типе занятости. В Калужской области около четверти населения отметило, что в другом населенном пункте занято очень много (более 50%) параллельно 20% ответили, что работают, но не многие (5–10%). Ответы во многом завесили от расположения населенного пункта относительно городских центров, поэтому видимо, те которые были ближе

характеризовались более интенсивными связями те которые на периферии пониженными оценками.

Таким образом, основные направления трансформации моделей занятости в регионах не смотря на общие выделенные черты имеют региональные особенности:

1. Для Калужской области характерна трансформация в сторону городских сфер занятости (водители, строители).
2. Для Воронежской повышенной сезонная, дополнительная занятость в сельском хозяйстве; в ней наименее выражены процессы трансформации занятости в сторону более социально-инфраструктурных идут медленно.
3. В Ставропольском крае достаточно ярко выражена трансформация в сторону преобладания занятости в сфере обслуживания, «отходничество» хотя и со своей спецификой (сезонностью, повышенная доля занятых в торговле, обслуживание рекреантов).

В результате с помощью полевого обследования были выявлены несколько типов экономической адаптации:

1. Различные виды миграций:

«Пригородный» тип занятости, который формирует трудовые миграции, характерен для Шпаковского, Предгорного районов со значительным и городскими центрами. Сельское население стремится найти работу в городе (узлах связи, охрана, курортное дело, торговля) в место содержания трудоемкого личного подворья. Рынок труда города более становится более привлекательным по причине транспортной доступности, больших потенциальных возможностей.

Межрайонная трудовые связи, если в одном развивается промышленность (пример, Красногвардейского района, где часть жителей едет на работу на стекольный завод в соседний район).

2. «Дальнее отходничество» выражается в использовании своих трудовых навыков в других регионах России. Выделено на примере Александровского района, где ранее была высокая доля строительных организаций, которые распались, оставшиеся люди, теперь едут работать на стройки в другие регионы (побережье Черного моря, Москва).

3. Уход в фермеры, забрав свой земельный пай, арендуя другие. Не сильно распространенная модель экономической адаптации, т.к. сильно трудо- и ресурсно- затратна. В фермеры идут специалисты бывшего колхоза, которые имеют профессиональные навыки ведения и организации крупного хозяйства.

4. Работа в крупных сельскохозяйственных предприятиях. Наряду с невысокой заработной платой работник получает определенный

доступ к ресурсам (технике, кормам, удобрениям, материалам) коллективного предприятия, который нужен для ведения товарного личного хозяйства.

5. Занятость в личных подворьях (КРС, свиноводство). Экономические показатели продуктивности хозяйств населения исследованы значительным кругом авторов⁹, агрегированные показатели официальной статистики, оценивающие натуральные поступления в доходе домохозяйств (около 30% у сельских жителей)¹⁰ не дает нам дифференцированной картины этого процесса.

Стоит отметить, что для последних двух пунктов характерно тесное взаимодействие, которое исследователи определяют как «симбиоз» и приходят к выводу, что товарное хозяйство населения не возможно без такого симбиоза. Различия проявляются только в степени доступности к ресурсам коллективных предприятий, чем оно эффективнее и крупнее, тем больше оно пытается строить отношения с работниками на денежной основе. Но и в Краснодарских станицах (пример, ст. Бейсугская) реализация такого «симбиоза» имеет место быть, там, где крупное хозяйство пока не перестроилось полностью на «рыночные рельсы». По личным наблюдениям степень доступности к ресурсам ограничена в Краснодарском крае социальным положением индивида (домохозяйства) и определяется уже издавна сложившимися тесными связями, т.е. это достаточно замкнутый круг, и новые хозяйства редко включаются в эту систему. Взаимоотношения реализуются в виде выдачи кормов в виде заработной платы, но в ряде случаев отношения перестают носить формальный характер.

Формула, выведенная Нефедовой Т.Г. «для того, что бы выжить нужна корова, а чтобы живность прокормить, нужен колхоз»¹¹, работает и здесь, поэтому стратификация домохозяйств в большей степени определяется степенью доступности к ресурсам колхоза, а не просто наличием в разной степени товарного личного подворья, как считают некоторые исследователи¹². Как видно из приведенных примеров характер взаимодействия коллективного предприятия и домохозяйства

⁹ Эфендиев А.Г., Болотина И.А. «Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа»//Мир России, М. 2002 г.

¹⁰ Нефедова Т.Г. «Сельская Россия на перепутье», М. 20003 г.

¹¹ Нефедова Т.Г. Пэллот Дж «Индивидуальные Хозяйства населения как объект географического изучения»// Известия АН Сер. Гер. М. 2002 №3

¹² Пациорковский В.В. Сельская местность России 1991-2001 г.// Народонаселение №3, 2003 г.

определяется стратегией выхода из пореформенного положений и текущим состоянием коллективных предприятий (выплата заработной платы кормами, выдача земельных наделов, воровством).

Влияние **сезонных миграций горожан** (Калужская обл.) в село способствует поддержанию сельской инфраструктуры, но не сельского сообщества. С одной стороны возможно восприятие, с другой отторжение, столкновение культур городской и сельской, агрессия. Идет дальнейшее проникновение городских молодых семей среднего класса все глубже в сельскую местность из-за высоких цен близких к Москве участков, недвижимости. Что усиливает рекреационную функцию «дачного типа» сельской местности вблизи крупных городских центров.

Можно выделить следующие модели адаптации:

1. Маятниковая миграция
2. Трудовая миграция, и далее «отходничество»
3. Торговая мобильность.
4. Занятость в ЛПХ идет по двум путям: А. модель развития — усиление товарности, ориентация на рынок Б. модель выживания, ориентация на самообеспечение.
5. Изменение структуры занятых сельских жителей (повышенная роль «городских» занятость в торговле, СФО, как бюджетная сфера, так платные услуги в). Наименьшее темпы трансформации сельскохозяйственной занятости характерны для Воронежской области.
6. Аренда земельного пая, выход со своим земельным наделом — фермерство (максимально распространено и товарно, из исследуемых регионов: восточные районы Ставропольского края, частично в Воронежской при специализации на подсолнечнике, минимально в Калужской области).
7. Усиление учебных миграций молодых жителей в крупные центры (Воронеж, Ставрополь, Пятигорск, Москва). Для наиболее активных молодых людей центрами притяжения становятся региональные столицы, а так же в Калужской области Московские ВУЗы и их филиалы, в Ставропольском крае филиальная сеть получила значительное распространение, конкурирующими по привлечению молодых людей Ставрополем является Пятигорск.
8. Задействование «сетевого ресурса» (семейных, дружеских, полезных связей в ходе ведения хозяйства).

Таким образом, на их основе выделены следующие региональные тенденции изменения функций сельской местности:

1. Воспроизводственную функцию сельская местность в основном перестала выполнять, но эта тенденция идет уже давно, сохра-

няя положительную динамику только в перенаселенных аграрных республиках Северного Кавказа, с расширенным воспроизводством населения. В Ставропольском крае данная тенденция наметилась совсем недавно, с конца 1990-х годов. Степень депопуляции косвенно связана с адаптационными моделями населения через жизненные приоритеты и возможности, личностные установки.

2. Происходит усиление селитебных функций сельской местности в тех районах, где среди населения распространены различные виды маятниковых миграций (возвратных — учебных, ежедневных или еженедельных трудовых, длительных — трудовых). Процесс ярко выражен в пограничной зоне с МСР районов в Калужской области, зоне агломерационных связей в КМВ, с высокой интенсивностью связей. Отчасти этот процесс напоминает формирование «спальных» районов в крупнейших городах, только реализуемый в более обширном пространстве, иногда с одинаковыми временными издержками. В Воронежской области не выявлено значительного увеличения роли данной функции крупного масштаба, что отражается в даже в приоритетных направлениях миграционного передвижения и количестве работающего населения вне своего населенного пункта.
3. Производственная (сельскохозяйственная) функция остается важной и доминирующей, при значительной аграрной занятости в Воронежской области и Ставропольском крае. Утрачивает свое значение в Калужской области, что отражено в доминировании городских профессий. Данная функция реализуется при разном пространственном сочетании трех типов организации сельскохозяйственного производства (крупных хозяйств, хозяйств населения, фермерских хозяйств). Усиление роли производительной функции со стороны населения идет как уже отмечалось в двух направлениях. «Фермеризации» так же усиливает производственные функции сельской местности, только в основном в противоположном сектору крупных хозяйств пространственном отношении. Модель адаптации сельского населения через задействование «сетевого ресурса» (межсемейные обмены, оказание услуг друзьям и просто полезным людям) совмещается с другими моделями экономической адаптации, в основном работает на усиление производственных функций. Преобладание материальной помощи со стороны детей, друзей в основном способствует поддержанию социального равновесия, выживанию сельских жителей (Калужская область). Для Ставропольского края характерно и то, и другое.

4. Усиление рекреационных функций сельской местности происходит в основном не под воздействием адаптации местных жителей, а под воздействием мощных потоков потребителей, городских жителей. Но важна для рассмотрения, так как эти потоки формируют спрос для обслуживания, что дифференцирует структуру занятости сельского населения, сдвигая ее от преобладания аграрной в сторону социально-инфраструктурной в основном действует на уровне значительной части региона (КМВ, северные и центральные районы Калужской области). Например, в Калужской области, особенно в районах, тяготеющих к Московскому столичному региону (Тарусский район) или районах, расположенных на крупных трассах (Юхновский район) наблюдается усиление рекреационных (преимущественно дачных) функций. Рекреационная функция достаточно сильно выражена, в сельских населенных пунктах Ставропольского края, расположенных в зоне влияния КМВ, хотя в меньшей степени. Воронежской области процесс трансформации сельскохозяйственных функций идет очень медленно, что подтверждается данными опроса о вторичной занятости (80% в с/х).
5. Сельская местность как источник трудовых ресурсов. Развернувшиеся потоки село-городской миграции в конце 1990-х начале, которые отражает статистика, и жизненные приоритеты выявленные с помощью опросов показывают восстановление этой функции сельской местности после некоторого перерыва в 1990-х годов. Модель адаптации, которая основывается на приоритете жизни детей в городе характерна в основном для Калужской и Воронежской областях, и в меньшей степени для Ставропольского края. Но выделенный приоритет «хорошего образования» все равно стимулирует сначала возвратные потоки миграции на учебу, а топом и переезд в городскую местность детей. Повышенные потоки трудовой миграции в близи крупных экономических центров свидетельствуют о продолжении выполнения функций сельской местности как трудового источника.

Основной тезис состоит в том, что без анализа динамики функций сельской местности, на которую влияют адаптационные субъективные модели жителей к объективным сложившимся факторам дифференциации территории (расселение, социально— демографические характеристики населения, сложившиеся производственные функции, их специализация, агроклиматические условия) сложно прогнозировать пути выхода из переходного периода и дальнейшие приоритеты развития территории. Так как реакция населения один из самых динамичных факторов трансформации условий, то ее анализ

на современном этапе развития становится одним из приоритетных направлений исследования сельской местности.

Литература

1. *Алексеев А. И.* «Многоликая деревня», М. 1990.
2. *Ковалев С.А.* «Изучение сельской местности в экономической и социальной географии»/ Вопросы географии сб., 1980.
3. *Минц А.А.* Преображенский В.С., «Функция места и ее изменение» // Известия АН СССР, Сер. Географическая, 1970, №6.
4. *Нефедова Т.Г.* «Сельская Россия на перепутье», М. 2003.
5. *Нефедова Т.Г.* Пэллот Дж. «Индивидуальные хозяйства населения как объект географического изучения»// Известия АН Сер. Гер., .М. 2002, №3.
6. *Пациорковский В.В.* Сельская местность России 1991-2001г.// Народонаселение, 2003, №3.
7. Понятие рассматривалось в диссертационной работе Мадюскина П.Н. «Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России», М. 2005.
8. Социология: Энциклопедия/ Составитель Грацанов А.А., В.А. Абушенко, Г.М. Евелькин., 2003.
9. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды// Рефлексивное Крестьяноведение, М. 2002.
10. *Эфендиев А.Г., Болотина И.А.* Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа»/Мир России, М. 2002.

Семина И.А., Фоломейкина Л.Н.

Современные проблемы и перспективы устойчивого развития регионального транспорта

Глубокие изменения социально-политической обстановки в современной России, существенная децентрализация экономического развития, повышение статуса регионов — все это заставляет по-новому взглянуть на субъекты региональной политики в РФ. Выявление транспортных проблем регионального развития имеет важное науч-

но-методическое и практическое значение в связи с тем, что региональная транспортная система образует своеобразный каркас территориальной структуры хозяйства региона, во многом определяет территориальную организацию всей социально-экономической жизни той или иной территории.

Ш.А. Губерман считает, что целостность систем (в том числе региональных) во многом обусловлена близостью взаимодействующих компонентов [5]. Для функционирования экономического пространства большое значение имеют расстояния между его элементами. Сблизить территориальные компоненты, не меняя их дислокации, можно за счет развития транспортной сети. На исключительную роль транспорта указывал П.Я. Бакланов [1], считая, что «совокупное действие факторов размещения не может осуществляться иначе как через транспорт». Н.Н. Баранский [2] отмечал, «Районы ... мыслимы только при наличии более или менее широкого обмена между ними, то есть при наличии достаточно уже развитого транспорта».

Развитая дорожная сеть является необходимым элементом социально-экономического комплекса любой территории. Она обуславливает «прочность» и перспективы развития этого комплекса в системе межрайонного разделения труда. Каждый регион имеет определенный уровень развития транспортной сети, свою территориальную организацию путей сообщения, транспортных пунктов и узлов.

Дорожная сеть (в первую очередь магистральные дороги) наряду с городскими центрами является важнейшим элементом территориальной структуры и опорного каркаса расселения, (который состоит из линейных и узловых элементов), оказывая влияние на интенсивность производственной и непроизводственной деятельности районов и городов, которая возрастает вдоль коммуникационных каналов. Расположение транспортных коммуникаций определяет также неравномерное распределение производства и населения, служит образованию и сохранению стабильных центров экономической активности.

Дорожной сети региона принадлежит исключительная роль звена, соединяющего все отрасли хозяйственного комплекса в единое целое. Уровень ее развития отражает степень зрелости социально-экономического потенциала региона. Но, динамизм деятельности человека, связанный с модификацией сознания, и соответствующие перемены в образе жизни диктуют поиск новых, более современных, методов в транспортном обслуживании. В то же время, несмотря на происходящие перемены, значительный круг проблем, связанных с транспортом, все еще остается нерешенным.

Перестройка политических и экономических отношений, поддержка курса децентрализации и повышение статуса регионов резко повысили значимость исследований отраслей хозяйства на региональном уровне. Соответственно, возрастает значение постановок и решений теоретико-методических положений, а также разработки практических рекомендаций. В связи с тем, что транспортные проблемы в большей части рассмотрены в масштабе страны или экономических районов, исследование аспектов территориальной организации транспорта и проблем его развития на уровне административных образований является важной задачей в теоретическом и практическом плане.

Проблематика транспорта многогранна и сложна еще и потому, что она исходит из его специфики и выполняемой роли. Выделим специфические функции транспорта в территориальных системах. Во-первых, транспорт является индикатором территориальных особенностей и важнейшим компонентом социально-экономического качества мест [3]. Во-вторых, транспорт выступает как распределитель и регулятор связей и, вследствие этого, как ограничитель операционного пространства, или, иначе говоря, как «замыкатель территории» [4]; источник территориальных инверсий и важнейший формообразователь для антропогенных территориальных структур [7]. Транспорт определяет существенные характеристики систем расселения, в частности их допустимые размеры и структуру.

С целью повышения обоснованности решений по инвестиционной политике была проведена оценка остроты транспортных проблем в каждом административном районе Республики Мордовия. Для этого использовалась методика, основанная на ряде показателей, учитывающих системный характер потребления дорожных услуг, существование других видов транспорта, особенности начертания сети и другие факторы. В качестве таких показателей использовались: интегральная транспортная доступность (ИТД), коэффициенты технической надежности и связанности дорожной сети, ее морфологии и плотности, экологической нагрузки. Примененная методика позволила выделить и определить временные зоны доступности городов Мордовии, административных центров, поселков городского типа, промышленных центров и узлов, а также населенных мест. Что может быть использовано для решения социально-экономических задач развития территорий региона.

Особую важность приобретает показатель доли населения, проживающего вне нормативных зон доступности (за районный норматив принимался показатель ИТД равный ($F_{\text{насс}}$) 1,76 часа). В Ковылкин-

ском административном районе Республики Мордовия наблюдается транспортная дискриминация, 1586 человек (4%) местного населения проживают в неблагоприятных транспортных условиях, из-за которых эти жители постоянно недополучают социально-гарантированный минимум услуг. Это населенные пункты с. Мамолаево ($F_{\text{пасс}}=1,91$ ч), с. Новое Лепьево ($F_{\text{пасс}}=2,19$ ч) и с.Н. Толковка ($F_{\text{пасс}}=2,06$ ч) (рис. 1). Поскольку в кратчайшие сроки кардинально улучшить транспортную обеспеченность этого района не удастся, необходимо каким-либо образом компенсировать части его трудоспособного населения повышенные тарифы и временные затраты на получение минимального комплекса услуг.

Порайонная рейтинговая оценка качества транспортно — инфраструктурной среды [8, 9, 10, 11] Республики Мордовия позволила выделить проблемы развития дорожной сети (табл.1) и проранжировать районы республики по остроте проблем (табл.2), и тем самым более обоснованно определить приоритеты в финансировании с точки зрения интересов различных территорий. Наиболее «болезненными» (в наибольшей мере сказывающимися «на жизни» в районах республики) являются недостаточная надежность технического состояния и начертания сети автомобильных дорог.

Следует отметить, что минимальные значения в ряду очередности присваивались районам с худшими значениями выбранных показателей. Очередность (ранг в данном случае) по каждой из проблем указана в таблице целым числом, которое умножается на обозначенные коэффициенты (1,7; 1,5; 1,2) и по взвешенной сумме мест определяется их приоритетность (табл. 2).

На основании результатов расчетов все районы Республики Мордовия можно условно разделить на 3 группы в зависимости от остроты транспортных проблем (табл. 2). К первой группе принадлежат 4 района (Ковылкинский (наиболее проблемный), Б. Игнатовский, Теньгушевский и Zubово-Полянский), в которых состояние дорожной сети по сравнению с остальными районами является наихудшим. Для них характерны относительно высокие значения ИТД, ненадежное начертание дорожной сети и низкий коэффициент технической надежности.

Во вторую группу вошли районы с взвешенной суммой мест от 30 до 50 (табл. 2). В третью группу входят районы Инсарский, Чамзинский, Краснослободский, Б. Березниковский, Рузаевский, Саранский, Дубенский, Ельниковский и Ромодановский. Эти территории имеют лучшую техническую надежность дорожной сети, однако для всех характерно ненадежное ее начертание. Хотя для экономически разви-

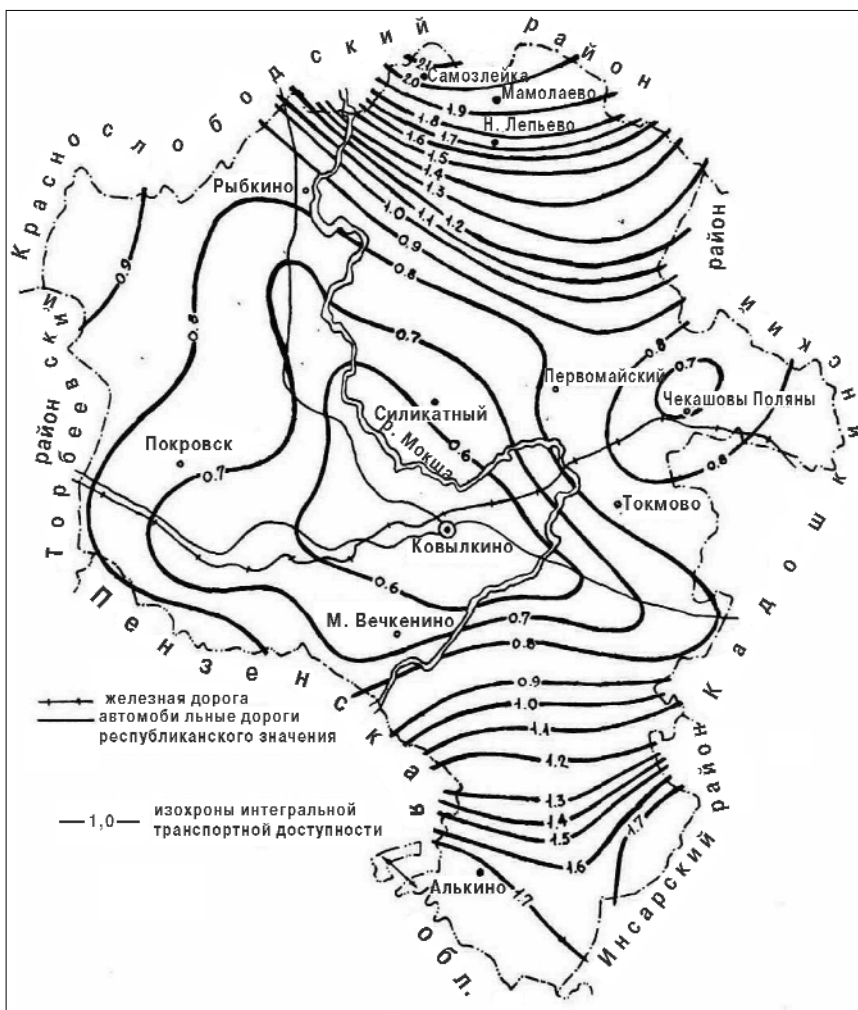

Рисунок 1 — Интегральная транспортная доступность Ковылкинского района Республики Мордовия

тых административных территорий — Рузаевского и Чамзинского районов проблема технического состояния дорог общего пользования и ведомственных является важной и насущной проблемой, которую необходимо незамедлительно решать. Поскольку состояние дорожной сети оказывает прямое влияние на себестоимость транспортных перевозок.

Таблица 1

**Наличие проблем развития дорожной сети административных
районов Республики Мордовия**

Низкое техни- ческое со- стояние мест- ных дорог	Низкое техническое состояние ведомст- венных дорог выпол- няющих общепользо- вательские функции	Ненадежное начертание сети	Контраст в обеспеченно- сти грузо- и пассажиропе- ревозками
–	Ардатовский	Ардатовский	–
–	Атяшевский	Атяшевский	–
Атюрьевский	Атюрьевский	Атюрьевский	Атюрьевский
–	Б. Березниковский	Б. Березников- ский	Б.Березников- ский
–	Дубенский	Дубенский	–
–	Ельниковский	Ельниковский	–
–	С.Шайговский	С.Шайговский	–
–	Чамзинский	Чамзинский	–
Б.Игнатовский	Б.Игнатовский	Б.Игнатовский	Б.Игнатовский
–	Инсарский	Инсарский	–
Ичалковский	Ичалковский	Ичалковский	Ичалковский
Кадошкинский	Кадошкинский	Кадошкинский	Кадошкинский
Кочкуровский	Кочкуровский	Кочкуровский	Кочкуровский
Ковылкинский	Ковылкинский	Ковылкинский	–
–	–	Краснослобод- ский	Красносло- бодский
–	Лямбирский	Лямбирский	Лямбирский
Рузаевский	Рузаевский	Рузаевский	Рузаевский
–	Ромодановский	Ромодановский	Ромоданов- ский
–	Темниковский	Темниковский	–
Теньгушев- ский	Теньгушевский	Теньгушевский	Теньгушев- ский
–	Торбеевский	Торбеевский	Торбеевский
З. Полянский	–	–	З. Полянский

Исследование конфигурационных особенностей транспортных сетей показало, что лучшим рейтингом в данном случае обладают Зубово-Полянский и Чамзинский районы. Граф транспортной сети которых, содержит больше зацикленных дорожных участков. Однако надежность начертания их сетей не соответствует нормативу, так как связки, циклические звенья сети имеют, как правило, грунтовое по-

крытие, т.е. низкое техническое состояние. Начертание сети автомобильных дорог Республики Мордовия является крайне ненадежным. Дорожная сеть республики древовидна с незначительными элементами цикличности. Оптимизация конфигурации транспортной сети (а не произвольное ее разрастание) повысила бы территориальную взаимозаменяемость транспорта Мордовии, увеличила его маневренность и социально-экономическую эффективность при осуществлении транспортных связей.

Таблица 2

**Приоритетность капиталовложений в дорожную сеть
по районам Республики Мордовия в зависимости
от остроты транспортных проблем**

Район	Номер проблемы и ее вес				Взвешенная сумма мест
	1	2	3	4	
	1,7	1,5	1,5	1,2	
Ковылкинский	1	1	3	1	8,9
Б.Игнатовский	6	2	1	2	17,1
Теньгушевский	3	2	4	4	18,9
З.Полянский	2	2	6	3	19
Темниковский	5	2	4	11	30,7
Лямбировский	4	2	5	12	31,7
Атюрьевский	15	2	2	4	36,3
Кадошкинский	11	2	5	6	36,4
Ст.Шайговский	7	2	9	8	38
Торбеевский	8	2	7	10	39,1
Ардатовский	10	2	5	10	39,5
Кочкуровский	12	2	7	5	39,9
Атяшевский	9	2	6	11	40,5
Ичалковский	16	2	5	7	46,1
Инсарский	14	2	7	12	51,7
Чамзинский	21	2	6	7	56,1
Краснослободский	13	2	9	16	57,8
Б.Березниковский	17	2	9	14	62,2
Рузаевский	22	2	9	7	62,3
Ельниковский	18	2	9	17	67,5
Ромодановский	19	2	10	15	68,3

Примечание. 1 — надежность транспортной сети с учетом роли дорог; 2— транспортная дискриминация населения; 3— ненадежное начертание транспортной сети; 4— низкое техническое состояние дорог.

Территориальный анализ транспортной обеспеченности республики дает возможности для выявления основных проблем развития и функционирования транспортной системы Республики Мордовия. Преобладающий моноцентрический тип транспортной сети способствуют тому, что густота дорог возрастает к центру (город, административный центр, транспортный узел) и соответственно увеличивается транспортная нагрузка на основных подъездах к городу (в пригородных территориях и «транспортных развязках»). Проявляется сезонная неравномерность транспортной нагрузки на дорожную сеть, что и определяет сезонный характер воздействия транспорта на окружающую среду, которое носит пространственный характер, изменяясь (в сторону уменьшения) по мере удаления от магистралей.

При определении приоритетности решения проблем функционирования транспорта Мордовии используем суммарную оценку с учетом показателей определяющих остроту транспортных проблем (табл. 2) и показателей транспортного воздействия на окружающую среду. В качестве таковых рассматривались: выбросы загрязняющих веществ с учетом класса опасности, показатель автотранспортного загрязнения с учетом площади территории и численности населения, экономический ущерб от воздействия автомобильного транспорта [14]. В таблице 3 показана приоритетность решения транспортных проблем в зависимости от суммы мест рассматриваемых показателей, районы размещены в порядке ее возрастания: от худших значений к лучшим. Для Лямбирского, Рузаевского, Zubово-Полянского, Ковылкинского, Чамзинского, Краснослободского районов решение проблем функционирования дорожной сети, таких как низкое техническое состояние местных дорог, низкое техническое состояние ведомственных дорог выполняющих общепользовательские функции, ненадежное начертание сети, контраст в обеспеченности грузо— и пассажироперевозками, и экологических проблем транспортного воздействия, становится наиболее актуальным.

Многие исследователи начинают понимать необходимость более полного учета территориальных аспектов развития транспортной системы. Они отказываются от «точных» потоковых прогнозов, поскольку в неизмеримо большей мере конфигурация сети и размещение узлов влияют на загрязнение и «потребление» окружающей среды, объем грузо— и пассажиропотоков, чем объем потоков на конфигурацию транспортной сети и распределение транспортного воздействия на природную среду и население.

При экономико-географическом исследовании транспортной системы, различных видов транспорта и выявлении проблем их развития и функционирования, необходимо учитывать следующие осо-

бенности морфологического, генетического и функционального порядка, выражающие ее системный характер и хозяйственные функции:

- структуризация (деление на составные элементы различного вида);
- иерархичность структурных элементов как функционального, так и целевого порядка;
- целостность, проявляющаяся территориально и функционально[6];
- цикличность конфигураций транспортных сетей [13];
- поддержание комплексности (как определенного уровня взаимосвязанности) в хозяйственном комплексе[6];
- системный, всеобщий, межведомственный характер самой деятельности;
- неравномерность загрузки элементов транспортной системы и потребления ее продукции (как временная, так и пространственная) из-за влияния ряда факторов[12];
- динамичность — свойство изменять свое состояние во времени;
- определенный уровень надежности транспортной системы как важнейшее условие целостности и эффективности ее работы;
- проявление основного эффекта функционирования транспортной системы вне ее самой («внетранспортного» эффекта) — в других отраслях хозяйства [3, 6].

С учетом проведенных исследований и особенностей развития транспортной сети обозначим основные направления устойчивого развития транспортной системы Республики Мордовия:

1. Сохранение существующей транспортной сети, доведение ее технического состояния до уровня, соответствующего нормативным требованиям. Ликвидируется накопленный «недоремонт», реконструируются наиболее нагруженные участки дорог с целью обеспечения по ним бесперебойного и безопасного движения.
2. Обеспечение надежной автомобильно-дорожной связи районных центров со всеми населенными пунктами района и центрами сельских администраций, что позволит выполнить задачу повышения транспортной доступности прилегающих к дороге территорий, обеспечивая выход и в соседние районы.
3. Юридическое и хозяйственное закрепление дорог для конкретизации изначального финансового потока с целью создания соответствующей финансовой и материальной базы для их поддер-

Таблица 3

**Приоритетность решения проблем функционирования
дорожной сети административных районов Республики
Мордовия в зависимости от остроты транспортных проблем
и воздействия на окружающую среду**

Район	Взвешенная сумма мест		Место по показателю авто-транспортного загрязнения	Место с учетом эконом. ущерба от воздействия	Сумма мест
	По остроте транспортных проблем	По выбросам с учетом класса опасности загр. веществ			
Лямбирский	31,7	40,0	6	1	78,7
Рузаевский	62,3	14,0	1	3	80,3
З. Полянский	19,0	49,0	4	12	84,0
Ковылкинский	8,9	53,0	15	9	85,9
Чамзинский	56,1	32,0	3	2	93,1
Краснослободский	57,8	33,0	2	1	93,8
Атяшевский	40,5	75,0	8	5	128,5
Ардатовский	39,5	67,0	22	4	132,0
Торбеевский	39,1	94,0	9	6	148,1
Дубенский	64,6	84,0	7	1	156,6
Старошайговский	38,0	114,0	10	10	172,0
Инсарский	51,7	103,0	13	15	182,7
Ромадановский	68,3	110,0	11	7	196,3
Ичалковский	46,1	138,0	9	13	206,1
Темниковский	30,7	146,0	15	17	208,7
Теньгушевский	18,9	162,0	18	15	213,9
Ельниковский	67,5	133,0	14	8	222,5
Кочуровский	39,9	156,0	16	11	222,9
Б.Игнатовский	17,1	195,0	20	11	243,1
Кадошкинский	36,4	188,0	18	17	259,4
Б.Березняковский	62,2	168,0	17	14	262,2
Атюрьевский	36,3	189,0	21	16	262,3

жания и развития. Основная задача в данном случае, обеспечить сохранность всех внутрихозяйственных и ведомственных дорог с твердым покрытием, посредством передачи их на баланс дорожных организаций.

4. Распределение ресурсов на содержание, ремонт и реконструкцию автомобильных дорог районов должно исходить из рейтинговой оценки развития их транспортно-инфраструктурной среды, учитывая, что на территории Мордовии наблюдается дифференциация транспортной обеспеченности по административным районам.
5. Выделение в процессе исследования районов (Ковылкинский, Б. Игнатовский, Теньгушевский и Зубово-Полянский), которые по совокупности показателей развития транспортной сети входят в первую группу по остроте проблем.
6. Распределение приоритетности капиталовложений между компонентами транспортной системы региона, а именно между подвижным составом и сетью постоянных устройств; выявляется приоритетность второго компонента.
7. Приоритет в инвестициях местной сети над магистральными дорогами.
8. Необходимость интенсивного использования выгоды транспортно-географического положения, престижности мест жительства и отдыха, наличия уникальных природных объектов, зон отдыха и т.п., направив инвестиции, в первую очередь, в финансово-окупаемые участки. Это могут быть районы западной Мордовии (к примеру, Зубово-Полянский).
9. Анализ несоответствия интересов республики и районов, городских и сельских мест, центра и периферии, должен найти отражение в финансировании программ регионального развития.
10. Планирование и осуществление дорожно-транспортных работ должно учитывать воздействие транспорта на окружающую среду:
 - транспорт — крупный потребитель топлива;
 - транспорт — источник загрязнения атмосферы;
 - транспорт — источник шума;
 - транспорт — отчуждатель сельскохозяйственных угодий под пути сообщения.

При этом подходы могут быть различными в зависимости от специфики конкретных районов и уровня их социально-экономического развития, природных условий, степени уязвимости экосистем.

Возможна оптимизация проблем воздействия автомобильного транспорта на окружающую среду путем реализации политики экологической безопасности, когда проводится комплекс природоохранных мероприятий, направленных на повышение экологических характеристик подвижного состава и инфраструктуры транспорта.

Рейтинговая оценка функционирования дорожной сети в природно-хозяйственных территориальных системах Республики Мордовия показывает, что создание географически рациональной и технически надежной транспортной сети является важной нерешенной и перспективной задачей региональной политики, поскольку в ее основе должен лежать принцип выравнивания возможностей внутрихозяйственных территориальных структур с целью выживания в новых условиях хозяйствования.

При этом главная цель — адаптация хозяйственного комплекса территорий к рыночной экономике; подцель — рационализация структуры хозяйства для достижения социальной подцели — создание наиболее благоприятной среды жизнедеятельности населения. Для достижения этих целей, ориентируясь на критерии устойчивого развития территорий (стабилизация, экономический рост ряда отраслей, социологизация, экологизация) необходима научно — обоснованная региональная политика с учетом рыночного потенциала конкретного типа районов.

Литература

1. *Бакланов П.Я.* Динамические пространственные системы промышленности: (Теорет. анализ). — М.: Наука, 1978. — 132 с.
2. *Баранский Н.Н.* Избранные труды: Научные принципы географии. — М.: Мысль, 1980. — 239 с.
3. *Бугроменко В.Н.* Транспорт в территориальных системах. М., 1987. — 112 с.
4. *Гольц Г.А.* Транспорт и расселение. — М.: Наука, 1981. — 248 с.
5. *Губерман Ш.А.* Алгоритмические аспекты системного подхода: Теория, методология и практика системных исследований (Все-союз. конф.) // Тез. докл. Секция 1. Философско-социологические проблемы. — М., 1984. — С. 68–70.
6. *Макроусов В.Н.* Основы территориальной организации транспорта. — Саратов: Изд. — во Саратов. ун-та, 1990. — 16 с.
7. *Родоман Б.Б.* Эволюция моноцентрических транспортных сетей // Изв. Рос. АН. Сер. Геогр.— 1994. — №3 — С. 14–23.
8. *Семина И.А.* Проблемы и перспективы развития транспортной инфраструктуры Республики Мордовия // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем: Межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 5. — Саранск, 2001. — С. 66–73.
9. *Семина И.А.* Социогеографические исследования на примере сельских территорий Республики Мордовия // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования

- геосистем: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. — Саранск, 2000. — С. 78–82.
10. *Семина И.А.* Транспорт как региональный ресурс: подходы к исследованию (на примере республики Мордовия) // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / Под ред. д.г.н. Ю.Г. Липеца. — М., ИГ РАН, 2005. — С. 316–323.
 11. *Семина И.А.* Экономико-географические аспекты развития и функционирования транспортной инфраструктуры сельских территорий Республики Мордовия // Социально-экономические и экологические проблемы развития сельской местности. Материалы международной научной конференции. Саранск, 2–5 октября 2000 г. Ч. II. Саранск: Красный Октябрь, 2000. — С. 7–10.
 12. *Семина И.А., Фоломейкина Л.Н.* Транспорт как фактор регионального развития производительных сил и воздействия на окружающую среду // Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? / Под ред. д.г.н. Ю.Г. Липеца. Москва, ИГ РАН, 2006. — С. 232–243.
 13. *Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск-Москва: Издательство «Универсум», 2005. — 384 с.
 14. *Фоломейкина Л.Н.* Автомобильный транспорт Республики Мордовия: комплексное эколого-географическое исследование // Проблемы приграничных регионов России / Под ред. д.г.н. Ю.Г. Липеца. Москва, ИГ РАН, 2004. — С. 311–316.

Макар С.В.

Некоторые аспекты эколого-экономического стимулирования рационального лесопользования

В современных условиях формирования в России экономики инновационного типа хозяйственное развитие регионов сопровождается ухудшением качества окружающей среды. При этом обеспеченность природными ресурсами не только ныне живущих, но и будущих поколений предопределяет условия развития не только отдельных регионов, но и общества в целом. Это обуславливает необходимость исследования природных ресурсов как объекта управления и отнесе-

ния вопросов разработки и совершенствования мер регулирования природного и экономического потенциала к числу наиболее важных проблем функционирования и развития современного общества.

Эколого-экономическое стимулирование — составная часть экономического механизма управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Другие экономические методы управления (планирование, финансирование мероприятий по охране окружающей среды, установление лимитов, лицензирование, экологическое страхование, экологический аудит) представляют собой систему косвенных регуляторов качества окружающей среды. Все экономические механизмы стимулирования, затрагивая имущественные интересы природопользователей, приводят к пониманию зависимости между экономической выгодой и соблюдением экологических требований. Таким образом, эколого-экономический стимул в управлении природопользованием — это своеобразная привязка задач экологически устойчивого развития к экономическим интересам как общества в целом, так и отдельных хозяйствующих субъектов.

Важнейшими составными частями общего природопользования в регионе являются ведение лесного хозяйства и лесопользования. Очевидно, что лесные ресурсы могут существенно влиять на экономику как минимум 40 субъектов Российской Федерации. Это не только доходы от платежей за лесопользование. Но и возможность развития всех промышленных циклов, т.е. загрузки производственных мощностей по всей цепочке: от переработки первичного сырья до выпуска готовой продукции. А значит и последующие дополнительные доходы в экономику регионов и государства в целом. При этом по оценке экспертов только восстановление рационального управления лесами и привлечения в лесопользование инвесторов можно обеспечить занятость примерно 10 млн. человек и значительно увеличить валютные поступления. Дело в том, что потенциальный ежегодный объем заготовки древесины составляет более 500 млн. м3. Уже в настоящее время лесной сектор играет важную роль в экономике страны и имеет существенное значение для социально-экономического развития страны¹.

Лесной фонд относится к категории возобновляемых природных ресурсов, поэтому его эффективное использование может, не нанося ущерба окружающей среде, обеспечить существенно более высокий

¹ См.: Налоги, сборы и другие платежи за пользование природными ресурсами в 2007 году: Комментарии В.В.Петрунина / Библиотека «Российской газеты». Выпуск 4. 2007 — С. 72-73.

уровень доходов по сравнению с получаемыми в нынешних условиях. Действительно, вклад лесного сектора в экономику страны совершенно не соответствует ресурсному потенциалу лесов. Так, на долю России, владеющей почти четвертью мировых лесных ресурсов, приходится всего чуть более трех процентов вывозки древесины и столько же мировой лесной продукции. Расчетная лесосека используется менее чем на четверть. А доля лесной продукции в валовом внутреннем продукте не превышает тех же трех процентов.

Основную часть лесного дохода государство получает от использования древесины.

Особенности использования и воспроизводства лесного фонда в регионах страны различны. Как правило, к ним относятся:

- низкая степень урбанизации территории, обусловленная низкой плотностью населения в расчёте на единицу площади и желанием жить в более освещённом, чем лесные массивы пространстве;
- слабое развитие социальной инфраструктуры и дорожной сети;
- высокая доля лесов, входящих в категорию особо защитных;
- возрастающие объёмы отчуждения лесных земель и земель сельскохозяйственного назначения;
- отсутствием маркетингового анализа спроса населения на лесопroduкцию в целом.

По мнению автора, для оценки эффективности деятельности лесхозов может быть использован индикативный подход, отражающий следующее:

- 1) необходимость получения регулярной информации, что возможно лишь при постоянном лесоустройстве;
- 2) должен быть обеспечен сбор информации в лесхозе для критерия, определяющего социально-экономическую функцию лесов;
- 3) установление отдельных индикаторов требует введения обязательных показателей в статистическую отчётность.

С этой целью необходимо:

1. внести ряд изменений в критерии и индикаторы устойчивого управления лесами в соответствии с региональной спецификой;
2. обеспечить специалистов лесного хозяйства актуальной и достоверной информацией об изменениях в составе лесного фонда;
3. производить составление годовых планов по лесохозяйственной деятельности. Обеспечивающих оптимальное размещение лесохозяйственных мероприятий и лесопользования в установлен-

- ных лесоустройством пределах, годовых объёмов и нормативов с учётом реального состояния лесов на планируемый год;
4. обеспечить максимальную автоматизацию работ по подготовке лесосечного фонда к рубкам, передаче лесов в аренду, кадастровому учёту лесного фонда, отпуску леса лесхозами;
 5. ежегодно анализировать объёмы выполненных лесохозяйственных мероприятий, ведению учёта лесного фонда, контроля за состоянием лесов и рациональным использованием лесных ресурсов на арендованных участках лесного фонда;
 6. оперативного реагирования на устранение недостатков в ведении лесного хозяйства и лесопользовании и нежелательных тенденций в динамике лесного фонда;
 7. регулярное обновление информационной системы по инвентаризации природно-ресурсного потенциала региона.

Особенности лесного хозяйства заключаются в переплетении экономического и естественного процесса воспроизводства, территориальной разбросанности производства, способности леса к самовосстановлению, коротком рабочем периоде в общем объёме производства.

Лес как объект хозяйства является одновременно предметом, средством и продуктом труда.

При исследовании задач, решаемых налоговой системой любого государства, можно выделить стимулирование экономической активности и экономического роста. Налоговая система должна в полной мере выполнять возложенные на неё функции. С их помощью необходимо решать вопросы регулирования темпов экономического развития как общества в целом, так и его структурных элементов, куда и входит сфера охраны окружающей среды.

Как указывает Ф. Харрисон, «призывы к формированию государственных доходов за счёт налогообложения рентной стоимости земли и природных ресурсов — не досужие домыслы. В мировом масштабе природно-ресурсной ренты более чем достаточно для покрытия потребностей бюджета во многих странах мира»².

В настоящее время в экономически развитых странах распространены следующие условия налогообложения, снижающие негативные воздействия производства на природную среду:

² Харрисон Ф. Природная рента в развитии общества и сглаживании экономических циклов // Налоги в гражданском обществе. Кому принадлежит власть в России: Сб. — Пер. с англ. — СПб., 2003. — С. 21.

- платежи рентного характера в совокупности со штрафами на размещение отходов производства;
- налоги и штрафы за сверхнормативное загрязнение природной среды;
- налоги на фактическое загрязнение природной среды.

Объясним механизм образования ренты при лесопользовании. Рента производится в процессе истощения лесных ресурсов. Рента производится за счет природного самовосстановления лесов, за счет потери биоразнообразия. Рента также производится при лесозаготовке из-за различий в качестве и расположении участков.

В целом по России не происходит истощения лесных ресурсов, так как годовой объем лесопользования (лесозаготовок) не превышает максимальную расчетную лесосеку. Тем не менее, годовые допустимые объемы вырубki обычно завышаются и не отражают фактическое состояние лесов. К тому же превышение максимально допустимых ежегодных рубок происходит в южной и центральной части Северо-западного региона, вблизи железных дорог России. Вдобавок около 90% рубок леса производится сплошным методом, в результате чего экологический ущерб значительно больше, чем при выборочных рубках³.

Хотя уменьшение налогов на труд и капитал выгодно для экономики в целом, также очень желательно целевое использование части доходов от экологической реформы налогообложения. Лесные ресурсы нуждаются в охране и управлении, которое учитывало бы долгосрочную перспективу. Одной из проблем лесного сектора является слабое использование удаленных от дорог лесов. Но для устойчивого лесопользования надо осваивать и удаленные лесные массивы, если Россия стремится сохранить современные объемы лесозаготовок. Поэтому лесхозы должны эффективнее управлять лесами. Однако инвентаризация лесных массивов, распределение участков, выбор способов рубки (выборочная или сплошная), лесовосстановление, защита лесов от пожаров — все эти мероприятия требуют финансирования.

³ Боске Б. Экологизация налоговой системы в России. — С. 94.

Фост И.Д.

Современные тенденции автотранспортного загрязнения в крупнейших городах России (на примере Москвы и Нижнего Новгорода)

Всё более банальными и заученными становятся фразы про необходимость бороться с глобальным потеплением климата и загрязнением окружающей среды. Проблемы загрязнения окружающей среды действительно многообразны и практически повсеместны. В условиях преобладающего развития в мире городского образа жизни, важнейшим фактором загрязнения городской среды является автотранспорт.

Уровень воздействия автотранспорта на окружающую среду определяется рядом следующих факторов:

- Интенсивность транспортного потока;
- Структура транспортного потока (возрастная, функциональная)¹;
- Качество используемого топлива;
- Состояние автотранспортной инфраструктуры (качество дорожного покрытия, ширина дороги, наличие перекрестков, светофоров);
- Характер движения (Автомобильные пробки, место парковки, недостаток транспортных развязок и т.д.);
- Природные особенности территории (рельеф, климат, растительность).

В период четвёртого технологического цикла в России произошёл резкий рост численности населения в городах, изменилась структура топливного баланса в стране, стали повсеместно внедряться достижения НТП и бурно развивался транспортный комплекс. Вследствие этого, сформировалась абсолютно новая структура загрязнения в городской среде². Данная структура есть производная от функций го-

¹ С.Л. Давыдов Автотранспорт продолжает загрязнять окружающую среду, Экология и промышленность России, июль 2000 г. стр.40-41.

² Анимца Е.Г., Елохов А.М., Сухих В.А. Качество жизни населения крупнейшего города. — Екатеринбург, 2000.

рода (политический, научный, промышленный, межрегиональный центр и т.д.), а не от численности его населения и его автотранспортной освоенности, что подтверждает ряд следующих факторов:

- Имеет значение развитие других видов транспорта (троллейбусного, трамвайного, метро, электрички и пр.);
- Количество легковых автомобилей в личном пользовании зависит от множества социальных факторов и сильно различаются по городам;
- Значительный вклад в загрязнение вносит грузовой автотранспорт и автобусы, интенсивность движения которых зависит от специализации города, его планировочных особенностей, наличия объездной трассы для транзитных машин и пр.³;
- Объем выбросов зависит от качества бензина и дизельного топлива, используемого в городе.

Для того чтобы понять структуру загрязнения автотранспортом во внутригородской среде, необходимо рассмотреть структуру загрязнения в крупнейших городах России.

МОСКВА

Автотранспортная инфраструктура Москвы развивалась в несколько этапов:

1. До 1961 г. транспортная нагрузка шла на центр города (в основном транзитные автомобильные потоки), развивалась и застраивалась центральная часть города;
2. 1961–1970 гг. Строительство МКАДа (1961 г.) и как следствие разгрузка центральной части города и увеличение транспортной нагрузки на периферию;
3. 1970–1990 гг. Происходило освоение районов Крылатское, Строгино, Южном Измайлово и центральной части Юго-запада и как следствие здесь возникали новые транспортные артерии. Осваивались, отведенные городу территории в пределах МКАД;
4. 1990–2000 гг. характеризуются быстрыми темпами роста автопарка (более 10% в год), старым парком автомобилей (большая часть автомобилей со сроком службы более 10 лет) и повсеместным использованием этилированного бензина.
5. Современные тенденции:

³ Рубец А.Д. «История автомобильного транспорта России», М. изд. Akademia, 2003.

- Запрет использования этилированного бензина⁴;
- Уменьшение доли старых автомобилей⁵;
- Строительство 3-го транспортного кольца;
- Строительство новых микрорайонов и как следствие развитие здесь транспортного комплекса;
- Стремительный рост автопарка и как следствие возникновение новых проблем передвижения и парковки автомобилей;
- Планирование строительства четвёртого транспортного кольца.

Тенденции:

(+)

- Строительство 3-го транспортного кольца и как следствие, перераспределение массы вредных веществ от автотранспорта по территории центра Москвы;
- Запрет использования этилированного бензина;
- Возрастающая доля новых иномарок в структуре автопарка;
- Сокращение доли грузовых автомобилей;
- Создание и проектирование новых транспортных развязок.

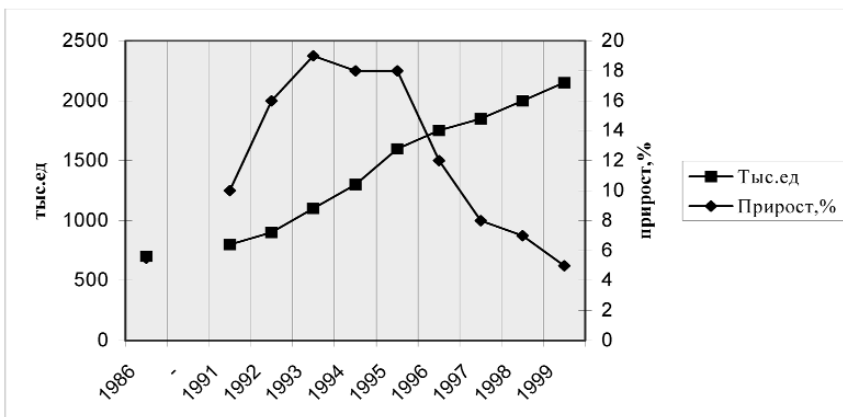
(–)

- Увеличение количества транспортных средств;
- Проблема парковки автомобилей;
- Нехватка транспортных развязок и как следствие возникновение пробок.

Самым значимым фактором формирования транспортного загрязнения стало **увеличения автопарка**, что в большей мере, чем другие вышеперечисленные факторы провоцирует большинство озвученных выше проблем (нехватка транспортных развязок, пробки и т.д.).

⁴ Законодательно запрещен с 2003 г.

⁵ www.retail.ru

Рис 1. Динамика общей численности автомобилей в городе и темпы годового прироста численности автомашин в Москве.

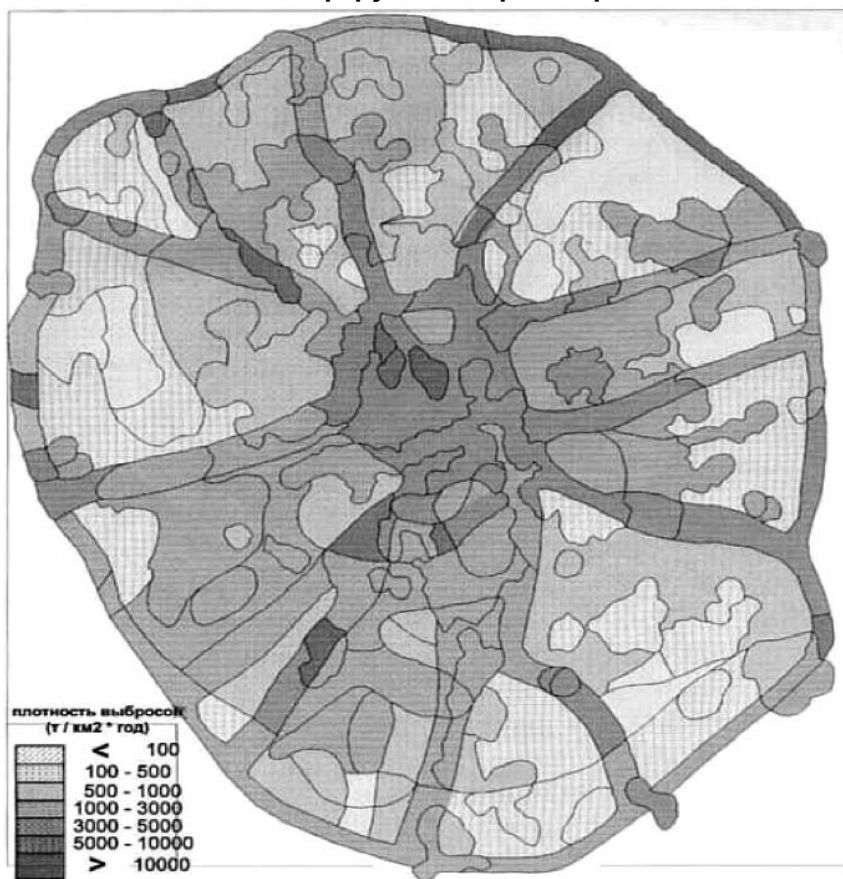
Источник: НИИАТ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Город на десятки километров вытянут вдоль рек, его огромная площадь, почти полутора миллионное число жителей определили сложную структуру городского транспорта и масштаб транспортной системы, которая характеризуется следующими параметрами:

- Рельеф города характеризуется большим перепадом высот, оказавшим заметное влияние на планировку и застройку города;
- Город разделён на две части двумя крупными реками (р. Волга и р. Ока);
- Происходит развитие автодорог в основном в центральной части города (автомобильные дороги повторяют контур рельефа);
- Активное развитие автотранспорта на левом берегу р. Ока, в связи со строительством здесь крупнейшего пром. предприятия — ГАЗа;
- Строительство автомобильного моста через Оку (1966 г.);
- Нижний Новгород — транзитный пункт между Центральной и Восточной Россией.

**Рис 2. Экологическая карта Москвы: плотность выбросов
в атмосферу от автотранспорта.**

Источник: НИИАТ

Современные тенденции:

- Магистральная сеть г. Н.Новгорода в настоящее время по большей части не удовлетворяет постоянно возрастающему транспортному потоку⁶;

⁶ Экологическая безопасность транспортных потоков. / Под ред. Дьякова А.Б. — М.: Транспорт, 1989.

- Основные **магистральи не имеют дублеров**, что приводит к сверхнормативной интенсивности движения по ним и возникновению пробок⁷;
- Большинство дорог имеет **недостаточную ширину проезжей части**, что также сокращает их пропускную способность;
- Нарастание транспортной напряжённости в нагорной части города (в связи с развитием здесь сети супермаркетов, строительством офисов и элитного жилья);
- Стабильное увеличение автопарка (в среднем на 2% в год) и выбросов от автотранспорта (около 200 тыс. тонн);
- Развитие экологически безопасного электротранспорта (в т.ч. троллейбус, трамвай, метрополитен).

Таким образом, факторы формирования автотранспортной напряжённости в Москве и Н.Новгороде в полном их спектре представлены в обоих городах, но значимость и масштаб этих факторов отличны.

В **Н.Новгороде** определяющим фактором автотранспортной напряженности явилась недостаточная развитость автотранспортных коммуникаций города, в то время как в Москве основным фактором стало фактическое увеличение автопарка.

На основе вышеописанных факторов автотранспортной напряжённости во внутригородской среде, можно определить наиболее вероятные перспективы развития автотранспорта в городах России:

1. Изменение автотранспортной инфраструктуры (АИ).

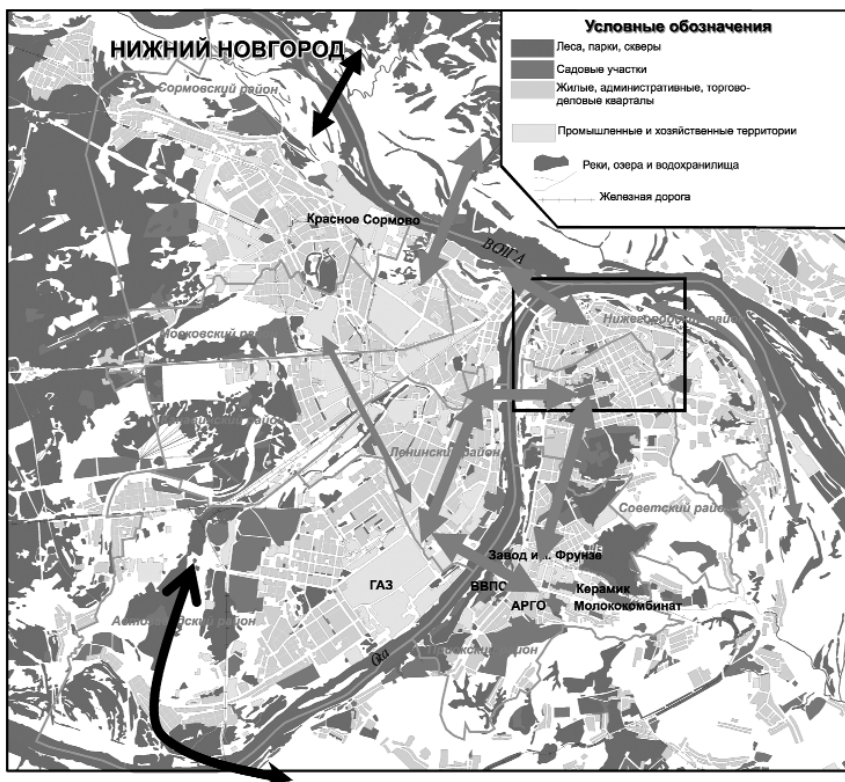
Является самым трудо- и капиталоемким мероприятием. При существующем объёме финансирования и количестве дорог, которым необходима модернизация, в большинстве регионов России выгодна модернизация существующей инфраструктуры. Создание новой АИ ведётся в основном в крупных региональных центрах (Москва, Н.Новгород, Самара и др.) и в труднодоступных поселениях на севере.

2. Внедрение биомоторного топлива.

Является перспективной, но трудно реализуемой мерой, поскольку на данный момент не определена сфера применения биотоплива в России. Для общественного транспорта лучшая перспектива — использование газа в качестве горючего топлива.

⁷ www.ecologynn.ru

**Рис. 3. Перспективные районы развития и модернизации авто-
транспортной инфраструктуры в Н.Новгороде⁸.**

Источник: составлено автором на основе собственных данных

Для введение запрета на въезд в центр города (главным образом Москвы) автотранспорта потребляющего биотопливо, должна быть реализована долгая программа по переоборудованию моторов, созданию сети заправок и ограничение движения во внутригородской среде, а также строительство заводов, производящих биотопливо для внутреннего потребления. Повсеместное внедрение использования биотоплива автотранспортом экономически необоснованно (недостаток сырьевой базы, долгосроч-

⁸ Красными стрелками обозначена автотранспортная инфраструктура требующая модернизации, черными — наиболее перспективные районы строительства новой АИ.

- ная и капиталоемкая программа переоборудования моторов, создание сети заправочных станций и т.д.). Таким образом, массовое использование биомоторного топлива в России на данный момент экономически необоснованно.
3. Изменение структуры потребляемого топлива.
Введение обязательного стандарта потребления топлива ЕВРО-3 при эксплуатации автомобиля — на данный момент программа принята и реализуется, но пока не приносит ощутимого, заметного эффекта.
 4. Ограничение передвижения автотранспорта во внутригородской среде.

Вахненко Р.В.

Роль внешних связей в региональном развитии

(на примере рынка поддержанных иностранных автомобилей)

В новых рыночных условиях Дальний Восток России выжил не только на торговле рыбой и лесом, углем и золотом, но и в значительной степени на вторичном автоимпорте со всеми его производными.

Импорт автомобилей и его особенности

В годы перестройки снабжение населения Дальнего Востока автотранспортом в личное пользование из европейской России оказалось практически невозможным из-за дальности расстояний и высоких транспортных тарифов. Последнее обстоятельство привело к разрушению экономических связей между регионом и внутренними районами России. Дальний Восток вынужден был использовать малейшие возможности для кооперирования с сопредельными странами.

Соседняя страна Япония является крупным производителем автомашин в мире. Собственный рынок там давно наполнен, и страна является крупным импортером своей продукции во многие страны мира. Жизненный уровень населения страны восходящего солнца позволяет ее жителям раз в 3–5 лет менять автомашину на новую.

Значительную часть автомашин, которые не востребованы, надо утилизировать. Вот тут то и пришел на помощь новый вид реализации — продажа бэушных машин в слабо развитые страны.

Справка. *Японское автомобилестроение*. Япония один из признанных мировых лидеров в автомобилестроении, в год выпускает 10 млн. автомобилей. Она сохраняет ведущие позиции в автомобилестроении и попеременно занимает первое место в мире наряду с США. Экспорт автомобилей из Японии в 1998 г. составил — 4,5 млн. штук. Во всем мире хорошо известны крупнейшие японские компании: «Тойота», (на долю, которой приходится 35% выпускаемых Японией легковых автомобилей и 25% грузовиков и автобусов), «Нисан» (около 10 и 15% соответственно), «Хонда» (около 15% легковых автомобилей), «Мицубиси» (около 10 и 15%), а также «Судзуки» (8,5 и 11%). Отрасль все более выходит за национальные рамки. Лидер автомобильной промышленности Тойота выпускает около 6 млн. автомобилей в год и занимает среди корпораций мира 3 место. Компания имеет 54 завода в 27 странах мира. Тойота-Сити главный центр автомобилестроения в Японии находится в 25 км от г. морского порта Нагоя. Японцы первыми начали выпускать экономичные малолитражные автомобили, потребляющие мало бензина [1].

В Японии тоже доходы людей весьма неоднородны. В крупных городах таких как, Токио, Осака, Иокогама, Нагойя живет население побогаче, и жители могут себе позволить чаще менять автомобиль. Поэтому в первом случае покупателями секонд-хэнда становятся, прежде всего, японцы из бедных районов, во вторую, очередь покупают машины страны, в числе развивающихся, с левосторонним движением. Во вторую группу покупателей включилась и Россия.

Почти половина российского импорта (ввоза) подержанных иномарок приходится на дальневосточные порты. В настоящее время регулярно отправляются «туристические» рейсы за подержанными машинами из 7 дальневосточных морских портов. В 2004 г. была восстановлена социальная справедливость оторванных от центра дальневосточных краев и областей. Камчатка, Сахалин, Колыма и Приамурье получили по одному пункту пропуска в портах с наиболее развитой инфраструктурой. Таким образом, сейчас юридически возможно ввозить иномарки через Владивосток, Находку, Зарубино, Магадан, Корсаков, Ванино, Петропавловск-Камчатский. Но главный вектор этой торговли по-прежнему идет через порты Приморского края: Владивосток, Находку и Зарубино.

А начиналось всё в 1989 г, когда советским морякам разрешили наравне с магнитофонами приобретать подержанные автомашины.

Купленная за 20–30 тыс. иен в Японии, слегка ржавая иномарка, провозилась беспопытно. Начался ажиотаж. В то время на Дальнем Востоке можно было обменять квартиру на иномарку. С 1993 г. приобретать машины разрешили всем гражданам и ввели пошленные налоги, оставив определенные льготы для моряков.

Ежегодно на Дальний Восток ввозится до 200 тыс. подержанных автомобилей. В 2005 г. по импорту подержанных автомобилей японского производства Россия вышла на первое место в мире. Она опередила Новую Зеландию и Объединенные Арабские Эмираты с впечатляющим отрывом. В Россию было ввезено 268 тыс. подержанных иномарок, тогда как в страну маори — только 133 тыс., а в ОАЭ — 114. Всего за год из Японии в разные страны было вывезено более 900 тыс. автомобилей.

Став крупнейшим игроком на японском рынке подержанных автомобилей, Россия, бесспорно, оказывает влияние на его конъюнктуру. На сегодняшний день (2006 г.) в Россию через Дальний Восток ввезено более 1, 5 млн. подержанных машин, причем большую часть составляют японские «Тойоты». По темпам продаж машин в России «Тойота» опередила многих других зарубежных производителей (табл. 1).

Таблица 1

Продажа автомобилей «Тойота» в России

Годы	2000	2001	2002	2003(1полугодие)
Количество штук	3272	4461	8630	9182

Источник: Акира Имаи. Часть Европы для «Тойоты» // За рулем. 2003, №8, с. 24.

Насыщение региона подержанными машинами из Японии оказывает влияние на их качественный состав. Если, например, в 1994 г. иномарки составляли около 10% приморского автопарка, то сейчас по данным ГИБДД — почти 80%. Для России в целом эти цифры прямо противоположны: импортные автомобили составляет — 18%, отечественные — 82%. Во Владивостоке иномарки составляют почти 99% от общего количества автомашин. По другим городам Дальнего Востока статистика не такая стопроцентная, но даже простого взгляда на улицы и проспекты достаточно, чтобы убедиться, лидером дальневосточного рынка является компания «Тойота». Ее доля примерно составляет 57%, на втором месте «Ниссан-17%», третье место делят «Хонда» и «Митсубиси» по 8% [2].

В течение уже довольно длительного времени (с 1993) россияне покупают подержанные автомобили с правым рулем. Структура спроса во многом зависит от наших таможенных реалий. В основном из Японии везут автомобили «проходного возраста» от 3 до 7 лет. Однако к покупке автомобиля дороже 10 тыс. долл. массовый покупатель в России не готов. Все более заметно расслоение среди покупателей. Автомобилисты с относительно небольшим достатком, как правило, покупают машину с пробегом по Японии, те же, кто побогаче, чаще берут новые импортные автомобили.

По своим затратам покупка нового автомобиля доступна не каждому, а подержанные японские иномарки по своей цене вполне доступны россиянам. К тому же, японский секонд-хэнд гораздо дешевле, чем европейский. Если не учитывать стоимость доставки, то машину 7–10 летнего возраста еще в 2000 г. можно было приобрести в Японии за 100 долларов. Приобретение автомобиля самому туристу вместе с оплатой за туристическую поездку обходилось около 2500 долларов.

Цены на семилетки что 10 лет назад, что сейчас почти одинаковы 7–10 тыс. долл. Джипы в ценовом диапазоне от 15–25 тыс. долл. Пока дальневосточникам выгоднее приобретать подержанные японские автомашины. Для сравнения в 2003 г. новый ВАЗ–21-02 можно было купить за 5200–5500 долл, его доставка до Владивостока обойдется 1000–1500 долл. А за эти же деньги можно было купить 5-летнего возраста «Тойоту-Виста», превосходящую первый вариант во всем. Хотя с июля 2003 г изменились пошлины за ввоз, и в целом машины на внутреннем рынке подорожали, но все же они остаются в пределах доступности (6–8 тыс. \$).

Японские машины, не смотря на то, что были уже в употреблении, оказались серьезным конкурентом отечественному автопрому. Они отличаются высоким уровнем использования современных технологий и автоматизации, характеризуются высокой степенью надежности. По своей электронной начинке, комфортности и удобству в эксплуатации, они не идут ни в какое сравнение с отечественными марками легковых автомобилей. И те водители, кто сел на иномарку, навряд ли согласятся пересесть даже на новую российскую автомашину, у которой маломощный двигатель и механическая коробка передач.

Ведущим портом импорта автомашин является Владивосток. В 2006 г. только через него прошла почти треть большегрузных иномарок ввезенных в Россию из Японии и Южной Кореи, причем объем ввоза увеличился в два раза по сравнению с предыдущим годом (14

940 грузовиков против 7477 в 2005 году). Это произошло в связи с решением государства уравнивать с января 2007 г. таможенные платежи на грузовые транспортные средства для физических и юридических лиц. Вот и стараются дилеры привезти в страну машины с меньшими расходами.

Характерная деталь, в последнее время четко прослеживается тенденция поставок машин более крупными партиями. Мелкий частный бизнес — более дорогое удовольствие и сходит на нет.

Перегон автомашин в другие регионы. К началу 2005 г. платежеспособный спрос на машины в Дальневосточном федеральном округе уже удовлетворен, произошло полное насыщение внутреннего рынка легковыми автомобилями. Оказалось, что примерно на 4-х граждан приходится один автомобиль. В такой ситуации завоз автомашин ориентирован в основном на вывоз в другие регионы страны. При перегоне автомашин чаще всего используют метод доставки машин своим ходом, т.е. гонят машины через всю Сибирь. Многие перегонщики путешествуют семьями (с женами и детьми). До Владивостока добираются, например, из Омска поездом, а обратно своим ходом. Путь самоходом реально сэкономить деньги. С недавних пор трасса от Новосибирска до Владивостока получила имя — «Японская дорога». По этой дороге гонят с востока на запад автомашины с правым рулем. Самый тяжелый участок пути на отрезке Чита-Хабаровск, дорога «Амур» почти на 1000 км имеет только направление (находится в стадии строительства). Из 200 автомашин, что в среднем проходят здесь в сутки, не менее 100 — «японки».

На дороге нередко можно встретить странные транспортные средства: японский средний грузовик в кузове своем везет грузовичок, в чреве которого еще и легковушка. На этом пути следования серьезной проблемой выступают рэкетиры, которые вымогают мзду за проезд.

Отправляют машины и по железной дороге. Стоимость перевозки автомобиля по железной дороге обходится с каждым годом все дороже. В 1999 г. отправить легковой автомобиль класса «Тойоты» из Владивостока в Москву стоило 9–12 тыс. руб., в 2002 г. — 29 тыс., а в 2006 г. (ноябрь) — более 45 тыс. Сроки доставки в столицу от 10 до 30 суток.

С начала 2007 года автомобильный бизнес в Приморье снова зачихорадило. Компания «Российские железные дороги» запретила перевозку автомобилей по железной дороге в не предназначенных для этого вагонах, а именно в почтово-багажных и «ракетовозах» (цельно-металлические грузовые вагоны). Сегодня автомобили можно от-

привлечь только в так называемых сетях (специализированных — двухъярусных вагонах-автомобилевозах) или контейнерах. Во-первых, скорость таких составов гораздо ниже, во-вторых, спецвагонов не хватает на всех, что автоматически влечет за собой рост стоимости доставки автомобилей. Тем, кто регулярно отправляет машины, хорошо известны все преимущества и недостатки различных вагонов. Самой безопасной и самой дорогой считается контейнерная перевозка. Почтово-багажные вагоны были более дешевой альтернативой и идут они с пассажирской скоростью, т.е. гораздо быстрее, нежели грузовые составы. Для того чтобы монополизировать рынок перевозок автомобилей создается совместное предприятие РЖД и Транс-Групп АС, поэтому и меняются правила перевозок.

Уровень автомобилизации населения Дальнего Востока

По числу автомашин на тысячу жителей дальневосточный регион занимает ведущие позиции в стране. Таблица 2 показывает, что Дальний Восток, отдельные его регионы по уровню автомобилизации поднялись достаточно высоко.

Один из самых высоких показателей обеспеченности населения автомобилями имеет город Владивосток. По количеству машин на душу населения он входит в пятерку российских городов, в иные месяцы выходит даже на 3 место. По маркам автомобильного парка, который бегают по улицам, города Владивосток и Санкт-Петербург выглядят антиподами. В этом случае Владивосток сродни японскому городу.

Структура дальневосточного автопарка разительно отличается от среднероссийских показателей. В России из 23,4 млн. зарегистрированных на 2004 г. легковых автомобилей пятую часть, а точнее 19,1% составляли иностранные марки. На Дальнем Востоке праворульных автомашин — 95%, в Сибирском округе — 75%, в Уральском — 19%, в Приволжском только 2,8%, в Центральном — 2%, в Южном — 1,7%, а в Северо-Западном — 1,1% (рис. 1).

Чем дальше на запад, тем отчетливее видно, что японские машины «Тойоты» уступают место германским «Фольксвагенам». На Дальнем Востоке и в Сибири 89% всех праворульных машин. Однако статистика свидетельствует, что дальневосточники являются обладателями самого старого автопарка, новых машин в ДВФО не больше 2%. Самый молодой автопарк — в Москве: доля трехлеток и более молодых машин составляет в столице 23% [3].

Международные сравнения. В последние годы углубляется заинтересованность деловых кругов и повышается интерес обществен-

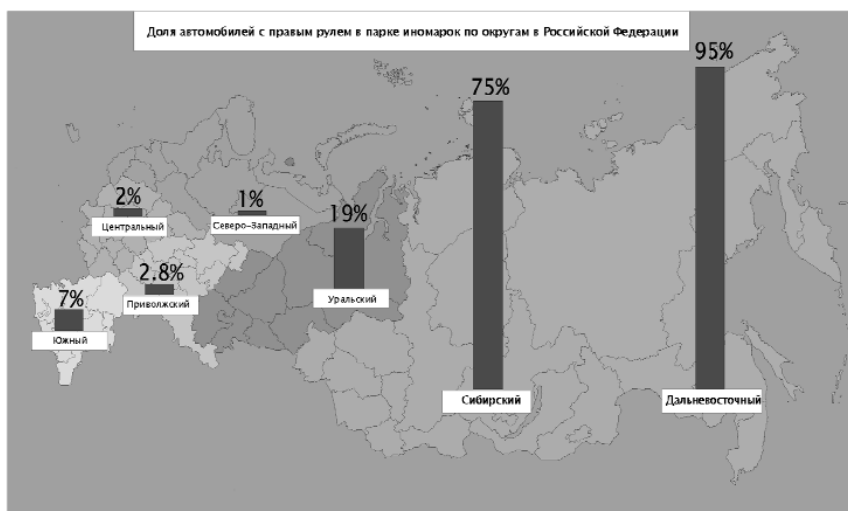

Рисунок 1.

Таблица 2

Транспортная обеспеченность населения легковыми автомобилями (в расчете на 1000 человек на конец года, штук)

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	Место, занимаемое в РФ в 2005 г.
Приморский край	61, 2	139, 5	205, 4	197, 3	11
Республика Саха	58, 2	115, 1	111, 7	133, 2	67
Хабаровский край	43, 7	130, 2	133, 2	167, 9	27
Амурская область	63, 0	113, 5	144, 4	163, 8	30
Камчатская область	73, 2	136, 0	173, 8	245, 0	2
Магаданская область	50, 4	110, 7	164, 6	205, 6	9
Сахалинская область	74, 4	187, 6	193, 2	247, 1	1
ДВФО	57, 2	130, 0	160, 6	181, 2	
РФ	58, 6	93, 3	132, 4	...	3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2006.

ности к соседним странам. Особое внимание привлекают самые близкие территории. Невольно хочется сравнить о-ва Сахалин и Хоккайдо, Японию и Южную Корею, оценить потенциал России и Китая и т.д.

А как же обстоит дело с подержанными машинами в соседних странах? Как свидетельствует таб. 3 низкие показатели уровня авто-

мобилизации характерны для Китая. Что касается поддержанных иномарок, то для Китая такой проблемы не существует. Поддержанные автомобили завозить не выгодно с экономической точки зрения, при этом японские праворульные запрещены специальными постановлениями правительства. Китай почти полностью запретил ввоз иномарок, он пошел другим путем и строит совместные автопредприятия с ведущими концернами мира в автомобилестроении. Хотя практически в каждом крупном городе Китая работают автосалоны, в которых можно приобрести новые японские, немецкие, американские машины.

Что касается автомобильной промышленности Китая, то она демонстрирует небывалый рост — производство растет на 25–30% ежегодно. Одной из причин хорошей динамики роста является приход в Китай иностранного капитала и создание совместных предприятий. В настоящее время в Китае серьезно занялись развитием автомобильной индустрии. Сейчас из 100 компаний-производителей легковых автомобилей — 37 совместные предприятия с зарубежными автопроизводителями [4].

Если нынешние темпы экономического развития сохранятся, то через 10–20 лет Китай станет не только крупнейшим в мире потребителем, но и производителем автомобилей. По итогам 2006 г. Китай стал третьей автомобилестроительной державой мира, оттеснив на четвертое место Германию [5].

Республика Корея входит в пятерку крупнейших стран производителей автомобилей. С этой страны на дальневосточные рынки также поступают автомобили — преимущественно автобусы, грузовики (новые и бывшие уже в употреблении). Крупнейшей автомобилестроительной фирмой является корпорация «Хендэ», которая с середины 80-х начала поставлять на внешний рынок малогабаритные автомобили «Пони Эксел». С 1995 г. производителем автомобилей стала известная корпорация «Самсунг». Предполагается, что к 2009 г. компания Хендэ-Мотор-Киа войдет в первую когорту крупнейших мировых автопроизводителей.

Северная Корея — закрытая страна. Информацию по КНДР получить сложно, но общеизвестно, что страна почти не автомобилизирована. Хотя по стране бегают поддержанные «Тойоты», «Мерседесы». В КНДР (2005) появилось собственное производство автомобилей двух модификаций. В средствах массовой печати иногда проскальзывает краткая информация по интересующей нас теме. Появились сведения, что с 2007 г. КНДР запретила ввоз в свою страну японские автомобили, но она использует этот мотив как политический шаг протеста против Японии.

Уровень автомобилизации в сравнении с Японией, Китаем, Кореей представляет следующую картину (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика уровня автомобилизации

Показатели	Россия	Япония	Китай	Республика Корея
Парк зарегистрированных автомобилей, млн. штук (2000)			на 1997 год	
легковых	19,7	42,1	1,3	6,9
грузовых	4,4	22,0	3,7	2,0
Число автомашин на тыс. жителей —				
легковых	135,0	332,5	10,2	147,0
грузовых	3,0	173,8	29,1	42,4

Источники: Россия и страны мира. М., 2000, 646 с;

Все страны мира. Энциклопедический словарь. М.: Вече, 2002, 560 с.

Эти сравнения свидетельствуют об огромной разнице в стандартах жизни населения. Заслуживают внимание показатели автомобилизации и в самой развитой стране мира Соединенных Штатах Америки, там, в среднем на каждую семью сейчас приходится по 2 машины, и только 8 % семей в Америке вообще не имеют личного автомобиля [6].

Сравнительный анализ дает обильную пищу для размышлений. Увидеть себя в зеркале международного опыта полезно каждой стране. Бесспорно, и немного поучительно. Хотелось бы, чтобы международные сравнения подвели к разгадке главного секрета: в чем причина относительного успеха в одних странах и их крайне тяжелого хода — в других. Различие стартовых условий и национальная специфика объясняют далеко не все. Важно подчеркнуть, что современные страны АТР существенно дополняя друг друга, корректируя работу транспорта, могут способствовать процессу сближения и кооперации, выбора приоритетов более рационального использования транспортных средств.

Социально-экономические последствия иномарочного ввоза автомашин

В депрессивные 90-е годы доступный и при этом современный автомобиль стал для населения Дальнего Востока и Сибири своеобразной отдушиной. В течение довольно длительного времени (с 1993) россияне покупают подержанные автомобили с правым рулем. Типич-

ные представители среднего класса, чья зарплата перевалила за 500 долл. в месяц, хотят ездить на хороших машинах. Марка «сделано в Японии» воспринимается как синоним очень высокого качества.

Импорт автомобилей на Дальнем Востоке многих обеспечивает работой. Автомобильный бизнес — одна из основ приморской экономики. В первую очередь ввоз дешевых иномарок это, прежде всего, работа для плавсостава, ибо экономический кризис в России привел к тому, что снизилась активность морского транспорта в каботажных перевозках. Сколько людей занято в автомобильном бизнесе? (включая авторемонтные мастерские, платные автостоянки, топливозаправочные станции). Однозначно ответить трудно, нет специальной статистики. Но то, что треть работающего населения, так или иначе, связаны с автобизнесом — факт. Во Владивостоке, например, около 30% работающего населения, связаны с обслуживанием автомобилей.

Иномарочный секонд-хэнд — *способствовал развитию автосервиса.* За последние 17 лет широкое развитие в регионе получили — мелкие гаражные мастерские, всевозможные ремонтные боксы, автостоянки, автомагазины, фирмы по установке сигнализаций, а еще автостоянки и автозаправочные станции.

Быстро окупаемым является автозаправочный бизнес. За полгода в среднем затраты на строительство автостанции погашаются. Негативным моментом является то, что подавляющая часть автомобильных заправок принадлежит московским владельцам и соответственно, налоги на территории региона они не платят.

Автомобиль это еще и показатель статуса его владельца. Прошли времена всеобщего дефицита, когда машину в России было не купить, когда машина была предметом роскоши. Сейчас машина стала предметом необходимости, теперь эквивалентом социального статуса можно считать не наличие автомобиля, а его стоимость.

Немаловажной причиной, способствующей автомобилизации населения, в настоящее время является наличие культурных предпосылок для решения хозяйственных и социальных проблем на личностном уровне. Кроме того, основную долю в численности населения составляют лица трудоспособного возраста (62%) — активная часть населения, для которых приобретение автомобиля, в условиях рыночных отношений — жизненно важная необходимость и именно они намерены менять авто на новые марки.

Положительной тенденцией является то, что сегодня все больше и больше семей имеют по несколько машин, успешно осваивают навыки вождения женщины. Хотя в этом вопросе Россия отстает от США на 40 лет. В России женщины сели в массовом порядке за руль только

в середине 90-х, а для американской женщины-домохозяйки автомобиль стал обыденной вещью еще в 50-х годах.

Высокий уровень автомобилизации населения изменил структуру использования транспортных средств для перемещений. Личные автомобили самый популярный вид передвижения. В среднем в городе Владивостоке 60% всех перемещений совершается в легковых автомобилях, 12% пешком, 20% автобусом и трамваем, 4% городской железной дорогой. В западных странах, например в Германии 82% поездок населения совершается на легковых автомобилях индивидуального пользования, в США почти 90 % жителей пользуются автомобилем. Особая роль автотранспорта в пассажирских перевозках объясняется его повсеместным распространением, гибкостью и маневренностью. Преимущества иметь, автомобиль очевидны это — комфортность и скорость передвижения, отсутствие жесткого графика движения и случайных попутчиков, свободный выбор маршрута и т.д.

Рынок перевозок автомобилей является весьма перспективным и высокодоходным бизнесом. Автомобильный бизнес способствовал тому, что многие дальневосточники разбогатели на продаже японских иномарок. В Приморье более 200 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей занимаются комиссионной торговлей автомобилями (2006). По предварительным подсчетам только специализированно продажей автомашин занимается около 30-40 тыс. человек.

Особенностью торговли автомобилями является то, что доходы от торговли распылены между множеством индивидуальных торговцев-челноков, мелких и средних частных фирм и нередко прибыль частный сектор формирует за счет манипуляций с бюджетными долгами, энергетическими векселями, бартером. В последнее время четко прослеживается тенденция поставок машин более крупными партиями. Мелкий частный бизнес — более дорогое удовольствие и сходит на нет.

Слабостью автомобильного бизнеса является его зависимость от таможенного и визового режима. Время от времени меняются и корректируются правила ввоза автомобилей в Россию, происходит ужесточение правил бартерной и челночной торговли, повышаются тарифы, меняются условия введение визового режима и т.д. Москва ужесточает условия экспорта иномарок, меняет правила игры, а автомобильный бизнес, несмотря ни на что, не умирает, приспосабливается, работает. И вот уже почти 20 лет пошлины и ставки всё растут, чуть ли не каждый год, постоянно меняются правила ввоза машин, что отражает напряженность и конкретную борьбу между российскими производителями автомобилей и торговыми лобби в столице.

Автомобильный импорт обеспечивает значительную часть валютных поступлений страны. Удельный вес таможенных платежей от автотранспорта в общем объеме платежей, перечисляемых таможней в бюджет в 2002 г. составлял 27%. В 2004 году суммы пошлин, которые таможня перечисляет в государственную казну по этой категории товаров, достигли уже 47% от общего объема. В 2006 г. через Дальневосточное таможенное управление было ввезено 292, 4 тыс. легковых автомобилей (в 2005 г. — 255, 3), 7 583 автобуса (9 474); 49 236 грузовых автомобилей (34 639); 2 728 автомобилей спецназначения (1681). Общая статистическая стоимость ввезенных транспортных средств составила 1, 84 млрд. долларов [7].

Автомобилизация несет в себе и негативные явления. В обществе стал процветать автомобильный рэккет, нередко незаконным путем приобретаются права на вождение автомобиля, острой и нерешенной проблемой является угон автотранспортных средств, перегруженность основных автотранспортных магистралей, проблемы экологии и т.д.

В заключении следует отметить, что, по мнению экспертов, эпоха дешевых праворульных машин подходит к концу, а дорогие подержанные модели из Японии могут рассчитывать на очень ограниченный сбыт. Однако процесс автомобилизации не остановить.

Литература

1. *Тимонина И.В.* Региональная экономическая политика на рубеже веков // Знакомьтесь Япония, 2000, №30, с. 16.
2. *Акира Имаи.* Часть Европы для «Тойоты» // За рулем. 2003, №8, с. 24.
3. *Вялков А.П.* Дальний Восток и «Детройт» // ДВ капитал, 2004, №5, с.14-18.
4. *Дальневосточный капитал*, 2006, №8, с. 59.
5. *Трофимов Д.А, Синцеров Л.М.* Миграция автомобильной промышленности в развивающиеся страны // География и экология, 2007, №2, с. 3-9.
6. *Эдер Л.В.* Перспективы спроса на нефть в США // ЭКО, 2004, №11, с. 143-159.
7. *Таможенные рекорды* // ДВ капитал, 2007, №3, с. 53.

Васильчук Е. С.

Проблемы и перспективы развития предприятий отрасли с высокой долей региональной собственности

Применительно к регионам с низким уровнем социально-экономического развития роль государства в социально важных отраслях имеет особую значимость. Это в полной мере относится и к хлебопекарной промышленности, поскольку в настоящее время, несмотря на широкий выбор продуктов питания, хлеб и хлебобулочные изделия остаются основными продуктами, присутствующими в рационе потребителей и наиболее доступными по стоимости. Одновременно существует ряд проблем в развитии регионального рынка хлеба и хлебобулочных изделий, обеспечении должной эффективности его функционирования, что делает актуальными научные исследования, направленные на поиски путей улучшения существующей ситуации.

Хлебопекарная промышленность занимает в рамках пищевой отрасли особое место. На развитие хлебопекарных предприятий существенное влияние оказывают не только экономические и социальные факторы, но и политические, что обусловлено ролью хлебной продукции в жизни подавляющей части населения страны. Соответственно, на изменение цен на хлебобулочную продукцию население реагирует более болезненно, чем на прочие виды продукции предприятий пищевой промышленности. Именно поэтому элементы государственного регулирования на федеральном и региональном уровне хлебобулочной продукции используются и в условиях рыночной экономики. Особенно активно различные методы государственного регулирования использовались в кризисные 90-е годы. Что во многом позволяло, особенно на региональном уровне, снижать социальную напряжённость.

Хлебопекарная промышленность России имеет ряд отличительных особенностей функционирования, наиболее важными из которых являются следующие.

Социальная значимость хлеба. Хлебобулочная продукция является наиболее доступным продуктом питания для значительной части населения страны. Перебои в снабжении хлебом или рост цен автоматически повышают социальную напряжённость и снижают рейтинг

региональных властей. Эффективное функционирование предприятий хлебопекарной промышленности имеет для страны важное экономическое, политическое, социальное значение.

Физиологическая значимость хлеба. Хлеб и хлебобродуки — необходимый компонент в рационе питания населения нашей страны. С хлебом человек получает значительную часть суточной потребности в энергии, минеральных веществах, витаминах группы В и балластных веществах.

Отрицательная эластичность спроса по доходу. Хлеб — товар постоянного спроса. Его можно отнести к товарам с отрицательной эластичностью спроса по доходу (так называемые «товары Гиффена»): чем ниже доходы потребителей, тем больше они потребляют этот продукт. В таких случаях именно хлебом население заменяет белковые продукты — мясо, молоко. В то же время с улучшением экономической ситуации в стране и ростом доходов потребителей объемы потребления, а, следовательно, и производства хлеба падают.

Тесная взаимосвязь с сельскохозяйственным производством, возможность интеграции в рамках единого производственного комплекса добычи природного сырья и его последующей переработки. Указанная характеристика обуславливает распространение на данный сектор промышленных рисков, связанных с воздействием природных факторов при осуществлении производства первичного сельскохозяйственного сырья.

Небольшой срок хранения продукта. Особенностью продукции хлебопекарных предприятий является короткий срок ее реализации: для хлеба и хлебобулочных изделий — до 3-х суток, для мучных кондитерских изделий — 15-20 суток. Непрерывность технологического процесса и недопустимость длительного хранения готовой продукции исключают возможность образования каких-либо запасов, резервов незавершенного производства. Рынок, на котором может действовать один оператор, географически ограничен (продукции предприятий данной отрасли выгоднее всего реализовывать преимущественно в регионе ее производства с радиусом доставки не превышающим 100км), соответственно, характерной чертой отрасли является узкая региональная конкуренция производителей.

Сосредоточение производства хлебобулочных изделий, прежде всего, на крупных хлебозаводах. Характерной особенностью хлебопечения в нашей стране является высокая концентрация производства (до 80% всего вырабатываемого хлеба производится на крупных хлебозаводах). Но одновременно на рынке хлебобродуков существует большое количество малых пекарен, появление которых обуслов-

лено необходимостью своевременной выпечки и доставки потребителям свежей и разнообразной продукции отрасли. Например, в Ивановской области 6 крупных хлебозаводов или немногим больше 10% от общего числа хлебопроизводящих предприятий занимают более 85% регионального рынка хлебной продукции.

Размещение производственных мощностей по выработке хлеба и хлебобулочных изделий отражает географию размещения населения, а также соответствует уровню его концентрации в городах и населенных пунктах. Данная особенность является следствием природы продукции хлебопекарной промышленности.

Хлебопекарные предприятия вырабатывают продукцию в натуре и ассортименте строго по ежедневным заказам (потребности) торговой сети. Срок выполнения заказа ограничен часами и, как правило, меньше суток. Кроме того, заказы розничной сети в отдельные дни недели и месяцы года могут иметь значительные отклонения. В связи с этим предприятия вынуждены иметь постоянную резервную мощность, которая используется в дни наибольшего спроса (как показывает практика, это предпраздничные дни, а также понедельник, среда, пятница в рамках недели).

Жесткое регулирование качества продукции по средствам установления определенных стандартов (ГОСТов). Качество регламентируется государственными стандартами и техническими условиями для каждого наименования хлебобулочных изделий по органолептическим, физико-химическим показателям и массе. Хлебозаводы оснащены поточно-механизированными линиями, позволяющими выпускать хлеб в соответствии с требованиями государственных стандартов. Качество выработанного на разных предприятиях хлеба определенного вида и типа будет практически одинаковым. Поэтому потребителю при прочих равных условиях будет безразлично, у кого покупать хлеб.

Исторически сложившийся, устойчивый ассортимент хлебопродуктов, характерный в целом по России с отдельными региональными особенностями. Региональные особенности проявляются в структуре производства пшеничных и ржано-пшеничных сортов хлеба, обусловленные зоной оптимального выращивания ржи и пшеницы. В северных регионах доля ржано-пшеничных сортов хлеба в потреблении выше, чем в южных.

Отличительной особенностью рынка хлебобулочной продукции является необходимость своевременного обеспечения населения свежей продукцией, что возможно при наличии в регионе большого числа производителей. При этом функционирование крупных хлебо-

комбинатов в небольших районных центрах (муниципальных образованиях) экономически нецелесообразно в силу невозможности их полной загрузки.

Проблемы, оказавшие существенное влияние на развитие предприятий отрасли Ивановской области, можно подразделить на два блока: проблемы, связанные с изменением конкурентной среды и проблемы связанные с управлением предприятиями отрасли. При этом оба блока проблем тесно взаимосвязаны.

Среди проблем, связанных с изменением конкурентной среды можно выделить следующие основные.

1. Изменения в объемах и структуре потребления, а, соответственно, и в производстве.

Следует отметить, что изменение объемов производства и потребления происходит неодинаковыми темпами. В динамике потребления хлеба и хлебопродуктов за последние пятнадцать лет можно выделить ряд фаз. Для предкризисного периода было характерно стабильно высокое потребление хлеба, которое сохранялось на протяжении пяти в среднем по России и восьми лет по Ивановской области. При этом с 1991 года наблюдалось неуклонное снижение объемов производства хлебобулочной продукции. Такая разнонаправленная динамика взаимосвязанных процессов объяснялась в первую очередь сокращением использования хлеба в подсобном хозяйстве, снижением численности населения и увеличением неучтенного производства хлебобулочной продукции. Например, в Ивановской области потребление хлебопродуктов в 2004г по сравнению с 1991г сократилось на 19 кг (или на 52 гр/сут), а по сравнению с периодом наибольшего потребления (1994 г., 1998 г.) — на 21 кг (или на 58 гр/сут). При этом рост потребления пришелся на 1998г — год экономического кризиса, период падения среднедушевых доходов.

В тоже время в первый год после кризиса 1998 года произошел резкий скачок в производстве хлеба и хлебобулочной продукции, в среднем по РФ на 8,3%, а по Ивановской области на 12,2%, при этом существенного изменения в потреблении хлебопродуктов не произошло. Это связано с тем произошли структурные сдвиги в потребляемых хлебопродуктах, с увеличением доли собственно хлеба и хлебобулочной продукции (в настоящее время доля хлеба составляет 60% в общей структуре потребления хлебопродуктов). В послекризисный же период происходит падение потребления хлеба на фоне роста среднедушевых доходов населения, а также имеет место рост доли потребления более дорогих сортов хлеба.

Несмотря на количественный рост числа хлебопекарных предприятий, в России с начала 90-х годов производство хлеба и хлебобулочной продукции неуклонно снижается. При этом наблюдается диспаритет между динамикой объемов производства и потреблением хлеба и хлебобулочной продукции: при резком падении объемов производства хлеба и хлебобулочных изделий, потребление хлебной продукции в целом сокращалось менее существенно (при незначительном росте потребления в первые годы). В целом по России объемы производства хлебобулочной продукции снизилось за 15 лет в 2,2 раза, а по Ивановской области в 2,9 раз. При этом в среднем по России потребления хлебопродуктов практически не изменилось, а по Ивановской области снизилось на 13%. И в целом на 5 кг меньше, чем уровень среднероссийского потребления.

Следствием таких изменений стал низкий уровень использования производственных мощностей (29%), падение доходности (средняя рентабельность прибыльных предприятий меньше 10%), что негативно сказалось на деятельности большинства государственных хлебопекарных предприятий Ивановской области. При этом наиболее стабильную работу демонстрировали предприятия находящиеся в городах с численностью населения более 50 тыс. человек, а наихудшие финансовые показатели — предприятия малых городов.

Собственно хлеб и хлебобулочная продукция занимают в структуре хлебопродуктов по Ивановской области 56% и доля его незначительно, но стабильно снижается. При этом за последние 10 лет наиболее существенно сократились объемы производства пшеничных сортов хлеба, составившие лишь 33,5% к уровню 1994 года, в то время как объемы производства ржаных сортов хлеба — составили 64%. Соответственно, если в структуре выпуска хлебобулочной продукции ржаные сорта хлеба занимали в 1994 году 55%, то к 2005 их доля возросла до 67,7%.

2. Приватизация и смена собственников на ряде государственных хлебокомбинатов и предприятий потребкооперации.

Приватизация в 98-99 гг. двух крупнейших предприятий хлебопекарной промышленности Ивановской области активизировало их конкурентное воздействие на остальных рыночных игроков (за счет правильного учета рыночных реалий и меньшей зависимости от государственного воздействия). Приватизированные предприятия располагали лучшей структурой основных фондов и в совокупности занимали более 30% на рынке области. Наличие на данных предприятиях более современного и экономичного оборудования позволило им навязывать другим игрокам на рынке ценовую конкуренцию.

3. Усиление конкуренции за счет неравенства в условиях.

Переход на упрощенную систему налогообложения рядом производителей хлебобулочной продукции существенно изменил конкурентную ситуацию в отрасли, особенно на районном уровне. Финансовое положение многих районных хлебокомбинатов региона, не имеющих возможности перехода на упрощенную систему налогообложения, с 2003 года стало неуклонно ухудшаться. Если в 2001 году из 15 предприятий, находящихся в собственности области, только одно имело минимальный убыток, то в 2003 году нерентабельными были уже 10 предприятий с совокупным убытком более 6 млн. рублей (из них одно прекратило свое существование, а три были выставлены на торги). В 2005 году прибыльными оказались только шесть предприятий из десяти, оставшихся к концу года в собственности области.

Важнейшими задачами малого бизнеса является развитие конкурентной среды, создание дополнительных рабочих мест, расширение потребительского сектора, что в целом соответствует интересам общества. Соответственно, использование налоговых льгот дает возможность выжить малому бизнесу в конкурентной борьбе с крупным бизнесом. Однако в ряде отраслей налоговые льготы малому бизнесу могут приводить к нарушению принципа справедливости в конкурентной борьбе различных предпринимательских структур. Наиболее отчетливо это проявляется в хлебопекарной промышленности. Если говорить языком ФЗ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», создалась ситуация не противоречащая положениям действующего законодательства, но нарушающая принципы разумности и справедливости, вследствие чего действия одного хозяйствующего субъекта могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам.

Основная цель поддержки малого предпринимательства в налоговой сфере заключается в создании конкурентной среды, насыщении рынка потребительскими товарами и услугами. Однако применительно к производству хлебобулочной продукции это недостаточно экономически оправдано. В хлебопекарной отрасли существенный переизбыток производственных мощностей, большая часть которых была создана еще в советские времена. Большинство предприятий отрасли работает на однотипном оборудовании, выпуская стандартную массовую продукцию. Таким образом, работая на однородном оборудовании, выпуская однородную продукцию, предприятие, перешедшее на упрощенную систему налогообложения, автоматически получает конкурентные преимущества, не обусловленные запросами рынка. Поэтому применительно к данной отрасли, налоговые льготы создают условия несправедливой конкуренции на товарных рынках.

Использование упрощенной системы налогообложения оправдано, при необходимости насытить рынок новой продукцией или ликвидировать искусственный монопольный дефицит. Однако к выпуску хлебобулочной продукции этого не относится. Ограничение по доле участия других организаций в капитале предприятия для хлебопекарной отрасли является искусственным, тормозящим дальнейшее развитие отрасли.

Среди проблем, связанных с управлением предприятиями, находящимися в региональной собственности, можно выделить следующие.

1. Отсутствие скоординированной политики в вопросах приватизации. Приватизационные планы постоянно изменялись по срокам и по объектам. Как правило, в планы приватизации попадали в первую очередь убыточные предприятия, находящиеся в кризисном состоянии. Соответственно и желающих приобретать такие предприятия по установленной цене было мало. Окончательная цена продажи по всем проданным предприятиям была существенно ниже первоначальной.

2. Устранение собственника от вопросов управления предприятиями, не только как единого комплекса, но и отдельными предприятиями в частности. Соответственно не был реализован потенциал единого хозяйственного комплекса в вопросах специализации и кооперации, а также единой инвестиционной политики.

Основными перспективами в развитии отраслевого бизнеса могут являться:

1. сохранение в региональной собственности наиболее перспективных предприятий не только как источника гарантированных налоговых поступлений, но и социальной стабильности в регионе;
2. осуществление интеграционных процессов укрупнения предприятий для достижения максимального синергического эффекта;
3. максимальное использование в производственной деятельности предприятий тенденций изменения потребительских предпочтений.

По нашему мнению роль крупных предприятий, при условии равных правил конкурентной борьбы, ослабевать на рынке хлеба не будет. Следует относиться осторожно к высказываниям о приоритетности малого бизнеса в хлебопекарной промышленности. Роль малых хлебопекарных предприятий не следует преувеличивать. Например, в Западной Европе промышленное хлебопечение делит рынок хлебобулочных изделий с частными пекарнями, которые достаточно много-

численны. Доля производства хлеба промышленными предприятиями (хлебозаводами) в Великобритании составляет 80%, Нидерландах — 50%, Швеции 40%. Крупные хлебокомбинаты как в России, так и за рубежом выполняют важнейшую социальную функцию — обеспечивают население доступным, стандартным хлебом.

При этом следует отметить, что не совсем обосновано расхожее мнение о том, что россияне потребляют хлебопродуктов существенно больше, чем в других странах. Итальянцы потребляют в год хлебопродуктов (в пересчете на муку) — 130 кг, болгары и поляки по 148 кг, американцы и японцы немного меньше, соответственно, 113 и 110 кг. Среднее потребление хлебопродуктов в 2005 году в целом по РФ составило 121 кг, а по Ивановской области 126 кг. В то же время за последние 15 лет потребление хлебопродуктов в среднем по РФ колебалось в пределах от 119 до 124 кг, а по Ивановской области от 113 до 134 с постепенным сближением со среднероссийским потреблением. И говорить о том, что макароны более полезны для здоровья, чем ржаной хлеб более чем странно. Поэтому в первую очередь следует говорить о специфической исторической культуре потребления хлебопродуктов которая слабо подвержена влиянию внешних факторов. Как показали исследования, не смотря на существенное расширение ассортимента выпускаемой хлебной продукции наибольшую долю в структуре производства хлебокомбинатов занимают традиционные сорта хлеба и эта структура за последние 15 лет изменилась незначительно.

Гурин Г.В., Мелентьев Б.В.

Внешнеторговая деятельность и развитие сельского хозяйства

Довольно распространен стереотип, что внешнеэкономическая деятельность всегда выгодна. Исходя из тезиса, что в реальной жизни все сложнее, мы дадим количественную оценку известной позиции на негативность политики по импорту сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Для этого привлекается межрегиональный межотраслевой инструментарий (Гранберг А.Г., 2000, и др.), охватывающий 19 районов, 38 отраслей. Структура инструментария это системы линейных уравнений. Их коэффициенты в начальном курсе математи-

ки это просто числа, а в данной экономической задаче — параметры затрат и выпуска продукции: отрицательные элементы — нормативы затрат, положительные — характеристики относительного выпуска продукции. Задача формировалась под условия построения прогноза развития страны до 2015 года. Результирующей оценкой является рост в сфере конечного потребления всей экономики страны. Не смотря на то, что привлекается достаточно обобщенный инструментарий, в нем внешняя торговля является активной составляющей, определяя серьезное влияние на уровень региональных экономических показателей.

Межотраслевой подход к оценке крупных внешнеторговых проектов. Традиционным показателем эффективности внешней торговли является полученная валютная выручка. Более тонкие методы анализа эффективности включают сопоставление затрат на экспортируемую продукцию с выручкой, полученной от реализации импортной продукции на внутреннем рынке, отношение импорта к экспорту, оценку экономии затрат при отказе от отечественного производства в пользу аналогов импортных товаров и другие показатели. Данные подходы и получаемые величины содержательно близки к показателям, используемым в методах сравнительной эффективности отраслевых видов производственной деятельности и вложения инвестиций. В любом случае все перечисленные показатели эффективности внешней торговли могут быть объединены в группу, характеризующую либо затратный, либо подход по получаемому доходу. Таким методикам, видимо, можно дать общее название — отраслевые.

Особенностью отраслевых подходов к оценке стратегий формирования внешнеторговых поставок и их структуры является учет ими только прямого влияния последних на изменения финансового состояния непосредственно экспортеров и импортеров или на уровень доходов Госбюджета, получаемых от внешнеэкономической деятельности. При этом не рассматривается в едином цикле расчетов реакция остальных хозяйственных субъектов на изменения во внешнеторговой сфере, не указывается также в каких отраслях и районах реализуется денежный выигрыш, имеется ли вообще возможность реализации этого эффекта в остальной части национальной экономики, не связанной непосредственно с секторами международной торговли. Повышение корректности расчетов получения более полной эффективности требует привлечения для дополнительного числа смежных отраслей, на которые в свою очередь тоже косвенно влияют различные структурные составляющие внешней торговли. Правоммерно также существование различных уровней интересов: национального, бюджетного и предприятий (отраслей), а также социального и эконо-

мической безопасности, оказывающих влияние на определение нужного состава товарообменных операций с другими странами.

В межрегиональные модели легко вписываются отраслевые инвестиционные проекты, определяющие по регионам направления внешнеторговой деятельности. Они, как и другие, формируются в виде отдельных производственных способов задачи. Поиск эффективности реализации проектов при этом сводится к обычной процедуре проверки приемлемости данных способов с точки зрения критерия оптимизации. Содержательное толкование данной процедуры состоит в количественной оценке влияния на экономику реализации отдельных вариантов стратегий проектов на основе решений межрегиональной задачи по известному принципу: «что будет, если...?». Какие, например, будут потери по конечному потреблению страны, если по заданному направлению внешнеторговых поставок продукции не будут расширены старые или построены новые дороги, обеспечивающие пропускные возможности для возросших потребностей на транспортных услуги, какие продукты наиболее эффективны для экспорта и т.д.

Комплексный подход к внешнеторговой проблеме требует формирования модельных условий в форме вариантов компенсирующего импорта как аналога “связанных” экспортных сделок: если на какую-то сумму осуществляется импорт, то на эту же сумму должны и экспортироваться какие-либо товары (с учетом долговых обязательств). Верна также и обратная зависимость, что если экспорт дорогой, то целесообразно от него отказаться и соответственно снизить импорт. Конечно, Россия не может пока резко уйти такой путь, т.к. эти сделки являются основными источниками получения валюты, необходимой для оплаты накопившихся в прошлом больших международных долгов, закупки продуктов, не производящихся или производящихся в недостаточном количестве внутри страны.

Инструментарий позволяет оценивать не только общую политику формирования экспорта, но и выбирать направления регионально-го импорта, выгодные не только потенциальным владельцам валюты, но и эффективные для экономики в целом. Для этого используются расчетные значения двойственных переменных (оценок), получаемых в процессе решения задачи. Анализ уровня двойственных оценок произведенной продукции, полученных по исходному варианту расчетов, показывает, что значения оценок отраслей, непосредственно связанных с добычей и переработкой природных ресурсов (нефтедобыча, газ, уголь, лесодобыча, деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность), наиболее высокие. Из смысла этих оценок следует, что экспорт указанных продуктов при прочих равных условиях невыгоден с точки зрения интегрального эффекта (он в большей

степени, чем экспорт других продуктов, уменьшает конечное потребление страны). Этот результат количественно подтверждает известный тезис о неэффективной структуре нашего экспорта. Учитывая, что данные продукты тоже дефицитны и для внутреннего рынка, необходимо структурное изменение внешнеторговых поставок в пользу других продуктов, связывая наиболее нужные стране импортируемые продукты с экспортом менее дефицитных и обеспечивающих меньшие потери по конечному потреблению. Кстати, по расчетам низкие количественные значения двойственных оценок продукции легкой и пищевой промышленности указывают на их неэффективный импорт, то есть более предпочтителен их экспорт. Данные соотношения эффективности отраслевых направлений внешней торговли естественно не постоянны от вариантов к варианту развития, но их количественные межпродуктовые соотношения по многим отраслям и регионам могут оставаться достаточно близкими для вариантов в широкой области изменения общего значения конечного потребления (до 200-300 млрд. руб. от исходного уровня).

Двойственные оценки межрегиональной модели, как отмечалось, указывают также и на направления эффективной географии внешнеторговых потоков. Например, для исходного варианта расчетов, учитывающих в основном сохранение действующих тенденций развития, экспорт продукции прочей пищевой промышленности более эффективен из районов Европейской части и Урала (в 2015 г. значения показателей колеблются 0,5 и 0,8 в сравнении, например, с 1,1 для Томской и 1,3 Иркутской областей), а импорт строительных услуг более эффективен в районы Урала и Тюменской области (соответственно 1,9 и 1,8 в сравнении с 0,3 для Дальнего Востока) и т.д. Отмеченные межрегиональные предпочтения также необходимо учитывать при определении эффективных товарных сочетаний внешнеторгового обмена продукцией. Указанными принципами взаимосвязанности внешнеторговых сделок полезно пользоваться при подготовке проектов внешнеторговой политики.

Безусловно, отраслевой критерий валютного дохода является наиболее доступным для экспортеров-импортеров, но страдает недостатком — оценкой лишь локального эффекта. А для экономики в целом важно выбрать такую структуру внешнеторговых отношений, от которой возможно получение наибольшего результата в сфере конечного потребления. Для этого необходимо определить не только эффективный экспорт, но и наиболее рациональный состав импорта. Очевидно, что одной и той же сумме валютной выручки, равным объемам экспорта и импорта могут соответствовать различные по составу и сочетаниям заключаемые конкретные товарные сделки.

Результаты расчетов. В качестве *исходного варианта* выбран прогноз с умеренным (4,9%) ростом валового выпуска по стране (табл. 1) и ожидаемым по действующим тенденциям объемами экспорта-импорта продукции. Отрасли сельского хозяйства растут минимальным по стране темпом: 1,0% — растениеводство и 1,9% — животноводство.

Характеристика других вариантов расчетов.

Вариант 1. Сокращение импорта сельскохозяйственной и мясомолочной продукции

Вариант 2. Уменьшение экспорта продукции в соответствии с величиной сокращения импорта по гипотезам варианта 1.

Вариант 3. Интенсивный: сохранение гипотез варианта 1 в условиях необходимости обеспечения дополнительного роста экономики.

Прежде чем перейти к анализу следующих вариантов расчетов дадим характеристику отрасли сельского хозяйства, взаимозависимости ее развития от внешнеторговой политики и связи с острой для нашей страны демографической проблемой. Сельское хозяйство, как никакая другая отрасль независимо от стадий экономического и социального развития обладает свойствами многофункциональности. Они охватывают сферы от производства продуктов питания до сфер сохранения окружающей среды, национальных, духовных и социальных ценностей, сохранение традиционного народного уклада, передача их следующим поколениям. Кроме того, на данных, особенно периферийных территориях, сохраняются пока действующие источники народонаселения. В этом жизнеобразующая роль отрасли. Указанные стороны являются непродовольственными функциями сельского хозяйства, не имеют денежной оценки и исторически связаны с отраслью. Они и другие являются неэкономическими компонентами, определяющими вместе жизненный уровень населения страны. Его характеризует набор материальных, нематериальных, духовных и других неэкономических благ, позволяющих людям считать свой образ жизни достойным (благополучный стандарт потребления и качества жизни). В нашем случае рост импорта продовольствия сокращает рабочие места в сельском хозяйстве. В 2001 году импорт продовольствия составил больше 9 млрд. долл. Импорт мяса птицы в новой России устойчиво за многие годы превышал и превышает даже в последние годы собственное производство¹. Такая политика парализовала наше сельское хозяйство в непростые 90-е годы.

¹ Гумеров Р. Как «реализуется» провозглашенные приоритеты аграрной политики (Российский экономический журнал, 9-10, 2003 г.)

Рассмотрим количественные экономические последствия зависимости народного хозяйства страны от импорта продукции названных отраслей.

Вариант 1. Сокращение импорта сельскохозяйственной и мясо-молочной продукции на 150 млрд. руб. По результатам расчетов при сохранении экспортной программы страны по конечному потреблению теряется около 100 млрд. рублей (рис. 1) — цена за защиту социальных условий в нашем сельском хозяйстве. Темп роста в растениеводстве и животноводстве возрос соответственно на 1,5 и 1,6 п.п. В Сибирском ФО темп роста продукции животноводства вырос на 0,6 п.п. Мы считаем такие «жертвы» с абсолютным сокращением конечного потребления оправданы, т.к. они смягчают социальное положение в сельской местности и периферийных поселках с расширением сбыта производящейся здесь продукции. Кроме того, не будем забывать, что данные населенные пункты являлись и ещё являются основными донорами крупных городов в обеспечении трудовыми ресурсами.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство: полученный результат зависимости роста сельскохозяйственной продукции от снижения импорта продовольствия при снижении экономических показателей конечного потребления является очевидным, но не фатально неизбежным. В частности, сокращение импорта продовольствия должно сопровождаться и «компенсирующим» сокращением экспорта, валютная выручка от которого и тратится на закупку товаров на внешнем рынке, если выручка не остается за рубежом. Государство вполне может регулировать такого рода политику с помощью экс-

Рис. 1 Влияние снижения импорта продовольствия на конечные экономические показатели по вариантам расчетов

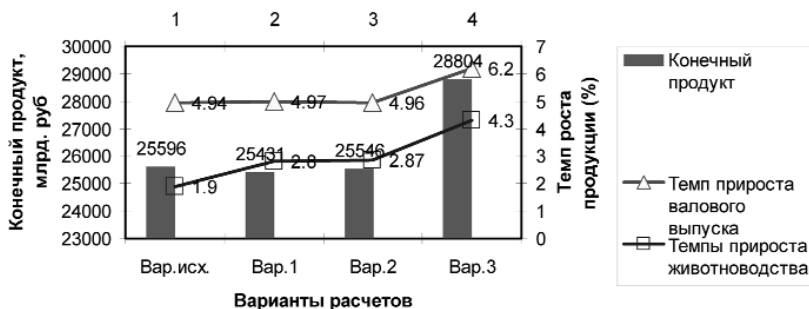

Таблица 1
Характеристика общих экономических показателей в 2015 году (цены 2005 г., вариант исходный)

	Конечная продукция, (млрд руб)	Темп роста продукции, %	Темп роста транспорта, %, (все виды)	Темп роста капитал-ных вложе-ний, %	Транзит, (млрд руб)	Доля (%) отправления в про-изводстве	Доля (%) прибыли в потребе-нии
1	Центральный ФО	104.2	99.9	108.8	1 006	26	33
2	Урал без Тюменской обл.	104.6	110.6	108.5	2 739	28	37
3	Томская	106.4	115.2	113.4	359	51	37
4	Иркутская	103.5	100.3	111.6	298	40	54
5	Д.Восток	104.6	99.7	106.7	191	39	16
6	Кемеровская	105.4	108.7	108.9	1 196	46	40
7	Новосибирская	103.5	102.5	111.7	1 476	21	31
8	Алт.край	108.2	114.7	109.7	65	19	34
9	Кр.край	106.0	114.4	110.7	819	38	31
10	Рес.Алтай	108.2	103.7	107.6	0	81	97
11	Бурятия	107.0	107.8	118.7	225	23	98
12	Тува	110.8	122.4	112.0	0	64	77
13	Хакасия	107.2	113.5	116.5	95	53	51
14	Омская	106.1	112.2	115.0	1 599	43	51
15	Читинская	104.2	104.8	114.6	380	25	70
16	Северо-Западн. ФО	104.6	105.4	110.1	2 233	39	53
17	Приволжский ФО	107.2	109.4	110.2	1 911	23	16
18	Южный ФО	103.9	100.5	106.2	603	36	56
19	Тюменская обл.	103.1	100.7	114.4	203	43	48
В целом по России		104.9	104.8	110.0	15 399	31	35
Сибирский ФО		105.4	108.8	111.9	6 512	38	45

портно-импортных пошлин (вар.2). При реализации этой политики конечное потребление вырастет на 110 млрд. руб., компенсируя потери от абсолютного снижения импорта.

Экономические потери от сокращения импорта могут быть перекрыты по-другому, а именно эффектом от мероприятий, обеспечивающих в стране более интенсивный экономический рост. Такими мероприятиями, составившими основу формирования *варианта 3, являются внедрение новых технологий и рост продукции машиностроения, нахождение новых сегментов рынка экспорта транспортных услуг* (например, реализация проекта международного транспортного коридора Париж-Токио, проходящего по территории России), *развития инфраструктуры на востоке страны*, как узких мест для осуществления указанных проектов и т.д. При реализации такого рода условий (вариант 3, Рис. 1), несмотря на сокращение импорта сельскохозяйственной продукции, конечное потребление по стране вырастет по расчетам больше, чем на 3 трлн. рублей, темп выпуска продукции по стране увеличился больше, чем на 1,0 п.п., по животноводству — на 1,4 п.п. В данных условиях страна сохраняет свои обязательства по поставкам продукции на внешний рынок, но должен быть обеспечен в рассматриваемом периоде общий рост экономики не меньше 6% в год.

Мы отдаем себе отчет в том, что улучшение экономического положения в отечественном сельском хозяйстве и тесно связанной с этим решение демографических проблем на прилегающих территориях сложнейшая задача, определяемая множеством факторов. Оцениваемые мероприятия по изменению структуры внешнеторговой политики являются на данном этапе всего лишь одним из них.

Литература

- Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. — М.: Тасис, Государственный университет. Высшая школа экономики, 2000.
- Мелентьев Б.В. Да не оскудеет восточная земля людьми нашими. / Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. (Материалы сессии эк.-геогр. Секции МАРПС — М.: ИГ РАН, МАРПС, — 2005 — с. 149-157.

Аксенова Л.А.

Аграрная политика стран Евросоюза*

Территориальные сельскохозяйственные системы второй половины XX в. складываются под давлением колоссальных структурных сдвигов в экономических и социальных условиях развития сельского хозяйства, среди которых основными можно считать следующие процессы:

- усиление индустриализации агросектора;
- рост капиталоемкости, энергоемкости и наукоемкости сельского хозяйства и его зависимости от других отраслей экономики;
- формирование агропромышленного комплекса — АПК;
- ускоренное развитие концентрации и региональной специализации производства;
- изменение производственной структуры;
- активизация государственного вмешательства в аграрный сектор.

Эти процессы происходят на фоне усиления функционирования глобального единого международного рынка с одновременным «рассасыванием» местных, локальных рынков и уменьшением значения пригородного хозяйства. Поэтому территориально-производственная структура сельского хозяйства сегодня особенно зависит от степени вовлечения сельского хозяйства страны (региона) в международное разделение труда.

Вместе с тем не только сохраняется, но и усложняется зависимость сельского хозяйства от агроприродных условий. Это связано, в частности, с усилением региональной специализации и концентрации производства, которые предполагают «отбор» зон и районов, имеющих лучшие не только экономические, но и природные условия для данного производства.

То же самое можно сказать и о таких факторах, как экономико-географическое положение и особенно обеспеченность производственной инфраструктурой.

Все эти изменения связаны в первую очередь с влиянием НТР. Вместе с тем мощным фактором трансформации территориально-про-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398)

изводственной структуры сельского хозяйства стала государственная поддержка отрасли и всего АПК. Развитие сельского хозяйства было **немыслимо без государственного вмешательства** почти во всех странах мира, прежде всего в США, странах Западной Европы и Японии. Ни в какой другой отрасли экономики этих стран нет столь значительного, глубокого и многостороннего регулирования, как в сельском хозяйстве. Размеры государственных субсидий достигают 70–80% стоимости сельскохозяйственной продукции (в Японии и Швейцарии, Финляндии), 49% (в странах ЕС), 45% (в Канаде), 30–35% (в США)¹.

Система государственного регулирования возникла не сразу. Сначала в США, несколько позже — в Западной Европе — она формировалась в течение многих десятилетий, особенно начиная с 1930-х годов XX в., когда глубокий и разрушительный аграрный кризис, совпавший с еще более значительным промышленным кризисом, сделал государственное вмешательство а сельское хозяйство абсолютно необходимым. После второй мировой войны оно расширилось, стало всеобщим, разрослось в целую систему государственных мер, изменилось качественно, став более разносторонним и интенсивным, приобрело новые формы.

В Западной Европе со второй половины 1960-х годов XX в. аграрная интеграция сначала “шестерки”, затем “десятки”, двенадцати, а с 1995 г. — пятнадцати стран ЕС означала еще более высокую степень государственного регулирования аграрной экономики на международном уровне. Произошло своеобразное сочетание национальных и международных «наднациональных» методов регулирования агросферы. Поэтому столь уникальная аграрная политика рассматривается нами более детально, чем в других странах.

Государственное регулирование в ЕС охватывает почти все сферы сельского хозяйства, распространяя свою деятельность и на все звенья АПК. Государство берет на себя следующие функции:

¹ Существует масса разных сложных методик измерения государственной поддержки сельского хозяйства. Признанный международный показатель, используемый ОЭСР, — сопоставление внутренних цен на продукцию сельского хозяйства с мировыми ценами — эквивалент субсидий сельхозпроизводителям (ЭСС). Если внутренняя цена выше мировой, значит, государство поддерживает фермеров. Если, наоборот, то средства у аграриев каким-то образом изымают.

ЭСС сложно считать, поэтому он считается не по всем странам, но по России такие расчеты есть. В США этот показатель составляет примерно 27%, в ЕС — около 33-36%, в Японии — до 60% — очень высокий уровень защиты. В России — 5-9% (в зависимости от того, кто и как считает), т.е. один из самых низких в мире. Ниже нас — Новая Зеландия и Австралия.

- экономическая ориентация и регламентация производства — регулирование количества, ассортимента и качества производимой продукции, соотношения между спросом и предложением;
- техническая и технологическая ориентация — содействие индустриализации всех звеньев АПК, повышение квалификации сельского труда, внедрение результатов НТР через государственные научные, консультативные учреждения и учебные заведения;
- социальная перестройка аграрных отношений — поощрение концентрации производства и ликвидации мелких фермерских хозяйств.

Во многих странах Западной Европы функцией государства является также материально-техническое обслуживание сельского хозяйства с помощью правительственных закупок, оптовых рынков, кредитных учреждений и т.п. Кроме того, государство осуществляет инспекцию качества продукции, ветеринарный надзор, ведет статистику, активнейшим образом участвует в распространении передовых методов ведения хозяйства путем создания центров «сельскохозяйственного прогресса», показательных прокатных пунктов, распространения передовой агротехники.

В достижении этих целей государство использует все имеющиеся в его руках экономические, социальные, политические и идеологические рычаги: субсидии и льготные кредиты, цены, социальные пособия и премии, пропаганду, административную систему, международные организации и соглашения.

Основным инструментом воздействия служат **государственное кредитование и финансирование** в форме безвозмездных субсидий и обычных банковских кредитов. Государство предоставляет фермерам средства на приобретение техники, химикатов, топлива, семян, покупку земли, мелиорацию, ликвидацию черепашьих полос и т.п., на улучшение сельской инфраструктуры (жилищное и дорожное строительство, благоустройство деревень, их электрификацию и водоснабжение и пр.) и др.

В отдельных странах Западной Европы вмешательство государства в агросферу во многом имеет общие черты, задачи и цели. Однако формы и методы этого вмешательства часто различны и обусловлены национальными особенностями и уровнем развития сельского хозяйства, мощностью монополий и степенью их проникновения в АПК, позициями той или иной страны на мировом рынке. Например, для сельского хозяйства Франции, Италии, Бельгии и Испании большее значение имеют кредитная политика и кредитные учреждения. В дру-

гих же — в ФРГ, Нидерландах, Дании, Швеции — роль государства в кредите незначительна. Пестрая картина существует и в структуре и размерах предоставляемых государством дотаций. Более всего таких средств, например в 1970-х годах, выделялось в Великобритании, в ФРГ и во Франции. При этом значительные средства в Великобритании шли на снижение цен на удобрения, в ФРГ и Франции — на улучшение «земельной структуры» — ликвидацию «черезполосицы» (мелких хозяйств в результате парцелляции) и субсидирование крупных хозяйств.

Колоссальные средства ассигнуются на регулирование сферы сбыта агропродукции. При этом вмешательство государства сводится не только к поддержке определенного уровня закупочных цен, но и субсидированию производства, хранения, переработки и экспорта агропродукции; организации закупок, продаж и запасов продовольствия; регулированию импорта и экспорта, а также созданию государственных внешнеторговых компаний.

С целью регулирования сферы сбыта и был создан общий аграрный рынок ЕС и учреждены специальные «наднациональные» органы по выработке и проведению так называемой «единой аграрной политики» — ЕАП, использующие на эти цели финансовые средства из общего бюджета.

Суть аграрной интеграции ЕС сводится к следующему:

- ответственность «наднациональных» органов за проведение совместной политики;
- свобода беспошлинной торговли на всей территории ЕС;
- единые цены на основные сельскохозяйственные продукты;
- единое финансирование отрасли;
- общие правила внешней торговли и таможенные барьеры по отношению к другим странам.

Создание ЕАП было предусмотрено еще Римским договором 1957 года. Она должна была решить важнейшие задачи: увеличить производство продовольствия, обеспечить необходимый уровень жизни сельскому населению, стабилизировать рынки, гарантировать качество продовольствия и умеренные цены потребителям.

Единый аграрный рынок ЕС создавался по этапам, в разное время для различных видов продовольствия. Реальное осуществление ЕАП началось в 1962 г., но лишь в 1967 г. начал функционировать общий рынок зерновых культур. Затем были устранены таможенные ограничения во взаимной торговле продукцией масличных культур, сахарной свеклы, молоком и молочными продуктами, говядиной, свини-

ной, вином, фруктами и др. товарами. Сегодня таможенные ограничения во взаимной торговле ликвидированы для всех видов продукции.

Это привело к значительному росту взаимной торговли между странами ЕС. Тем не менее, вмешательство регулирующих органов лишь усилило свойственную ей конкурентную борьбу, но не устранило её. Национальные правительства твердо защищают интересы своих аграриев. История борьбы за аграрную интеграцию полна всякого рода кризисов ЕАП, «торговых войн», бесчисленных совещаний на различных уровнях, разногласий по вопросам «выравнивания цен» и определения квот производства на отдельные виды продукции. И за прошедшие годы огромное число копий было сломано в жарких и порой драматических спорах между странами-членами ЕС о том, как эффективнее регулировать аграрный сектор единой Европы, не ущемляя интересы производителей и потребителей каждого отдельного государства континента.

Поскольку выполнение аграрных программ связано с крупными финансовыми расходами, всегда был и остается поныне предметом острых разногласий вопрос о бюджетных ресурсах ЕС и их распределении по странам и районам или о «финансовом регулировании», как это принято называть.

Единая аграрная политика ЕС построена на двух «китах». Один из них — система *гарантированных единых цен*, другой — *таможенный протекционизм* в торговле ЕС с другими странами.

Сложная система гарантованных цен на сельскохозяйственные продукты включает несколько категорий цен: «индикативная цена»², «цена вмешательства», «пороговая цена» и др. Суть их заключается в том, что всякий раз, когда цена на тот или иной вид продовольствия опускается на рынке ниже согласованной в ЕС цифры, общий рынок обязан скупать всю предлагаемую его членами продукцию по заранее условленной цене.

Таможенный протекционизм выражается в предоставлении экспортных субсидий, покрывающих разницу между внутренними ценами (как правило, превышающими цены мирового рынка) и обычно более низкими мировыми ценами. В отношении импорта предусмотре-

² Под «индикативной ценой» подразумевается цена на сельскохозяйственные товары, устанавливаемая ежегодно Советом министров ЕС, за соблюдением которой следят специальные «наднациональные органы». «Цена вмешательства» — это цена, по которой непосредственно скупается продукция. Она ниже «индикативной цены» и является твердо гарантированной для производителя. «Пороговая цена» используется как базисная цена для исчисления обложения на импорт из стран, не входящих в ЕС.

но сохранение протекционистских цен, как в национальных рамках (и каждое государство — член Союза стремится не только сохранить, но и укрепить их в этих целях), так и в отношении ЕС в целом. Цель — не допустить на рынки ЕС импортную продукцию с более низкими ценами. Однако в силу многих противоречий между отдельными странами проблема импорта некоторых товаров из других стран, и особенно США, до сих пор не урегулирована.

Широко применяются в ЕС и другие методы регулирования: создаются запасы продовольствия и выдаются субсидии на хранение продукции, устанавливаются обязательные для всех членов ЕС квоты производства. При перепроизводстве отдельных видов продовольствия выдаются премии за убой скота, выкорчёвывание плодовых деревьев и виноградников и консервацию земель или пенсии за досрочный уход фермеров из сельского хозяйства.

Проведение ЕАП потребовало создания сложной и многоступенчатой системы регулирующих органов Евросоюза. Во всех странах организована сеть государственных учреждений с учетом исторических традиций в регулировании экономики, особенностей аграрного производства и т.п. Помимо того, созданы наднациональные органы, которые свои функции по регулированию аграрной экономики отдельных стран осуществляют через национальные организации. Все главные вопросы аграрной политики (ценообразование, размеры закупок, структурная и внешнеторговая политика) решаются в «европейском масштабе». Характер аграрной политики, её цели на разных этапах развития ЕС определяют Совет министров ЕС и европейская экономическая комиссия — КЕС, а исполнительным и постоянно действующим органом является Европейский фонд ориентации и гарантирования агрохозяйства — ФЕОГА, созданный в 1962 г., но практически начавший функционировать с 1964 г.

При ФЕОГА существует два отдела: гарантии и ориентации. Ведущую роль играет отдел гарантии, по которому расходуется более 90% всех средств фонда. Эти средства идут на регулирование рынков сбыта продовольствия, на поддержание цен, финансирование экспорта избыточной продукции или её ликвидацию в той или иной форме.

Задачи отдела ориентации во-первых, — развитие отдельных отраслей аграрного производства (в зависимости от эволюции спроса на продукцию), во-вторых, проведение структурных реформ, основная цель которых — реорганизация социально-экономической структуры сельского хозяйства и создание крупных, рентабельных ферм на промышленной основе.

В первые послевоенные годы эта политика проводилась каждой страной самостоятельно. В начале 1970-х годов был принят «План Мансхольта», предлагавший сокращение за 1970-1980 гг. занятых в сельском хозяйстве на 5 млн. человек и сельскохозяйственных угодий на 12,5 га, тем самым увеличивая средние размеры ферм и их продуктивность. В качестве эталона аграрной структуры ЕС была взята структура США, которой присуща более высокая степень крупного капиталистического производства.

Сокращение происходило на добровольной основе при определенных финансовых стимулах. Впервые были предложены такие меры, как: субсидии за досрочный выход фермеров на пенсию, ограничение ввода новых земель в производство, расширение несельскохозяйственной деятельности и развитие информационных и консультационных услуг и маркетинга. Таким образом структурные реформы охватили не только само сельскохозяйственное производство и его «социальное лицо», но и все звенья АПК, чтобы весь комплекс стал неотъемлемой частью монополизированной экономики. Тем не менее ценовая поддержка оставалась центральной линией.

Влияние ЕАП оказалось настолько сильным, что уже с 1960-х годов производство стало так быстро расти, что к 1980-м годам Сообщество практически по всем продуктам достигло самообеспеченности продовольствием. Возникли крупные излишки и запасы продуктов питания.

Постепенно вместо крестьянских дворов — в маленькой деревушке в Кёрбеке в ФРГ или на севере Франции — появились крупные специализированные фермы и агрофабрики, использующие новейшие разработки техники, технологии и селекции, оснащенные энергией, химикатами, компьютерами, научными знаниями и информацией. Однако этот новый тип сельского хозяйства имел серьезные недостатки — он был создан в искусственном мире государственных защитных механизмов. Неограниченный рынок сбыта, гарантированный ЕАП, устанавливал *рост производства без учета возможностей реализации продовольствия и платежеспособного спроса в мире.*

Единая аграрная политика жестко критикуется как политика, приведшая сельское хозяйство Сообщества во многих отношениях к парадоксальной ситуации.

1. Расходы на проведение ЕАП выросли к 1987 г. до рекордной величины — 70 млрд. долл., поглотив примерно 2/3 всего бюджета Союза, что ставило ЕС на грань финансового кризиса и требовало срочного пересмотра ассигнований на аграрную политику. На сессии Европейского Сообщества в 1988 г. при крайне противоречивых позициях отдельных стран ЕС был принят ряд компро-

- миссных решений по вопросу формирования бюджета и ограничения расходов на ЕАП (в результате чего в 1990-х годах их удалось снизить примерно до 50 млрд. долл.).
2. Продовольствие производилось в огромных количествах — на 15–20% больше, чем ему нужно ЕС, но эти излишки не находили сбыта в мире ввиду недостатка финансовых средств у стран, которые хотели бы его закупить. Горы продовольствия лежали на складах ЕС, и их хранение требовало больших средств, а продажа могла вызвать резкое падение цен на рынке. Если бы такие темпы производства продовольствия сохранились в дальнейшем, то объем продовольственных излишков мог удвоиться.
 3. Парадокс заключался также в том, что, импортируя белковые корма из развивающихся стран, где их выращивание оттесняет производство зерновых, страны ЕС продолжали производить излишки мяса и молока. И такое положение было бы оправдано, если развивающиеся страны могли бы закупать эти продукты, чему препятствует недостаток средств у многих из них.
 4. Парадоксально и то, что из огромных сумм, направленных в сельское хозяйство, самым фермерам попадают в лучшем случае третья часть. В списке получателей государственных дотаций на первом месте стояли гигантские торговые синдикаты — экспортеры зерна, молока, мяса и масла и вина. Затем идут банки, получающие за хранение на складах продовольствия, которое невозможно сбыть, а также сами владельцы складов и холодильников. Хорошо наживались на этом монополии пищевой промышленности, особенно по производству сухого молока, мяса, вина и переработке фруктов и овощей. При этом субсидии молочной промышленности шли на создание гигантских установок, похожих на химические комбинаты, по выработке молочного порошка, который затем скармливается скоту, чтобы продолжать производить излишки мяса, молока и масла.
 5. Субсидии выделялись также на строительство установок по переработке сахарной свеклы и зерна в этанол. Подобные установки построены итальянской фирмой «Ферруцци Финанцария» — третьим по величине аграрным концерном мира. Так как получаемый таким способом этанол дороже бензина, ФЕОГА вынужден доплачивать концерну субсидии за его производство. А сегодня фермерам стало выгоднее продавать зерно на переработку в этанол, нежели использовать его в животноводстве.³

³ Кстати, та же проблема с кукурузой в США.

6. Из тех дотаций, которые все-таки доходили до фермеров, значительная часть средств оседала в крупных хозяйствах и агрофабриках. Обладая финансовой мощью, эти фермы могли снижать стоимость своей продукции и благодаря гарантированным ценам получать значительные прибыли.⁴
7. Однако абсурдность ситуации состояла в том, что, имея высокие показатели производства, они продолжали таким образом создавать излишки продовольствия, становясь виновниками дальнейших государственных расходов на хранение и сбыт этих излишков. Мелкие и средние производители, которых большинство и которые особенно нуждаются в финансовой помощи государства, получали из всей огромной суммы субсидий лишь незначительную часть и разорялись. Разорение наносит удар главным образом по семейным фермам, методы ведения хозяйства которых причиняют меньше ущерба окружающей среде.
8. Проблемы затрагивали не только фермеров. Решалась судьба целых аграрных районов. В результате усиления конкуренции со стороны крупного производителя обширные районы мелкого земледелия и скотоводства превращались в зоны депрессии. В Италии эта зона охватывает огромный пшеничный район в центре и на юге страны, во Франции под ударом оказались мелкие и средние хозяйства Бретани и Нормандии (1).

Нельзя не признать, что в ЕС, опасаясь дальнейшего усиления региональных диспропорций и обострения социальных проблем, не делали попыток перераспределения капиталовложений. В 1975 г. был создан Европейский региональный фонд развития (European Regional Development Fund — ERDF) для перераспределения общих средств ЕС в пользу развития беднейших регионов. В Италии, например, увеличились ассигнования на устранение отставания Юга, равно как и на проведение мелиорации в неблагоприятных районах Севера. О необходимости устранения региональных диспропорций говорилось в планах развития французской экономики.

Недостаточность инвестиций в «проблемных» районах признавали и официальные лица и различные комиссии ЕС. Однако констатация фактов не приводила к существенным переменам в рас-

⁴ Например, крупный немецкий фермер, имеющий 60 коров, производит молоко стоимостью 54 пфенингов за литр. В хозяйствах, имеющих 12 коров, себестоимость составляет 65 пфенингов за литр. Если молоко будет куплено государством по цене 70 пфенингов за литр, то крупный фермер будет богатеть, а мелкий — еле сводить концы с концами.

пределении государственных ассигнований, и ныне районы крупного производства, где для капиталовложений имеются лучшие условия с точки зрения их рентабельности, являются не только районами притяжения капиталов, но и зонами наибольших кредитов. Достаточно сказать, что в результате проведения ЕАП почти 80% бюджетных ассигнований ЕС было направлено на нужды 20% фермерских хозяйств, меньше всего в них нуждающихся и сосредоточенных в северном “волшебном треугольнике”, простирающемся от восточной Англии на северо-восток — к Дании и на юго-запад к Парижскому бассейну. В то время как Испания, Италия и Греция (на которые падает 2/3 агропроизводства ЕС) предпринимали тщетные усилия, чтобы средства ЕС были перераспределены в южном направлении.

Такая ситуация в сочетании с экономическим кризисом, ростом безработицы и обострением социальных проблем в 1980-х годах требовала пересмотра единой аграрной политики Евросоюза и решения трех принципиальных вопросов.

1. Стоит ли и впредь производить продовольствие децентрализованно, в бесчисленных крестьянских хозяйствах, или отдать снабжение продовольствием небольшому числу агрофабрик с их промышленными методами производства?

2. Нужно ли требовать, чтобы продукты питания были свежими и питательными и “химически чистыми”, т.е. свободными от химикатов, или достаточно, чтобы они были дешевыми, приспособленными для транспортировки и длительного хранения?

3. Нужно ли сохранять сельские районы в их нынешней форме культурного ландшафта, ухоженного фермерами, или передать производство специализированным агрофабрикам, превратив неиспользуемые земли в заброшенные пустоши, особенно вокруг городов и промышленных зон? (1).

Радикальная реформа ЕАП стала неизбежной. Начиная с 1992 г., было принято несколько решений по изменению самой концепции аграрного развития ЕС, основой которой ранее было достижение самообеспеченности и выход на мировые рынки. На первое место ныне выходят *экстенсификация производства, “экологически чистое” сельское хозяйство и развитие проблемных районов и сельских территорий.*

Важнейшими решениями были:

- план Мак-Шерри (май 1992 г.), частично перераспределивший бремя расходов ЕАП с потребителей на налогоплательщиков;

- Уругвайский раунд ГАТТ, вступивший в силу в 1995 г.⁵, по которому все нетарифные ограничения на торговлю должны быть переведены в тарифную форму, а уровень поддержки цен существенно снижен (решение не ЕС, но оно оказало важное влияние на реформу ЕАП);
- проект реформы ЕАП (1997) на период 2000-2006 гг. под названием «Повестка дня — 2000» (Agenda-2000);
- решение (1997) о расширении ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы, стран Балтии, Мальты и Кипра (теперь уже полноправных членов).

Главные изменения по плану Мак-Шерри — снижение цен поддержки на отдельные сельскохозяйственные продукты (зерновые, сахар, молоко, табак, говядина), приближающие их к мировому уровню и *введение прямого субсидирования*. Вместо интервенционных закупок средства теперь идут на «компенсационные выплаты», а поддержка цен производителей не является безусловной, как это было раньше. Для сокращения производства, кроме снижения цены поддержки, используются обязательные квоты и импортные тарифы.

Именно в плане Мак-Шерри впервые предусматривались агроэкологические меры. Для получения компенсационных платежей фермер должен выполнять определенные условия (вывести пашню из производства, снизить поголовье крупного рогатого скота и овец, использовать землю под лесопосадки и т.п.). В целом было принято 160 программ, нацеленных на применение технологий, сохраняющих окружающую среду, традиционные сельские ландшафты и природные ресурсы.

Произошла переориентация: во-первых, от регулирования цен на прямые выплаты производителям, во-вторых, от поддержки крупных коммерческих ферм на поддержку средних и мелких хозяйств, ведущих экстенсивное производство. Вновь прославляется семейное трудовое хозяйство как основа аграрной экономики и социальной стабильности в деревне. Пропагандируется привязанность крестьянина к политой потом дедов и прадедов земле, к родной местности.

Вместе с тем назревала необходимость дальнейшего реформирования ЕАП, потребность в которой была продиктована многими причинами:

⁵ требование выполнения соглашений последнего Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ГАТТ, на месте которого в 1995 г. возникла Всемирная торговая организация ВТО.

- субсидии сельскому хозяйству оставались всё ещё очень большими (около 50% стоимости его продукции — почти половину бюджета ЕС), (1,2,10);
- потребители платили более высокую цену (почти в два раза выше) за продовольствие — отчасти потому, что большие средства шли на субсидии фермерам, частично из-за того, что конкуренция с иностранными производителями затруднена барьерами (тарифами); особенно страдало население с низкими доходами⁶;
- излишки продовольствия могли возникать снова и вызывать чрезмерные затраты бюджетных средств;
- требования ГАТТ о поэтапном снижении экспортных субсидий (расходов — на 36%, количество субсидированных продуктов — на 20%);
- неравномерное распределение сельскохозяйственной поддержки между регионами и производителями приводило к уменьшению роли сельского хозяйства в одних областях и применению чрезмерно интенсивных методов сельского хозяйства в других, порождая экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, заболевания животных и снижение безопасности продовольствия);
- усложнение и бюрократизация управления ЕАП в связи с постоянным расширением ЕС в такой степени, что порой документы были мало понятны;
- предстоящее расширение ЕС за счет стран ЦВЕ, экономика которых в сильной степени зависит от сельского хозяйства.

Дальнейший пакет реформ аграрной политики ЕС «Повестка дня-2000» определяет модель европейского сельского хозяйства на 2000–2006 гг. Приоритетные цели новой ЕАП — обеспечение конкурентоспособности европейского сельского хозяйства на мировом уровне *за счет сближения с мировыми ценами*; расширение внешнего рынка; контроль за производством и чрезмерным ростом бюджетных расходов.

Декларируется также содействие подъему определенных отраслей и *развитию конкретных регионов*, особенно неблагоприятных с

⁶ ЕАП препятствует экономическому росту развивающихся стран. С одной стороны, фермеры этих стран не могут продать свою продукцию в ЕС по конкурентоспособным ценам, так как их продукты наталкиваются на барьеры, с другой — фермеры ЕС пользуются экспортными субсидиями, позволяющими фактически понижать цены мирового рынка за пределами ЕС.

точки зрения агроклиматических условий. ЕАП должна служить *защите окружающей среды, поддержанию природных ландшафтов и сельской местности; способствовать качеству и безопасности продовольствия, учитывать социальные аспекты.*

Новая аграрная политика ЕС построена на более существенной финансовой помощи в виде субсидий и премий:

- фермерам, применяющим “экологически чистые” технологии и участвующим в лесопосадках;
- семейным фермам;
- мелким фермам, расположенным на трудно обрабатываемых и мало плодородных землях — независимо от количества произведенной ими продукции;
- за качество, а не за количество произведенной продукции;
- за отказ от интенсивного ведения хозяйства;
- за полное изъятие земли из оборота;
- за внедрение новых сортов и культур;
- за перепрофилирование производства на другие виды деятельности;
- предприятиям, использующим аграрную продукцию в качестве сырья для промышленности, а биомассу — для производства энергии;
- мелким и средним фирмам, занимающимся сбытом и распределением агропродукции;
- фермерам, хозяйства которых находятся в проблемных районах, имеющих уровень ВВП на душу населения ниже 75% от соответствующего показателя для ЕС в целом.

На период 2000–2006 гг. треть бюджета ЕС предназначалась для менее преуспевающих регионов и социальных групп. Средства структурных фондов распределились следующим образом: 70% — районам, чье развитие отстает от среднего уровня (в них проживает 22% населения ЕС)⁷; 11,5% — на экономические и социальные преобразо-

⁷ Структурные фонды охватывают Грецию, Португалию, некоторые районы Испании, французские заморские владения, районы южной Италии и северной Ирландии. Однако эти меры не должны стимулировать перепроизводство продукции, чтобы не допустить дальнейшего роста несбалансированности внутреннего продовольственного рынка ЕС и возникновения в будущем на юге ЕС многих аграрных проблем, которые до сих пор переживают северные развитые сельскохозяйственные регионы.

Для стимулирования экономического и социального развития стран ЦВЕ, претендующих на вступление в ЕС, в 1999 г. была создана программа финансирования структурной политики для подготовки стран ЦВЕ к вступлению в ЕС

вания в районах, испытывающих структурные трудности (18% населения ЕС); 12,3% — на модернизацию систем профобучения и повышение занятости (9).

По развитию сельской местности были предприняты уже известные методы, как продолжающие реформы 1992 г. (предпенсионное регулирование, охрана окружающей среды, содействие лесоразведению и поддержка слаборазвитых областей сельской местности), так и новые — по модернизации и диверсификации сельскохозяйственных, перерабатывающих и складских предприятий (содействие инвестициям, создание филиалов для молодых фермеров, повышение квалификации и переподготовка) и по изменению всей структуры сельского хозяйства в целом. Субсидии предоставляются только прибыльным предприятиям, владельцы которых имеют профессиональную квалификацию и выполняют установленные требования охраны окружающей среды, гигиены и защиты животных. Она не может превышать 40% стоимости капиталовложений, а в областях с благоприятными агроклиматическими условиями — 50%. (9).

Предпенсионное регулирование предполагает, что фермеры в возрасте 55 лет (а таких в ЕС большинство), т.е. еще не достигшие пенсионного возраста, имеют возможность получать хорошее пособие. Это относится ко всем сельскохозяйственным работникам, в т.ч. и членам семьи фермера и наемным работникам. Размер пособия зависит от рентабельности предприятия и включает плату фермерам за использование сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных целей (посадки леса, создание заповедника и т.п.). Фермеры до 75 лет могут получать пособие в 15 тыс. евро в год (максимум 150 тыс.). Если фермеру уже выплачивается пенсия, то пособие выдается как дополнительная пенсия. Остальные категории сельскохозяйственных работников могут получать до достижения пенсионного возраста пособие до 3,5 тыс. евро в год.

Фермеры, занятые не менее пяти лет «экологически чистым производством», вправе рассчитывать на субсидию, которая выплачивается им за сохранение экологически ценных природных областей и ландшафтов. Здесь выплаты не могут превышать 600 евро на период полного технологического цикла в расчете на гектар посевов или 900 евро на гектар посевов одной сельскохозяйственной культуры в год

(Instrument for Structural Policies for pre-Accession — ISPA) и Специальная программа развития сельского хозяйства и сельских регионов (SAPARD) как дополнение к программе ФАРЕ. На развитие сельской местности предусмотрены постепенные прямые выплаты в течение 10 лет: 25% в 2004 г., 30% — в 2005 г., 35% — в 2006 г. и лишь в 2013 г. все 100%, но всё же основные траты будут нести сами «новички» (4).

В районах с неблагоприятными условиями ведения эффективно-го производства (например, в горной местности) фермеры получают субсидии за сохранение ландшафта и окружающей среды. В зависимости от экономической ситуации в регионе, состояния экологии и типа сельскохозяйственного предприятия выплаты составляют от 25 до 200 евро на 1 га сельскохозяйственных угодий (9).

Для молодых фермеров (не старше 40 лет), имеющих достаточную квалификацию и впервые ставших главой предприятия, устанавливаются особые субсидии в виде однократной выплаты до 25 тыс. евро, либо в виде дотаций займа для работы предприятия. При этом, предприятие должно быть жизнеспособно, соблюдать минимальные требования охраны окружающей среды, гигиены и защиты животных.

Уделено также внимание переработке и сбыту продукции. Эффективно работающие предприятия могут получать дотации в виде инвестиций (максимально 50% общего объема инвестиций в главных сельскохозяйственных районах, в остальных — до 40%) (4).

Пособия могут выдаваться на другие виды деятельности в сельской местности, связанные с ее развитием. Например, на создание региональных представительских культур, модернизацию инфраструктуры деревни, охрану культурных достопримечательностей, развитие народных промыслов, туризма и т.п.

Новая ЕАП сопровождалась упрощением правил регулирования сельского развития, отказом от большого количества инструкций. Законодательство стало более ясным. Что касается механизмов ЕАП, значительных изменений «Повестка дня-2000» не предусматривала, хотя отдельные интервенционные цены предполагались.

«Повестка дня-2000» — крупнейший проект и пакет реформ в ЕС, который постоянно дебатировался и под давлением различных обстоятельств видоизменялся. В 1999 г. руководством ЕС принято решение о значительном сокращении расходов на регулирование единого аграрного рынка и его постепенной либерализации.⁸ Стратегический курс на снижение субсидирования агропроизводства в объединенной Европе строго выдерживается.

Однако вопрос о кардинальном изменении всей аграрной политики Евросоюза, в частности, *полной ликвидации экспортных субсидий и торговых ограничений и полной либерализации торговли*, оста-

⁸ Предполагалось постепенное снижение уровня субсидий на гарантированные закупочные цены на зерновые на 15% (субсидии на поддержку рынка зерновых ЕС составляли до 40 % общего бюджета), на говядину — на 20% и на молоко — на 15% (4).

ется нерешенным. Аграрная политика ЕС стала предметом особенно острых дискуссий на международных переговорах в рамках, так называемого, Уругвайского раунда, начатых еще в 1986 г, но так и безуспешно завершившихся в 1990 г. Страны ЕС согласились на постепенное снижение экспортных субсидий лишь на 30% (3).

Благодаря ЕАП сельское хозяйство Евросоюза добилось очень больших успехов. Традиционный сектор с массой мелких, отсталых и бедных крестьянских хозяйств уступил место современному АПК, обеспечивающему население продовольствием и имеются излишки продукции. По всем основным и по большинству других видов продовольствия и агропродукции ЕС давно достиг полной самообеспеченности при определенной специализации отдельных стран или групп на производстве тех или иных видов.

В результате проводимой сообща аграрной политики основной костяк хозяйств модернизировался за счет внедрения новых норм, направлений: постоянно проводилась механизация, росло производство удобрений и кормов. Большое внимание наднациональные органы Европы уделяли и продолжают уделять селекции новых сортов различных сельскохозяйственных культур, генетике, модернизации агротехники, управлению. Успехам ЕАП во многом способствовали особенно активные меры стран-участниц в модернизации аграрной отрасли, в т.ч. переработке и сбыте сельхозпродукции, денежной компенсации неблагоприятных природных факторов, привлечении в аграрный сектор молодых специалистов.

ЕС вырос во второго сельскохозяйственного экспортера в мире. К качеству продовольственного обеспечения добавилась относительная стабильность цен. Сегодня в европейских странах, по мнению экспертов, на продовольственные товары семьи тратят в среднем лишь 15% своего бюджета.

Однако эта огромная система уже не может функционировать без государственных дотаций. Она требует постоянного активного вмешательства. Необходимо поддерживать рынки и регулировать цены, поощрять капиталовложения, субсидировать то или иное производство, которое нуждается в подъеме, помогать ликвидировать последствия стихийных бедствий и т.п.

С течением времени такая политика огромных государственных затрат — “наркотиков” сельскому хозяйству ЕС выглядит все большим анахронизмом. Все труднее доказывать налогоплательщикам, что фермеры находятся в особом положении и что поэтому они должны получать часть доходов с потребителей и налогоплательщиков.

Литература

1. *Аксенова Л.А.* Некоторые аспекты государственной аграрной политики в странах ЕЭС/Региональные проблемы управления хозяйством (зарубежный опыт), М. 1990, с. 115.
2. Документы Европейской Экономической Комиссии (КЕС).
3. Европейский Союз: Факты и комментарии /Институт Европы РАН.
4. Корольков А. ЕС: сельское хозяйство и аграрная политика //Современная Европа, 2002. №4, с. 90.
5. LEurope, Brussels, 2003. №1.
6. *Серова Е.В.* Аграрная экономика. 1999, М., с. 315.
7. Agricultural policies, Markets and Trade in OECD Countries: Monitoring and Evaluation. Paris: OECD.
8. ЕС. «Agenda — 2000». Brussels, 1999-2006.
9. Monthly Bulletin of Agriculturals and Statistics, U.N. Rome (комплекты за год).
10. The Common Agricultural Policy/ Ed. by C. Ritson, D.R. Harvey. CAB International, 1997.
11. *Tracy M.* Agricultural Policy in the European Union and Other Market Economies. Brussels: EU, 1997.

Палилов Д.Е.

Спортивно-промышленный комплекс: соотношение Севера и Юга*

Спорт — это не только универсальный культурный феномен. В современном обществе это еще и сфера корпоративных интересов. Большое влияние на доступность спорта для населения, его разнообразие и качество спортивной инфраструктуры имеет уровень развития национальной экономики. Основные игроки в экономике спорта — государство и предприниматели, фирмы, определяющие в конечном итоге спорт как государственную политику или разновидность бизнеса. Конечно, госполитика в области спорта и спортивная промышленность как таковая — явления разных порядков, но они взаимозависимы через систему управляющих и контролирующих органов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398).

бизнес-сообщество и СМИ. В целом усилия как государственных, так и негосударственных институтов оказались недостаточными для противодействия излишней коммерциализации спорта во многих странах мира, особенно экономически высоко развитых. В этих странах спорт ассоциируется с бизнесом уже достаточно давно, но целенаправленное развитие спорта исключительно для получения прибыли — явление относительно новое.

Превращению спорта в одну из наивыгоднейших сфер приложения мирового капитала способствовало укрепление неолиберальной парадигмы в мировой экономике с начала 1980-х годов, что определенным образом повлияло и на некоммерческий любительский спорт. Современный мировой спорт — это, прежде всего, соотношение многочисленных социальных, политических и экономических отношений и процессов: центра и периферии, мировых трудовых миграций, отраслей промышленности и многонациональных корпораций (МНК), мировых и национальных СМИ, систем районирования и даже защиты прав потребителей. Проводимые социологические исследования крупномасштабных спортивных мероприятий, особенно мирового футбола — флагмана спортивных состязаний, выявляют устойчивые связи между мировым спортом и структурами и процессами глобализации.

Приток капитала породил формирование большого треугольника мирового спортивно-промышленного комплекса: мировые СМИ, международные спортивные организации и многонациональных корпорации по производству спортивной экипировки. Так же, как военно-промышленный комплекс влияет на государственную политику отдельной страны, спортивно-промышленный комплекс воздействует на образ жизни миллионов людей по всему миру. Это воздействие проявляется в различиях стилей потребления, процессов производства, маркетинга и управления. Именно процесс глобализации преобразует мировые спортивные состязания, все больше подчиняя их законам рынка.

Достаточно беглого взгляда на статистику доходов от спортивных состязаний, чтобы убедиться в прочной связи последних с крупным капиталом. Все же фактический размер рынка спортивных товаров и услуг едва поддается оценке. Если достаточно схематично описать экономику спорта, она включает любое движение капитала между потребителями, коммерческими спортивными клубами, спортивными центрами и спортивными организациями, производителями и продавцами спорттоваров, спортивными отделами СМИ, а также другую экономическую деятельность по предоставлению товаров и услуг спортивному сектору или обеспечению потребления товаров и услуг, связанных со спортивными мероприятиями. Для полноты описания следует также учесть деятельность некоммерческих организаций (например, любии-

тельских спортивных клубов) и социальные программы (например, программы по развитию здравоохранения и образования).

Исследования спортивного сектора мирового хозяйства говорят о его росте в большинстве регионов мира. Если еще в 1970-е годы совокупные спонсорские расходы на спортивные мероприятия составляли 5 млн. долл., то к началу XXI века эта цифра увеличилась до 20 млрд. долл. [1]. За продажу прав на трансляцию Олимпийских игр в Токио в 1964 г. организаторы получили 1,6 млн. долл. (благодаря первому спутниковому вещанию со спортивных состязаний), за прошедшие 40 лет этот показатель возрос на порядок — до 1,5 млрд. долл. (Олимпийские игры в Афинах в 2004 г.). Аналогично росли доходы Международной федерации футбола (ФИФА) от продажи прав на трансляции матчей и взносов спонсоров. В 1989 г. — 6,4 млн., в 1997 — 23 млн., а в 1998 уже 282 млн. долларов. В 2002 г. ФИФА заработала 653 млн., а совокупный доход за период 1999–2002 годов составил 1,8 млрд. долларов. В целом продажа прав на трансляцию матчей значительно увеличила доходные статьи бюджета, как национальных спортивных мероприятий, так и международных турниров, и уже в начале 1990-х годов обошла по доходности, например, продажу билетов на матчи.

Таблица 1

Доходные статьи Олимпийского бюджета (в млн. долл. США)

Статья доходов	1993-1996	1997-2000	2001-2004
Права на телевещание	1521	1845	2230
Программа официального партнерства	279	579	663
Спонсорская помощь	534	655	796
Продажа билетов	451	625	411
Выдача лицензий	115	66	87
Итого	2630	3770	4187

Источник: [2].

В последние годы спонсорская помощь и отчисления за рекламу товаров, ассоциируемых с определенным игроком или командой, а также сдача в аренду спортивных помещений и их нецелевое использование (например, для корпоративных собраний или свадеб) стали главными источниками дохода спортивных организаций. Хотя продажи прав на трансляцию — все еще самый важный источник дохода Международного Олимпийского Комитета (МОК), самые высокие темпы роста дохода по прошлым трем Олимпийским циклам пришлись на Программу официального партнерства (ПОП) (Табл. 1). И МОК, и ФИФА предоставляют своим официальным партнерам права

на маркетинг по всему миру, тогда как официальные поставщики имеют права на маркетинг лишь в стране-организаторе спортивного мероприятия. Спортивные события, особенно освещаемые мировыми СМИ, служат великолепными рекламными площадками, соединяя производителей ТНП с их потребителями. Следуя этой логике, компания «Кока-Кола» спонсировала футбольные турниры в Китае уже с 1982 г., а ее главный конкурент «Пепси-Кола» вслед за «Филип Моррис Табакко» стала главным спонсором профессиональной футбольной лиги Китая с 1998 по 2003 г. По прогнозам, Летние Олимпийские игры в Пекине принесут более 663 млн. долларов.

Государство и особенно местные власти не остаются вдали от процесса коммерциализации спорта, разделяя финансовые риски при инвестировании общественных средств в развитие профессионального спорта. Еще каких-то 30 лет назад едва ли можно было рассматривать важнейшие мировые спортивные события — летние Олимпийские Игры и Кубок мира по футболу как средство извлечения прибыли. Олимпийские игры 1976 г. в Монреале были в значительной степени профинансированы общественными фондами и закончились финансовым фиаско для города-хозяина. Но после того как в 1984 г. Игры в Лос-Анджелесе впервые показали, что мировые спортивные состязания могут существенно пополнить бюджет, последующие мероприятия приобрели национальный статус и были включены в государственные программы по развитию территорий [3]. С тех пор общественные инвестиции в спортивную инфраструктуру и мероприятия как таковые заняли ведущие позиции в экономической политике общества потребления во многих странах. Изучение экономики спорта в Японии, где проходили матчи Кубка мира по футболу 2002 г. [4], показали, что перспективы экономического роста за счет принятия гостей крупномасштабных спортивных состязаний, последующее увеличение притока туристов и улучшение имиджа страны побудили многие муниципалитеты вкладывать деньги в новые спортивные сооружения и спортивные команды. Японские исследовательские институты прогнозировали пополнение бюджета за счет проведения Кубка мира на 3,6 трлн. йен. Проведение мероприятия принесло 1 млрд. йен, но все совокупные инвестиции за шесть предшествующих лет превысили 1 триллион йен. Затраты оказались чрезмерными и ненужными для проведения последующих игр национальной футбольной лиги, но все сверхоптимистические прогнозы были позабыты ко времени проведения соревнований. В целом социологические и экономические исследования указывают на то, что вложение средств в спортивную инфраструктуру и сами мероприятия не создают соизмеримый экономический эффект, а лишь предпосылки для последнего.

Процессы концентрации управления, прав собственности и финансовых потоков вышли за национальные границы и несут во многом негативные последствия для самих спортивных состязаний. Теперь доступность и качество спорта, равно как и призовые выплаты, определяет рынок, поскольку в эпоху глобализации сами состязания превратились в товар и объект спекулятивных интересов. Конкурентоспособность отдельных команд, национальных объединений и даже целых видов спорта также обусловлена рыночными условиями. Национальные и местные виды спорта, равно как и все виды состязаний, не привлекающие большого числа зрителей, находятся под угрозой исчезновения, поскольку они не освещаются ТВ и получают довольно скромное финансирование. А, например, футбол стал действительно мировым видом спорта, в который играют сотни миллионов, а смотрят миллиарды (финал Кубка мира в 2002 г. посмотрели более 1,1 млрд. чел.), даже в ООН состоит меньшее количество стран, чем в ФИФА. Первая двадцатка самых прибыльных футбольных клубов планеты (учитываются доходы от продажи билетов, рекламы, продажи товаров, отчислений за телетрансляции и нецелевое использование стадионов) целиком состоит из европейских клубов. Английские клубы занимают первые восемь позиций, итальянские — пять, по две на Германию, Шотландию и Испанию и один клуб из Франции.

Главенствующее положение Европы в мировом футболе во многом объясняется незначительным интересом к этой игре самого крупного спортивного рынка в мире — Северной Америки. Однако в мировом спорте в целом распределение спонсорской помощи еще дальше от совершенства, да и темпы роста спортивной промышленности также значительно разнятся по регионам. В 1998 г. из совокупной спонсорской помощи для проведения спортивных мероприятий 37,8% были потрачены в Северной Америке, еще 36,4% — в Европе и 20,8% в Азии. Географические различия в формировании специфического мирового спортивного рынка также проявляются в лидирующей роли США, следовании за ними Европы и незначительной доли Ближнего Востока и Африки. А вот Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) (без США и Канады), концентрирующий треть мирового населения, использует лишь 12% всех спортивных товаров и услуг. Впрочем, темпы роста этого региона прогнозируются максимальными главным образом из-за роста китайской экономики и скором проведении Олимпийских игр в Пекине.

Различия в распределении дохода от спорта и связанной с ним деятельностью отрицательно сказываются на обустройстве и обслуживании спортивных сооружений в странах мировой спортивной периферии. Одно из редких исследований по развитию спорта в развивающихся странах, проведенное ЮНЕСКО в 1995 г. выявило, что в 16 из наиме-

Таблица 2

**Региональные черты мирового спортивного рынка
в 2003 и 2008 (прогноз) (в млрд. долл. США)**

Регион/ Страна	2003	2008	Среднегодовой прирост (%)
Мир в целом	74,6	102,5	6,6
США	39,6	55,4	7,0
ЕБВА	20,9	27,5	5,6
АТР	11,2	15,8	7,1
Латинская Америка	2,3	3,0	5,5
Канада	0,7	0,9	4,3

ЕБВА — Европа, Ближний Восток, Африка. Источник: [5].

нее развитых стран было в среднем 71 футбольное поле, 31 волейбольное, 13 легкоатлетических сооружений и 3 плавательных бассейна на страну [6]. Одна из стран вообще не имела стадиона для массовых мероприятий, соответствующего международными нормами и правилам. Но и сами спортивные состязания мирового уровня не проходят в этих странах, поскольку требуют значительных финансовых расходов со стороны правительства страны-хозяина. Недостаток спортивных сооружений сопровождается недостатком человеческих ресурсов. В начальной школе одной из рассматриваемых стран вообще не было уроков физкультуры; еще в трех — по одному часу в неделю, в других 2-3 часа в неделю. Но из-за недостатка преподавателей, плохих программ преподавания и элементарного отсутствия оборудования и эти часы учебной программы едва ли выполняются. Поскольку занятия спортом в детстве влияют на дальнейший выбор спорта в качестве карьеры, не удивительно, что доля участия в спорте (рассчитываемая по членству в спортивных организациях) населения развивающихся странах находится в диапазоне от 0,01 до 1%, по сравнению с европейскими нормами в 20–25% [6]. Сталкиваясь с подобными проблемами, эти страны зависят от иностранной помощи: инвестиций, импорта спортивных товаров и оборудования и зарубежного спонсорства.

Еще одной проблемой, порожденной современным этапом развития мирового спорта, является миграция игроков из-за разницы в оплате труда, иногда двадцатикратной и более. Все развивающиеся и бывшие социалистические страны сегодня используются как своеобразные «колыбели» спортивных талантов и их огромные «кладовые», готовые к освоению. «Утечка мускулов» подрывает спортивную мощь государства и ставит вопрос о необходимости введения определенных стандартов подобной «торговли» [6]. Международные миграции более всего затрагивают игроков молодежных сборных. Большинство

уехавших в европейские клубы не подписывают надлежащий контракт и остаются без источника дохода и какой-либо помощи, если их мечты не осуществляются. Находясь вдали от родных и друзей, часто спортсмены полностью зависят от своих агентов. В том случае, если мигранты играют в клубах, не присоединившихся к спортивной федерации их родной страны, любые перемещения возможны лишь через сеть нелегальных спортивных агентств. По некоторым данным, более чем 2 200 иностранных игроков в Италии были ввезены в страну с использованием незаконных каналов, а более 4 000 из общего числа спортсменов в возрасте от 6 до 16 лет иммигрировали из Латинской Америки и Африки [6]. Агенты игрока получают до 50% заработной платы и выплаты за любые переходы из клуба в клуб своего клиента, и наряду с хозяевами западных спортивных клубов являются главными спекулянтами на рынке спортивной рабочей силы. Невольно напрашиваются сравнения с неокOLONиальным разделением труда. Страны Юга — главные поставщики рабочей силы, которая перемещается в страны Севера для извлечения дополнительной прибыли.

Коммерчески ориентированный спорт подвергает опасности саму этику спортивных мероприятий. Современная «работоторговля» в футболе даже побудила ФИФА раскритиковать европейские клубы за их методы в необычно резких выражениях. Еще одна этическая и экономическая проблема — это коррупция, поскольку большие деньги, циркулирующие вокруг спортивных мероприятий, роднят последние с индустрией азартных игр. В 2005 г. в немецкой Бундеслиге разгорелся скандал из-за подкупленного рефери, но в Китае, Малайзии и других азиатских странах такая практика в профессиональном футболе хорошо известна. Футбольные клубы Греции оказались замешаны в неприятные истории, касающиеся взяток, корпоративных сговоров и спонсирования футбольных хулиганов. Кроме того, футбольные клубы, очевидно, используются как средство «отмывания» криминальных денег, сотнями миллионов евро инвестируемых в спортивные клубы. Справедливая игра часто становится заложницей своеобразного девиза: «Победа любой ценой». Большие деньги и перспективы большого спорта часто заставляют родителей делать все, чтобы их дети стали профессиональными спортсменами. Но на этом пути до вершины доберется лишь малая часть, и на каждого нового известного атлета приходится тысячи несумевших достигнуть таких высот. Употребление наркотиков как способ справиться со все возрастающим давлением со стороны конкурентов характерно как для спортсменов-любителей, так и для профессионалов. В то же время допинг — постоянно разрастающаяся и пока нерешенная проблема — удел профессиональных спортсменов.

Наконец, один из главных показателей неравенства распределения финансовых и трудовых ресурсов — высокая степень концентрации мирового рынка спортивной одежды и оборудования. В 2002 г. мировой рынок спортивной одежды и обуви оценивался в 58,4 млн. долл. (по оптовым ценам), но на долю США и Европы приходилось более 75%.

Таблица 3

**Мировой рынок спортивной одежды и обуви в 2002 г.
(млрд. долл. США)**

Регион/ Страна	Мир в целом (100%)	США	ЕС	Азия	Остальные
Одежда	41,5	16,7 (41%)	15,3 (38%)	6,3 (16%)	2,1 (5%)
Обувь	17,0	7,8 (47%)	5,0 (31%)	2,7 (16%)	1,2 (6%)
Итого	58,4	24,5 (42%)	20,3 (35%)	9,0 (16%)	3,3 (7%)

Источник: [7].

Производство спортивной одежды и обуви — пример потребительски ориентированной товарной цепочки, которая соединяет маркетинговые и торговые компании экономически развитых стран с производителями в развивающихся странах, использующими дешевую рабочую силу. Согласно этому разделению труда, ведущие мировые спортивные фирмы занимаются закупками, организацией производства и маркетинговыми исследованиями, а сами товары изготавливаются подрядчиками и субподрядчиками в развивающихся странах. Лидеры рынка спортивных товаров хорошо известны, и, несмотря на целую череду взаимных слияний и поглощений, конкуренция на этом рынке не уменьшается. Штаб-квартиры подобных многонациональных корпораций располагаются в экономически развитых странах ближе к рынкам сбыта, а само трудоемкое производство переместилось в развивающиеся страны. Низкая заработная плата и немногочисленные льготы, отсутствие профсоюзов и более низкие стандарты безопасности, защиты окружающей среды и здравоохранения — вот главные факторы миграции производства. Например, трудовые затраты на кроссовки, продающиеся в США за 70 долл., составляют лишь 1,66 долл.

«Найк», «Рибок» и «Адидас» контролируют примерно 14% мирового рынка спортивной одежды. На рынке спортивной обуви следует говорить об олигополии, поскольку эти же три фирмы контролируют 60%. Взаимоотношения основных конкурентов «Найк» и «Адидас» (бренды категории А) часто описывают как «войну брендов». Во многом именно это противостояние побудило «производителей без производства» оставить за собой главные маркетинговые и управленческие функции и закрыть все имев-

шиеся фабрики, перейдя к методу аутсорсинга. В 1993 г. закрытие немецких фабрик фирмы «Адидас» повысило маркетинговый бюджет в 4 раза со 100 до 400 млн. долл. В 2000 г. расходы «Найк» на маркетинг перевалили за миллиард, а у конкурента — 775 млн. долл. Заметно меньшую, но все же внушительную сумму на подобные расходы тратили фирмы «Пума» и «Мизуно» (Япония) — 107 и 81,6 млн. долл. соответственно [7].

Как и брэнды категории А «Найк» и «Адидас», компании «Пума», «Фила», «Лотто», «Умбро» и «Каппа» (брэнды категории Б) также не имеют собственных производств. «Асикс», «Мизуно» и другие компании из двадцати лучших производителей спортивной одежды все больше изделий получают от иностранных поставщиков. Согласно оценкам фирмы «Адидас» [7], отношение числа рабочих, нанятых корпорациями, к рабочим, нанятым субподрядчиками на рынке спортивной одежды — 1:20. Исследования «потогонных» производств легкой промышленности выявило широко распространенные нарушения трудовых прав и соглашений МОТ. Подавляющее большинство рабочих этой отрасли в развивающихся странах — женщины моложе 25 лет, иногда даже существенно младше. Крайне низкие стандарты безопасности, излишняя продолжительность рабочего дня, навязанные сверхурочные часы, отсутствие выплат по утрате здоровья, социального обеспечения и профсоюзного движения, минимальная оплата труда и необоснованно высокие трудовые нормы — типичные черты предпринимательской стратегии низких издержек. МНК на правах более сильного игрока на рынке навязывают свои условия и сроки более слабым поставщикам. Именно МНК считаются основными эксплуататорами трудовых ресурсов стран «третьего мира», усиливающими разрыв между Севером и Югом. После массовых протестов потребителей компании брэндовой категории А впервые разработали «Политику социальной ответственности» и «Кодексы поведения» для улучшения условий труда, сопроводив их программами по внутреннему аудиту этих условий. Компании брэндовой категории Б и в значительной степени неизвестные азиатские компании типа «Ли Энд Фунг» или «Уйе Уейн» пока уклонились от принятия подобных кодексов, хотя в основном используют те же самые методы. «Ли Энд Фунг» (Китай), «Три-Стар» (Шри-Ланка) и «Раматекс» (Малайзия) принадлежат азиатским МНК, которые выполняют управленческие функции в цепочке поставок для многочисленных брэндов, вкладывающих капитал в производство не только в Азии, но в Южной Америке и Африке. Совокупная чистая прибыль тайваньской «Поу Чен» и китайской «Уйе Уейн» больше аналогичного показателя любого мирового производителя спортивной обуви (за исключением «Найк»). При этом компания «Поу Чен» контролирует 16% мирового рынка фирменной спортивной обуви, а компания «Уйе Уейн» является самым большим в мире производителем спортивной обуви, на ее долю приходится каждая шестая пара открытой спор-

тивной обуви более чем 30 различных марок. Олигополия на рынке компонентов спортивных товаров противодействует появлению новых игроков и передает контроль над товарными цепочками в руки мировых поставщиков. Растущая мощь азиатских МНК в пределах товарных цепочек промышленности спортивной экипировки позволяет усомниться в мощи и динамике всей системы.

Спорт становится все более важным средством продвижения культуры массового потребления. Идущий процесс гиперкоммерциализации спортивных состязаний — следствие кризиса фордистской системы производства и наступления глобальной экономики. Спорт больше не рассматривается как часть государственной политики повышения благосостояния всех граждан. Как следствие, коммерческие фирмы и неправительственные организации заменяют государство в роли основного организатора массовых спортивных состязаний. Политика либерализации ослабила регулирование экономики и трудовых отношений, что облегчило приток иностранного капитала в спорт, привела к господству интернациональных СМИ на прежде государственных рынках, усилила миграцию спортивных талантов и углубление нового международного разделения труда. Экономическая политика центра поощряет миграцию производства в страны мировой периферии, в то время как сам центр оставил за собой развитие сферы услуг и навязывание идеалов общества расширенного потребления. Очевидно, что коммерциализация спортивных состязаний неизбежна, равно как и развитие сформировавшегося мирового спортивно-промышленного комплекса.

Литература и Интернет-ссылки

1. http://www.networkideas.org/news/jun2003/news05_Corporate_Interest_Sports.htm
2. *Harvey David* «The Conditions of Postmodernity». Oxford: Basil Blackwell, 1989 — 229 p.
3. *Andranovich Greg, Burbank Matthew and Heying Charles* «Olympic cities: lessons learnt from mega-event politics» // «Journal of Urban Affairs» 23/2, 2001 — pp. 113-131.
4. *Horne John and Manzenreiter Wolfram* «Accounting for mega-events: real and imagined impacts of the 2002 Football World Cup finals on the host countries Japan/Korea» // «International Review for the Sociology of Sport» 39/2, 2004 — pp. 187-203.
5. www.pwc.com/Extweb/indissue.nsf/docid/
6. *Andreff Vladimir* «The Taxation of Player Moves from Developing Countries» // Rodney Fort & John Fizez «International Sports Economics Comparisons», Westport & London: Praeger, 2004 — pp. 87-103.
7. <http://www.fairolympics.org/en/index.htm>

Демьян Беляев

География эзотерического знания в современной России

После смены политического режима в России в начале 1990-х гг. не одни только уже давно существовавшие на ее территории конфессиональные и религиозные группы (православная церковь, мусульмане, протестанты и т.д.) вновь набрали силу и попытались заполнить оставшийся от старой системы «духовно-идеологический» вакуум. Многочисленные духовные учения, которые в современной научной и общественной среде сопровождаются понятиями «эзотерика», «эзотерическое знание», также предложили свои взгляды на смысл жизни и обращение с жизненными проблемами широким массам населения. Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить краткий анализ характера распространения ставших столь популярными в сегодняшней России различных форм эзотерического знания.

Границы понятия «эзотерическое знание»

Уже ввиду того обстоятельства, что согласно недавнему репрезентативному опросу в России 69% населения верят в существование Бога или Высшей Силы, а 58% полагают, что некоторые люди способны правильно предсказывать будущее, вопрос о роли эзотерического знания имеет значительную научную и общественную важность. Но что именно понимать под выражениями «эзотерическое знание», «эзотерика», «эзотеризм»? В данной статье мы будем для упрощения использовать эти три понятия как синонимы (хотя некоторые исследователи присваивают каждому из них особый смысловой оттенок — см. напр. [1, с. 151]), рассматривая эзотеризм как определенное «пространство» учений и представлений об устройстве мира и человека, *альтернативных* по своему содержанию науке и традиционным религиям. В силу специфики этих учений их можно условно поместить «между» наукой и религией, особенно если мы возьмем на вооружение представление о науке, религии и эзотерике как об отдельных друг от друга *смысловых контекстах*, каждый из которых базируется на своем наборе априори непроверяемых аксиом и исходя из них истолковывает, интерпретирует все остальные феномены мироздания. Впервые понятие «*смысловой контекст*», в том числе и применительно к эзотерике, было использовано в конце 80-х гг. немецким социоло-

логом Х. Штенгером [2]. Примерно то же самое имеет в виду российский исследователь новых религиозных движений Е. Балагушкин, определяя эзотерику как особую «концептуально-доктринальную *форму общественного сознания* (курсив мой — Д.Б.), продуцирующую прагматические модели объяснения и деятельности» — и при этом такую форму, которая «противостоит всем другим сразу» [3, с. 217, 215].

Естественно, что в этой ситуации каждый из смысловых контекстов должен как-то интерпретировать остальные. Примеров попыток такой интерпретации можно привести множество. Так, религия рассматривает науку, например, как учение о законах функционирования материального мира, созданного Богом. Наука склонна рассматривать эзотеризм как форму религии. Религия объявляет его «сектантством», «ересью», а то и прямо чем-то «от нечистого»; издаются даже специальные антисектантские справочники [4, 5]. Сам же эзотеризм считает себя наукой, но и свою непротиворечивость с религией не упускает случая подчеркнуть, как бы «говоря о том же самом», о чем говорит религия, но «научным» или наукоподобным языком.

Здесь необходимо отметить, что обсуждаемые смысловые контексты эзотерика, наука, религия не всегда находились в том соотношении, в каком мы наблюдаем их сегодня. Практически вплоть до начала XVIII столетия герметизм (тогдашняя форма эзотерики) открыто конкурировал с христианством, а между наукой и магией не делалось существенного различия [6, с. 83]. Подавляющее большинство выдающихся ученых того времени одновременно были очень набожными людьми [7, р. 198-199]. В XIX веке наука становится почти что «эрзац-религией», возлагая на себя функции последней инстанции в вопросах описания и объяснения всего многообразия окружающего нас мира [6, с.93]. К настоящему времени положение науки в обществе несколько изменилось, но в целом наука по-прежнему сохраняет статус базисного референтного «*смыслового контекста*», в связи с чем неудивительно, что именно к науке, как прежде к христианству, обращается сегодняшняя эзотерика за своей легитимизацией.

Понятия «эзотеризм», «эзотерическое знание» всегда условны, потому что при определении одного *смыслового контекста* в терминах другого потеря части значения понятия оказывается неизбежной. В данной статье мы относим к сфере эзотерического учения и мировоззренческие конструкции в первую очередь по общему признаку *альтернативности* устоявшимся системам знания — как научной (распространяемой через школу, университеты), так и традиционной религиозной (для России имеющей форму православного христианства).

Степень изученности проблематики

Эзотерическое знание в России до сих пор практически не являлось предметом серьезного исследования. Авторы четырехтомной «Энциклопедии современной религиозной жизни России» отказались от специального исследования эзотеризма в рамках своего проекта в силу его неинституционализированности и, как следствие, трудности его охвата [8].

Серьезному анализу эзотерическое знание как феномен подвергается в работах В. Розина, который, однако, преимущественно занимается разбором уже ставших «классическими» (т.е. имеющих скорее историческое значение) систем эзотерического мировоззрения: Р. Штейнера, Ауробиндо, Д. Андреева, К. Кастанеды. Он определяет эзотерика как человека, который критически относится к основным ценностям современной ему культуры, верит в существование иной, духовной реальности и понимает свою жизнь как путь, ведущий в эту реальность. В результате своих исследований В. Розин приходит к выводу: эзотерическая реальность объективно существует, но лишь как культурный и психический феномен (т.е. постольку, поскольку она реальна для ее носителя) [9, с. 115–117].

Заслуживает внимания и выпущенный в 2001 году под эгидой Института философии РАН сборник статей «Дискурсы эзотерики (философский анализ)». Его авторы называют в качестве причин современного роста эзотерики, мистики и оккультизма в России и в мире разложение мотивационных установок прежнего культурного «мэйн-стрима» западной цивилизации [1, с. 163], «надорванность веры в науку» [6, с. 94], хаотичность опыта человеческой жизнедеятельности, который наука не всегда и не везде в состоянии упорядочить [3, с. 217], сама природа психической деятельности человека [10, с. 143], стремление к рациональному, потребность в самоутверждении, тяга к построению совершенного общества, а также «эрзац-эффект» для интеллектуалов [11, с. 26, 27, 30].

Среди прочих попыток фундаментального, хотя и не являющегося в строгом смысле этого слова научным, анализа современного российского эзотеризма заслуживают упоминания четырехтомный труд В. Лебедько [12], которого в эзотеризме интересовало преимущественно мистически-андеграундное направление «Школ» и «Традиций», а также и работы А. Ивасенко [13], представляющего «научно-популярный» подход к эзотерике. Тогда как Лебедько ищет идеального русского духовного искателя, «саньясина», предпринимая для этого серию бесед с потенциальными кандидатами — видными представителями российского эзотерического андеграунда 60-80-х

гг., Ивасенко пытается «помочь человеку разобраться» в массе эзотерической литературы, отличить зерна от плевел.

Сбор количественных данных

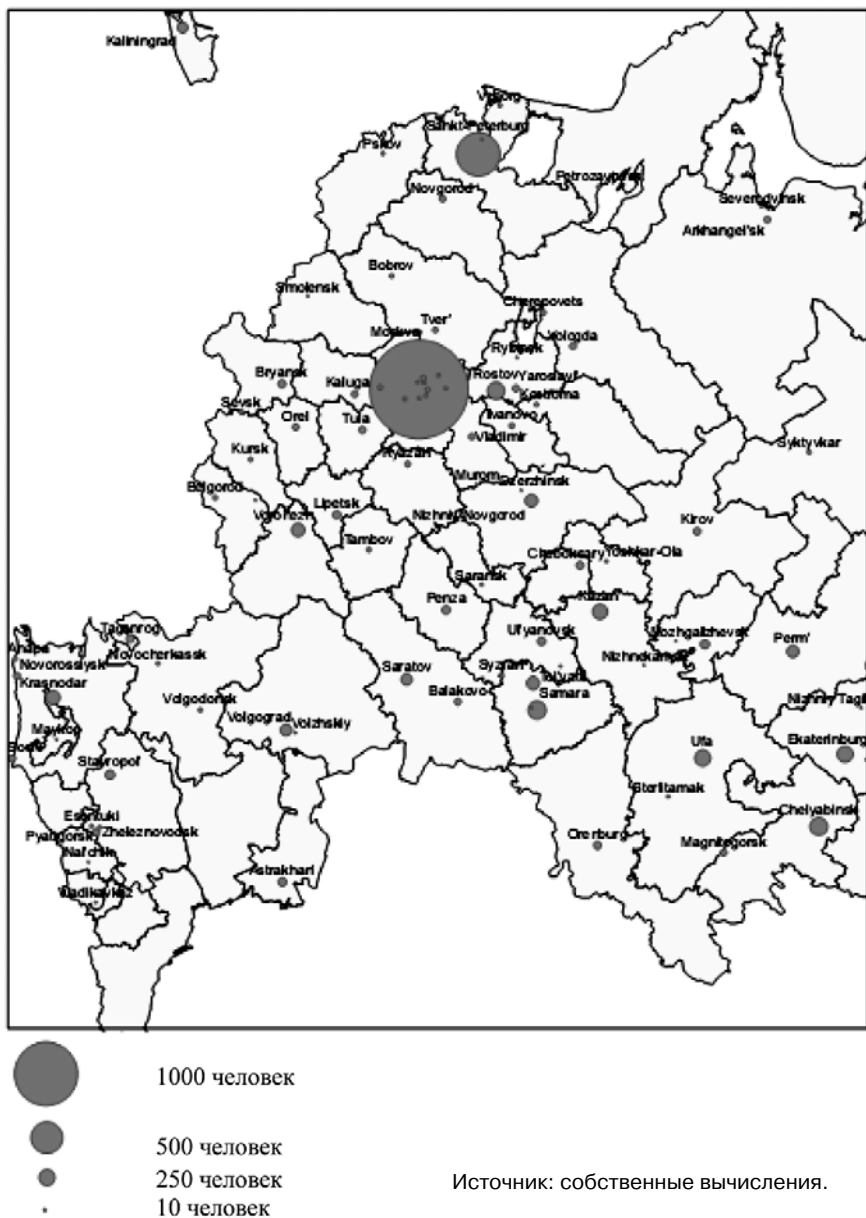
Из проведенного выше краткого обзора предшествующих исследований современного российского эзотеризма видно, что эта сфера общественной жизни еще не была достаточно изучена социальными науками. Объяснить это можно, наверное, в первую очередь тем, что эзотерика как феномен по определению неинституционализированный не обладает какой-либо легко измеряемой инфраструктурой (в отличие, например, от православной церкви, где точно известно количество приходов, храмов, монастырей и священнослужителей). Поэтому сбор и анализ количественных данных по распространению эзотерического знания требует определенного творческого подхода. Именно такая задача и встала в ходе исследовательского проекта Института географии Гейдельбергского университета в Германии — первого специального научного проекта по географии эзотерического знания в современной России.

Одной из первых попыток по сбору и картографическому представлению количественных данных явилась обработка русскоязычных эзотерических форумов в Интернете. Более половины участников этих форумов указывают город проживания во время регистрации. В результате учета в общей сложности около 12 тысяч участников десяти крупнейших форумов, посвященных обсуждению учений и деятельности известных современных российских эзотериков, была подготовлена следующая карта (рис. 1).

Однако, при всей относительной наглядности нижеприведенной карты, понятно, что данная методика имеет серьезные ограничения. Она позволяет охватить лишь ту эзотерически активную часть населения, которая имеет доступ в Интернет, использует его для приобретения эзотерических знаний, а также которая правильно указала место проживания при регистрации на форуме. Вероятно, именно поэтому на карте столь сильно доминируют Москва и Санкт-Петербург и почти не представлены малые города.

Поэтому в сентябре 2006 года при поддержке Немецкого исследовательского общества Институт географии Гейдельбергского университета совместно с Левада-Центром провел всероссийский репрезентативный опрос населения по исследуемой тематике. Всего были опрошены 1601 человек в 266 точках 128 населенных пунктов в 46 регионах Российской Федерации. Им было предложено ответить на около 30 тематических и 20 социально-демографических вопроса.

Рис. 1. Распространение участников десяти крупнейших эзотерических форумов по городам европейской части России.

Источник: собственные вычисления.

Выборка респондентов осуществлялась по четырехступенчатой методике Левада-Центра и является репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта.

Немногочисленные опросы, которые до сих пор затрагивали область эзотерики, были в основном сосредоточены на традиционных формах религиозности. Данный опрос явился первым крупным научным исследованием, которое было бы специально посвящено отношению населения к различным элементам эзотерического мировоззрения и его опыту взаимодействия с эзотерическим знанием. Уже первый этап обработки результатов нового опроса принес интересные результаты, некоторые из которых будут кратко представлены ниже.

Так, женщины имеют стабильную тенденцию больше разделять многие положения эзотерического знания (табл. 1).

Таблица 1

Статистически значимые различия в отношении к избранным элементам эзотерического знания в зависимости от пола

СЗ [†]	Считают, что: (%)	Женщины	Мужчины	Соотношение
***	Возможно установление контакта с духами	22,0	14,6	1,51
***	У человека есть душа, которая может существовать отдельно от тела	59,4	41,3	1,44
***	С помощью магии можно влиять на людей	60,5	43,0	1,41
***	Уже жили в прошлой жизни	33,6	23,9	1,41
***	На везение и невезение влияют сверхъестественные силы или законы	49,6	36,6	1,36
***	Существует связь между знаком зодиака и характером человека	54,3	42,1	1,29
***	Талисманы могут оказывать воздействие	46,2	38,1	1,21
***	Некоторые целители способны излечивать от болезней, считающихся неизлечимыми	55,5	46,7	1,19

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

[†] «СЗ» здесь и далее означает «статистическая значимость». Статистическая значимость подсчитывалась с по методу хи-квадрат. *** обозначают различия с $p < 0,001$ (нулевая гипотеза отклоняется с вероятностью более 99,9%), ** — различия с $p < 0,01$ и * — с $p < 0,05$.

Возрастные различия гораздо менее уловимы: лишь по некоторым из исследованных элементов эзотерического знания наблюдаются статистически значимые различия (табл.2). В частности, вера в астрологию, в реинкарнацию и в возможность предсказания будущего имеют тенденцию убывать с возрастом, а вера в Бога или Высшую Силу, наоборот, несколько увеличиваться.

Таблица 2

Статистически значимые различия в отношении к избранным элементам эзотерического знания в зависимости от возраста

СЗ	Считают, что: (%)	Возраст			
		18-24 лет	25-39 лет	40-54 лет	55 лет и
***	Существует связь между знаком зодиака и характером человека	58,5	54,9	48,1	39,1
***	Уже жили в прошлой жизни	35,3	31,1	31,7	22,0
**	Инопланетяне уже были на Земле	33,0	35,3	34,6	24,6
**	Возможно передвигать предметы силой мысли	26,8	24,1	27,0	18,3
***	Возможно предсказание будущего	62,1	63,6	56,9	50,9
**	Существует Бог или Высшая Сила	60,3	69,9	67,7	74,3

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

По уровню образования из общей картины резко выпадают те, кто в лучшем случае окончил среднюю школу (табл.3). Они верят меньше в целый ряд феноменов — возможно, потому, что менее информированы о возможности такой веры.

В плане религиозной самоидентификации, как можно было ожидать, «вообще не религиозные» значительно реже верят и в эзотерические представления о мире. Данный факт можно рассматривать как аргумент в пользу того, что эзотерического знания является альтернативной формой религиозного знания. В то же время поражает, что именно «религиозные православные» чаще остальных верят и в такие вещи, как реинкарнация, талисманы, магия, контакт с духами, которые не признаются и даже осуждаются православной церковью (табл.4.).

Таблица 3

**Статистически значимые различия в отношении к избранным
элементам эзотерического знания в зависимости
от уровня образования**

СЗ	Считают, что: (%)	Уровень образования		
		Среднее и ниже	Среднее специальное	Высшее
**	Уже жили в прошлой жизни	22,5	30,9	29,7
*	На везение и невезение влияют сверхъестественные силы или законы	37,1	44,7	46,6
**	Возможно предсказание будущего	48,2	59,9	58,8
***	Возможно чтение мыслей (телепатия)	32,1	46,4	45,2
***	Возможно передвигать предметы силой мысли	13,9	25,7	25,8
**	Инопланетяне уже были на Земле	23,2	33,9	31,9
***	Существует связь между знаком зодиака и характером человека	37,9	52,1	47,3

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

Пространственные неравенства знания

Одна из важнейших гипотез гейдельбергского проекта гласит, что производство и распространение альтернативного («гетеродоксального») знания, к которому, несомненно, относится и знание эзотерическое, зависит от соответствующего *пространственного контекста*. Поэтому пространственно дифференцированный анализ может привести к результатам, которые без него были бы невозможны, а следовательно, методы и концепции социальной географии могут внести значительный вклад в исследование данной тематики.

Все социальные процессы происходят в пространстве, обладают пространственными чертами и в ходе их распространения поддерживаются или сдерживаются определенными пространственными контекстами. Процессы социального дифференцирования имеют пространственные характеристики, которые можно интерпретировать: «пространственность» есть важный принцип структурирования социального [15]. Еще несколько десятилетий тому назад многие ученые придерживались точки зрения, что производство и применение знания является процессом, который никак не связан с простран-

Таблица 4

**Статистически значимые различия в отношении к избранным
элементам эзотерического знания в зависимости
от религиозной самоидентификации**

СЗ	Считают, что: (%)	«вообще не религиозные»	«религиозные в целом»	«религиозные православные»
***	У человека есть душа, которая может существовать отдельно от тела	27,8	55,1	74,6
***	Уже жили в прошлой жизни	20,7	26,4	41,8
***	Существует Бог или Высшая Сила	31,5	73,1	88,1
***	На везение и невезение влияют сверхъестественные силы или законы	25,3	43,5	46,3
***	Возможно предсказание будущего	47,2	58,8	49,3
***	Возможно чтение мыслей (телепатия)	32,7	47,7	38,8
*	Возможно передвигать предметы силой мысли	17,3	25,9	22,4
***	Некоторые целители способны излечивать от болезней, считающихся неизлечимыми	38,6	55,6	53,7
***	Талисманы могут оказывать воздействие	29,0	44,4	62,7
***	С помощью магии можно влиять на людей	34,9	51,4	53,7
***	Возможно установление контакта с духами	12,0	16,7	32,8
***	Существует связь между знаком зодиака и характером человека	38,0	52,3	50,7

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

венными данностями, полагая, что научное знание универсально и может неограниченно переноситься с места на место. Однако в последние годы значение *пространственного* (местного) контекста было пересмотрено.

Социокультурные факторы, которые влияют на способности человека к научению и его интерес к новому духовному знанию, контексты, которые особенно благоприятствуют созданию новых форм социального взаимодействия, приобретению нового опыта, порождению новых идей, а также ресурсы, необходимые для осуществления этих идей и восприятия нового знания, **распределены в пространстве неравномерно**. При этом производство и распространение духовного, или символического знания еще сильнее подвержено воздействию пространственного контекста, чем это имеет место случае научного знания. Пространственный же контекст возникает в пространственной единице в результате взаимопроникновения и взаимодействия культурных факторов (этническая идентичность, язык, религия), норм, традиций, социального контроля со стороны семьи, сверстников и организаций, а также манипуляций потоками информации со стороны власть предержащих. Совместное воздействие всех этих факторов отличается от того, какое можно было бы ожидать от отдельных составляющих [16]. Поэтому значение пространственного измерения при анализе социальных структур и процессов подчеркивают в последнее время не только географы, но и видные представители других отраслей социальных и гуманитарных наук [17, 18, 19, 20].

Поэтому при анализе результатов опроса особое внимание было отведено пространственным различиям. Однако лишь немногие из них были статистически значимы, да и эти нелегко поддаются интерпретации. Иными словами, осмысленных различий в отношении к различным элементам эзотерического знания ни в чистом виде по размеру населенного пункта, ни в чистом виде по федеральному округу не наблюдается. Однако, внимательный анализ полученных данных навел на мысль, что если на основе комбинаций этих двух характеристик построить модель *типологии* затронутых опросов населенных пунктов, то такие различия могут появиться. Для учета региональных различий был выбран уровень федерального округа, потому что в этом случае набирается достаточно респондентов по каждому округу для установления статистической значимости. Всего были выделены 11 типов населенных пунктов (табл.5).

Граница в 12 тыс. жителей в России и в СССР административно являлась пороговым значением между городским и сельским населенным пунктом, хотя и не всегда выдерживалась на практике; тем не менее, как некий средний ориентир она была взята за основу при составлении данной типологии. Города с населением более 1 млн. человек были разделены на три группы в соответствии с их «генетическими» отличиями: «пороговые» города (до 1,2 млн.), лишь сравнительно

Таблица 5

Типология населенных пунктов, вошедших в опрос

№	Общее число населенных пунктов, отнесенных к данному типу	Общее число опрошенных в населенных пунктах данного типа	Размер населенного пункта	Федеральный округ
1	16	180	Деревни до 1 тыс. жителей	Все
2	14	151	Деревни от 1 до 12 тыс. жителей	Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский
3	8	98	Деревни от 1 до 12 тыс. жителей	Центральный, Северо-Западный
4	8	85	Города от 12 до 75 тыс. Жителей	Южный, Сибирский
5	19	222	Города от 12 до 75 тыс. жителей	Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Уральский, Дальневосточный
6	13	139	Города от 75 до 250 тыс. жителей	Все
7	11	127	Города от 250 тыс. до 1 млн. жителей	Южный, Сибирский, Северо-Западный, Приволжский (восточная часть)
8	14	152	Города от 250 тыс. до 1 млн. жителей	Центральный, Уральский, Дальневосточный Приволжский (западная часть)
9	6	78	Города от 1 до 1,2 млн. жителей	Все
10	4	96	Города от 1,2 до 5 млн. жителей	Все
11	1	119	Города более 5 млн. жителей	

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

Таблица 6

Статистически значимые различия в зависимости
от типа населенного пункта

С3	Верят в: (%)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
***	...предсказание будущего	47,2	71,5	54,1	65,9	57,7	47,5	73,2	51,3	59,0	51,0	59,7
***	...телепатию	37,2	60,3	37,8	54,1	35,1	33,1	68,5	38,2	46,2	37,5	42,0
***	...передвижение предметов мыслью	16,7	32,5	20,4	31,8	18,5	15,8	41,7	15,1	23,1	21,9	29,4
***	...инопланетян	31,1	43,7	25,5	41,2	24,3	19,4	45,7	27,6	33,3	21,9	34,5
***	...целителей	41,7	69,5	54,1	62,4	46,4	42,4	66,1	36,8	56,4	43,8	47,9
***	...талисманы	34,4	62,9	40,8	54,1	31,5	28,8	57,5	29,6	51,3	41,7	42,0
***	...магию	48,3	71,5	55,1	60,0	50,5	38,8	70,1	39,5	60,3	38,5	46,2
***	...контакт с духами	11,1	29,8	8,2	31,8	14,4	12,9	23,6	12,5	26,9	11,5	26,9
***	...астрологию	40,0	71,5	49,0	48,2	41,0	49,6	49,6	39,5	57,7	42,7	48,7

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

недавно перешедшие миллионную границу; «давние» миллионники (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск); «агломерация» — город Москва.

Далее сформированные типы были протестированы на различия в отношении к различным элементам эзотерического знания (табл. 6).

Как видно из этой таблицы, в отношении к большинству основных элементов эзотерического мировоззрения имеются статистически значимые различия в зависимости от типа населенного пункта. Таким образом, можно говорить об определенных связях между типом населенного пункта и степенью распространенности эзотерического знания в населении (или степени его восприятия последним). Эта таблица подтверждает то, что пространственный контекст, определенный через тип населенного пункта, сильнее связан с разделением людьми различных тезисов, принадлежащих к эзотерической картине мира, чем их пол, возраст или уровень образования вместе взятые.

Как именно связан тип населенного пункта со склонностью к вере в эзотерические представления о мире? Ниже типы помещены в список в порядке уменьшения силы такой связи (табл. 7).

Таблица 7

**Статистически значимые различия в отношении к избранным
элементам эзотерического знания в зависимости
от религиозной самоидентификации.**

№ типа	Склонность к вере в эзотерику
2	Очень сильная
7	Очень сильная
4	Очень сильная
9	Сильная для некоторых элементов
11	Нейтральная
5	Слабая для некоторых элементов
3	Слабая для некоторых элементов
10	Слабая
1	Очень слабая
6	Очень слабая
8	Очень слабая

Источник: собственные подсчеты; репрезентативный опрос населения России в сентябре 2006 г.

В заключение остановимся кратко на вопросе интерпретации полученных данных. Во-первых, очевидно, что здесь нет простой линейной зависимости типа «в городах верят больше, а в сельских районах меньше», или наоборот. Вероятно, что для каждого одного или нескольких типов потребуется свое отдельное объяснение. Для выработки таких объяснений необходимо более глубокое исследование характеристик социально-экономической и культурной среды соответствующих типов населенных пунктов; на данный момент ограничимся лишь несколькими гипотезами. Тип 11 (Москва) показывает значения, близкие средним по России, потому что Москва как уникальное для страны агломерационное образование, к тому же постоянно принимавшее и принимающее потоки мигрантов из самых разных частей России и республик бывшего СССР, очень неоднородна по своей структуре и в социально-культурном плане представляет своего рода срез со всей страны. Наибольшую степень восприимчивости к эзотерическому знанию показывают типы 2, 7 и 4, вероятно, так как включают в себя периферийные округа — особенно Южный и Сибирский. Эти два округа, с одной стороны, менее подвержены социальному контролю Центра (в том числе православной церкви), а с другой, на протяжении столетий являются местами контакта с иными культурно-религиозными традициями (шаманизм в Сибири, ислам на юге). В случае типа 7 захватывается и прилегающая к Сибири часть Приволжского округа. Напротив, низкая степень восприимчивости к эзотерическому знанию наблюдается, например, в маленьких деревнях — возможно, из-за отсутствия достаточного количества интерпретаторов этого знания и оттого неадекватным пониманием его элементов.

Подводя итог, отметим, что география эзотерического знания в современной России — новое и еще недостаточно изученное, но в то же время очень интересное поле для научных исследований, которые безусловно будут продолжаться.

Литература

1. Юркевич, А.Г. «Эзотеризм» как социально-культурный феномен в Китае и на Западе // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.
2. Stenger, Horst. Die soziale Konstruktion okkulturer Wirklichkeit. Eine Soziologie des „New Age“. Leske+Budrich, Opladen, 1993.
3. Балагушкин Е.Г. Эзотерика в новых религиозных движениях // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.

4. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник. Белгород: Миссионерский отдел Московского патриархата РПЦ, 1997.
5. Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Том 2: Оккультизм. М., 1999.
6. Визгин В.П. Наука, религия и эзотерическая традиция: от модерны к постмодерну // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.
7. Stark, Rodney. For the Glory of God. How Monotheism led to Reformation, Science, Witch-Hunts and the End of Slavery. Princeton: Princeton University Press, 2003.
8. Филатов Сергей, Лункин Роман. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования, № 6, 2005.
9. Розин Вадим Маркович. Эзотеризм как форма индивидуальной и социальной жизни // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.
10. Баксанский О.Е. Психологические основания эзотерических учений (в свете аналитической психологии К.Юнга) // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.
11. Фесенкова Л.В. Теософия сегодня // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М.: УРСС, 2001.
12. Лебедько Владислав. Хроники российской саньясы. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2000.
13. Ивасенко А.И. Эзотерика: универсальный словарь-справочник. Ростов на Дону: Феникс, 2001.
15. Massey, Doreen. Space, Place and Gender. Cambridge, 1994
16. Meusburger, Peter. Regionale Unterschiede des Wissens // Mitteilungen der Frdnkischen Geographischen Gesellschaft, Band 50/51, 2003/04.
17. Lefebvre, Henri. The Production of Space. Oxford/Cambridge, 1974.
18. Habermas, Jürgen. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt // Habermas, J. (Hrsg.): Kleine politische Schriften I-IV. Frankfurt/Main, 1981.
19. De Certeau, Michel. The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1984. 20 Giddens, Anthony. The consequences of modernity. Oxford, 1991.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	5
<i>Логинова Н.Н.</i> Россия и ее регионы в постиндустриальном обществе	5
<i>Эпштейн А.С.</i> Роль экономической географии в повышении конкурентоспособности Российской экономики	15
<i>Родоман Б.Б.</i> Экологическая специализация России в постиндустриальном мире	36
<i>Нагирная А.В.</i> Глобальное информационное общество: концепция, социально-экономические и географические особенности развития	43
<i>Левинтов А.Е.</i> Ре-миры постиндустриального общества	58
<i>Проскуряков В.И.</i> Осевые структуры в территориальной организации промышленности	68
<i>Вешнинский Ю.Г.</i> Поляризованность имиджей Российских городов	77
<i>Фоменко Г.А., Фоменко М.А.</i> Развитие системы ООПТ в России: институционный тупик или реформирование?	82
<i>Грицаенко А.И.</i> Регионализация внешнеторговых связей в мировой экономике	96

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	114
<i>Артоболевский С.С., Бородина Т.Л., Глезер О.Б.</i> Социально-экономические и географические факторы трансформации территориальных структур республики Карелия	114
<i>Волкова И.Н.</i> Ресурсопользование как фактор социально-экономического развития Республики Карелия	125
<i>Воробьева В.В., Малов В.Ю.</i> Подход к обоснованию вариантов схем районной планировки (на примере Красноярского края)	145
<i>Кайгородов А.Г., Фролова О.Н.</i> Малые города на пороге вступления России в ВТО (на примере Ивановской области)	162
<i>Красноярова Б.А.</i> Алтай трансграничный	172
<i>Новосельский К.И.</i> Постиндустриальные амбиции Екатеринбурга	180
<i>Комарова Т.М.</i> Дальневосточный регион России на пути к постиндустриальному обществу: демографический аспект	194
<i>Есикова Т.Н.</i> Регионы БАМа как часть Северного широтного пояса экономического развития России	198
<i>Афанасьев О.Е.</i> Ретроспективный анализ особенностей природопользования региона по топонимической системе (на примере Днепропетровской области)	230
<i>Гребеннюк Г.Н., Третьяков А.В.</i> Особенности регионального развития туризма	242
<i>Ибрагимов Р.С.</i> Интернационализация и её роль в переходе региона к постиндустриальному развитию	253

<i>Орлов А.Ю.</i> Этносоциальная стратификация и мобильность как фактор формирования этнодемографической структуры населения Приволжского федерального округа	260
<i>Литвиненко (Ханташкеева) Т.В.</i> Пространственные исследования воздействия туризма и рекреации на окружающую среду в районе японского озера озера Биво	276
<i>Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.</i> Региональное развитие Северо-запада: особенности и проблемы	287
<i>Рухманова Н.А.</i> Взаимодействие экономики и трудового потенциала региона: проблемы и пути оптимизации	300
Глава 3. ОТРАСЛЕВЫЕ И ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	308
<i>Вардомский Л.Б.</i> Некоторые особенности экономического развития российско-украинского порубежья	308
<i>Атаев З.А</i> Централизация и децентрализация как современные тенденции в развитии электроэнергетики	325
<i>Горкина Т.И.</i> Либерализация электроэнергетики США в процессе постиндустриального развития	331
<i>Лейзерович Е.Е.</i> Различия в соотношении числа мужчин и женщин на территории России (статистический обзор)	341
<i>Махоткина А.И.</i> Адапционные стратегии сельских жителей как фактор трансформации сельской местности	351
<i>Семина И.А., Фоломейкина Л.Н.</i> Современные проблемы и перспективы устойчивого развития регионального транспорта	368
<i>Макар С.В.</i> Некоторые аспекты эколого-экономического стимулирования рационального лесопользования	380

— **Унаследованные социально-экономические структуры
и переход к постиндустриальному обществу**

Фост И.Д.

**Современные тенденции автотранспортного
загрязнения в крупнейших городах России**
(на примере Москвы и Нижнего Новгорода) **385**

Вахненко Р.В.

Роль внешних связей в региональном развитии
(на примере рынка поддержанных
иностраннных автомобилей) **392**

Васильчук Е.С.

**Проблемы и перспективы развития предприятий
отрасли с высокой долей региональной
собственности** **404**

Гурин Г.В., Мелентьев Б.В.

**Внешнеторговая деятельность и развитие
сельского хозяйства** **411**

Аксенова Л.А.

Аграрная политика стран Евросоюза **419**

Палилов Д.Е.

**Спортивно-промышленный комплекс: соотношение
Севера и Юга** **435**